

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2304-3369

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

№ 1 (62)
2020

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Политика развития: современная повестка

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Анализ факторов динамики основных макро-
экономических переменных Российской Федерации

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Социальные изменения человеческого капитала
российских граждан пожилого возраста
в трудовой деятельности

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Доверие как фактор формирования готовности
преподавателей к участию в управлении вузом

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

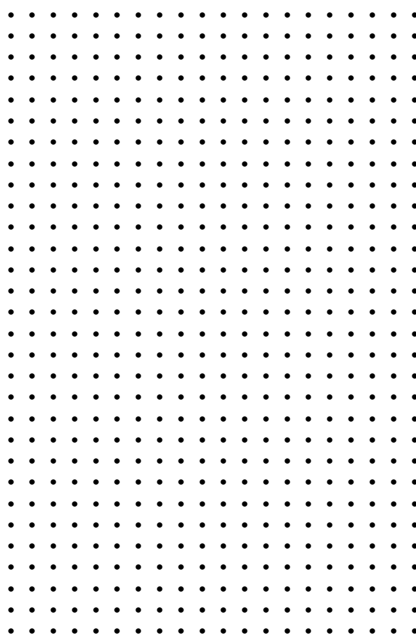
Обеспечение энергетической безопасности России:
политико-управленческие и технологические аспекты
в условиях финансово-экономического кризиса

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

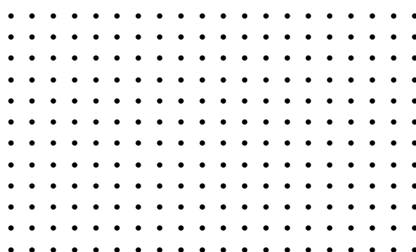

ISSN 2304-3369

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

№ 1 (62) 2020

«ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Балынская Наталья Ринатовна – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова;

Хайнс Джеффри – Лондон Метрополитен Юниверсити (Великобритания);

Гаррисон Елена – Университет Монтаны (США);

Костина Наталия Борисовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС;

Любовный Владимир Яковлевич – Всероссийская Академия внешней торговли;

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

Грей Патрик – Лондон Метрополитен Юниверсити (Великобритания);

Ростовская Тамара Керимовна – Российский государственный социальный университет;

Силин Яков Петрович – Уральский государственный экономический университет;

Скаво Кармин – Университет Восточной Каролины (США);

Скоробогачкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС;

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина;

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Ли Минюэ – Чжуннаньский университет экономики и права (КНР).

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Лифанов Степан Сергеевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Юдина Оксана Леонидовна – кандидат филологических наук, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Материалы журнала размещаются:

– на официальном сайте: <http://vestnik.uapa.ru/>

– на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

– в открытой библиотеке
CyberLeninka.ru

– в ЭБС «Лань»

Журнал индексируется:

OAJI
.net

Open Academic Journals Index

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

OpenDOAR **СОЦИОНЕТ**

OCLC

BASE
Bielefeld Academic Search Engine

tei
türk eğitim indeksi

Registry of Open Access Repositories

ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

© Уральский институт управления
филиал РАНХиГС, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Старцев Я.Ю.

Политика развития: современная повестка

6

Адеинка Ф.Е., Пырина М.В., Вербицкая Т.В.

Политико-правовые средства обеспечения механизмов взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления городов как инструменты достижения эффективности публично-властных отношений

21

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Левина В.В.

Особенности и проблемы реализации муниципальных образований в городах федерального значения

33

Мицек Е.Б., Мицек С.А.

Анализ факторов динамики основных макроэкономических переменных Российской Федерации

47

Баринов М.А.

Мониторинг уровня цифровизации в системе управления социально-экономическим развитием территорий

63

Дроздова А.А., Дроздова Ю.А.

Концептуализация городского сообщества в публичном пространстве современного города

73

Кельчевская Н.Р., Ширинкина Е.В.

Институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе

83

Корчагина И.В., Рогова К.В.

Стратегия формирования инновационной экосистемы технологического предпринимательства региона на основе системы сбалансированных показателей

93

CONTENTS

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

Startsev Ya.Yu.

Development policy: a contemporary agenda

Adeyinka F.E., Pyrina M.V., Verbitskaya T.V.

Political and legal means to ensure mechanisms of interaction between state organs and local cities' authorities as tools to achieve public relations effectiveness

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Levina V.V.

Social changes in the human capital of Russian elderly citizens in labor activities

Mitse E.B., Mitsek S.A.

Analysis of dynamics factors of the basic macroeconomic variables of the Russian federation

Barinov M.A.

Monitoring the level of digitalization in the management system of socio-economic development of territories

Drozdova A.A., Drozdova Yu.A.

Conceptualizing the urban community in the public space of a modern city

Kelchevskaya N.R., Shirinkina E.V.

Institutional model of drivers of human capital digital development in the strategic perspective

Korchagina I.V., Rogova K.V.

Strategy for creating an innovative ecosystem of technological entrepreneurship in the region based on a system of balanced indicators

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**Кох И.А., Орлов В.А.**

Профессионально-трудовая социализация молодежи в реформируемом обществе

109**Курзенева Е.А., Краснопевцева Е.С., Трофимова О.М.**

Проектное управление как часть корпоративной культуры муниципального образования

123**Воронина Л.И., Касьянова Т.И., Радченко Т.Е.**

Социальные изменения человеческого капитала российских граждан пожилого возраста в трудовой деятельности

134**МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ****Шуклина Е.А., Широкова Е.А.**

Доверие как фактор формирования готовности преподавателей к участию в управлении вузом

148**Сосновский Б.А.**

Потребностно-смысловые факторы отношения человека к работе

158**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ И****ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА****Степанов В.Е.**

Представительства субъектов Российской Федерации в системе государственных представительских структур

170**Большаков С.Н., Большакова Ю.М.**

Проактивность государственного аппарата управления и результаты выбора приоритетных направлений стратегического развития России

181**Федина Е.Н., Утенков Г.Н., Горшков Е.А.**

Обеспечение энергетической безопасности России: политико-управленческие и технологические аспекты в условиях финансово-экономического кризиса

192**Шарин В.И.**

Возможные проблемы прохождения службы государственными и муниципальными служащими в пожилом возрасте

212**SOCIAL MANAGEMENT****Koch I.A., Orlov V.A.**

Professional and labor socialization of youth in a reformed society

Kurzeneva E.A., Krasnopevtseva E.S., Trofimova O.M.

Project management as part of the corporate culture of a municipality

Voronina L.I., Kasyanova T.I., Radchenko T.E.

Social changes in human capital of older Russian citizens in their work

CORPORATE MANAGEMENT**Shuklina E.A., Shirokova E.A.**

Credibility as a factor of lecturers' readiness development to participate in University administration (gender aspect)

Sosnovsky B.A.

Need-semantic factors of a person's attitude to work

**PUBLIC MANAGEMENT
AND PUBLIC ADMINISTRATION****Stepanov V.E.**

Representative offices of the Russian Federation subjects in the system of state representative structures

Bolshakov S.N., Bolshakova Yu.M.

Proactivity of the government machinery and the results of selecting priority areas for Russia's strategic development

Fedina E.N., Utionkov G.N., Gorshkov E.A.

Ensuring Russia's energy security: political, managerial and technological aspects in the context of the financial and economic crisis

Sharin V.I.

Potential problems of service career for public and municipal executives late in life

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ: СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТКА

УДК: [321:338.2]-027.1

ББК: 66.3(0),123

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-6-20

ГРНТИ: 00.11, 82.13.01, 82.15.01

Код ВАК: 23.00.01, 08.00.05

Я.Ю. Старцев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 442571

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена выявлению и систематизации актуальных представлений о политике развития, формирующих как исследовательскую повестку, так и повестку дня органов государственной власти и международных организаций, занимающихся развитием.

Для выполнения этой задачи проведён количественный и качественный анализ современных англоязычных научных и институциональных публикаций, посвящённых политике развития. В качестве эмпирических данных использованы наиболее значимые журнальные статьи, монографии и документы международных организаций, связанные с анализом политики развития и опубликованные на английском языке в 2010–2018 гг. В выборку включены 68 журнальных публикаций (наивысшая цитируемость в Web of Science), 83 монографии (смешанные критерии отбора) и 31 официальный документ международных организаций (обобщающие документы ООН, ОЭСР и Всемирного банка).

Методом *tf-idf* выявлены ключевые концепты, которые характеризуют различные политики развития и существенные для них проблемно-тематические сюжеты, с их последующей группировкой по тематическим кластерам, соответствующим типу публикации и регулярности совместного упоминания. С помощью качественного анализа текстов, опирающегося на ключевые концепты, выявлены основные модели политик развития, наиболее часто рассматриваемые в анализируемых текстах: модель государства развития, модель поддерживаемого развития, модель неолиберальной политики развития, модель отказа от роста, модель экономики замкнутого цикла и модель управления переходом к устойчивости.

На основании сравнительной частотности упоминания различных концептов и ключевых характеристик наиболее популярных моделей сделаны выводы о структуре и динамике повестки современных исследований и программно-аналитических документов, относящихся к политике развития.

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания РАНХиГС на 2019 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политика развития, экономическое развитие, приоритеты развития, исследования развития.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ярослав Юрьевич Старцев, кандидат политических наук, доцент, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, yaroslav.startsev@ui.ranepa.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Старцев Я.Ю. Политика развития: современная повестка // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 6–20.

Политика развития представляет собой столь же сложное и неопределённое, сколько и широко используемое понятие: о политике развития (*development policy*) или просто о развитии (*development*) в том же смысле говорят документы международных организаций, программные и иные официальные документы отдельных стран, многочисленные исследования. В этом же контексте речь идёт о помощи развитию (*development aid*), технической поддержке развития (*technical assistance*), международной организации развития (*international development*) и в целом о наборе мер, действий и планов, с помощью которых органы публичной власти организуют развитие, осуществляют его – или, по крайней мере, претендуют на это.

Постоянство присутствия, регулярная ре-актуализация проблематики управления развитием, организации развития, осуществления развития очевидным образом показывает, что эти вопросы представляют интерес для органов власти многих государств, специально создаваемых агентств и иных институтов развития, для предпринимательства и общественных организаций. Постоянно обновляющаяся научная литература и программные либо отчётные документы органов публичной власти, государственных и негосударственных, но связанных с общественно значимыми проектами организаций регулярно дополняют, корректируют и трансформируют представления о том, что такое управляемое общественное развитие – или, по меньшей мере, такое развитие, которое может быть осмысленным и легитимным содержанием государственной политики. Ввиду того, что большая часть научной деятельности и деятельности международных организаций, связанных с политикой развития, происходит на английском языке, анализ англоязычных публикаций, посвящённых политике развития, представляет специальный интерес; в первую очередь речь должна идти о самых недавних документах и исследованиях.

**Исследования политики развития:
организационная и дисциплинарная
структура**

Современные англоязычные исследования, посвящённые политике развития – или по-

литикам развития, ввиду их разнообразия и многочисленности, – отчасти группируются в рамках особого научного направления, исследований развития (*development studies* или опять же просто *development*), но остаются достаточно актуальными как в рамках более классических дисциплин, например – экономики, так и формируя новые, порой достаточно причудливые области исследования, такие как «изучение управления устойчивым переходом». За последние десятилетия в рамках междисциплинарного научного направления «исследования развития» (*development studies*) сменилось несколько парадигм [1], каждая из которых оказывает влияние не только на приоритеты научных исследований, но и на программные документы международных организаций, проекты органов государственной власти, практику государственного управления в разных странах.

Исследовательская литература по вопросам политики (общественного) развития может быть разделена на несколько существенно различающихся блоков. Тематически она распадается на три неравноценных корпуса: 1) исследования, посвящённые социально-экономическим изменениям в развивающихся странах, 2) частично пересекающиеся с ними, но в большей степени сфокусированные на экономико-экологической проблематике исследования устойчивого развития и 3) работы, затрагивающие развитие частных социальных явлений (развитие карьеры, сельских поселений, организаций и так далее). Структурно весь объём литературы можно разделить на две группы: собственно научные исследования академического характера (в рамках таких дисциплин как политическая наука [2], экономика [3], изучение развивающихся стран [4], педагогика [5] и пр.) и официальные документы исследовательского, программного и отчётного характера, подготовленные аналитическими центрами ООН [6], ОЭСР [7], отдельными государственными агентствами либо по их заказу в рамках реализации повестки органов государственной власти и международных организаций. Наконец, с организационной точки зрения речь идёт о монографиях (преимущественно обобщающего характера), научных статьях (в том числе в специали-

зированных журналах, посвящённых политикам развития – «Социология развития», «Развитие на практике», «Журнал эффективности развития», «Государственная администрация и развитие» и т.д.) и о документах государственных и общественных организаций (доклады, программы, отчёты). Кроме того, во многих случаях существенное значение имеет то, какое издательство публикует материалы, посвящённые политикам развития. Наконец, такой стандартный наукометрический критерий, как цитируемость, вполне релевантен для характеристики основных публикаций, посвящённых политикам развития.

Для структурирования проблемного и тематического поля исследований, посвящённых политикам развития в 2010–2018 мы выбрали англоязычные публикации в научных журналах, появившиеся в этот период и отличающиеся наибольшей цитируемостью в данной предметной области (не менее 100 цитирований в наукометрических базах данных Web of Science и/или Scopus). Выборка была дополнена наиболее заметными монографиями, появившимися в этот период: при их отборе использовался смешанный критерий цитируемости, совмещённый с содержательными характеристиками (отбирались преимущественно обобщающие работы) и с критерием физической доступности текста. Наконец, к выборке добавлены основные документы (программные заявления, отчёты и исследования) ООН, ОЭСР и Всемирного Банка, ориентированные на политику развития, – здесь также предпочтение отдавалось обобщающим текстам, с максимально возможным исключением частных страноведческих исследований. Итоговое количество проанализированных текстов составляет 182, в том числе 68 журнальных публикаций, 83 монографии и 31 официальный документ международных организаций.

Нам представляется, что проблематика, отражённая в публикациях разного типа, относится к разным аспектам изучения политик развития. Статьи в периодических изданиях, с этой точки зрения, сочетают аналитичность и научный критический подход с сравнительно большой скоростью реагирования на актуальные проблемы, то есть речь идёт о критическом разборе наиболее актуальных вопро-

сов для временного промежутка в несколько лет. Монографии, напротив, в большей степени представляют собой результат и обобщение исследований предыдущих лет, ориентируясь таким образом на более долговременные тенденции. Наконец, отчёты и программные документы международных организаций и институтов развития в большей степени демонстрируют проективный и статистический подход, что должным образом уравновешивает критичность и теоретичность научных исследований.

За основу отбора публикаций по дисциплинарной принадлежности была принята классификация, используемая в наукометрической системе Web of Science: для анализа изначально отбирались лишь статьи и монографии, отнесённые в этой базе данных к дисциплинарным рубрикам «Экономика» (*Economics*), «Политическая наука» (*Political science*), «Социология» (*Sociology*), «Исследования [политик] развития» (*Development studies*), «Междисциплинарные социальные исследования» (*Social sciences interdisciplinary*), «Государственное и муниципальное управление» (*Public administration*). В несколько отличающейся по структуре рубрикации в Scopus учитывались публикации, отнесённые к категориям «Социальные науки» (*Social sciences*), «Бизнес, менеджмент и учёт» (*Business, management and accounting*), «Экономика, эконометрика и финансы» (*Economics, econometrics and finance*).

Таким образом, были отобраны публикации, тематически относящиеся к политикам развития (тематика задавалась поисковыми фразами и последующей ручной фильтрацией результатов), но не отнесённые системой однозначно к какому-либо узкому тематическому направлению – развитие школьного образования, гендерного равенства, экологическая политика и т.д.

Соотношение общего количества по теме «политика развития» (*development policy*) публикаций и дисциплинарных рубрик Web of Science представлено на рисунке 1.

Между тем, содержательный анализ отобранных публикаций показал, что большую их часть невозможно однозначно отнести к какой-то одной из названных дисциплин; то же в ещё большей степени справедливо для исследованных нами монографий. В частности,

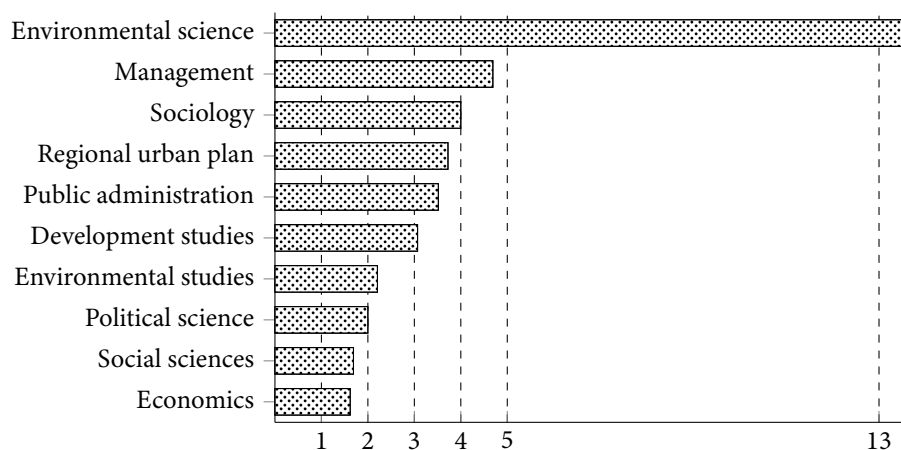

Рисунок 1 – Распределение публикаций по теме «политика развития» по дисциплинарным меткам Web of Science (тыс.)¹

такие критерии, как академический статус авторов, методологические отсылки в тексте статей (глав в монографиях), академический статус журнала или книжной серии, где появилась данная публикация не позволили осуществить однозначное распределение текстов по научным дисциплинам (за исключением исчезающе малого и нерепрезентативного количества частных исключений). Исследования политик развития оказываются принципиально междисциплинарными – по крайней мере, в том, что касается наиболее общих, сравнительных, теоретико-методологических и/или организационных вопросов их формирования и реализации.

Это подтверждается в значительной степени статистикой распределения наиболее цитируемых публикаций по журналам-источникам, отобранных по указанным выше критериям (таблица 1).

Таким образом, сопоставление источников публикаций убедительно показывает, что исследования политик развития имеют принципиально межотраслевой и междисциплинарный характер. Вместе с тем, достаточно очевиден преимущественно экономический – или связанный с экономикой – уклон большинства изданий, а также несомненно более высокая доля публикаций, связанных с вопросами энергетики и природной среды. Распределение дисциплинарно-тематических меток,

через которые в системе Web of Science описываются отобранные статьи, также подтверждает этот вывод (таблица 2; каждая статья может быть связана с несколькими тематическими метками).

Проблемное структурирование анализируемых публикаций оказывается достаточно сложной задачей, так как во многих случаях граница между тематикой и проблематикой публикаций не вполне очевидна. Тем не менее, само по себе выделение проблемно-тематических предметных областей и конкретных объектов исследовательского внимания, а также ключевых проблемно-тематических позиций программных и отчетных документов может вполне убедительно охарактеризовать повестку современных представлений о политиках развития, их ключевых характеристиках.

Частотный анализ повестки

Повестка этих исследований – и, следовательно, перечень актуальных для исследователей вопросов и проблем – может изучаться на материале больших информационных массивов разными способами. Наиболее очевидный подход, широко используемый при анализе повестки СМИ, включает в себя прежде всего сравнительный анализ заголовков [8]. Очевидная простота и информативность этого подхода ограничиваются несколькими соображениями.

¹Источник: http://wcs.webofknowledge.com.ezproxy.ranepa.ru:3561/RA/analyze.do?product=WOS&field=TASCA_JCRCategories_JCRCategories_en

Таблица 1 – Распределение публикаций, посвящённых политикам развития, по научным журналам, количество высокоцитируемых статей о политиках развития

Оригинальное название журнала	Русский перевод названия журнала	Кол-во статей
Energy Policy	Энергетическая политика	23
Ecological Economics	Экологическая экономика	9
Journal of Economic Literature	Журнал экономической литературы	6
Energy Economics	Экономика энергетики	6
Policy Studies Journal	Журнал исследований публичной политики	4
Food Policy	Продовольственная политика	4
Journal of International Development	Журнал международного развития	4
World Development	Мировое развитие	4
Regional Studies	Региональные исследования	3
Annals of Tourism Research	Анналы туристических исследований	3
Journal of Marriage and Family	Журнал семьи и брака	2
Governance – An International Journal of Administration and Institutions	Соуправление. Международный журнал государственного управления и институциональных исследований	2
Journal of Peasant Studies	Журнал исследований крестьянства	2
Transport Policy	Транспортная политика	2
Habitat International	Международная жилищная политика	2
Economic Systems Research	Исследования экономических систем	2
Science and Public Policy	Наука и публичная политика	2
Small Business Economics	Экономика малого бизнеса	2
Journal of Economic Geography	Журнал экономической географии	2
Sociology-The Journal of the British Sociological Association	Социология. Журнал Британской социологической ассоциации	2
Cambridge Journal of Regions Economy and Society	Кембриджский журнал региональной экономики и региональных сообществ	2
Public Administration	Государственное и муниципальное управление	2
Economic Modelling	Экономическое моделирование	2

Во-первых, заголовки могут иметь неточный, метафорический или чрезмерно общий характер. Применительно к политике развития это ограничение особенно актуально для монографических исследований, название которых по определению не может включать в себя всё многообразие затронутых сюжетов, и для аналитических докладов и отчётов, программных документов международных организаций, часто имеющих типовые и всеохватные заголовки.

Во-вторых, сопоставление заголовков упускает такой параметр, как сравнительный объём исследований: тема или проблема, десятикратно повторённая в заголовках небольших заметок окажется по результатам такого исследования более популярной, чем тема, двадцатикратно повторённая в содержании десяти объёмных исследований, но отражённая в заголовках только двух из них.

Наконец, заголовки отражают представления об актуальности, которых придерживаются

авторы и издатели: эти представления подвержены неизбежным субъективным деривациям и могут существенно отличаться от фактической плотности информационного материала, с которым и имеют дело читатели. Иными словами, если мы встанем на позицию адресатов публикаций, посвящённых политикам развития (чиновники, исследователи, коммерческие и некоммерческие акторы развития), для них актуальная повестка будет определяться всё же содержанием публикаций, а не заголовками, что может иметь критическое значение с учётом вышеназванных ограничений.

Аналогичные проблемы возникают и при анализе ключевых слов, списком которых с недавних пор оснащаются все научные публикации. В дополнение можно сказать, что часть значимых для изучения и разработки политики развития документов не предусматривают обязательного наличия ключевых слов (документы институтов развития, органов государственной власти). Во многих случаях ключе-

вые слова представляют собой методологические отсылки, что в рамках задач содержательного исследования повестки лишь усиливает информационный шум.

Частотный анализ в качестве способа выявления актуальной повестки представляется с этой точки зрения более оправданным и более информативным. Мы исходим из предположе-

ния, что сравнительная частотность упоминания тех или иных концептов, проблемных областей и ключевых слов (выражений) в текстах исследований, посвящённых политике развития, в гораздо большей степени, чем анализ заголовков или авторских ключевых слов позволяет выявить наиболее актуальную проблематику этих исследований.

Таблица 2 – Распределение публикаций на тему «политика развития» по тематическим меткам Web of Science (2010–2018 гг.)

Тематическая метка статьи	Русский перевод	Кол-во
Business & Economics	Бизнес и экономика	99
Economics	Экономика	97
Environmental Studies	Окружающая среда	46
Environmental Sciences & Ecology	Окружающая среда и экология	46
Energy & Fuels	Энергетика и топливо	46
Development Studies	Исследования развития	44
Environmental Sciences	Науки об окружающей среде	32
Public Administration	Государственное и муниципальное управление	27
Sociology	Социология	26
Geography	География	22
Political Science	Политическая наука	18
Government & Law	Государство и право	18
Social Sciences – Other Topics	Другие разделы социальных наук	11
Ecology	Экология	9
International Relations	Международные отношения	8
Regional & Urban Planning	Региональное и городское планирование	9
Anthropology	Антропология	6
Social Sciences, Interdisciplinary	Междисциплинарные исследования в социальных науках	6
Public Transportation	Общественный транспорт	6
Management	Менеджмент	6
Agricultural Economics & Policy	Экономика и политика сельского хозяйства	6
Agriculture	Сельское хозяйство	6
Hospitality, Leisure, Sport & Tourism	Гостиничное дело, досуг, спорт и туризм	5
Family Studies	Исследования семьи	4
Health Care Sciences & Services	Здравоохранение, исследования и услуги	4
Social Issues	Социальные проблемы	4
Food Science & Technology	Исследования и технологии продовольствия	4
Nutrition	Питание	4
Business	Бизнес	4
Psychology	Психология	2
Industrial Relations & Labor	Труд и производственные отношения	2
Public, Environmental & Occupational Health	Государство, экология и занятость в здравоохранении	2
Business, Finance	Бизнес и финансы	2
Health Policy & Services	Политика и услуги здравоохранения	2
Communication	Коммуникации	2
Forestry	Лесное хозяйство	2
Psychology, Multidisciplinary	Междисциплинарные исследования в психологии	1
Green & Sustainable Science & Technology	Наука и технологии / «Зелёное» и устойчивое развитие	1
Ergonomics	Эргономика	1
Engineering	Инженерное дело	1
Social Sciences, Mathematical Methods	Математические методы в социальных науках	2
Psychology, Clinical	Клиническая психология	1

**Рисунок 2 – Проблемно-тематическая повестка журнальных публикаций о политиках развития
(наиболее цитируемые англоязычные публикации 2010–2018 гг.)**

Эта задача может быть достаточно успешно решена средствами выявления ключевых слов и выражений с помощью *tf-idf* анализа, то есть построения сравнительной матрицы прямых и обратных частотностей для группы текстов [9]. Анализ проводился с использованием программного пакета *scikit-learn* [10]. Для этого тексты были сгруппированы по трём уже упоминавшимся категориям: журнальные статьи, монографии, документы международных организаций. В отношении каждой группы расчёт частотности проводился отдельно, будучи ориентирован на выявление ключевых 1-, 2-, 3- и 4-грамм. В каждом случае в отчёт включались лишь слова и выражения, не входящие в состав более крупных формулировок, то есть, например, высокочастотное во всех случаях слово «development» не попало в итоговый перечень 1-грамм ни в одной из категорий, поскольку в каждой из них встречается в составе частотных 2-, 3- или 4-грамм, таких

как «development intervention» или «network of development evaluation». В качестве стоп-слов был использован стандартный список частотных незначимых слов и выражений из пакета *scikit-learn* и имена собственные, содержащиеся в анализируемых текстах. Кластеризация осуществлена на основе количества совместных упоминаний значимых n -грамм в рамках одного предложения, выявляемого и визуализируемого средствами *graphviz* [11].

Результат анализа показывает, что между проблемно-тематическими повестками публикаций трёх типов существуют заметные различия; фактически, они совпадают лишь по очень незначительному количеству позиций. Совпадающие для трёх блоков источников *n*-граммы сводятся к следующему списку: developing countries (развивающиеся страны), SDGs (цели устойчивого развития ООН), decentralization (децентрализация), country (страна), infrastructure (ин-

фраструктура), consumption (потребление), employment (занятость). В остальном проблемная повестка оказывается значительно дифференцированной.

Большое количество смежных тем и высокая плотность проблемных областей свидетельствуют о значительном уровне интегрированности журнальных публикаций по этому параметру; как следствие, многие темы и проблемные области оказываются общими для большинства исследований. Произведённая на основании плотности и частоты связей между ключевыми словами и фразами кластеризация, основанная на регулярности совместного упоминания основных концептов и предметных обозначений, позволяет сформировать концептуальную карту журнальных публикаций 2010–2018 гг., графически представленную на рисунке 2. Количество соединений между отдельными концептами показывает частотность их совместного упоминания, а цветовые области отражают группировку контекстно связанных концептов. Концептуальная карта публикаций достаточно наглядно показывает существование нескольких крупных проблемно-тематических областей:

проблематика перехода к устойчивому развитию, связанная со структурой и организа-

цией государственной политики, соуправлением, исследовательским обоснованием этой деятельности и управлением процессом перехода (область 1 на рисунке 2);

проблематика взаимодействия и соотношения новых – альтернативных – концепций развития: управление знаниями, отказ от роста, экологическая устойчивость развития, приоритет прав человека (область 2 на рисунке 2);

проблематика и риторика доминирующего подхода к развитию: регуляторное и финансовое воздействие, направленное на экономический рост и ограниченное дееспособностью государства (область 3 на рисунке 2);

инструментарий и настоящие проблемы развития в развивающихся странах: активная роль предпринимательской среды и агентств развития, проблемы человеческого капитала, включая утечку мозгов, эмиграцию квалифицированных кадров и проблему оценки результативности политики развития (обл. 4 на рис. 2);

роль государства в проведении политики развития – в частности, в осуществлении инноваций, организации государственной политики, роль государственной службы (обл. 5 на рис. 2).

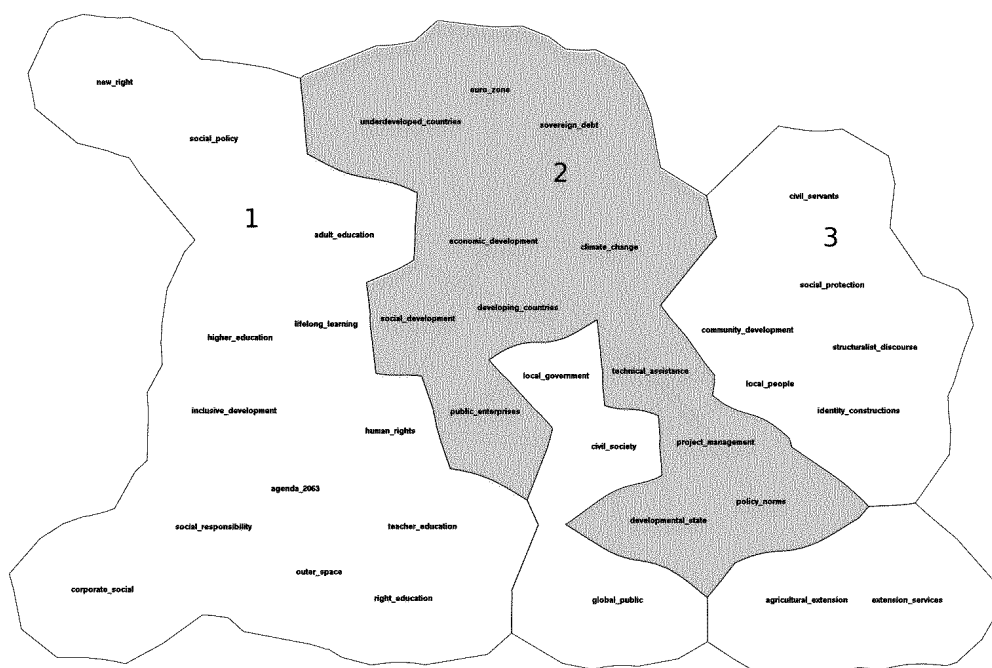

Рисунок 3 – Проблемно-тематическая повестка монографий, посвящённых политикам развития (наиболее значимые англоязычные публикации 2010-2018 гг.)

Рисунок 4 – Проблемно-тематическая повестка публикаций международных организаций, посвящённых политикам развития (наиболее значимые англоязычные публикации 2010-2018 гг.)

Монографические исследования отличаются также достаточно высокой концептуальной плотностью и интегрированностью. Вместе с тем, разнообразие тематики и проблем в целом оказывается более заметным; на концептуальной карте, представленной на рисунке 3, это проявляется в сравнительно меньшем количестве общих тематических областей, присутствующих в большинстве публикаций. Однако наличие внутренне связанных проблемно-тематических областей также очевидно:

проблематика социального и человеческого развития, прежде всего – это вопросы образования, инклюзивности и ответственности (обл. 1 на рис. 3);

экономические проблемы развития, в т. ч. вопросы технического сотрудничества, суверенного долга, проектного управления, модель государства развития (обл. 2 на рис. 3);

проблематика социокультурных аспектов развития, в том числе роль местных сообществ, местной идентичности, социальной защиты (обл. 3 на рис. 3).

Сравнительная тематическая бедность в официальных публикациях международных организаций, которая хорошо демонстрируется представленным графом (рис. 4), во многом отражает существенные различия фактической повестки международных организаций и её внутреннее разнообразие – в том виде, в каком она проявляется в частотности ключевых слов в анализируемых публикациях. Вме-

сте с тем, наличие общих проблемных областей также достаточно очевидна:

вопросы регулирования труда и уровня жизни, в частности – занятость, бедность, доходы, человеческий капитал (обл. 1 на рис. 4);

система экономических приоритетов и инструментов политики развития – определение предметных областей самой политики, взаимодействие на национальном и региональном уровнях, согласования, продовольственная безопасность, финансовые рынки, гражданское участие (обл. 2);

проблемы инструментов оценки реализуемой политики развития (обл. 3 на рис. 4).

Обзор ключевых проблемных областей даёт основание для нескольких выводов и обобщений. Прежде всего, достаточно очевидно, что в анализируемых публикациях политика развития – это почти всегда экономическая политика: и в стилистике публикаций, и в сравнительной частотности ключевых терминов неизбежны отсылки к организации экономической деятельности и к экономическим показателям либо в качестве общей концептуальной рамки, либо в качестве критикуемого подхода, либо в качестве контекста и так далее. Вместе с тем, анализируемая повестка чрезвычайно нагружена социально, так что с количественной точки зрения задачи социального характера явным образом преобладают. Достаточно существенно, что социальная проблематика выходит за рамки традиционных для по-

литики развития задач помощи бедным, ликвидации нищеты и прочих вопросов, где социальное мыслится экономически, через доходы, занятость и потребление. Во-первых, круг социальных задач оказывается чрезвычайно широк: безусловно лидирует образование и другие формы создания и укрепления человеческого капитала, но присутствует и проблематика формирования и поддержания социальных связей, ценностных систем, семьи. Во-вторых, социальность проявляется не только в определении задач или предметных областей, но и в способах и механизмах формирования либо реализации политик развития: шеринговые практики, неформальные сети, инклюзивность в процессе разработки и реализации политики и так далее. Наконец, чрезвычайно заметным является присутствие постоянных отсылок к роли региональных и местных сообществ как субъектов политик развития: несмотря на то, что общий контекст этой политики становится всё более международным, обязательность региональных и муниципальных инициатив, действия локального масштаба, специфика местных культур становится обязательной отсылкой или непосредственным предметом изучения, организации и планирования.

Модели политики развития

Наряду с отдельными проблемно-тематическими сюжетами, позволяющими выявить кластеризация наиболее частотных лемм – ключевых слов, анализ публикаций за 2010–2018 гг. позволяет обнаружить модели организации политик развития, чаще всего упоминающиеся в анализируемых публикациях. Мы рассматриваем в качестве моделей политик развития представленные в анализируемых публикациях связанные описания политик, отвечающие следующим критериям:

1) модель является комплексной, т.е. описывает совокупность взаимосвязанных политик, учитывая условия их формирования, организацию, основные цели и результаты (ожидаемые результаты в случаях, когда модель не апробирована на практике или апробирована частично);

2) модель является достаточно общей, то есть не характеризуется как специфичная или уникальная для какой-то отдельной страны

или внутристрановой территории, отрасли или подотрасли;

3) модель является достаточно распространённой и цитируемой, то есть представлена более, чем в одной публикации и опирается на проблемно-тематические концепты, выявленные с помощью частотного анализа, которые могут характеризовать как модель в целом, так и отдельные её элементы.

Кроме того, само наименование модели присутствует в сформированном с помощью метода частотного анализа проблемно-тематическом списке.

Публикации 2010–2018 гг. содержат развёрнутые упоминания, анализ или критику следующих моделей, отвечающих этим критериям: государство развития (*development state*), поддерживаемое развитие (*development assistance, transferring development, policy transfer, development aid*), отказ от роста (*economic de-growth, décroissance*), неолиберальная модель развития (*neoliberalism*), экономика замкнутого цикла (*circular economy*), переход к устойчивости (*transition to sustainability, transition management, sustainability transition*).

Качественный анализ этих моделей позволяет выявить следующие сравнительные характеристики:

1. Государство развития

– цели развития и политики развития – экономический рост, рост уровня жизни, международное влияние; сама политика развития – интегрированный рост, направляемый государством

– соотношение политики роста и политики развития: явные различия отсутствуют, развитие и экономический рост – содержание и результат государственной политики

– основания и порядок формирования и утверждения политики развития: формируется государством совместно с негосударственными и полугосударственными элитами (крупный бизнес, партийное руководство)

– инструменты и механизмы развития: прямое субсидирование экономики и образования, дирижистское государственное регулирование и выбор приоритетных отраслей, импортозамещение, внешние займы, экспортная ориентированность экономики, стимулирую-

щий рост, импорт технологий, создание и расширение инфраструктуры

– ожидаемые и фактические результаты политики развития: ускорение темпов экономического роста, насыщение внутреннего рынка и выход на внешние рынки, повышение уровня жизни, попадание в список стран-лидеров (экономика, уровень жизни, образование и наука).

2. Поддерживаемое развитие

– цели развития и политики развития: комплексная модернизация и подтягивание к западным экономическим и социальным стандартам;

– соотношение политики роста и политики развития: различия отсутствуют, развитие сводится преимущественно к росту, представляя собой содержание и результат воздействия международного сообщества и собственной активности правительства;

– основания и порядок формирования и утверждения политики развития: ключевые решения принимаются международными организациями и странами-лидерами, с вынужденным или добровольным согласием правительств развивающихся стран;

– инструменты и механизмы развития: целевые кредиты, импорт промышленных, аграрных, информационных и социальных технологий, развитие образования, подготовка кадров, инвестиционные проекты, гуманитарные проекты, финансовое регулирование;

– ожидаемые и фактические результаты политики развития: ожидаемые – быстрый и устойчивый социально-экономический рост, фактические – закрепление в роли мировой периферии или полупериферии.

3. Отказ от роста

– цели развития и политики развития: устойчивость функционирования общества, снижение давления на природную среду, достижение человеческого благополучия, ресоциализация общественной жизни, переход к устойчивому существованию, основанному на ценности человеческой личности и благополучия. Политика развития – согласованные государственно-общественные меры, направленные на снижение уровня потребления и производства, формирование нового типа экономических отношений.

– соотношение политики роста и политики развития: развитие противопоставляется росту, основная цель политики развития – замедление и прекращение роста.

– основания и порядок формирования и утверждения политики развития: принципиальная роль соуправления (*governance*) и согласованного принятия и реализации решений всеми социальными акторами.

– инструменты и механизмы развития: дауншифтинг, снижение объема потребления и производительности, сокращение рабочего дня, гарантированный базовый доход, развитие альтернативной энергетики, стабилизация численности населения.

– ожидаемые и фактические результаты политики развития: ожидаемые – ресоциализация общества, отказ от консумеризма, устойчивость и социальная справедливость; фактические – не реализованы.

4. Неолиберализм

– цели развития и политики развития: экономический рост, повышение экономических показателей и уровня жизни

– соотношение политики роста и политики развития: развитие как рост есть естественный процесс, политика развития есть снятие ограничений, политика развития обеспечивает условия для естественных рыночных изменений.

– основания и порядок формирования и утверждения политики развития: политика определяется правительством

– инструменты и механизмы развития: «Вашингтонский консенсус» (налогово-бюджетная дисциплина, избежание существенного бюджетного дефицита, сокращение бюджетных расходов, общее инфраструктурное финансирование экономического роста, в том числе – затрагивающее преимущественно интересы бедных, в частности – начальное образование, первичная медицинская помощь, налоговая реформа, направленная на расширение налогооблагаемой базы и опирающаяся на снижение налоговых ставок, рыночно определяемый банковский процент и ставка рефинансирования, саморегулирующийся обменный курс национальной валюты, либерализация торговли, импорта, либерализация прямого иностранного инвестирования, привати-

зация государственных предприятий, дерегулирование, гарантия безопасности прав собственности)

– ожидаемые и фактические результаты политики развития: ожидаемые – высокие темпы экономического роста, фактические зависят от исходного состояния развивающихся стран и отраслей, но всегда включают в себя рост экономического неравенства.

5. Экономика замкнутого цикла

– цели развития и политики развития: максимизация пользы от оборота материалов и энергии в рамках цикла «природа – общество – природа», переход к устойчивому развитию (устойчивое развитие – равновесное взаимодействие социальной и природной систем, политика развития – переход к этому состоянию)

– соотношение политики роста и политики развития: напрямую рост и развитие не противопоставляются, но продолжение или ускорение экономического роста рассматривается как потенциальная угроза.

– основания и порядок формирования и утверждения политики развития: политика формируется правительством

– инструменты и механизмы развития: промышленные и социальные технологии (промышленная экология и промышленный симбиоз, промышленные экосистемы, продукт-ориентированные сервисные системы, замкнутые циклы оборота материалов, экоэффективность, концепция нулевых выбросов)

– ожидаемые и фактические результаты политики развития: ожидаемые – устойчивое (= сбалансированное) существование системы «природа – общество», фактические – фрагментарное создание отдельных замкнутых циклов.

6. Переход к устойчивости

– цели развития и политики развития: эволюция социотехнических систем в сторону более устойчивых моделей производства и потребления: развитие – долгосрочный переход к качественно новому состоянию социотехнических систем, политика развития – деятельность государства и общества, способствующая развитию и направляющая его.

– соотношение политики роста и политики развития: экономический рост рассматривается как необязательная составляющая раз-

вития; политика роста должна быть подчинена задачам развития.

– основания и порядок формирования и утверждения политики развития: политика развития формируется через процедуры самоуправления (*governance*), путём согласования интересов государства, бизнеса, НКО, отдельных заинтересованных групп.

– инструменты и механизмы развития: сочетание таких институциональных форм как социотехнический режим, социотехнические ниши и социотехнический рельеф; переход от базовых технологий к радикальным.

– ожидаемые и фактические результаты политики развития: ожидаемые – появление новых продуктов, услуг, бизнес-моделей, организаций, замещающих или дополняющих существовавшие ранее, а также изменение технологий и институтов, ожиданий потребителей и потребительского поведения; фактические – отдельные примеры.

Проведённый анализ позволяет сделать несколько обобщающих выводов, характеризующих актуальную повестку исследований и программных либо отчётных документов, посвящённых политике развития и представленных в англоязычных публикациях 2010–2018 гг.

Политика развития, несмотря на очевидную междисциплинарность предметной области, рассматривается преимущественно в экономическом контексте, т. е. – как политика экономического развития. В то же время, социально-политические и культурные факторы приобретают всё большее значение: сравнительно недавние модели политик развития (экономика замкнутого цикла, отказ от роста, переход к устойчивости) включают социально-политические процессы в число ключевых факторов, в отличие от более старых моделей, сформировавшихся во второй половине XX в. (государство развития, неолиберальное развитие, поддерживаемое развитие) и ориентированных почти исключительно на экономические показатели.

В современной повестке исследований и действий, связанных с политикой развития, безусловно преобладает процессный подход. С одной стороны, именно процессность и технологичность являются отличительной чер-

той новых моделей осуществления политики развития (экономика замкнутого цикла, переход к устойчивости, в меньшей степени – отказ от роста), тогда как более старые модели выглядят на этом фоне скорее ориентированными на результат, чем на технологию его достижения. С другой стороны, частотный анализ ключевых концептов показывает, что среди них преобладают не показатели результативности или описание ожидаемых итогов, а анализ процедур достижения целей и деятельности ключевых акторов политики развития.

Государство и связанные с ним организации всё в меньшей степени предстают как эксклюзивные или доминирующие субъекты политики развития: она предполагает всё более широкое участие негосударственных субъек-

тов (в частности, через концепцию и конкретные технологии соуправления), международных организаций, региональных и местных органов власти. Эта тенденция хорошо иллюстрируется как сравнением более старых моделей политики развития с моделями, появившимися в XXI в., так и частотным анализом содержащихся в актуальных публикациях концептов.

Наконец, тематическое сходство и значительная дифференциация проблематики публикаций разного типа подтверждает гипотезу о разной роли журнальных публикаций, монографических исследований и аналитических документов международных организаций в создании и детализации актуальной повестки формирования политики развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pieterse J.N. Development Theory: Deconstructions / Reconstructions. Sage, 2010.
2. Bazbauers A.R. The World Bank and Transferring Development. Policy Movement through Technical Assistance. Palgrave Macmillan, 2018.
3. Reinert E.S., Ghosh J., Kattel R. Handbook of alternative theories of economic development. Edward Elgar, 2016.
4. Saraswati J., Fine B., Tavaszi D. (eds.). Beyond the Developmental State. Industrial Policy into the Twenty-first Century. PlutoPress, 2013.
5. Geert P., Dijk M. The Intrinsic Dynamics of Development // Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences (eds R.A. Scott and S.M. Kosslyn). Wiley & sons, 2015. Pp. 3–15.
6. The 2030 Agenda for Sustainable Development // United Nations [электронный ресурс] URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/21252030%20Agenda%20for%20Sustainable%20Development%20web.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).
7. OECD Multi-dimensional Country Reviews [электронный ресурс] URL: <http://www.oecd.org/development/mdcr.htm> (дата обращения: 20.12.2019).
8. Просвирнина Л.Г. Анализ перемен в общественно-политической жизни на основе социолингвистического анализа заголовков английского журнала Economist // Социально-экономические и правовые системы стран евразийской экономической интеграции: Материалы международной научно-практической конференции (Омск, 1–2 марта 2018 г.). Омск: ОГТУ, 2018. С. 292–296.
9. Jones K.S. A statistical interpretation of term specificity and its application in retrieval // Journal of Documentation. 2004. Vol. 60. № 5. Pp. 493–502.
10. Scikit-learn: Machine Learning in Python [электронный ресурс] URL: <https://scikit-learn.org> (дата обращения: 20.12.2019).
11. Graphviz – Graph Visualization Software [электронный ресурс] URL: <https://graphviz.org/> (дата обращения: 20.12.2019).

DEVELOPMENT POLICY: A CONTEMPORARY AGENDA

Ya.Yu. Startsev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

The paper is bearing on revealing and systematization of current ideas about development policy forming both research agenda and the agenda of public authorities and international organizations involved in development.

To fulfill this task, quantitative and qualitative analysis of modern English-language scientific and institutional publications on development policy is carried out. The most significant journal articles, monographs and documents of international organizations related to development policy analysis and published in English in 2010-2018 were used as empirical data. The sample includes 68 journal publications (highest citation in the Web of Science), 83 monographs (mixed selection criteria) and 31 official documents of international organizations (UN, OECD and World Bank synthesis documents).

The *tf-idf* method identifies the key concepts that characterize different development policies and the themes that are relevant to them, then grouping them into thematic clusters corresponding to the type of publication and the regularity of joint references. The qualitative analysis of the texts based on the key concepts identified the main models of development policies most frequently considered in the analyzed texts: the development state model, the development assistance model, the neoliberal model, the de-growth model, the circular economy model and the sustainability transition model.

Based on the comparative frequency of mentioning various concepts and key characteristics of the most popular models, conclusions were drawn on the structure and dynamics of the agenda of contemporary research and policy analysis documents related to development policy.

KEYWORDS: development policy, economic development, development priorities, development studies.

AUTHORS' INFORMATION:

Yaroslav Yu. Startsev, Cand. Sci. (Political), Associate Professor, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 Marta St., Yekaterinburg, 620144, Russia, yaroslav.startsev@ui.ranepa.ru

FOR CITATION: Startsev Ya.Yu. Development policy: a contemporary agenda // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 6–20.

REFERENCES

1. Pieterse J.N. Development Theory: Deconstructions / Reconstructions. Sage, 2010. – (In Eng.)
2. Bazbauers A.R. The World Bank and Transferring Development. Policy Movement through Technical Assistance. Palgrave Macmillan, 2018. – (In Eng.)
3. Reinert E.S., Ghosh J., Kattel R. Handbook of alternative theories of economic development. Edward Elgar, 2016. – (In Eng.)
4. Saraswati J., Fine B., Tavaszi D. (eds.). Beyond the Developmental State. Industrial Policy into the Twenty-first Century. Pluto Press, 2013. – (In Eng.)
5. Geert P., Dijk M. The Intrinsic Dynamics of Development // Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences (eds R.A. Scott and S.M. Kosslyn). Wiley & sons, 2015. Pp. 3–15. – (In Eng.)
6. The 2030 Agenda for Sustainable Development // United Nations [e-resource] URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/>

//sustainabledevelopment.un.org/content/documents/21252030%20Agenda%20for%20Sustainable%20Development%20web.pdf (date of reference: 20.12.2019). – (In Eng.)

7. OECD Multi-dimensional Country Reviews [e-resource] URL: <http://www.oecd.org/development/mdcr.htm> (date of reference: 20.12.2019). – (In Eng.)

8. Prosvirina L.G. Analysis of changes in the social and political life on the basis of sociolinguistic analysis of the English magazine Economist headings // Socio-economic and legal systems of the Eurasian economic integration countries: Proceedings of the international scientific-practical conference (Omsk, March 1–2, 2018). Omsk: OGTU, 2018. Pp. 292–296. [Prosvirina L.G. Analiz peremen v obshchestvenno-politicheskoy zhizni na os-

nove sotsiolingvisticheskogo analiza zagolovkov angliyskogo zhurnala Economist // Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye sistemy stran evraziyskoy ekonomicheskoy integratsii: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Omsk, 1–2 marta 2018 g.). Omsk: OGTU, 2018. S. 292–296.]. – (In Rus.)

9. Jones K.S. A statistical interpretation of term specificity and its application in retrieval // Journal of Documentation. 2004. Vol. 60. № 5. Pp. 493–502. – (In Eng.)

10. Scikit-learn: Machine Learning in Python [e-resource] URL: <https://scikit-learn.org> (date of reference: 20.12.2019). – (In Eng.)

11. Graphviz – Graph Visualization Software [e-resource] URL: <https://graphviz.org/> (date of reference: 20.12.2019). – (In Eng.)

POLITICAL AND LEGAL MEANS TO ENSURE MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN STATE ORGANS AND LOCAL CITIES' AUTHORITIES AS TOOLS TO ACHIEVE PUBLIC RELATIONS EFFECTIVENESS

F.E. Adeyinka

University of Ilorin,
Ilorin, Nigeria

M.V. Pyrina

Ural Federal University named
after the first President
of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

T.V. Verbitskaya

Ural Federal University named
after the first President
of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

The actuality of examined issue is predetermined by necessity of aligning state policy with the actual status of cities as active actors in policy making process on domestic and international level. The main objective of this study is to review contemporary peculiarities of the role of local governments within cities in policy making process in order to underscore the relevance of actual status of cities and its legal framework by political tools. The work relies on the use of teleological analysis (in order to understand the importance of implementing complex of political and legal tools within urban state policy to elaborate mechanism of building due public relations in the state), a comparative method (as part of a comparative study of the legal and actual statuses of cities as actors of domestic and external political relations), and functional analysis (when identifying city competence). The general discourse on the local government in cities allows to determine the need for a combination of political and legal tools in building relations between the state power institutions and local authorities in cities. Due urban politics presumes developing the good image of city abroad, based on its identity to gain despite the competition worldwide benefits such as being elected as location of important international event. This paper examines both the inherent contradictions between the legal foundation and domestic and external actorness of cities.

The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the scientific project No. 20-414-660001 p_a Development history and evolution of the formation of the international subjectivity of the Sverdlovsk region.

KEYWORDS: urban policy, urban governance, democracy, urban development, local government, decentralization, international relations of cities, urban problems, sustainable development.

AUTHORS' INFORMATION:

Folasade E. Adeyinka, PhD, Professor, University of Ilorin,
1515, P.M.B., Ilorin, 240003, Nigeria, adepinki.folasade@gmail.com

Maria V. Pyrina, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia, maria96ekb@gmail.com

Tatiana V. Verbitskaya, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia, Aquitania-17@ya.ru

FOR CITATION: Adeyinka F.E., Pyrina M.V., Verbitskaya T.V. Political and legal means to ensure mechanisms of interaction between state organs and local cities' authorities as tools to achieve public relations effectiveness // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 21–31.

One of the first points of this article is to mention that cities are the main driving centers of policy making process within state borders and on international arena. This is function of local authorities within cities, which presumes necessity of developing by central state power appropriate political and law instruments to implement interaction between central state power and local authorities within states, especially which are capitals of state territory units. In the short term, these actors will compete for human capital within countries and abroad. Cities will take care of the welfare of every person because the level of urbanization is higher than ever [1]. That is why it is so important to pay attention to the problems of cities and due urban politics now so that they can fully meet the needs of modern society and being effective actors of political process.

Each city has its own personality, its image. Already, the cities of one country differ in living standards, improvement, and have their own character of local self-government and activity within state borders and above.

But the phenomenon of the city as a separate form of socio-economic and political organization is not new. The ancient Greek policies [2, p. 14] were known for their organization and which stood at the origins of the emergence of politics as such, and the Italian city-states, whose power and development helped them gain independence from formal sovereigns. The example of Veliky Novgorod as a powerful trading and political center of the north with its one of a kind form of democracy is also unique. However, in later centuries, national states began to have significance, because only by uniting did the inhabitants of different regional entities ensure themselves security and survival.

This kind of long-term developing of actual and legal status of cities as domestic and external actors presumed multiple researches on issue, foreign [3, p. 23; 4, p. 85; 5, p. 19; 6, p. 21; 7, p. 13; 8, p. 109; 9, p. 34; 11, p. 67; 12, p. 60] and domestic [13, p. 66; 14, p. 28; 15, p. 1933; 16, p. 675; 17, p. 48; 18, p. 378; 19, p. 63]. But the main contradiction is lack of studying ways of achieving due state urban politics on the base of implementing complex of political and legal tools.

In the modern world, many functions of states as sovereigns are gradually being reduced (for ex-

ample, cities do not need to unite against a common enemy) and a new era of urban development is coming. Great example of cities of the future already in our time are Abu Dhabi, Singapore, Basel-Mulhouse-Freiburg (Switzerland, France, Germany), Copenhagen-Malmö (Denmark, Sweden), New Songdo (Korea), Galway (Ireland), which effectively supply their citizens with such benefits as a high level of improvement, education, and a constantly improving financial climate.

However, the above examples mean that cities in the future will gain their role of entities, which are effective in constructing world wide ties, because globalization comes to a new round, involving in international arena policy making process all actors in state. A round that implies not the expansion and increase in the population of cities, but the strengthening of the role of cities both domestically and in the international arena. The developing of political tools, based on appropriate law regulation of international activity of local authorities as well as mechanism of interaction between central state power institutions and local government, will lead not the extensive, but to the intensive development of cities as policy making actors. The state sovereignty of the country will not disappear anywhere but is likely to go by the wayside, remaining rather an auxiliary legal function.

The city as an independent political unit has a number of advantages: ease of management and control, enhanced democracy (even a form of direct democracy is considered using modern technologies such as electronic voting), the active inclusion of civil society in the political life in view of the simplified consolidation of citizens (compared with fellow citizens of the same country) on the basis of solving common problems. Such is the role of cities according to the legislation of Russian Federation on local self-government. The articles 130–133 of Constitution of Russia and articles 16, 16.1 of Federal law “On general principles of organizing local self-government in Russian Federation” [20] establish subject matters of cities, but the legal gap in these norms is in defining ways on participating of cities in international relations. So as there is no appropriate law mechanism of interaction between central state power organs and local self-governments and gaps of organizing appropriate urban political process in state. The same situation could be observed in foreign countries,

when there is only framework of law regulation, within establishing possibility to implement local self government, which doesn't suppose the necessity of achieving due urban policy making process and developing ties between central state power and local authorities within cities. Such situation is observed in most foreign states even those which cities are active on international arena [6, p. 18].

But cities have important function in enforcing image of state and achieving their interests on international arena:

While cities are capitals of state power territory entities within country, they are the base of all international activity of state power territories and have benefits from it, which supposes mechanism of interaction between state power organs and local authorities on the issue. Central state power institutions control mentioned political process and solve collisions and disputes between these entities;

Cities take part in Congress of local powers and other forums devoted to problems of local self-government;

Inhabitants of cities could also be actors of worldwide human exchanges, especially in education contacts.

An important role in the development of cities is presumed by competition factor: for human and financial capital, tourism, foreign investment, events, the image and status of the city as a whole predefines victory, in gaining status of important international event location, such as Expo (Dubai, Milan, Tokio, Shanghai), Olimpiade (including cities – meaningful internal and external actors, as Helsinki, Melbourne, Moscow, Munich, Oslo, Sochi) or Universiade (especially Beijing, Granada, Harbin, Innsbruck, Kazan, Turin). Mentioned examples of cities – influential policy actors known worldwide shows, that nowadays, not countries, but cities with their infrastructure and potential are fighting for olympiads, championships, and various technology exhibitions, because even by these criteria they can differ greatly in one country.

People in the modern world are more conscious in their choice of place of residence and activity, they are less attached to jobs. A 21st-century person has the opportunity to choose where to live, get an education and work. The per-

son chooses the place that he considers the most attractive.

The functions of cities have also changed – they are no longer industrial centers where people from the periphery came to work at the factory and live. People living in cities believe themselves as society which has political functions to influence on decision-making process in their place of living. This situation is brightly demonstrated by European cities, in which social movements are emerging as new actors in urban transformation. To resist and improve their situation, the inhabitants organize themselves to make themselves be heard (unions, associations, etc.), to gain power (parties, citizen associations). This situation is not new and is not unique to urban movements. Urban social movements are growing and are changing. They combine the claims of rights in cities and rights to the city. Struggle movements bring new practices. Residents of certain neighborhoods manage, after struggles and negotiations, to impose their security and avoid being displaced. For example, in Copenhagen there are more than 1800 of such associations, which make Denmark as whole capital of local associations movement fighting for better life conditions in cities. The most powerful association is the Society of Friends of the Farmers (Bondevennernes Selskab) that soon numbered far more than 5,000 members, mostly peasant-farmers. This society dominated the elections outside Copenhagen to the Estates.

So that cities of postindustrial society require rethinking about ways of interaction with them by state powers as actors on internal and external arena, to develop public policy tools, which permits cities to be part. The old scheme of the 20th century – “work during the day in the center, personal life – in the evening in the sleeping area” no longer works, as well as the famous Russian proverb “where you were born, there you are useful”.

Thus, we see the growth of the role of cities and the increase in the number of its functions as examples of growing trends in urban improvement, internal and external migration, the activation of civil society in cities, gradual decentralization, the development of city brands to attract people and resources. This factor determines the character of urban political course chosen by the state and the nature of political relations with local gov-

ernments in cities. Mentioned policy making process is enforced on the base of avoiding legal gaps by predefining conditions of international actorness of cities and mechanism of interaction with state power institutions while implementing such international ties.

We can cite the example of implementing such political and legal tools of state urban policy within cities and agglomerations of the USA – New York and Los Angeles, are thought by the world community as separate locations, hubs, development centers, rather than perceived as an integral part of the United States. They are much more popular in many ways than the official capital, Washington. In many countries, the trend toward independent development of cities began even before the general discussion of the problems of cities and their consideration as subjects of individual disciplines. One of the first phenomena confirming our hypothesis about the significant role of the image of cities in the historical context is the presence of “two capitals” in many countries. The most commonplace example is Moscow and St. Petersburg in Russia. Why is Petersburg still popular? Is it that by inertia he remains “the capital of the empire?” Not only that. The city’s popularity is driven by its unique face and image of a cultural monument in the country and in the world.

Usually, the most popular and successful city for life in many countries is the capital, creating the image of a universal center. But we can see the phenomenon of decentralization and the special role of a single city, for example, in Canada, where Toronto is the most popular and intercultural city, but the capital is still Ottawa, in Turkey the capital is not at all vibrant Istanbul, but Ankara, and in Australia the capital Canberra not as famous as Sydney with its boiling life, which is often unknowingly taken for the capital. In Switzerland, there is no clear concept of the capital at all: Bern serves as the de facto administrative center, Geneva has its own international political image, and Zurich is the country’s most powerful cultural and financial center.

Thus, if cities are centers of the future, because in them, in the process of urbanization, the bulk of the population accumulates, and the global problem of cities also arises.

A city, if it wants to develop to one degree or another independently, to lead in the country and in the world, must provide a person with everything that is necessary for his life, meet basic needs, good physical and mental health, work and rest. Namely, impeccable environmental conditions, transport accessibility, quality housing, security, jobs, technological urban solutions, leisure activities and social guarantees for vulnerable categories of the population. It is known that a person’s quality of life affects the quality of his work, respectively, a healthy and happy city dweller makes a positive contribution to the urban economy and the economy of the whole country.

The main problems of modern cities (especially in developing countries, such as Jakarta of Indonesia, Delhi in India, Takmau in Cambodia, Cuiaba, Manaus in Brazil) are overpopulation, serious environmental problems, illiterate beautification policies, corruption, poverty and social stratification, problems of transport and motorization, crime, bureaucracy, lack of decent conditions for the movement of people with limited mobility, etc. So, anti-corruption protests emerged in Warsaw, Rome and Prague and in other influential European cities to make public authorities pay attention to local problems and find their solution. Moreover, many cities in developing countries, including cities in South-East Asia (Luang Prabang, Pakse, Savannakhet in Laos, Jakarta in Indonesia), South Asia (Mumbai, Calcutta, Bangalore, Chennai in India) still do not have elementary life support systems – heating and water supply, a civilized system of garbage collection and street cleaning, access to clean water and medical care.

This very problem touches especially cities in Africa countries, which are subjects to suffering from unsatisfactory life conditions, but actively participating in world wide ties in such spheres as economy, education, culture, political process. The process of reforms is too slow and ineffective because of difficulties in achieving balances between tribalism and taking into account culture peculiarities of Africa as political regions. This problem of finding balance, causing incompleteness of local self-government reforming, touched especially country with strong patriarchal traditions, Nigeria, which has 774 local governments. The reforming process started in country in 1976 and not coming to end until nowadays.

The problem was in due law-basing of reform process. Despite the constitutional guarantee of local self-government (section 7 (1) of Nigeria Constitution of 1999), the legal lacuna in defining structure, ways of financing activities as issues defining the character of ties between central power, territory units and local authorities in cities don't permit achieving the due local government reforming and enforcing international activities of Nigeria cities. However, this means that the degree of autonomy local councils enjoy in decision-making, strength and relevance is determined by state governments where this local authorities are situated, and state governments have always taken benefits of legal gaps in this constitutional framework to dictate the financial and operational structures of local governments.

So, approaching the main issue, in order to solve the problems of cities it is necessary to implement political and legal tools to elaborate due state urban political course to provide local authorities in such cities with all the necessary benefits that require modern living conditions of people and international relations influenced by globalisation. And here we introduce the second important thesis of our study. A city is a place where politics materializes. Urban is political. Literally, everything that we see with what we face as urban residents on a daily basis is the result of politics and political decisions. From the tiles we walk on and the quality of the swing for children in the park to the line in which we stand, getting the next certificate and the level of our salary in a particular place of residence: all this is politics.

It turns out that the city certainly and most clearly reflects the state policy and directly implements it with the activity as international relations and domestic actor. So, the city and city authorities can directly implement both foreign and domestic policies. "Foreign policy" here means international interactions of cities, their participation in global political life and interaction with other cities of the country and the world as a whole. So, at the United Nations, there is a special unit "UN-Habitat" [21], the activities of which are directly related to the sustainable development of cities and settlements, assistance in the competent implementation of urban policies, the introduction of innovations to improve the lives of people in cities, etc.

It is also important to note the existence of such an important international organization for cities as the United Cities and Local Authorities [22]. It brings together cities, local and regional authorities and municipal associations around the world, whose daily activities include holding meetings of mayors and other local and regional leaders, implementing joint multilateral projects with international institutional partners, organizing international workshops on the exchange of experience on local issues politicians and practices; and advocating for the interests of local and regional governments at the UN.

The third useful tool for the implementation of cities on the international stage is the system of "twin towns", existing in political regions all over the world. So today, there are nearly 30,000 twinning links [23]. It helps various communities in the world to establish permanent friendships for mutual recognition of life, history, and culture peculiarities of both contracting parties. Cooperation between cities is expressed in the exchange of scientists, researches, touristic delegations, art and sports groups, exhibitions, literature, films, photographs devoted to the life conditions of cities, but most importantly information on the experience of urban management. Such a format of interaction at the micro-level is sometimes much more convenient and efficient than a whole system of relations and exchanges between entire countries.

What is "internal", that is, the urban policy itself? Firstly, it is a comprehensive concept. It cannot be limited only to the concept of political or administrative power in cities, urban planning policy or the creation of a city brand. Secondly, urban politics is not an abstract theoretical concept that one may not be aware of, but something that applies directly to everyone who interacts with the city every day. Ya.P. Silin in his article gives the most accurate and detailed definition of this concept: "City policy is a declared, focused, institutionally and legislatively executed activity (or system of activity) of authorities of all levels (interethnic, national, regional and local), as well as other actors (various public organizations, parties, unions, corporations, citizens), which has a regulatory impact on the development of cities and their systems within a certain concept in the interests of achieving a post goals" [24]. And if we accept the assertion that cities are the engines of

human society, it turns out that the development of urban policy and the study of its methods using different disciplines are the highest priority in our time among researchers, government agencies and ordinary citizens. So, what should be the modern urban policy for effective, sustainable and conflict-free urban development?

Firstly, one of the important elements of successful city management is a competent personnel policy. Roles in the management of the city should be clearly divided, the main positions should be held by people competent in their field, having successful cases behind them to solve the problems of the city, business, etc., and not just moving up the career ladder. It is important to attract, not neglect, resources of promising young people as well as international human capital. A suitable example of an adequate government policy regarding the development of human capital can be found in the Tatarstan, one of Russian Republics. It is famous for the most comfortable squares and parks, one of the best in the country [25]. Improvement projects are carried out not only in the capital of the republic but also in small single-industry towns and villages. Tatarstan owes much of its success to due political course aimed at development of human resources: the architect N. Fishman, who was endowed with many politicians in power or being in contact with political elites, became the President of Republic's assistant several years ago. Mentioned circumstances allowed her to manage needs of inhabitants and take decisions effectively to achieve a decent result. Not all Russian regions unfortunately, endow young and talented specialists and experts with significant possibilities and resources to take part in process of developing cities and spaces.

Secondly, the important awareness in the field of urban policy in recent years was the importance of achieving more active participation of residents and interest groups in local political processes. The active protest movements in Paris, London, Berlin, Caracas, Sucre brightly demonstrate, that nowadays people have a powerful request for participation in urban politics and decision making process dealing with amelioration of their life conditions, but there are some legal lacunes which tolerate the fact that local authorities avoid organizing mechanisms of public questioning such as opinion polls (so there wasn't any local referen-

dum in Ekaterinburg). Failure to meet this civic need can cause social conflict. We could observe this as an example of the situation surrounding the development of a park in Ekaterinburg when the townspeople massively came out to defend their public space [26]. The origins of this situation lie largely in the indignation of the city residents over the fact that their opinion was not asked and subsequently it was also not taken into account. To resolve the situation, the authorities had to resort to the tools of democracy, a survey was conducted among citizens about a new place for the construction of the temple.

Therefore, to solve all the problems, issues and tasks arising in the urban public space, it is necessary to attract as many participants as possible: city authorities, business representatives, the media, experts, city activists and ordinary citizens of different ages. In the field of transformation and improvement of space, the tool of "collaborative design" [27] has long been popular. Collaborative design is a process involving all interested parties. And the result of the process should ideally be a project that meets the expectations of residents. Modern people are no longer satisfied with the option of interaction, when ready-made decisions are presented, as it were, "from above", the townspeople want to make decisions together. Therefore, now many cities use the involvement of residents for their improvement.

The second tool that is used to solve modern challenges in cities and is just starting to emerge is electronic democracy. Its origins are urban online platforms, social networks, forums, media discussion platforms [28]. In the future, e-democracy [29] can seriously compete with representative democracy, so, for now, the authorities are wary of it. But now it's clear that one cannot do without public, public both online and offline spaces for discussing urgent city issues. This also includes a completely new and tool for involving urban actors – foresight [30]. Foresight is a long-term forecasting technology, a way to build a coherent, balanced and responsible image of the future. In addition to the forecasting and analytical component of the foresight, which is responsible for the combination of methods of working with the future in a particular foresight project, they have another key component – the organization of interaction and dialogue in the development of

decisions and the formation of common goals for participants in a particular foresight project, i.e. which is what cities need right now.

Summing up, we can say that Russian and foreign experience indicates that city local authorities play important role on internal and external political arena, being actors of economical, social, cultural interactions (as capitals, transport hubs, locations of international events, financial centers) and public relations. This role of cities provides necessity of non-reactive character of urban policy (only following urban problems), but proactive position of central state power institutions (setting trends and defining tasks). It means elaborating political programs which are based on transport, infrastructure and cultural peculiarities of cities to be widely developed as well as defining strategy of cities to be presented on international arena. And mentioned functions of cities to be realized fully must be provided with appropriate political tools such as agreements, programs of developing city peculiarities dealing with logistics, life conditions, preserving monuments, based on due legislation (acts, which define limits and procedure of local city authorities participation in in-

ternational and internal public relations). Adoption of such legal acts and political programs to develop city local authorities would provide a base for more representative role of Russian cities, especially capitals of Russian regions. By paying attention to the interests of the state's cities and considering them as developing political units based on self-governance, supporting their initiatives (not avoiding of strengthening economic and political power at the local level), country governments could stimulate the development of cities, having a positive effect on the competitiveness of the country as a whole. It especially subjects the international activity of cities which are capitals of regions or other territory units within states. The due political and law instruments, which application will be based on adopting laws on activities of such local units on international arena would permit to instore necessary relations between state as whole and its territory units. Cities that invest numerous resources in their development, effectively use the tools of urban governance and politics, ensuring sustainable development and the well-being of citizens will soon become centers of taking solutions to all global problems.

REFERENCES

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2018). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision, Online Edition. URL: <https://esa.un.org/unpd/wup/> (accessed: 12.10.2019.) – (In Eng.).
2. Gutorov V. A. About some tendencies of interpretation of the theory of the state in modern humanitarian knowledge. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6. Political science. International relationships. 2013. № 4. P. 14–18 [Gutorov V. A. O nekotoryh tendencijah interpretacii teorii gosudarstva v sovremennom gumanitarnom znanii // Vestnik SPbGU. Serija 6. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2013. № 4. S. 14–18] – (In Rus.).
3. Adamolekun, L. The idea of local government as a third level of government. Ibadan: Heinemann Educational Books, 2009. – 355 p. – (In Eng.).
4. Oviasuyi P. O., Idada W. and Isiraojie L. Constraints of local government administration in Nigeria. Journal of Social Science. 2010. № 24 (2). P. 81–86. – (In Eng.).
5. Diejomaoh I., Eboh E. Local governments: Relevance and effectiveness in poverty reduction and economic development. Journal of Economics and Sustainable Development. 2010. № 1 (1). P. 12–28. – (In Eng.).
6. Ubani J. The dead councils. Source Magazine. 2012. №32 (9). P. 12–23. – (In Eng.).
7. Lambelet S., Pflieger G. Les ressources du pouvoir urbain. Metropoles. 2016. № 18. P. 12–19. – (In Fr.).
8. Borraz O., John, P. The Transformation of Urban Political Leadership in Western Europe. International Journal of Urban and Regional Research. 2004. Vol. 28. № 1. P. 107–120. – (In Eng.).
9. Dormois R. Les politiques urbaines. Histoire et enjeux contemporains. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2015. – 451 p. – (In Fr.).
10. Halpern C., Lascoumes P., Le Galès P. L'instrumentation de l'action publique. Controverses, résistances, effets. Paris : Presses de Sciences Po, 2014. – 481 p. – (In Fr.).
11. Harvey D. Spaces of Capital: Towards a Critical Geography, Basil Blackwell. Oxford, 2015. – 246 p. – (In Eng.).
12. Leca J. L'État entre politics, policies et polity:

ou peut-on sortir du triangle des Bermudes? Gouvernement et action publique. 2012. Vol. 1. № 1. P. 59–82. – (In Fr.).

13. Lyovkin S. Megapolis and his heart. Ecology and life. 2012. № 12. P. 66–67 [Ljovkin S. Megapolis i ego serdce // Jekologija i zhizn'. 2012. № 12. S. 66–67.] – (In Rus.).

14. Merzlyakova V. I., Suchenkov V. V. New cities of China. Fotinsky readings. 2015. № 2 (4). P. 27–31 [Merzljakova V. I., Suchenkov V. V. Novye goroda Kitaja // Fotinskie chtenija. 2015. № 2 (4). S. 27–31.] – (In Rus.).

15. Zamyatin P. V., Tarasov E. N. Urban Studies as a Political, Conceptual and Ideological Mechanism of Regulation of Urban Planning and Accomplishment. Modern Problems of Science and Education. 2015. № 1-1. P. 1933 [Zamjatin P.V., Tarasov E.N. Urbanistika kak politicheskij i konceptual'no-ideologicheskij mehanizm regulirovanija gorodskogo planirovanija i blagoustrojstva // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. № 1-1. S. 1933] – (In Rus.).

16. Abdullina L. S. The ideological foundations of the formation of national identity in modern Russia. Bulletin of Bashkir University. 2015. Vol. 20. № 2. P. 672–676 [Abdullina L. S. Idejnye osnovy stanovlenija nacional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii; Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. T. 20. № 2. S. 672–676.] – (In Rus.).

17. Martyanov V. S. Creative class – creative city: a real perspective or utopia for the elite? World economy and international relations. 2016. V. 60. № 10. P. 41–51 [Mart'janov V. S. Kreativnyj klass – kreativnyj gorod: real'naja perspektiva ili utopija dlja izbrannyh? // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. T. 60. № 10. S. 41–51.] – (In Rus.).

18. Yavon S. V. Research practices of urban space. Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. 2018. Vol. 7. № 2 (23). P. 376–380 [Javon S. V. Issledovatel'skie praktiki gorodskogo prostranstva // Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie. 2018. T. 7. № 2 (23). S. 376–380.] – (In Rus.).

19. Kochukhova E. S., Martyanov V. S. Creative city or the right to a city: alternatives to urban development in the Russian context. Antinomies. 2019. Vol. 19. № 2. P. 45–66 [Kochuhova E. S., Mart'janov V. S. Kreativnyj gorod ili pravo na gorod: al'ternativy urbanisticheskogo razvitija v rossijskom kontekste // Antinomii. 2019. T. 19. № 2. S. 45–66.] – (In Rus.).

20. Federal Law dated 06.10.2003 № 131-FZ «On General Principles of the Organization of Local Self-

Government in the Russian Federation». Collection of the legislation of the Russian Federation. 10.06.2003. № 40. Article 3822 [Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ «Ob obshhih principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 06.10.2003. № 40. St. 3822.] – (In Rus.).

21. UN-Habitat Mission [Electronic Resource] // UN-Habitat: official site. URL: <http://unhabitat.ru/about/mission> (accessed: 20.05.2019). – (In Eng.).

22. UCLG official site. URL: <https://www.uclg.org/en/organisation/about> (accessed: 11.12.2019). – (In Eng.).

23. Town twinning. The Council of European Municipalities and Regions Official website. URL: http://www.ccre.org/champs_activites_liste_news_en.htm?ID=3115 (accessed: 20.01.2020). – (In Eng.).

24. Silin Ya. P. Urban policy in modern Russia: essence, formation, levels of implementation. Journal of new economy. 2005. № 10. P. 12–19 [Silin Ja. P. Gorodskaja politika v sovremennoj Rossii: sushhnost', formirovanie, urovni realizacii // Journal of new economy. 2005. № 10. S. 12–19.] – (In Rus.).

25. Which parks are recognized as the best according to WorldUrban Parks-2019? RIA «Kazan-journal.ru». URL: <http://kazan-journal.ru/news/novosti/kakie-parki-priznany-luchshimi-po-versii-world-urban-parks-2019> (accessed: 12.10.2019) [Kakie parki priznany luchshimi po versii WorldUrban Parks-2019? // RIA «Kazan-journal.ru». URL: <http://kazan-journal.ru/news/novosti/kakie-parki-priznany-luchshimi-po-versii-world-urban-parks-2019> (data obrashhenija: 10.12.2019).] – (In Rus.).

26. Rubtsov A. Cult or life. Anatomy of the protest in Yekaterinburg. Novaya Gazeta. 2019. 31 May. № 58. P. 13 [Rubcov A. Kul't ili zhizn'. Anatomija protesta v Ekaterinburge // Novaja Gazeta. 2019. 31 maja. № 58. S. 13.] – (In Rus.).

27. Snigireva N.: «An architect can and should act as an activist» // RIA «archi.ru» URL: <https://archi.ru/russia/67854/arkhitektura-souchastiya> (accessed: 12/10/2019) [Snigireva N.: «Arhitektor mozhet i dolzhen vystupat' v roli aktivista» // RIA «archi.ru». URL: <https://archi.ru/russia/67854/arkhitektura-souchastiya> (data obrashhenija: 10.12.2019).] – (In Rus.).

28. Sherstobitov A. S. Urban public sphere as an environment of network interactions in urban politics. POLITEX. 2014. № 3. P. 21–31 [Sherstobitov A. S. Gorodskaja publichnaja sfera kak sreda setevyh in-

terakcij v gradskoj politiki // POLITJeKS. 2014. № 3. S. 21–31.] – (In Rus.).

29. Musiał-karg Magdalena Electronic democracy and its organization – a revolution or a modernization? The example of e-voting // PolitBook. 2012. № 2. P. 9–13. – (In Eng.).

30. Krymova E. I., Zheltov V. V. Foresight as a technology for urban development policy. Bulletin of KemSU. 2011. № 2. P. 45–54 [Krymova Je. I., Zheltov V. V. Forsajt kak tehnologija politiki gradskogo razvitija // Vestnik KemGU. 2011. № 2. S. 45–54.] – (In Rus.).

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК: [321:338.2]-027.1

ББК: 66.3(0),123

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-21-31

ГРНТИ: 00.11, 82.13.01, 82.15.01

Код ВАК: 23.00.01, 08.00.05

Ф.Е. Адеинка

Университет Илоина,
Илоин, Нигерия

М.В. Пырина

Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России
Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 709707

Т.В. Вербицкая

Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России
Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 819721

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования инструментов регулирования отношений органов государственной власти и органов местного самоуправления в городах исходя из de-facto статуса городов как акторов, осуществляющих деятельность на национальном и международном уровнях. Основная цель данного исследования – рассмотреть особенности роли и значения органов местного самоуправления в городах в процессе выстраивания политического курса в государстве и за его пределами, для приведения в соответствие de-iure и de-facto статуса городов как активных участников публично-властных отношений в государстве. Работа опирается на использование телеологического анализа (в рамках определения комплекса политико-правовых инструментов, необходимой для выстраивания государственной политики в отношении органов местного самоуправления в городах в процессе функционирования механизма реализации публично-властных отношений в государстве), метода сравнительного анализа (при установлении различий фактического и юридического статуса городов как субъектов внутренних и внешних политических отношений, а также особенностей статуса городов разных стран) и функциональный анализ (при определении предметов ведения органов местного самоуправления в городах). Новизна исследования заключается в том, что на основе изучения особенностей дискурса российских и зарубежных исследователей в области местного самоуправления в городах определен комплекс политических и правовых инструментов, необходимый для выстраивания отношений между орга-

нами государственной власти и местными властями в городах. Выстраивание надлежащего политического курса органов власти в отношении органов местного самоуправления в городах позволит обеспечить имидж города за рубежом, исходя из его специфики, несмотря на значительную конкуренцию городов других государств, что важно при принятии решений об определении места проведения важного международного мероприятия. В работе предлагаются выявлены противоречия между правовым статусом и фактической ролью городов внутри страны и за ее пределами и предлагаются пути устранения указанных противоречий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-414-660001 р_а История развития и эволюция формирования международной субъектности Свердловской области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: актор политических отношений, политика органов власти, городское самоуправление, развитие городов, местное самоуправление, децентрализация, международные отношения городов, устойчивое развитие.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Фоласад Е. Адеинка, PhD, профессор, Университет Илоина, 240003, Нигерия, г. Илоин, Р.М.В., 1515, adepinkifolasade@gmail.com

Мария Владимировна Пырина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, maria96ekb@gmail.com

Татьяна Владимировна Вербицкая, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, Aquitania-17@ya.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Адеинка Ф.Е., Пырина М.В., Вербицкая Т.В. Политико-правовые средства обеспечения механизмов взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления городов как инструменты достижения эффективности публично-властных отношений // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 21–31.

ЛИТЕРАТУРА

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2018). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision, Online Edition. URL: <https://esa.un.org/unpd/wup/> (accessed: 12.10.2019).
2. Гуторов В. А. О некоторых тенденциях интерпретации теории государства в современном гуманитарном знании // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2013. № 4. С. 14–18.
3. Adamolekun, L. The idea of local government as a third level of government. Ibadan: Heinemann Educational Books, 2009. – 355 p.
4. Oviasuyi P. O., Idada W. and Isiraojie L. Constraints of local government administration in Nigeria. Journal of Social Science. 2010. № 24 (2). P. 81–86.
5. Diejomaoh I., Eboh E. Local governments: Relevance and effectiveness in poverty reduction and economic development // Journal of Economics and Sustainable Development. 2010. № 1 (1). P. 12–28.
6. Ubani J. The dead councils // Source Magazine. 2012. № 32 (9). P. 12–23.
7. Lambelet S., Pflieger G. Les ressources du pouvoir urbain // Metropoles. 2016. № 18. P. 12–19.
8. Borraz O., John, P. The Transformation of Urban Political Leadership in Western Europe // International Journal of Urban and Regional Research. 2004. Vol. 28. № 1. P. 107–120.
9. Dormois R. Les politiques urbaines. Histoire et enjeux contemporains. Rennes : Presses Universitaires de Rennes, 2015. – 451 p.
10. Halpern C., Lascoumes P., Le Galès P. L'instrumentation de l'action publique. Controverses, résistances, effets. Paris : Presses de Sciences Po, 2014. – 481 p.
11. Harvey D. Spaces of Capital: Towards a Crit-

ical Geography, Basil Blackwell. Oxford, 2015. – 246 p.

12. Leca J. L'état entre politics, policies et polity : ou peut-on sortir du triangle des Bermudes? // Gouvernement et action publique. 2012. Vol. 1. № 1. P. 59–82.

13. Лёвкин С. Мегаполис и его сердце // Экология и жизнь. 2012. № 12. С. 66–67.

14. Мерзлякова В. И., Сученков В. В. Новые города Китая // Фотинские чтения. 2015. № 2 (4). С. 27–31.

15. Замятин П. В., Тарасов Е. Н. Урбанистика как политический и концептуально-идеологический механизм регулирования городского планирования и благоустройства // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1933.

16. Абдуллина Л. С. Идеинные основы становления национальной идентичности в современной России; Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 672–676.

17. Мартыанов В. С. Креативный класс – креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 10. С. 41–51.

18. Явон С. В. Исследовательские практики городского пространства // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 376–380.

19. Кочухова Е. С., Мартыанов В. С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. Т. 19. № 2. С. 45–66.

20. Федеральньй закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

21. UN-Habitat Mission [Electronic Resource] // UN-Habitat: official site. URL: <http://unhabitat.ru/about/mission> (accessed: 20.05.2019)

22. UCLG official site. URL: <https://www.uclg.org/en/organisation/about> (accessed: 11.12.2019).

23. Town twinning. The Council of European Municipalities and Regions Official website. URL: http://www.ccre.org/champs_activites_liste_news_en.htm?ID=3115 (accessed: 20.01.2020).

24. Силин Я. П. Городская политика в современной России: сущность, формирование, уровни реализации // Journal of new economy. 2005. № 10. С. 12–19.

25. Какие парки признаны лучшими по версии WorldUrban Parks-2019? // РИА «Kazan-journal.ru». URL: <http://kazan-journal.ru/news/novosti/kakie-parki-priznany-luchshimi-po-versii-world-urban-parks-2019> (дата обращения: 10.12.2019).

26. Рубцов А. Культ или жизнь. Анатомия протеста в Екатеринбурге // Новая Газета. 2019. 31 мая. № 58. С. 13.

27. Снигирева Н.: «Архитектор может и должен выступать в роли активиста» // РИА «archi.ru». URL: <https://archi.ru/russia/67854/arkhitektura-souchastiya> (дата обращения: 10.12.2019).

28. Шерстобитов А. С. Городская публичная сфера как среда сетевых интеракций в городской политике // ПОЛИТЭКС. 2014. № 3. С. 21–31.

29. Musiał-karg Magdalena Electronic democracy and its organization – a revolution or a modernization? The example of e-voting // PolitBook. 2012. № 2. P. 9–13.

30. Крымова Э. И., Желтов В. В. Форсайт как технология политики городского развития // Вестник КемГУ. 2011. № 2. С. 45–54.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

УДК: 336.14:352

ББК: 65.261.783

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-33-46

ГРНТИ: 06.61.53

Код ВАК: 08.00.05

В.В. Левина

Тульский государственный университет,

Тула, Россия

AuthorID: 366189

АННОТАЦИЯ:

В городах федерального значения полномочия органов местного самоуправления существенно отличаются от муниципальных полномочий на остальной территории страны. С учетом процессов урбанизации интерес к развитию крупных городов существенно возрастает. Статья посвящена изучению особенностей распределения полномочий между уровнями управления в городах федерального значения и разработке рекомендаций по совершенствованию взаимодействия региональных и местных властей в области решения вопросов местного значения. Исследование нацелено на выявление специфических проблем, связанных преимущественно с излишней централизацией управления и ресурсов в подобных городах и поиск направлений эволюционного решения данных проблем.

Для достижения данной цели необходимо проанализировать основные теоретические разработки в области распределения полномочий между уровнями управления и оценить их применимость для крупных городов с двухуровневой системой управления, а также выявить общие и особенные черты, присущие полномочиям внутригородских органов местного самоуправления. На основе анализа выявляются основные проблемы, сформировавшиеся в сфере распределения и обеспечения реализации местных полномочий в городах федерального значения и разрабатывается научно-методический подход к совершенствованию распределения полномочий в городах федерального значения и разработать рекомендации по совершенствованию взаимодействия региональных и местных властей в данной сфере.

Исследование базируется на совокупности теоретических разработок, среди которых можно особо выделить институциональный подход, теорию общественного выбора, теорию агентских конфликтов, теорему о децентрализации и принцип субсидиарности.

Применены общенаучные принципы системно-структурного и структурно-функционального анализа, при изучении особенностей конкретных муниципальных образований использовались сравнительно-сопоставительный и диалектический методы, в сочетании позволяющие выделить общие и особенные черты распределения полномочий между региональным и местным уровнем управления в городах федерального значения.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что на сегодняшний день полномочия не всегда распределены оптимально, требуется повысить уровень децентрализации распределения полномочий и ресурсов в городах федерального значения.

Разработанные предложения позволят внести обоснованные изменения в отдельные аспекты распределения полномочий в городах федерального значения, нацеленные на повышение эффек-

тивности управления, согласованности интересов различных органов власти и населения, а значит, и качества бюджетных услуг, оказываемых жителям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: местное самоуправление, город федерального значения, внутригородское муниципальное образование, вопросы местного значения, полномочия, местный бюджет.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Вера Владимировна Левина, доктор экономических наук, доцент, Тульский государственный университет,
300012, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 92, LevinaVeraV@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Левина В.В. Особенности и проблемы реализации муниципальных образований в городах федерального значения // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 33–46.

На сегодняшний день в России три города федерального значения: Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. В них проживает около 17 % городского населения страны, поэтому, следует уделить внимание вопросам организации местного самоуправления, так как они затрагивают интересы значительного количества граждан. Вопросы управления крупнейшими городами актуализировались в связи с реализацией Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». В нем отмечена необходимость «дальнейшего развития процесса урбанизации, в частности развития крупных городских агломераций, как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках». Это характеризует значимость для государства механизмов территориального развития городов федерального значения, включающих и распределение полномочий между региональными и местными властями. Распределение полномочий, их реализация органами местного самоуправления в этих регионах представляют интерес, а совершенствование правового регулирования и практики ориентировано на более полное использование экономического потенциала, сосредоточенного в данных городах и повышение качества жизни населения.

Теоретические основы распределения полномочий между уровнями управления

Вопросы централизации управления, распределения полномочий между местными и

государственными властями изучались российскими и зарубежными исследователями на протяжении долгого времени. В данном направлении сформулирован ряд общих теоретических постулатов, некоторые из которых могут быть применены и при анализе закрепления полномочий за местными властями в городах федерального значения. В частности, можно отметить такие классические работы как теорема о децентрализации [1] и принцип субсидиарности. Все они полагают, что услуга при прочих равных условиях должна предоставляться на максимально приближенном к населению уровне управления, если при этом не уменьшается эффективность ее предоставления.

В противовес данному подходу в российской практике в большей степени применяется остаточный принцип распределения полномочий, когда местные власти принимают на себя те полномочия, которые не хотят или не могут исполнять органы власти более высокого уровня. Этот подход создает определенные проблемы, связанные с несбалансированностью интересов населения и власти, а также региональных и местных властей. В городах федерального значения такой дисбаланс интересов проявлен еще сильнее в связи с тем, что вопросы организационного, финансового взаимодействия властей в большей степени регулируются не федеральным, а региональным законодательством. Однако применение научно обоснованного подхода к распределению, реализации и финансированию полномочий в данных городах позволит повысить эффективность предоставления бюджетных услуг и муниципального управления в целом.

При распределении полномочий, ресурсов и ответственности между уровнями управления важной является проблема «принципиала-агента». Противоречия подобных индивидуальных задач и возложенных на управленцев полномочий в значительной мере соответствуют конфликтам интересов в паре «принципиал-агент» более изученной на примере взаимодействием акционеров и менеджеров в крупном бизнесе. Наемным менеджерам (как и чиновникам-управленцам местного и регионального уровней) присущи интересы, связанные с ростом оплаты труда, получением различных бонусов и атрибутов престижа. При двухуровневой системе управления в городе представители органов местного самоуправления могут попадать в «двойные» и даже более сложные цепочки агентских отношений, связанные с взаимодействием властей на городском уровне, осуществляемым одновременно с формальной подотчетностью жителям. Данные аспекты проблемы согласования интересов рассмотрены в ряде исследований преимущественно политологической направленности, в которых сами органы местного самоуправления рассматриваются в рамках отношений «принципиал-агент» [2]. Во взаимодействии с населением ситуация осложняется тем, что принципиал в данном случае имеет только неполный договор со своим агентом. Существование подобной ситуации связано с проблемами выполнения обязательств, так как агенты могут не соблюдать условия договора [3, с. 41], что может приводить, в частности, и к усилению миграционных процессов [4]. В случае двухуровневой системы управления агент для принципала становится еще более сложной структурой, взаимодействие с которой, включая и контроль результатов, усложняется.

Для сглаживания данного противоречия в современных условиях были предложены идеи управления, ориентированного на граждан (как альтернативы управления, ориентированного на результат), которое базируется на принципах прямой демократии на местном уровне, подотчетности работы властей по принципу снизу вверх, а также реализацией местными властями роли координатора сетевых структур поставщиков услуг

[5, с. 14]. В целом такой подход предполагает рост роли принципалов в потенциально конфликтных агентских отношениях. Такой подход применим в крупных городах, где уровень образования и доходов населения в целом выше, чем в целом по стране. Таким образом, важным аспектом взаимодействия властей и населения является согласование разнородных интересов, влияющих на принятие решений в системе управления социально-экономическими процессами и удовлетворенность жителей бюджетными услугами [6, с. 577]. Нужно учитывать, что «в современном планировании будущие ориентиры определяются не единоличным решением планирующего субъекта (органа власти), обладающего монопольным правом на такие решения, находящегося как бы вне планируемой реальности (планирование действий других), но при этом полностью контролирующей ее, а представляют собой результат взаимодействия многих субъектов, движимых их собственными интересами, непосредственно участвующими в планировании и имеющими возможность частично контролировать (в пределах своей доли участия) планируемую реальность» [7, с. 5].

Полномочия органов местного самоуправления внутригородских территорий в городах с двухуровневой системой управлений

Для всех муниципальных образований за исключением внутригородских круг вопросов местного значения определен Федеральным законом № 131. Для большинства крупных городов, которые крайне значимы для развития современной России, так как наблюдается тенденция усиления агломерационного эффекта, проявляющегося, в частности, в концентрации населения в городах, создающей предпосылки для их ускоренного развития [8, с. 42], полномочия и ресурсы распределяются исходя из положений БК РФ и Федеральным законом № 131, относящихся к городским округам. Исключение из перечня агломераций в данной сфере – это Москва и Санкт-Петербург, являющиеся городами федерального значения, т.е. субъектами РФ. Аналогичные подходы применяются и в Севастополе, который, по нашему мнению, нельзя отнести к агломерациям.

Подход к распределению полномочий в каждом из городов федерального значения имеет свою специфику. Подобный подход, когда муниципалитеты не имеют закрепленных за ними источников доходов на долговременной основе, а сталкиваются с ежегодным пересмотром нормативов зачисления доходов, в зависимости от положений закона о региональном бюджете, неизбежно провоцирует развитие проблемы мягких бюджетных ограничений [9, с. 16].

При распределении полномочий в городах с двухуровневой системой управления нужно принимать во внимание два важных обстоятельства: компактность проживания населения, его сравнительно высокую численность. Два этих отличия должны учитываться при анализе опыта двухуровневых моделей управления, применяемых в муниципальных районах, где численность населения обычно невелика, а система расселения принципиально отличается от крупных городов.

Однако и среди городов федерального значения имеются существенные отличия. Каждый имеет свою специфику и предпосылки организации системы МСУ. У Москвы и Санкт-Петербурга достаточно много сходств в данной сфере [10, с. 26], а Севастополь принципиально отличается, являясь не крупным и дотационным субъектом РФ [11, с. 131]. Так, количество муниципальных образований в Москве и Санкт-Петербурге превышает 100, а в Севастополе их 10, а численность населения в Севастополе на порядок меньше чем в Москве и Санкт-Петербурге. По численности населения, количеству внутригородских муниципальных образований Севастополь ближе к городским округам с внутригородским делением. При этом, он является субъектом федерации, а не городским округом, что может рассматриваться как сравнительное преимущество, исходя из перечня налоговых доходов, закрепленных за регионами. Содержание местных полномочий и их ресурсное обеспечение требует дальнейшего реформирования [12, с. 52].

Сравнивая Москву и Санкт-Петербург можно отметить, что отличием является то, что на территории Москвы действуют два разных режима регулирования местного само-

управления. Один применяется к внутригородским муниципальным районам, другой – к городским округам и поселениям «новой Москвы». Внутригородские районы функционируют в условиях крайне ограниченного перечня полномочий и ресурсов для их реализации, на территории новой Москвы сохранена ситуация сходная с положением МСУ в других субъектах РФ.

Для муниципальных округов типична ситуация, когда полномочия включают лишь управленческие полномочия на уровне внутригородской территории, полномочия по созданию и обеспечению функционирования муниципальных средств массовой информации, полномочия по проведению местных праздников, а также реализацию отдельных мероприятий социальной политики в отношении муниципальных служащих, а именно организацию выплаты им муниципальных пенсий и прочих выплат). Полномочий по благоустройству у муниципальных округов в Москве нет, они сосредоточены на региональном уровне.

В бюджетах городских округов и поселений Москвы наблюдается совершенно иная, чем в муниципальных округах структура и ресурсная обеспеченность реализации полномочий. В частности, удельный вес расходов на управление существенно ниже, решаются вопросы в области образования, ЖКХ и дорожного строительства. Например, в городском округе Троицк в 2018 г. доля расходов на управление составила 18 % расходов местного бюджета, а в городском округе Щербинка – 28 %. Расходы на образование в Троицке – 48 %, на благоустройство – 9 %, а на дорожное хозяйство – 6 %. В городе реализуется муниципальная программа «Развитие и функционирование автомобильных дорог местного значения и улично-дорожной сети в городском округе Троицк»). Доходы Троицка составляет 7 % всех доходов московских муниципальных образований, при этом его население составляет около 0,5 % от численности населения Москвы. Все это явно иллюстрирует асимметрию в распределении полномочий и источников их финансирования в городе.

Распределение полномочий между региональным и местным уровнем управления

неизбежно связано с закреплением налоговых доходов и выделением трансфертов различным уровням управления. Проблемы подобного взаимодействия изучались как зарубежными [13, с. 148], так и российскими исследователями [14; 15]. Однако ситуация на местном уровне в городах федерального значения сложнее, чем в остальных муниципальных образованиях и кроме общих проблем современного бюджетного процесса, связанных в частности с многоканальностью целевого финансирования, им присущи и специфические проблемы требующие особого осмысления и поисков путей решения.

При сравнении объемов полномочий и их ресурсной обеспеченности в Москве и Санкт-Петербурге в большинстве случаев целесообразно будет в качестве базы для сравнения по Москве рассматривать лишь муниципальные округа. Сравнение с «новой» Москвой не вполне корректно, в связи с тем, что значительные объемы полномочий сосредоточены в двух городских округах (Троицк и Щербинка), ситуацию в которых не корректно экстраполировать на Москву в целом. Полномочия внутригородских территорий Москвы и Санкт-Петербурга сходны в сфере управления, СМИ, организации местных праздников. Однако в ряде вопросов наблюдаются существенные отличия, состоящие в том, что полномочия местных властей в Санкт-Петербурге существенно шире по сравнению с муниципалитетами «старой» Москвы. Существенные различия между полномочиями внутригородскими муниципальными образованиями в г. Москве и Санкт-Петербурге наблюдаются в сфере культуры, в Санкт-Петербурге полномочия местных властей разнообразнее. В муниципальных округах г. Москвы, где проживает большая часть населения данного субъекта РФ, полномочиями муниципального уровня в области культуры является только финансирование проведения районных праздников и мероприятий. Остальные вопросы в данной сфере решаются централизованно, минуя муниципальный уровень управления. Аналогичная ситуация сложилась и при решении вопросов в области молодежной политики.

Во всех городах федерального значения у муниципальных образований есть полномо-

чия в области физкультуры и массового спорта, но они отличаются. В Москве полномочия муниципальных округов в данной сфере не связаны с расходованием средств и ограничиваются внесением профильных предложений на региональный уровень управления и заслушиванием информации руководителей соответствующих учреждений. В отношении городских округов и поселений законодательство г. Москвы о местном самоуправлении предполагает обеспечение условий для развития физической культуры и массового спорта, организацию проведения официальных физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий муниципального образования. В Санкт-Петербурге муниципальные полномочия в области массового спорта более обширны и предполагают непосредственное использование финансовых ресурсов для их реализации.

Особенности обеспечения полномочий внутригородских ОМСУ в городах федерального значения

Рассмотрим, как обеспечены полномочия и какова величина сравнительного финансирования различных направлений расходов местных бюджетов в городах федерального значения (табл. 1).

Среди расходов бюджетов внутригородских МО г. Севастополя явно преобладают расходы, связанные с решением общегосударственных вопросов, (более трети всех средств) и расходы в области благоустройства (почти 60 %). Все остальные расходы крайне незначительны и суммарно составляют лишь 4 % расходов бюджетов. Так, в расчете на 1 жителя расходы в области молодежной политики не превышают 1 руб. в год в расчете на одного жителя, а в сфере физкультуры и массового спорта не превышают 10 рублей.

В Санкт-Петербурге большая часть полномочий местных властей связана с реализацией мероприятий в области благоустройства [16, с. 81]. На втором месте по значимости, как и в г. Севастополе – расходы на управление (более 20 % расходной части бюджетов внутригородских МО). Существенна роль расходов в области социальной политики – более 10 %, по данному направлению преобладают расходы в области «охраны семьи и детства»,

Таблица 1 – Структура расходов бюджетов внутригородских муниципальных образований в городах федерального значения в 2018 г. (%)

Направления расходов	Севастополь	Санкт-Петербург	Москва
Управленческие расходы	36,5	22,6	23,54
Национальная экономика	5	5	13,74
ЖКХ (благоустройство)	53,3	46,3	39,79
Молодежная политика, образование	0,1	1,74	8,89
Культура	3,7	10,44	5,93
Физкультура и массовый спорт	0,8	1,23	3,21
СМИ	0,6	1,43	1,32
Социальная политика	0	10,93	1,94
Прочие расходы	0	0,33	1,64
Итого:	100	100	100

расходы в сфере культуры также составили 10 %. Оба данных направления играют значимую роль для муниципальных образований в Санкт-Петербурге.

В сфере образования расходы бюджетов внутригородских МО Санкт-Петербурга включают расходы на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации, а также на молодежную политику.

В Москве муниципальное пространство неоднородно, поэтому средние значения, характеризующие структуру расходов, не вполне информативны. Так, в среднем по муниципальным образованиям Москвы около 40 % всех расходов местных бюджетов составляют расходы в области благоустройства, четверть расходов бюджета – это расходы управленческого характера, но в бюджетах муниципальных округов доля расходов на управление превышает 70 %, а расходы на благоустройство отсутствуют.

Таблица 2 – Основные расходы местных бюджетов в расчете на одно муниципальное образование (млн руб.)

Города	Расходы на управление ¹	Расходы на благоустройство
Москва	30,5	42,43 ²
Санкт-Петербург	27,6	55,9
Севастополь	13,8	22,34

¹Уровень расходов на управление существенно варьируется по типам муниципальных образований, в муниципальных округах он составляет 75–80 % от общего объема расходов местных бюджетов, а в городских округах около 20 %.

²Данная величина является средней по всем муниципальным образованиям Москвы, в том числе муниципальным округам, не осуществляющим расходов на благоустройство, расчет по поселениям и городским округам, из бюджетов которых фактически финансируется благоустройство дает существенно более высокое значение показателя – 295 млн руб. в расчете на одно муниципальное образование, фактически финансирующее расходы на благоустройство.

Таким образом, общая тенденция по городам федерального значения: значительная роль расходов на управление и на благоустройство. Хотя полномочия в данной области распределены и финансируются в разных городах принципиально разными способами. Удельный вес остальных расходов в местных бюджетах существенно меньше двух названных направлений.

Для сравнения обеспеченности финансовыми ресурсами реализации конкретных полномочий целесообразно использовать показатели в расчете на одного жителя или в расчете на одно муниципальное образование. В отношении расходов на благоустройство и управление сравнение проводилось в расчете на одно муниципальное образование (табл. 2).

Расходы на благоустройство и управление в расчете на одно муниципальное образование существенно ниже в Севастополе (несмотря на то, что данные расходы значительно преобладают в бюджетах внутригородских муниципальных образований Севастополя над другими расходами).

Как в г. Москве, так и в Санкт-Петербурге значительны расходы бюджетов внутригородских МО в сфере ЖКХ, включающей в себя финансирование благоустройства. При этом, в Москве в сфере ЖКХ наряду с преобладающими расходами на благоустройство, определен-

ную роль играют и расходы в области жилищного хозяйства – составляющие 3,5 % от общего объема расходов местных бюджетов в субъекте РФ. Это расходы, осуществляемые исключительно из бюджетов поселений и городских округов. Например, в бюджете Троицка доля данных расходов 2 %, в поселенческих бюджетах данный показатель еще выше. В московских местных бюджетах, в отличие внутригородских бюджетов Санкт-Петербурга присутствуют и расходы на коммунальное хозяйство, хотя они и незначительны по сравнению с остальными расходами по направлению ЖКХ. Данные расходы – это также расходы бюджетов городских округов и поселений, находящихся в «новой Москве».

В муниципальных округах Москвы применяется специальный режим финансирования части расходов на благоустройство и капитальный ремонт. Он предполагает, что согласованием планов и приемка работ происходит с участием муниципальных депутатов. В частности, это затрагивает такие направления благоустройства как благоустройство дворовых территорий, парков и скверов, а также устройство наружного освещения и озеленение во дворах. Аналогичный подход применяется и в отношении реализации мероприятий по капитальному ремонту домов.

Важно, что в расчете на одно внутригородское муниципальное образование «согласуемые» расходы в области благоустройства составляют 240 млн руб. Для иллюстрации масштаба «согласуемых» вопросов нужно соотнести расходы, осуществляемые в рамках реализации полномочий региональных властей с суммарными расходами бюджетов внутригородских муниципальных образований: «согласуемые» расходы почти в 4 раза превышают те, которые финансируются из местных бюджетов.

Такой характер распределения полномочий, ресурсов и ответственности может рассматриваться как «гибридный», полномочие, когда полномочие субъекта РФ получает некоторые незначительные атрибуты полномочия органов местного самоуправления. Данные атрибуты проявляются на стадиях планирования и контроля, но исключены в области ресурсного обеспечения и реализации. На наш

взгляд, такое «расщепление» полномочий в долгосрочном периоде нежелательно и является предпосылкой для их дальнейшего перераспределения между уровнями управления.

Расходы местных бюджетов в расчете на одного жителя представлены на рис. 1.

В Севастополе собственные доходы местных бюджетов тратятся преимущественно на управление, а финансирование благоустройства происходит за счет субвенций. Среди полномочий, на реализацию которых тратятся наиболее существенные объемы ресурсов, следует выделить культуру и массовый спорт, физкультуру и СМИ. В частности, в области культуры внутригородские муниципальные образования в соответствии с законом города о местном самоуправлении (Закон города Севастополя от 30.12.2014 N 102-3С (ред. от 26.03.2018) «О местном самоуправлении в городе Севастополе») наделены такими полномочиями, как создание условий для организации досуга и обеспечения жителей внутригородского муниципального образования услугами организаций культуры, организация местных и участие в организации и проведении городских праздничных и иных зрелищных мероприятий, организация мероприятий по сохранению и развитию местных традиций и обрядов, организация и проведение досуговых мероприятий для детей и подростков, проживающих на территории внутригородского муниципального образования. Реализация данных полномочий связана с расходованием бюджетных средств.

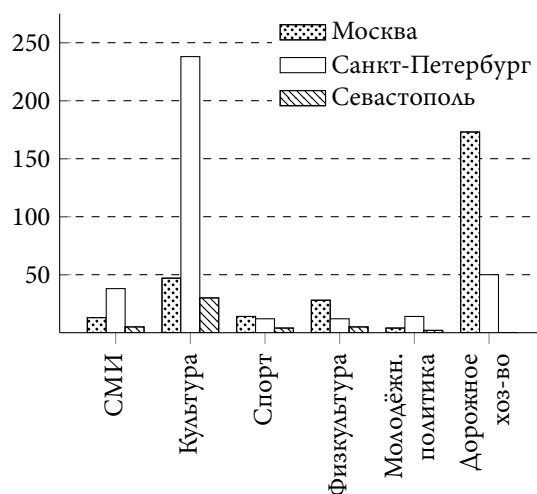

Рисунок 1 – Финансирование расходных полномочий на местном уровне в Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе (руб.)

Однако в целом полномочия в области решения инфраструктурных и социальных задач финансируются на более низком уровне по сравнению с двумя другими городами федерального значения.

В Санкт-Петербурге финансовая система может быть охарактеризована как умеренно децентрализованная, что означает передачу ряда значимых полномочий на местный уровень и соответствующее перераспределение доходов. В частности, в социальной сфере следует выделить расходы в области культуры и молодежной политики, которые в расчете на одного жителя существенно выше, чем в других городах федерального значения. В экономической сфере существенную роль играют расходы на финансирование дорожного хозяйства, которые не относятся к полномочиям муниципальных округов Москвы и внутригородских муниципальных образований Севастополя.

В Москве основной чертой распределения полномочий является их неоднородность. Финансовое взаимодействие с муниципальными округами происходит в рамках централизованной модели, предполагающей передачу на местный уровень незначительных объемов бюджетных доходов и преобладание среди полномочий осуществления управленческой деятельности. Одновременно в городских округах и поселениях реализованы принципы децентрализованного взаимодействия, когда за местным уровнем управления закреплён широкий круг полномочий. Объёмы и стоимость полномочий муниципальных образований новой Москвы могут быть проиллюстрированы тем, что объём расходов на дорожное хозяйство, массовый спорт и физкультуру столь высок, что существенно превосходит аналогичные показатели в других городах федерального значения.

Передача полномочий внутригородским муниципальным образованиям Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя

Кроме собственных полномочий органы МСУ реализуют и делегированные полномочия, получая из вышестоящих бюджетов субвенции. Практика передачи полномочий между уровнями управления активно применяется в современной России. Если ранее была ши-

роко распространена практика передачи местных полномочий региональным властям [17, с. 121], а также их передача от поселений муниципальным районам [18, с. 62], то сейчас намного более распространено делегирование полномочий с регионального уровня на местный. Не исключение и органы МСУ внутригородских муниципальных образований. Масштабы передачи полномочий местным властям и содержание полномочий существенно отличаются в городах федерального значения.

В г. Севастополе на местный уровень передаются полномочия в сфере благоустройства и на реализацию полномочий города по ведению похозяйственных книг в целях учета личных подсобных хозяйств и предоставления выписок из них. Полномочия в области благоустройства являются существенно более дорогостоящими и составляют более 99 % от общего объёма субвенций. Особенностью внутригородских районов в Севастополе является то, что полномочия в области благоустройства не переданы местным властям, а делегируются им, а финансирование их реализации происходит за счёт субвенций.

Отличительной чертой бюджетов внутригородских муниципальных образований Севастополя является то, что доля субвенций в разы выше, чем в других городах с двухуровневой системой управления и составляет более 80 % доходов. Полномочия по благоустройству в г. Севастополе, в отличие от других городов с двухуровневой управления не переданы местным властям, а делегированы им.

Во внутригородских муниципальных образованиях Москвы и Санкт-Петербурга сложилась принципиально иная ситуация. В обоих городах федерального значения делегирование полномочий не носит столь масштабного характера. В Санкт-Петербурге вопросы благоустройства в значительной мере закреплены за внутригородскими районами, а делегируются местным властям три вида полномочий в соответствии со следующими Законами Санкт-Петербурга:

– от 31.10.2007 № 536-109 «О наделении органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге отдельными государственными полномочиями Санкт-Петербурга по организации и осуществлению деятельности по опе-

ке и попечительству, назначению и выплате денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой (попечительством), и денежных средств на содержание детей, переданных на воспитание в приемные семьи, в Санкт-Петербурге»;

– от 16.01.2008 № 3-6 «О наделении органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге отдельным государственным полномочием Санкт-Петербурга по определению должностных лиц местного самоуправления, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, и составлению протоколов об административных правонарушениях»;

– от 23.06.2010 года № 391-99 «О наделении органов местного самоуправления внутригородских муниципальных Курортного, Петродворцового, Петроградского, Пушкинского районов Санкт-Петербурга, отдельным государственным полномочием Санкт-Петербурга по организации и осуществлению в соответствии с адресными программами, утверждаемыми администрациями районов Санкт-Петербурга, уборки и санитарной очистки территорий, за исключением земельных участков, обеспечение уборки и санитарной очистки которых осуществляется гражданами и юридическими лицами либо отнесено к полномочиям исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга».

Таким образом, местные бюджеты получают три вида субвенций, среди них наибольшие объемы средств выделяются на исполнение государственных полномочий по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству (14 % всех доходов местных бюджетов Санкт-Петербурга составили в 2018 г. целевые средства, переданные в виде данных субвенций).

Значимыми также являются и средства, передаваемые из бюджета Санкт-Петербурга, на исполнение органами местного самоуправления переданных государственных полномочий по уборке и санитарной очистке территорий муниципальных образований (в 2018 г. величина данных субвенций составила 5,7 % от общего объема доходов местных бюджетов внутригородских МО).

В Москве в 2017-2018 гг. муниципальным образованиям были делегированы следующие полномочия и переданы соответствующие субвенции: на содержание муниципальных служащих, осуществляющих организацию деятельности районных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав; на содержание муниципальных служащих, осуществляющих организацию досуговой, социально-воспитательной, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы с населением по месту жительства; на содержание муниципальных служащих, осуществляющих организацию опеки, попечительства и патронажа; на осуществление физкультурно-оздоровительной и спортивной работы с населением по месту жительства; на осуществление досуговой и социально-воспитательной работы с населением по месту жительства. Передача полномочий осуществляется дифференцированно по типам муниципальных образований, а основными получателями субвенций являются городские округа и поселения.

Выводы и предложения

1. Объемы полномочий внутригородских муниципальных образований в городах федерального значения сравнимы с кругом полномочий сельских поселений, как группы муниципальных образований наделенных наименьшим кругом вопросов местного значения и, соответственно, наименьшими ресурсами. В муниципальных округах Москвы и внутригородских муниципальных образованиях Севастополя стоимостные объемы реализации полномочий меньше, чем в сельских поселениях, а в Санкт-Петербурге они сравнимы. Нужно учитывать, что те полномочия, которые на территории России за исключением городов федерального значения закреплены за еще одним местным уровнем управления – муниципальными районами в данных городах преимущественно являются государственными полномочиями субъектов РФ.

В ходе проведенного анализа не выявлено связи между экономической самостоятельностью города и подходом к распределению полномочий между органами местного самоуправления и региональными властями. Так, и дотационный Севастополь, и столичные эко-

номически благополучные города используют высокоцентрализованные модели распределения ресурсов и ответственности. Таким образом, причины данного явления носят не экономический, а институциональный характер. При этом, очевидно что такое положение дел не является оптимальным.

Несмотря на общую в современной России тенденцию снижения объема компетенций местных властей и их ресурсной обеспеченности проблемы внутригородских территорий даже на этом фоне проявляются более остро.

Исходя из принципа субсидиарности и теоремы о децентрализации, такое положение дел может негативно сказываться на эффективности реализации полномочий, а значит, и удовлетворенности бюджетными услугами конечных потребителей. Исходя из этого, очевидно, что сложившееся положение дел требует дальнейшей модернизации, нацеленной на повышение уровня децентрализации полномочий и ресурсов в городах федерального значения. При этом нужно учитывать, что компактность проживания населения и его высокая численность являются значимым фактором, который влияет на эффективность оказания услуг региональными или местными властями. В частности, вопросы транспортного обслуживания, дорожного хозяйства, жилищного строительства в крупных городах очевидно следует решать на уровне города в целом, не нарушая принципа единства городского хозяйства. Однако в отношении значительного круга вопросов компактность проживания населения не отменяет разнообразия интересов местных сообществ, учета локальной специфики, а значит, и необходимости закрепления соответствующих полномочий за внутригородскими территориями. В частности, вопросы благоустройства территорий, в значительной мере и реализация мероприятий в области молодежной политики, физкультуры отражают интересы локально проживающих групп населения, и следовательно, их следует решать именно на уровне конкретной внутригородской территории. На данном уровне «видны» проблемы конкретных дворов, скверов, детских площадок, молодежных мероприятий, «привязанных» к месту прожи-

вания. Вопросы детского образования, финансирование которого является одним из основных направлений для муниципальных районов и городских округов современной России, в городах федерального значения, по нашему мнению, следует решать дифференцировано. А именно, некоторые вопросы в области организации дополнительного детского образования следует закрепить за местным уровнем управления, а полномочия в области общего школьного образования сохранить за городскими властями.

2. Общим для всех ГФЗ является предложение по поэтапному увеличению объемов реализуемых органами местного самоуправления полномочий. Изменения в распределении полномочий предлагается проводить на основе анализа сложившейся системы их реализации в субъектах РФ, оценке их эффективности и определении путей трансформации. В частности, те полномочия, по которым используются гибридные схемы в области распределения между уровнями управления ответственности и контроля, следует делегировать местным властям и передавать им соответствующие субвенции. Под гибридными схемами мы понимаем согласование или выбор со стороны местных властей конкретных объектов финансирования, участие местных депутатов в комиссиях по приемке работ, выполненных за счет средств субъектов РФ на территории муниципальных образований.

Полномочия, которые передаются ежегодно на протяжении трех и более лет с передачей соответствующих ресурсов для их реализации (субвенций) целесообразно передать на местный уровень и использовать софинансирование из региональных бюджетов.

В отношении вопросов местного значения, ставших объектами постоянного софинансирования со стороны бюджетов субъектов РФ, мы рекомендуем рассмотреть возможности снижения уровня софинансирования при одновременной передаче местным властям адекватных полномочиям источников налоговых и неналоговых доходов.

Реализация принципа субсидиарности и постепенная передача полномочий и ответственности на местный уровень управления имеет существенные преимущества. Так, воз-

растает заинтересованности местных властей в реализации названных полномочий, повышается эффективность расходов, в связи с тем, что уровень заинтересованности местных властей в экономном использовании средств более существенен в отношении налоговых и неналоговых доходов, а не трансфертов. В случае, когда средства в принципе не передаются в местные бюджеты, а используются лишь механизмы согласования расходов, более вероятно формальное отношение к процедурам участия местных властей.

3. Рассмотрим основные направления реализации предлагаемого научно-методического подхода в трех городах федерального значения.

В Москве проведенный анализ показал необходимость использования двух отличающихся подходов к муниципальным округам и муниципальным образованиям, расположенным на территории новой Москвы. Именно в муниципальных округах очевидна необходимость изменений в вопросах распределения полномочий между уровнями управления, так как на сегодняшний день, более двух третей их бюджетных расходов – управленческие. При этом, сами муниципальные округа генерируют значительные объемы налоговых доходов регионального бюджета и очевидно, есть возможность, перераспределения полномочий и ресурсов, ориентированного на повышение уровня их децентрализации.

Установлен гибридный характер полномочий властей субъектов РФ в области благоустройства и капитального ремонта многоквартирных домов, проявляющийся в обязательном согласовании их практической реализации с местными властями. Исходя из этого, по нашему мнению, эти вопросы – благоустройство придомовых территорий, скверов, дворов, капитальный ремонт многоквартирных домов, наружное освещение и озеленение во дворах – следует делегировать властям муниципальных округов, передавая соответствующие субвенции. На следующем этапе, через 2-3 года в случае успешной практики финансирования делегированных полномочий местными властями предлагается перейти

к закреплению данных полномочий за местным уровнем управления, расширением перечня налоговых доходов бюджетов муниципальных округов и предоставлением им соответствующих субсидий.

В Санкт-Петербурге анализ показал, что значительная часть расходов местных бюджетов финансируется за счет субвенций, данная практика является ежегодной на протяжении значительного количества лет. Вопросы, которые ежегодно передаются местным властям – исполнение полномочий по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству, исполнение органами местного самоуправления переданных полномочий по уборке и санитарной очистке территорий. Стоимость реализации данных полномочий составляет более 20 % от общего объема расходов местных бюджетов. Предлагается перераспределить данные вопросы, закрепив их реализацию за местным уровнем управления, и использовать софинансирование расходов региональными и местным уровнями управления в равных долях. Кроме предоставления субсидий местным бюджетам данное мероприятие потребует передачи им дополнительных налоговых доходов в сумме около 12 % местных бюджетных доходов.

Основной особенностью распределения полномочий и ресурсов в Севастополе является ежегодное делегирование полномочий по благоустройству на местный уровень. Данные расходы составляют более половины всех расходов местных бюджетов. Следует рассмотреть возможности перехода к субсидиарному финансированию. В частности, закреплению полномочий в области благоустройства за внутригородскими муниципальными образованиями и предоставление им субсидий в рамках государственной программы, которую следует подготовить на региональном уровне. В этой программе необходимо предусмотреть софинансирование мероприятий в области благоустройства за счет средств бюджета города федерального значения, которое будет осуществляться в среднесрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tiebout C. A. Pure Theory of Local Expenditures // *The Journal of Political Economy*. 1956. Vol. 64. No. 5. P. 416-424.
2. Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 2. С. 35-51.
3. Шах А. Управление на местном уровне в индустриально развитых странах. М.: «Весь Мир», 2010.
4. Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В. Маятниковая миграция в жизнедеятельности населения пригородов // *Институты развития демографической системы общества сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием / под редакцией А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина*. 2014. С. 184-187.
5. Dollery B. E., Wallis J. L. The political economy of local government. Cheltenham: Edward Elgar, 2001.
6. King D.N. The Political Economy of Local Government: Leadership, Reform and Market Failure. *The Economic Journal*. 2002, vol.112, Iss. 483, pp. 577-578. DOI: 10.1111/1468-0297.t01-21-00083.
7. Швецов А.Н. Стратегическое планирование муниципального развития: полезное начинание или бюрократическая кампания? // *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. 2017. №3. С. 3-7.
8. Качанова Е.А. Бюджет муниципального образования: преимущества и опасности агломерации // *Современный город: власть, управление, экономика*. 2018. Т. 1. С. 41-53.
9. Левина В.В. Особенности управления сбалансированностью местных бюджетов в условиях финансовой нестабильности // *Управленец*. 2015. № 3 (55). С. 12-17.
10. Кузнецова О.В. Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге: масштабы, факторы, последствия для городов // *Проблемы развития территории*. 2018. № 5 (97). С. 26-40.
11. Знаменщиков А.О. Севастополь: особенности местного самоуправления в рамках города федерального значения // *Управленческое консультирование*. 2019. № 5 (125). С. 131-139.
12. Путренко А.Н. К вопросу финансовой самостоятельности местных бюджетов в городе федерального значения Севастополе // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2019. № 6. С. 50-54.
13. Caiden N. The Unruly World of Public Budgeting. *Public Budgeting & Finance*, 2011. vol. 31, pp. 148-155. DOI: 10.1111/j.1540-5850.2011.00997.
14. Гончаров М.В. Перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2019. № 2 (27). С. 82-90.
15. Качанова Е.А., Маточкин Р.В. Эффективность организации бюджетно-налоговой политики муниципального образования в стратегическом планировании развития территории // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2017. № 3 (20). С. 47-56.
16. Нестеренко Е.А. Место и роль муниципального образования в структуре города федерального значения (Санкт-Петербург) // *Актуальные проблемы экономики и управления : сб. ст. Международной научно-практической конференции (Таганрог, 01 июня 2019 г.)*. Уфа, 2019. С. 81-86.
17. Казаков В.В. Организационно-правовые проблемы исполнения и финансирования делегируемых на муниципальный уровень государственных полномочий в условиях бюджетной реформы // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 338. С. 120-122.
18. Проппин А.И. Взаимодействие органов местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений по вопросам передачи части своих полномочий // *Общество и право*. 2011. № 5 (37). С. 62-66.

SOCIAL CHANGES IN THE HUMAN CAPITAL OF RUSSIAN ELDERLY CITIZENS IN LABOR ACTIVITIES

V.V. Levina

Tula State University,
Tula, Russia

ABSTRACT:

In cities with federal status, powers of local governments differ significantly from those of municipalities in the rest of the country. Taking into account the processes of urbanization, the interest in the development of large cities increases greatly. The article is devoted to the study of the allocation of powers between the levels of government in cities with federal status and the development of recommendations for improving the interaction of regional and local authorities in the field of matters of local significance. The research is aimed at identifying specific problems associated mainly with excessive centralization of government and resources in such cities and searching for directions for evolutionary solutions to these problems.

To achieve this goal, it is necessary to analyze the main theoretical insights in the distribution of powers between levels of government and assess their applicability to large cities with a two-level government system, as well as to identify common and special features inherent in the powers of intra-city local government bodies. Based on the analysis, the main problems that have formed in the sphere of distribution and ensuring the implementation of local authorities in cities with federal status are identified, and a scientific and methodological approach is developed to improve the distribution of powers in cities with federal status and develop recommendations for improving the interaction of regional and local authorities in this area.

The research is based on a set of theoretical developments, including the institutional approach, the theory of public choice, the theory of agency conflicts, the decentralization theorem and the principle of subsidiarity.

General scientific principles of system-structural and structural-functional analysis were applied, comparative and dialectical methods were used to study the features of specific municipalities, in combination they allow us to identify common and special features of the allocation of powers between the regional and local levels of government in cities with federal status.

The research has led to the conclusion that today the powers are not always allocated optimally, and it is necessary to increase the level of decentralization of the allocation of powers and resources in Federal cities.

The developed proposals will allow making reasonable changes to certain aspects of the distribution of powers in cities with federal status, aimed at improving the efficiency of government, the coherence of interests of various authorities and the population, and therefore the quality of budget services provided to residents.

KEYWORDS: local government, a city with federal status, an inner-city municipality, local issues, powers, local budget.

AUTHORS' INFORMATION:

Vera V. Levina, Dr. Sci. (Economical), Associate Professor, Tula State University,
92, Lenina str., Tula, 300012, Russia, LevinaVeraV@yandex.ru

FOR CITATION: Levina V.V. Social changes in the human capital of Russian elderly citizens in labor activities // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 33–46.

REFERENCES

1. Turovsky R. F. Russian local self-government: an agent of state power in the trap of underfunding and civil passivity // *Polis. Political research*. 2015. # 2. Pp. 35-51.
2. Shakh A. Governance at the local level in the industrialized countries. Moscow: "Publishing House "All The World", 2010.
3. Chevtayeva N. G., Egunov V. E. Commuting in the life of the population of the suburbs // In the book: Development institutions of demographic systems of society. Proceedings of V Ural demographic forum with international participation. Edited by A. I. Tatarkin, A. I. Kuzmin. 2014. Pp. 184-187.
4. Shvetsov A. N. Strategic planning of municipal development: a useful undertaking or a bureaucratic campaign? // *Municipal property: Economics, law, management*. 2017 # 3. Pp. 3-7.
5. Kachanova E. A. Budget of municipal development: advantages and dangers of agglomeration // *Modern city: power, management, economy*. 2018. Vol. 1. Pp. 41-53.
6. Levina V. V. Features of managing the balance of local budgets in terms of financial instability // *Manager*. 2015. No. 3 (55). Pp. 12-17.
7. Kuznetsova O. V. Concentration of economic activity in Moscow and Saint Petersburg: scales, factors, consequences for cities // *Problems of territory development*. 2018. No. 5 (97). Pp. 26-40.
8. Znamenshchikov A. O. Sevastopol: features of local self-government within the city of federal status // *Management consulting*. 2019. No. 5 (125). Pp. 131-139.
9. Putrenko A. N. On the issue of financial independence of local budgets in Sevastopol city of federal status // *State power and local self-government*. 2019. No. 6. Pp. 50-54.
10. Goncharov M. V. Redistribution of powers between local self-government bodies and public authorities of the subject of the Russian Federation // *Municipality: economy and management*. 2019. No. 2 (27). Pp. 82-90.
11. Kachanova E. A., Matochkin R. V. Effectiveness of the organization of budget and tax policy of the municipality in the strategic planning of territory development // *Municipality: economy and management*. 2017. No. 3 (20). Pp. 47-56.
12. Nesterenko E. A. Place and role of municipal development in the structure of the city of federal status (Saint Petersburg) // *Topical issues of economy and management (Collected papers. of the International scientific-to-practice conference (Taganrog, June 01, 2019). Ufa, 2019. Pp. 81-86.*
13. Kazakov V. V. Organizational and legal challenges of implementation and financing of state powers delegated to the municipal level in the context of budget reform // *Bulletin of the Tomsk State University*. 2010. # 338. Pp. 120-122.
14. Propishin A. I. Interaction of local self-government bodies of municipal districts and rural settlements on the issues of partial transference of their powers // *Society and law*. 2011. No. 5 (37). Pp. 62-66.

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ДИНАМИКИ ОСНОВНЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕННЫХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК: 338:330.101.541

ББК: 65.9(2Рос)-24+65.012.3

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-47-62

ГРНТИ: 06.52.13

Код ВАК: 08.00.05, 08.00.10

Е.Б. Мицек

Гуманитарный университет,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 554122

С.А. Мицек

Гуманитарный университет,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 554121

АННОТАЦИЯ:

В статье предпринят комплексный анализ макроэкономических тенденций экономики Российской Федерации за 2000–2018 гг. Предметом исследования стала динамика основных макроэкономических переменных, включая валовой внутренний продукт, инвестиции в основной капитал, экспорт и импорт, обменный курс, инфляция и других.

Основная задача, которую пытались решить авторы, состоит в том, чтобы выявить факторы, влияющие на изменение этих переменных. Ее решение позволит дать рекомендации относительно экономической политики, которые следует принять для ускорения темпов экономического роста и макроэкономической стабилизации в целом.

Методологической базой исследования была разработанная авторами эконометрическая модель, а также инструментарий макроэкономического анализа, изложенный как в классических трудах по макроэкономике, так и в прикладных работах посвященных анализу экономики отдельных стран.

Информационной базой данного исследования были, во-первых, статистические базы Федеральной службы государственной статистики и Банка России. Также были использованы статистические данные группы RIM Института Народного хозяйственного прогнозирования РАН и Всемирного Банка.

Используя эти данные, на основе авторской эконометрической модели были рассчитаны, во-первых, эластичности зависимых переменных уравнений модели, что дало возможность определить непосредственное влияние различных факторов на макроэкономические переменные. Во-вторых, с помощью модели были рассчитаны мультипликаторы экзогенных переменных, что позволило оценить влияние экономической политики и внешнеэкономических факторов на основные показатели экономики России.

Проведенный анализ показал, что на падение темпов экономического роста повлияло замедление роста рабочей силы, недостаток инвестиций, стагнация совокупной факторной производительности, замедление совокупного спроса и рост цен на капитальные блага.

Рост цен и тарифов, контролируемых государством, сделал значительный вклад в российскую инфляцию. Анализ мультипликаторов показал сильную зависимость экономики России от демографических и внешнеэкономических факторов, что создает препятствия для ее дальнейшего роста.

Делается вывод, во-первых, о необходимости смягчения денежной и фискальной политики, во-вторых, о том, что единственным устойчивым фактором долгосрочного роста экономики России

может быть повышение совокупной факторной производительности, что требует существенного повышения инвестиций в техническую модернизацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: макроэкономика, валовой внутренний продукт, совокупный спрос, валовое накопление основного капитала, инфляция, обменный курс, экономический рост, эластичность, мультипликатор.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Елена Борисовна Мицек, доктор экономических наук, Гуманитарный университет, 620049, Россия, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19, emitsek@mail.ru

Сергей Александрович Мицек, доктор экономических наук, доцент, Гуманитарный университет, 620049, Россия, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19, sergey.mitsek@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мицек Е.Б., Мицек С.А. Анализ факторов динамики основных макроэкономических переменных Российской Федерации // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 47–62.

Введение

Данная статья посвящена макроэкономическому анализу экономики России за период 2000–2018 гг.

Этот анализ базируется на результатах авторской эконометрической модели, при построении которой были частично использованы результаты других работ, посвященных эконометрическому моделированию России, таких как С. А. Айвазяна и его коллег (см. [1, с. 85-111]; [2, с. 3-25]; [3, с. 7-31]), О. Basdevant [4, с. 305-36], А. Benedictow e.a. [5, с. 400-428], Т. Perifanis e.a. [6, с. 7-13], а также других стран, например, модель экономики Австрии [7].

Эконометрические детали авторской модели представлены в печатном виде (см. [8]), а так же в электронном виде [9].

Авторами использовался классический (не эконометрический) макроэкономический анализ, опирающийся не только на известные труды по макроэкономической теории (см. [10], [11], [12]), но и на ее практические приложения при анализе экономики конкретной страны (самый характерный пример – регулярный Доклад Всемирного Банка по экономике [13]).

Задачей данной статьи явилось объяснение динамики макроэкономических показателей экономики России, а именно выявить основные факторы и оценить их количественное воздействие на эти показатели.

Важно понять причины замедления темпов роста российской экономики после 2008 г. и дать рекомендации по их повышению, прояснить динамику инфляции, обменного курса,

потребительского спроса и доходов, а также других переменных, характеризующих макроэкономическое положение страны.

Специфика используемого в статье инструментария состоит в следующем. На основе параметров уравнений модели были рассчитаны эластичности зависимых переменных по независимым переменным. Опираясь на их значения, в данной статье оценивалось влияние различных факторов на динамику зависимых переменных.

Далее, с помощью рассчитанных на основе модели импульсных мультипликаторов производилась оценка воздействия экзогенных переменных на эндогенные переменные, что позволяет выявить роль мировой экономики, государственной политики и иных «внешних» факторов в формировании тенденций экономики России.

Таблицы с рассчитанными эластичностями и мультипликаторами представлены в издании авторов [8], а также [9].

Источниками статистических данных послужили преимущественно сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [14], сайт Банка России [15] и сайт группы RIM Института Народного хозяйства Прогнозирования РАН [16].

При использовании других источников, будут делаться особые ссылки.

Производство

Период после 2008 г. показал существенное замедление темпов роста ВВП России и его основных компонентов (см. табл. 1). Оно затронуло, как мы видим, в первую очередь

Таблица 1 – Среднегодовые темпы роста физического объема ВВП России в неизменных ценах и его основных компонентов, % в год (примеч. 1)

Показатель	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
ВВП	3,53	6,04	1,83	0,80
Потребительские расходы домашних хозяйств	5,59	9,93	4,05	-0,33
Валовое накопление основного капитала	5,71	11,13	2,13	-0,01
Государственные закупки товаров и услуг	0,96	1,81	0,40	0,00
Экспорт	4,92	7,27	1,88	3,82
Импорт	8,71	17,93	4,00	-1,88

Таблица 2 – Изменение удельного веса основных компонентов ВВП России (примеч. 2)

Показатель	Q4 1999	Q4 2008	Q4 2013	Q4 2018	Среднее
Потребительские расходы домашних хозяйств	0,507	0,503	0,523	0,499	0,505
Валовое накопление основного капитала	0,163	0,208	0,212	0,225	0,197
Государственные закупки товаров и услуг	0,170	0,186	0,182	0,174	0,178
Экспорт	0,377	0,299	0,269	0,290	0,315
Импорт	0,246	0,210	0,204	0,208	0,218

потребительские расходы домашних хозяйств и инвестиции в основной капитал, а также импорт. При этом темпы роста экспорта ускорились после 2013 г. Темпы роста государственных закупок снижались более плавно.

Чтобы учесть роль ценовых факторов, рассмотрим изменение структуры ВВП по расходам (см. табл. 2).

Таблица 2 показывает рост удельного веса инвестиций в основной капитал, что может быть оценено положительно, но с оговорками, так как опережающий рост цен инвестиционных товаров замедляет экономический рост.

После 2013 г. заметно и повышение удельного веса экспорта, хотя для такой страны, как Россия, эта величина не является большой (примеч. 3).

Итак, со стороны совокупного спроса до 2008 г. росту экономики России способствовали быстрый рост потребительских расходов, валового накопления основного капитала и экспорта, а препятствием был быстрый рост импорта. После 2013 г. «тянули» экономику России только рост экспорта и сокращение импорта.

В то же время, поскольку наша экономика сильно зависит от импорта факторов производства и технологий, долгосрочное снижение импорта нежелательно, так как это может отрицательно сказаться на совокупной факторной производительности (примеч. 4).

Для анализа динамики ВВП со стороны предложения использовался инструмента-

рий производственных функций, а именно традиционная функция Кобба – Дугласа с постоянной отдачей от масштаба. Но, кроме численности занятых и основного капитала, в нее были включены индекс совокупного спроса, ликвидность и некоторые другие переменные.

Причина состоит в том, что теоретическая трактовка производственной функции состоит в определении максимально возможного выпуска при данных затратах факторов производства (см. [20, pp. 197], [21, с. 340]). Однако, статистические данные отражают не максимальный, а фактический выпуск. На величину «зазора» между максимальным и фактическим выпуском (примеч. 5) могут влиять упомянутые выше переменные.

Формула индекса совокупного спроса была сформулирована так:

$$AD = \frac{C^{SC} \times I^{SI} \times G^{SG} \times EXP^{SEXP}}{IMP^{SIMP}}, \quad (1)$$

где AD – указанный индекс, C – индекс физического объема потребительских расходов, I – индекс физического объема валового накопления основного капитала, G – индекс физического объема государственных закупок, EXP – индекс физического объема экспорта, IMP – индекс физического объема импорта, SC , SI , SG , $SEXP$, $SIMP$ – доля этих величин в ВВП, соответственно.

Динамика основных регрессоров, влияющих на объем производства в производственной функции, приведена в таблице 3.

Таблица 3 – Среднегодовые темпы роста основных регрессоров производственной функции, а также сопутствующих величин, % в год (примеч. 6)

Показатель/Период	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Индекс физического объема основного капитала в неизменных ценах	2,33	1,69	4,64	1,21
Численность занятых	0,90	1,59	0,18	0,38
Индекс совокупного спроса	3,97	6,29	2,60	1,25
Дефлятор валового накопления основного капитала	11,62	15,45	9,65	6,94
Численность экономически активного населения	0,46	0,83	0,13	0,15
Совокупная производительность труда и капитала	1,94	4,08	0,30	-0,21

Таблица 3 показывает, что после 2008 г. падение темпов роста ВВП определялось в первую очередь динамикой численности занятых, совокупного спроса и совокупной производительности, а после 2013 г. снизились темпы объема основного капитала (примеч. 7). В то же время замедление роста цен на инвестиционные товары препятствовало падению темпов экономического роста (примеч. 8).

Попробуем объяснить динамику всех этих факторов. Как показывает модель, главным регрессором, определяющим занятость в России, является численность экономически активного населения, отражающая предложение труда. Из таблицы 3 мы видим, что ее темпы резко снизились после 2008 г., а они, в свою очередь, зависят от возрастной структуры населения, иммиграции и уровня экономической активности.

Постепенное снижение удельного веса населения в трудоспособном возрасте началось в 2008 г., а в соответствии с демографическим прогнозом Росстата (примеч. 9) эта величина будет снижаться и далее, скорее всего, вплоть до 2027 г. Уровень экономической активности за последние восемь лет почти не менялся (примеч. 10). Миграционный прирост за последние десять лет также постепенно снижался (примеч. 11), и нет оснований ожидать его заметного повышения в будущем. В связи с этим возможности экономического роста России за счет трудовых ресурсов существенно ограничены.

Если рассмотреть динамику основного капитала, то замедление его роста определяется в первую очередь снижением инвестиций, о чем речь пойдет ниже. Положительное влияние на его динамику мог оказать рост реальной зарплаты (замещение между трудом и ка-

питалом) и отрицательное – сокращение импорта (зависимость России от импорта оборудования).

Наконец, рассмотрим еще одну величину, определяющую выпуск продукции, – совокупную факторную производительность (СФП). В двухфакторной производственной функции с постоянной отдачей от масштаба она вычисляется по формуле:

$$TFP = \frac{Q}{K^\alpha \times L^{1-\alpha}}, \quad (2)$$

где TFP – СФП, Q – объем ВВП в неизменных ценах, K – объем основных фондов в неизменных ценах, L – численность занятых, α – эластичность выпуска по капиталу (примеч. 12).

Традиционная ее трактовка в «классической» теории – параметр, отражающий роль технического прогресса и знаний (примеч. 13). Но в реальности на эту величину влияют также совокупный спрос и другие величины. До 2008 г. эта величина росла в значительной степени вследствие хорошей конъюнктуры за счет загрузки неиспользуемых ранее мощностей (примеч. 14). Но после 2008 г. ее динамика резко снизилась, что свидетельствует о недостаточной технической модернизации, значительную часть которой современные исследования связывают с распространением интернет и цифровых технологий (примеч. 15).

Совокупный спрос

Перейдем сейчас к анализу совокупного спроса как фактора, влияющего на экономический рост. Начнем с потребительского спроса. Главным фактором, определяющим его величину, является располагаемый доход граждан России, который рассчитывается по из-

вестной формуле (примеч. 16):

$$INCOME = PQ - REV + TRAN, \quad (3)$$

где *INCOME* – располагаемый доход, *PQ* – объем ВВП в текущих ценах, *REV* – доходы государства, включающие налоги, взносы на социальное страхование и неналоговые доходы, *TRAN* – государственные трансферты.

Таблица 4 показывает, что важнейшая причина резкого замедления потребительского спроса – это падение темпов роста располагаемых доходов. В свою очередь, главная причина падения темпов роста доходов – замедление роста их главного источника, ВВП, но, проведем дополнительный анализ.

Таблица 5 показывает, что налоговое бремя росло вплоть до конца 2008 г., но затем снизилось. Аналогичную динамику показал и удельный вес зарплаты в доходах. Удельный вес трансфертов рос вплоть до 2013 г., затем

стабилизировался. Удельный вес прочих доходов снижался до 2008 г., затем вырос и также стабилизировался после 2013 г.

Следовательно, ни налоговое бремя, ни структура доходов не претерпели резких изменений, особенно после 2013 г. То есть, не они, а именно замедление экономического роста послужило главной причиной падения темпов располагаемого дохода.

Рассмотрим отдельно факторы, определяющие величину средней зарплаты. Соответствующее уравнение показало, что наибольшее влияние на ее размер оказывают чистый предельный продукт труда и МРОТ.

Основной причиной замедления роста зарплаты явилось резкое падение темпов чистого предельного продукта труда (табл. 6). При этом быстрый рост реальной величины МРОТ существенно замедлил падение средних заработков.

Таблица 4 – Среднегодовые темпы роста потребительских расходов домашних хозяйств России и факторов, на них влияющих, в неизменных ценах, % в год (примеч. 17)

Показатель/период	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Потребительские расходы домашних хозяйств	5,59	9,93	4,05	-0,33
Располагаемый доход	5,56	8,20	6,37	0,31
Чистая совокупная реальная зарплата	5,66	9,96	3,68	0,23
Государственные трансферты	7,25	10,35	8,95	0,30
Чистая прибыль и прочие доходы	5,35	6,98	7,66	0,26

Таблица 5 – Изменение структуры доходов (примеч. 18)

Показатель	Q4 1999	Q4 2008	Q4 2013	Q4 2018	Среднее
Доходы государства / ВВП	0,296	0,381	0,345	0,358	0,355
Чистая зарплата / Располагаемый доход	0,435	0,510	0,454	0,453	0,474
Трансферты / Располагаемый доход	0,102	0,120	0,141	0,140	0,125
Чистая прибыль и прочие доходы / Располагаемый доход	0,463	0,370	0,405	0,407	0,401

Таблица 6 – Среднегодовые темпы роста чистого предельного продукта труда и минимального размера заработной платы в неизменных ценах, % в год (примеч. 19)

Показатель/Период	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Чистый предельный продукт труда	2,60	4,10	2,24	0,31
МРОТ в неизменных ценах	13,88	23,65	4,22	7,29

Таблица 7 – Среднегодовые темпы роста валового накопления основного капитала по источникам финансирования в неизменных ценах, % в год (примеч. 20)

Валовое накопление основного капитала	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Всего	5,71	11,13	2,13	-0,01
За счет собственных средств организаций	6,22	8,72	5,35	2,70
За счет средств государственного бюджета и внебюджетных фондов	4,16	10,51	0,76	-3,23
За счет банковских кредитов	14,09	29,57	1,20	2,29

Рассмотрим теперь динамику второго элемента совокупного спроса, валового накопления основного капитала.

В разрезе источников финансирования она приведена в таблице 7.

Как мы видим, наибольшее падение темпов наблюдалось в инвестициях за счет средств государства и за счет банковских кредитов. Анализ уравнений показал, что инвестиции за счет государственного бюджета оказывают заметное влияние на инвестиции за счет собственных средств компаний. Поэтому падение темпов первых отчасти обусловило снижение темпов вторых.

Другие факторы, способные оказать влияние на величину инвестиций, представлены в таблице 8. Она показывает резкое замедление:

а) чистой прибыли и чистого предельного дохода на основной капитал, определяющих инвестиции из собственных средств (примеч. 21);

б) банковских кредитов бизнесу, от которых зависят инвестиции за счет этого источника;

в) доходов государства, из которых финансируются государственные инвестиции.

Причиной фактора а) и отчасти фактора в) стало замедление экономического роста и совокупной производительности, а также рост зарплаты, превышающий рост производительности труда.

Еще одним препятствием для инвестиций стала нехватка ликвидности, которая представлена показателем реальных кассовых остатков. В то же время ограничение темпов роста текущих государственных закупок и транспортных тарифов помогло замедлить падение темпов роста инвестиций (примеч. 23).

Рассмотрим теперь два последних элемента совокупного спроса – экспорт и импорт.

Как показывает таблица 9, резкое замедление роста экспортных цен объясняет снижение темпов экспорта после 2008 г. (примеч. 25). Но устойчивый рост мировой экономики (примеч. 26), ослабление рубля и замедление роста цен импорта, от которого зависит вся экономика России, способствовали росту экспорта. Ослабление рубля, равно как и недостаток ликвидности препятствовали росту импорта. Импорт существенно зависит от внутреннего спроса, индекс которого рассчитывался по следующей формуле:

Таблица 8 – Среднегодовые темпы роста факторов, влияющих на объем инвестиций в основной капитал, в неизменных ценах, % в год (примеч. 22)

Показатель/Период	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Чистая прибыль и прочие доходы в неизменных ценах	3,99	5,24	6,17	-0,29
Чистый предельный доход на основной капитал	1,75	5,48	0,04	-3,01
Государственные закупки товаров и услуг	4,74	8,90	3,02	-0,71
Реальные кассовые остатки	11,16	19,42	5,99	2,46
Транспортные тарифы в реальном исчислении	1,78	3,94	0,63	-0,89
Совокупные доходы государства в реальном исчислении	6,22	12,38	1,19	1,03
Банковские кредиты организациям (остаток задолженности) в реальном исчислении	16,78	11,91	6,71	0,35

Таблица 9 – Среднегодовые темпы роста факторов, влияющих на объем экспорта и импорта в неизменных ценах, % в год (примеч. 24)

Показатель/Период	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Долларовый индекс экспортных цен	3,41	10,78	1,72	-7,12
Индекс ВВП стран – членов ОЭСР	1,89	2,07	1,29	2,18
Долларовый индекс импортных цен	1,46	3,33	1,24	-1,59
Курс доллара	5,84	1,87	8,58	10,50
Индекс внутреннего спроса	4,73	8,50	3,01	-0,08
Реальные кассовые остатки (Дефлятор – рублевый индекс импортных цен)	15,31	30,78	6,76	-0,71

$$ID = C^{SCID} \times I^{SIID} \times G^{SGID}, \quad (4)$$

где ID – указанный индекс, C – индекс физического объема потребительских расходов, I – индекс физического объема валового накопления основного капитала, G – индекс физического объема государственных закупок, $SCID$, $SIID$, $SGID$ – их доли, соответственно, в сумме этих трех величин.

Резкое замедление внутреннего спроса также замедлило рост импорта. Замедление роста импортных цен после 2008 г., напротив, сдерживало падение импорта.

Цены

Динамика основных индикаторов инфляции представлена в таблице 10.

Таблица 10 показывает: во-первых, что инфляция снижалась по всем индикаторам; во-вторых, цены, контролируемые государством (дефлятор государственных закупок, индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы и транспортные тарифы) росли в среднем быстрее, чем цены, в большей степени определяемые рынком; в-третьих, после 2013 г. все цены росли примерно одинаковыми темпами за исключением энергетических цен.

Реальные индексы цен по дефлятору ВВП представлены в таблице 11.

Таблицы 10 и 11 показывают, что весьма сильным фактором инфляции в России был рост цен на государственные закупки (примеч. 29). Транспортные тарифы и энергетические цены способствовали этому в меньшей степени.

В то же время вплоть до конца 2013 г. относительно медленный рост цен на потребительские и инвестиционные товары способствовал повышению совокупного спроса и тем самым экономическому росту (примеч. 30).

Таблица 12 дополняет анализ таблицы 11 и показывает, что сильными факторами инфляции в России были рост зарплаты, денежной массы и косвенных налогов, хотя их динамика постепенно снижалась.

Замедление роста ВВП и ослабление рубля также способствовали усилению инфляции (примеч. 33). Замедление роста экспортных и импортных цен после 2008 г. способствовало сдерживанию инфляции.

Из таблиц 10, 12 можно сделать также выводы относительно динамики курса доллара.

Обесценению рубля после 2008 г. способствовало замедление темпа экономического роста и быстрый рост денежной массы, а затем падение экспортных цен. Но постепенное замедление инфляции сдерживало этот процесс.

Таблица 10 – Среднегодовые темпы роста индексов цен внутреннего рынка, используемых в модели, % в год (примеч. 27)

Показатель/Период	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Дефлятор ВВП	12,31	17,60	9,86	5,68
Дефлятор потребительских расходов домашних хозяйств	10,32	13,84	8,06	6,43
Дефлятор валового накопления основного капитала	11,66	15,54	9,65	6,94
Дефлятор государственных закупок	15,70	23,97	11,63	5,91
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	14,15	19,26	10,33	9,14
Индекс транспортных тарифов	13,90	20,66	10,14	6,18

Таблица 11 – Реальные индексы цен, дефлятор ВВП, Q1 1999 = 1 (примеч. 28)

Показатель	Q4 1999	Q4 2008	Q4 2013	Q4 2018	Среднее
Реальный дефлятор потребительских расходов домашних хозяйств	0,994	0,750	0,685	0,713	0,816
Реальный дефлятор валового накопления основного капитала	0,995	0,859	0,851	0,908	0,912
Реальный дефлятор государственных закупок	0,990	1,541	1,677	1,695	1,407
Реальный индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	1,017	1,147	1,185	1,384	1,144
Реальный индекс транспортных тарифов	0,968	1,178	1,204	1,228	1,135

Таблица 12 – Среднегодовые темпы роста факторов, влияющих на инфляцию в России, % в год (примеч. 31)

Показатель/Период	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Долларовый индекс экспортных цен	3,41	10,78	1,72	-7,12
Долларовый индекс импортных цен	1,46	3,33	1,24	-1,59
Курс доллара	5,84	1,87	8,58	10,50
Индекс ВВП	3,53	6,04	1,83	0,80
Удельная стоимость труда (примеч. 32)	13,74	19,84	10,59	6,47
Объем уплаченных косвенных налогов	17,42	26,83	11,52	7,62
Денежная масса	25,10	40,42	16,00	9,58

Банковский и денежный секторы

Приведенная ниже таблица 13 показывает, с одной стороны, быстрый рост банковского сектора России, особенно в период до 2014 г. В то же время мы видим резкое замедление роста кредитования, как граждан, так и организаций после 2008 г. и в еще большей степени после 2013 г.

Причиной замедления роста банковских депозитов явилось: во-первых, снижение темпов роста располагаемых доходов; во-вторых, это постепенное ужесточение денежной политики, приведшее к снижению темпов роста денежной массы; в-третьих, это снижение темпов роста ВВП, что повлияло на депозиты организаций.

С другой стороны, ослабление рубля усиливало интерес к валютным депозитам и спо-

собствовало их росту. Рост объемов экспорта после 2013 г. действовал в этом же направлении. Снижение темпов роста депозитов, основной базы для выдачи кредитов (примеч. 35), ВВП и его элементов, располагаемых доходов замедляло выдачу кредитов. В то же время ослабление рубля и рост объемов экспорта препятствовал снижению темпов валютных кредитов.

Таблицы 14 и 15 характеризуют денежный сектор России. Замедление роста денежной базы, равно как и снижение величины денежного мультипликатора способствовали снижению темпов денежной массы. Если первое зависит в основном от государства, то второе отчасти свидетельствует о замедлении роста эффективности банковской системы (примеч. 38).

Таблица 13 – Среднегодовые темпы роста основных показателей банковского сектора России в реальном исчислении (дефлятор ВВП), % в год (примеч. 34)

Показатель/Период	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Рублевые депозиты домашних хозяйств	13,79	22,02	10,80	5,97
Рублевые депозиты организаций	26,46	60,49	9,74	4,38
Валютные депозиты домашних хозяйств	9,63	9,12	12,53	7,50
Валютные депозиты организаций	14,83	24,05	13,76	4,03
Рублевые кредиты организациям	12,39	24,82	7,32	1,61
Валютные кредиты организациям	7,86	15,92	3,69	1,43
Совокупные кредиты домашним хозяйствам	19,33	42,29	11,43	3,47

Таблица 14 – Среднегодовые темпы роста основных показателей денежного сектора России в реальном исчислении (дефлятор ВВП), % в год (примеч. 36)

Показатель/Период	2000–2018, в среднем	2000–2008	2009–2013	2014–2018
Реальные кассовые остатки	9,21	17,10	5,76	3,71
Денежная база	5,68	10,04	1,71	4,61

Таблица 15 – Показатели деятельности денежного сектора России (примеч. 37)

Показатель	Q4 1999	Q4 2008	Q4 2013	Q4 2018	Среднее
Денежный мультипликатор	1,675	2,527	3,057	2,936	2,624
Номинальная межбанковская ставка процента МІАСR, %	5,85	4,64	7,72	8,54	6,04
Реальная межбанковская ставка процента МІАСR (дефлятор ВВП), %	-12,76	-6,69	0,20	0,76	-4,54

Итогом этих тенденций стало, с одной стороны, снижение инфляции, но с другой – рост процентных ставок, замедливший инвестиции, кредитование и в итоге – экономический рост.

Государственные доходы и расходы

Рассмотрим теперь динамику фискального блока. Из таблицы 16 можно увидеть следующие закономерности.

Расходы, как доля ВВП, росли вплоть до 2013 г. включительно, затем стабилизировались. Но из двух основных видов государственных расходов росли (как доля ВВП) только трансферты, и то лишь до 2013 г.

Доходы государства (как доля ВВП) росли вплоть до 2008 г., затем снижались вследствие снижения ставок ряда налогов, но после 2013 г. стали расти вновь. В то же время неуклонно росли взносы на социальное страхование, надо полагать, вследствие отмены многих льгот и повышения ставок на высокие доходы. Тем не менее, считать, что налоговое бремя в целом повысилось, нельзя. Таким образом, фискальную политику можно в целом признать умеренной.

Анализ мультипликаторов

Как было отмечено во введении, помимо эластичностей, которые рассчитываются на основе отдельных уравнений, модель, как система уравнений, позволяет рассчитать импульсные мультипликаторы. Их значения позволяют сделать следующие выводы.

Среди всех экзогенных переменных наиболее сильное влияние на экономику России оказывает численность экономически активного населения. Это свидетельствует о серьезных препятствиях на пути будущего экономического роста, поскольку согласно прогнозам эта переменная в будущем, если и будет расти, то очень медленно.

На втором месте по силе влияния стоит группа переменных, отражающих влияние мировой экономики, – ВВП стран ОЭСР, экспортные и импортные цены, а также сальдо финансового счета.

Это означает, во-первых, сильную зависимость России от темпов мировой экономики и «капризов» мировых рынков. Подобная уязвимость может стать также серьезным препятствием для нашего дальнейшего развития.

Во-вторых, сильное влияние этой группы переменных на инфляцию в России свидетельствует о том, что благоприятные тренды мировой экономики, способствующие нашему экономическому росту, будут сопровождаться, как правило, усилением инфляции и ростом процентных ставок.

В-третьих, они свидетельствуют о сильной зависимости экономики России от импорта не только в потребительской, но и в производственной сфере (примеч. 40).

На третьем месте по силе влияния стоят текущие государственные расходы. Их рост приводит к заметному снижению инвестиций и кредитов, и к росту процентных ставок, конкурируя за те же денежные ресурсы.

Влияние изменения налоговых ставок в целом слабее, хотя снижение косвенных налогов оказывает заметное положительное влияние на располагаемые доходы. Но снижение налоговых поступлений уменьшает доходы государства, от которых зависят государственные инвестиции, что нивелирует долгосрочный эффект от снижения налогов (прим. 41).

Экзогенные переменные, относящиеся к денежной политике, оказывают наименьшее влияние на состояние экономики (примеч. 42). И все же не стоит забывать о том, что активная денежная политика способствует снижению реальных процентных ставок, а повышение ликвидности стимулирует инвестиции.

Таблица 16 – Таблица 16 – Реальные ставки государственных доходов и расходов (примеч. 39)

Показатель	Q4 1999	Q4 2008	Q4 2013	Q4 2018	Среднее
Государственные закупки плюс трансферты / ВВП	0,257	0,279	0,296	0,293	0,278
Налоговые и неналоговые доходы государства плюс взносы на социальное страхование / ВВП	0,296	0,381	0,345	0,358	0,355

Заклучение

Проведенный анализ выявил факторы, влияющие на основные макроэкономические переменные России, и потому позволяет сделать заключение относительно перспектив нашей макроэкономической динамики.

В условиях стагнации рабочей силы повышение темпов роста мировой экономики и/или цен на экспортные товары России могут существенно увеличить темпы нашего экономического роста. Но вероятность такого развития событий не очень велика. Согласно прогнозам Всемирного Банка, среднегодовой рост мировой экономики к 2021 г. снизится до 2,8 % против 3,0 % в 2018 г., а развитых стран – до 1,5 % против 2,2 % за этот период (примеч. 43). Так как Россия экспортирует преимущественно сырье, то вероятность длительного роста экспортных цен тоже невелика (примеч. 44).

Росту экономики могло бы способствовать снижение текущих государственных расходов, но это неприемлемо по политическим и социальным соображениям. Уменьшение налоговых ставок и активная денежная политика могли бы дать положительный эффект, но не очень сильный.

Поэтому основная надежда на ускорение экономического роста может быть связана только с ростом совокупной производитель-

ности. Само по себе увеличение инвестиций не будет иметь большого эффекта, поскольку, как мы видели, предельная производительность капитала последние годы почти не растет. Эффект могут дать лишь инвестиции, связанные с технической модернизацией, с развитием цифровых технологий в первую очередь, а также значительное увеличение инвестиций в науку, образование и здравоохранение. Другим важным условием роста совокупной производительности могут стать институциональные реформы, нацеленные на защиту частной собственности и создание более привлекательного инвестиционного климата.

И, наконец, несколько слов о будущей инфляции. В России она сильно зависит от внешнеэкономических переменных, на которые мы мало можем повлиять. Но на нее, как мы видели выше, сильное влияние оказывают и те переменные, которые подконтрольны правительству России, – фискальная политика, транспортные тарифы, энергетические цены. Потому умеренная фискальная и денежная политика, контроль над транспортными и энергетическими тарифами, будут гарантировать умеренность инфляции в будущем.

Насколько эффективными окажутся эти изменения в случае проведения их в жизнь – покажут дальнейшие исследования, как, собственно, и само развитие экономики России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Источник: [14], расчеты авторов. В этой и во всех следующих таблицах расчеты были сделаны на основе динамических рядов, сглаженных фильтром Ходрика – Прескотта ($\lambda = 1600$).

2. Источник: [14], расчеты авторов.

3. Так, Hanson Gordon отмечает, что с 1994 по 2008 гг. экспорт из стран с низким уровнем дохода вырос с 26 % до 55 % ВВП, в странах со средним уровнем дохода – с 25 % до 55 % ВВП; в странах с высоким доходом – с 17 % до 26 % ВВП (см. [17, pp. 41-64]).

4. Отметим, что это характерно для многих стран, см., например, работу Keller Wolfgang [18, pp. 752-782]. Данные о зависимости России от импорта станков в статье представлены в труде Я. Циноевой и И. Сафронова [19].

5. Определение этого зазора см., например, в

классической работе Dornbusch Rudiger, Fischer Stanley and Richard Startz [12, p. 15].

6. Источник: [14], расчеты авторов.

7. Последнее, заметим, могло сказаться на совокупной производительности (см. соответствующий анализ в работах Sakellaris Plutarchos and Daniel J. Wilson [22] и Samaniego Roberto M. [23, pp. 164-192]).

8. О снижении цен на оборудование как факторе экономического роста в США см. труды: Sakellaris e.a. [22]; Greenwood e.a. [24, pp. 342-362].

9. Источник: [14], <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstatmain/rosstat/ru/statistics/population/demography>.

10. Источник: [14], <http://www.gks.ru/freedoc/newsite/population/trud/tabtrud4.htm>

11. Источник: [14], <http://www.gks.ru/wps/w>

cm/connect/rosstatmain/rosstat/ru/statistics/population/demography

12. Такой подход является общепринятым, см. обзорную работу Siverson С. С. [25, pp. 326-365].

13. Например, Барро Р. Дж., Сала-и-Мартин Х. [26, с. 36-37].

14. См., например, Доклад Всемирного Банка [27, с. 3].

15. Об этом: Abel Andrew. В. е.а. [10, pp. 220-223]; Sakellaris Р. е.а. [22]; Доклады Всемирного Банка [28] и [29, с. 33-50]; Мицек С. А., Мицек Е. Б. [30]

16. [12, p. 199].

17. Источники: [14], [16]; расчеты авторов. В этой таблице дефлятор – индекс потребительских цен.

18. Источники: [14], [16]; расчеты авторов.

19. Источники: [14]; [16]; расчеты авторов; дефлятор ВВП.

20. Источник: [14]; расчеты авторов. В качестве дефлятора использовался дефлятор валового накопления основного капитала.

21. На эти факторы в качестве основных причин спада в экономике указывает австрийская школа экономической теории (см. Мизес Л. Ф. [31, с. 536-547] и Ротбард М. [32, гл 1]). Об их влиянии на кризис 1997 г. в странах Азии см. в работе Schuman Michael [33, pp. 10-12].

22. Источники: [14]; [16]; расчеты авторов. В этой таблице дефлятор валового накопления основного капитала.

23. Финансовый счет платежного баланса оказывает слабое влияние на инвестиции. Такой результат согласуется с зарубежными исследованиями, см., например, Henry Peter Blair [34, pp. 887-935].

24. Источник: [14], расчеты авторов.

25. Более подробный анализ динамики экспортных цен России представлен в авторской статье, см. [35, с. 5-35].

26. Квартальные данные по мировому ВВП за

длительный период отсутствуют. Поэтому в качестве «представителя» мирового ВВП мы взяли суммарный ВВП стран – членов ОЭСР.

27. Источник: [14], расчеты авторов.

28. Источник: [14], расчеты авторов.

29. Теоретическое обоснование можно найти в работе Sims Christopher [36, pp. 563-584].

30. О снижении цен на оборудование как факторе экономического роста в США см. работы: Greenwood Jeremy [24, pp. 342-362], Fisher Jonas D. М. [37, pp. 413-451].

31. Источники: [14], [15]; расчеты авторов.

32. Средняя зарплата одного работника, деленная на производительность труда.

33. Эти факторы совпадают с общемировыми, см. Fischer Stanley, Ratna Sahay [38, pp. 837-880].

34. Источники: [14], [15]; расчеты авторов.

35. Трактровка депозитов в качестве основной части банковских ресурсов представлена в работе Egan Mark е.а. [39, pp. 169-216].

36. Источники: [14], [15]; расчеты авторов.

37. Источники: [14], [15]; расчеты авторов.

38. Отметим, что аналогичные эффекты имели место и в развитых странах, см. Ueda Kazuo [40, pp. 177-202].

39. Источники: [14], [16]; расчеты авторов.

40. Мы здесь не одиноки. Даже в развитых странах, импорт оказывает положительное влияние на совокупную производительность. Об этом см. труды: Antras Pol е.а. [41, pp. 2514-2564]; Halpern Laszlo е.а. [42, pp. 3660-3703].

41. Интересно, что в США наблюдались аналогичные эффекты, см. Mahedy Tim [43, pp. 30-31].

42. Современная теоретическая дискуссия о причинах слабости денежной политики представлена в работе William Mitchell е. а. [44, pp. 604].

43. Источник: [13, с. 33-34].

44. Подробнее об этом в работе Мицек С. А., Мицек Е. Б. [35, с. 5-35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян С. А., Бродский Б. Е. Макроэконометрическое моделирование: подходы, проблемы, пример эконометрической модели российской экономики // Прикладная эконометрика. 2006. № 2. С. 85-111.

2. Айвазян С. А., Бродский Б. Е. и др. Макроэконометрическое моделирование экономик России и Армении. I. Особенности макроэконо-

мической ситуации и теоретическое описание динамических моделей // Прикладная эконометрика. 2013. № 30(2). С. 3-25.

3. Айвазян С. А., Бродский Б. Е. и др. Макроэконометрическое моделирование экономик России и Армении. II. Агрегированные макроэконометрические модели национальных эконо-

мик России и Армении // Прикладная эконометрика. 2013. № 31(3). С. 7-31.

4. Basdevant O. An Econometric Model of the Russian Federation // *Economic Modelling*. 2000. № 17. P. 305-36.

5. Benedictow A., Fjaertoft D. and Lofsnaes O. Oil Dependency of the Russian Economy: an Econometric Analysis // *Economic Modelling*. 2013. № 32. P. 400-428.

6. Perifanis T. and Dagoumas A. An Econometric Model for the Oil Dependence of the Russian Economy // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2017. № 7(4). P. 7-13.

7. Schneider M. and Leibrecht M. AQM-06: The Macroeconomic Model of the OeNB [электронный ресурс] // URL: <https://ideas.repec.org/p/onb/oenbwp/132.html> (дата обращения 28.04.2018).

8. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Эконометрическая модель Российской Федерации, версия 2019: основные результаты. Екатеринбург: изд. Гуманитарного университета, 2019.

9. Официальный сайт АНО ВО «Гуманитарный университет» [электронный ресурс] // URL: <https://gu-ural.ru/faculties/business-and-management/stranichka-dekana-publikatsii/> (дата обращения 31.10.2019).

10. Abel A. B., Bernanke B. S., Croushore D. *Macroeconomics*. Pearson International Edition, 6th ed., 2008.

11. Burda M. and Wyplosz C. *Macroeconomics. An European Text*. Oxford University Press, 5th ed., 2009.

12. Dornbusch R., Fischer S. and Startz R. *Macroeconomics*. McGraw Hill, Irwin, 11th edition, 2011.

13. Умеренные темпы роста экономики; в центре внимания – неформальный сектор. Доклад об экономике России № 41 [электронный ресурс] // Всемирный Банк. 2019. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/908421560108417755/rer-41-russian.pdf> (дата обращения 28.09.2019).

14. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [электронный ресурс] // URL: www.gks.ru (дата обращения 1.10.2019).

15. Официальный сайт Банка России [электронный ресурс] // URL: www.cbr.ru (дата обращения 2 октября 2019).

16. Официальный сайт группы RIM Института народнохозяйственного прогнозирования РАН [электронный ресурс] // URL: www.macroforecast.ru (дата обращения 3 октября 2019).

17. Hanson G. H. *The Rise of Middle Kingdoms:*

Emerging Economies in Global Trade // *Journal of Economic Perspectives*. Spring 2012. Vol. 26. №. 2. P. 41-64.

18. Keller W. International Technology Diffusion // *Journal of Economic Literature*. Sep. 2004. Vol. 42. № 3. P. 752-782.

19. Циноева Я., Сафронов И., Импортные станки сдаются // *Коммерсант – DAILY*. 1 декабря 2017. № 224.

20. Pyndick R.S., Rubinfeld D. L. *Microeconomics*. Pearson International Edition, 7th edition, 2009.

21. Вэриан Х.Р. *Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход*. М.: ЮНИТИ, 1997.

22. Sakellaris P. and Wilson D. J. Quantifying Embodied Technological Change [электронный ресурс] // *Working Paper Series*. July 2002. № 158. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwp/escbwp158.pdf> (дата обращения 27.08.2019).

23. Samaniego R. M. Entry, Exit, and Investment-Specific Technical Change // *American Economic Review*. March 2010. Vol. 100. № 1. P. 164-192.

24. Greenwood J., Zvi Hercowitz, and Per Krusell. Long-Run Implications of Investment-Specific Technological Change // *American Economic Review*. Jun. 1997. Vol. 87. № 3. P. 342-362.

25. Siverson C. What determines productivity? // *Journal of Economic Literature*. 2011. Vol. 49(2). P. 326-365.

26. Барро Р. Дж., Sala-i-Martin Х. *Экономический рост*. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2010.

27. Российская Федерация, комплексное диагностическое исследование экономики: пути достижения всеобъемлющего роста [электронный ресурс] // Всемирный Банк. 2016а. С. 3. URL: documents.worldbank.org/curated/en/477441484190095052/Russian-Federation-Systematic-country-diagnostic-Pathways-to-inclusive-growth (дата обращения 25.09.2019).

28. Цифровые дивиденды. Доклад о мировом развитии Всемирного Банка [электронный ресурс] // Всемирный Банк. 2016б. URL: <https://data.gov.ru/sites/default/files/presentation/vsemirnyy-bank2016god.pdf> (дата обращения 25.09.2019).

29. Умеренное продвижение вперед. Доклад об экономике России. № 39. С. 33-50. [электронный ресурс] // Всемирный Банк. 2018а. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29913/127254RU.pdf> (дата обращения 26.09.2019)

30. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Региональное раз-

витие и совокупная факторная производительность в регионах России // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 4 (23). С. 6-32.

31. Мизес Л. Фон. Человеческая деятельность. М.: Экономика, 2000.

32. Ротбард М. Великая депрессия в Америке. Челябинск: Социум, 2012.

33. Schuman M. The once and future financial crisis // Business Week. 2017. № 3. P.10-12.

34. Henry Peter Blair. Capital Account Liberalization: Theory, Evidence, and Speculation // Journal of Economic Literature. Dec. 2007. Vol. 45. № 4. P. 887-935.

35. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Экономика Российской Федерации в 2018 году: текущее положение и перспективы на будущее // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4 (27). С. 5-35.

36. Sims Ch. Paper money // American Economic Review. 2013. Vol. 103(2), P. 563-584.

37. Fisher Jonas D. M. The Dynamic Effects of Neutral and Investment-Specific Technology Shocks // Journal of Political Economy. June 2006. Vol. 114. № 3. P. 413-451.

38. Fischer S., Ratna Sahay and Carlos A. Végh. Modern Hyper- and High Inflation // Journal of Economic Literature. Sep. 2002. Vol. 40. № 3. P. 837-880.

39. Egan M., Hortacsu A., and Matvos G. Deposit Competition and Financial Fragility: Evidence from the US Banking Sector // American Economic Review. 2017. № 107(1). P. 169-216.

40. Ueda K. Deleveraging and Monetary Policy: Japan Since the 1990s and the United States Since 2007 // Journal of Economic Perspectives. Summer 2012. Vol. 26. № 3. P. 177-202.

41. Antras P., Fort T. C. and Tintelnot F. The Margins of Global Sourcing: Theory and Evidence from US Firms // American Economic Review. 2017. Vol. 107 (9). P. 2514-2564.

42. Halpern L., Koren M. and Szeidl A. Imported Inputs and Productivity // American Economic Review. 2015. Vol. 105(12). P. 3660-3703.

43. Mahedy T. A lot of huff for a little buff // Business Week. March 2019. P. 30-31.

44. Mitchell W., Randall W., Watts M. Macroeconomics. Macmillan International Higher Education, 1st edition, 2019.

ANALYSIS OF DYNAMICS FACTORS OF THE BASIC MACROECONOMIC VARIABLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

E.B. Mitsek

Institute for Humanities,
Ekaterinburg, Russia

S.A. Mitsek

Institute for Humanities,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

The article provides a comprehensive analysis of the macroeconomic trends of the Russian Federation economy in 2000-2018. The subject of the study is the dynamics of the basic macroeconomic variables, including gross domestic product, fixed capital investment, exports and imports, exchange rate, inflation, and others.

The main task is to identify the factors that affect the change of these variables. Its decision will provide recommendations on economic policies that should be adopted to accelerate economic growth and macroeconomic stabilization in general.

The methodological basis of the research was an econometric model developed by the authors, as well as tools for macroeconomic analysis, described both in classical works on macroeconomics and in applied works devoted to the analysis of the economy of specific countries.

The information base of this study was, first, the statistical databases of the Federal State Statistics Service and the Bank of Russia. Statistical data from the RIM group of the Institute of national economic forecasting of the Russian Academy of Sciences and the World Bank were also used.

Using these data, based on the author's econometric model, the elasticity of the dependent variables of the model's equations was calculated, which made it possible to determine the direct influence of various factors on macroeconomic variables. Second, the model was used to calculate multipliers of exogenous variables, which allowed us to assess the impact of economic policy and foreign economic factors on the main indicators of the Russian economy.

The analysis proved that the decline in economic growth was affected by a slowdown in the growth of the labor force, lack of investment, stagnation of aggregate factor productivity, slowing aggregate demand and rising prices for capital goods.

The increase in state-controlled prices and tariffs has made a significant contribution to the Russian inflation. The analysis of multipliers showed a strong dependence of the Russian economy on demographic and foreign economic factors, which creates obstacles to its further growth.

It is concluded, first, that monetary and fiscal policy must be eased and second, that the only sustainable factor for long-term growth of the Russian economy can be an increase in aggregate factor productivity, which requires a significant increase in investment in technical modernization.

KEYWORDS: macroeconomics, gross domestic product, aggregate demand, gross fixed capital formation, inflation, exchange rate, economic growth, elasticity, multiplier.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena B. Mitsek, Dr. Sci. (Economical), Institute for Humanities,
19, Studencheskaya st., Ekaterinburg, 620049, Russia, emitsek@mail.ru

Sergey A. Mitsek, Dr. Sci. (Economical), Associate Professor, Institute for Humanities,
19, Studencheskaya st., Ekaterinburg, 620049, Russia, sergey.mitsek@gmail.com

FOR CITATION: Mitsek E.B., Mitsek S.A. Analysis of dynamics factors of the basic macroeconomic variables of the Russian federation // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 47–62.

REFERENCES

1. Ayvazyan S. A., Brodsky B. E. Macroeconometric modeling: approaches, problems, an example of an econometric model of the Russian economy // *Applied Econometrics*. 2006. №. 2. P. 85-111. [Ayvazyan S. A., Brodskij B. E. Makroekonometricheskoe modelirovanie: podhody, problemy, primer ekonometricheskoy modeli rossijskoj ekonomiki // *Prikladnaya ekonometrika*. 2006. №. 2. S. 85-111.] – (In Rus.)
2. Ayvazyan S. A., Brodsky B. E. et al. Macroeconometric modeling of the economies of Russia and Armenia. I. Features of the macroeconomic situation and a theoretical description of dynamic models // *Applied Econometrics*. 2013. № 30 (2). P. 3-25. [Ayvazyan S. A., Brodskij B. E. i dr. Makroekonometricheskoe modelirovanie ekonomik Rossii i Armenii. I. Osobennosti makroekonomicheskoy situacii i teoreticheskoe opisanie dinamicheskikh modelej // *Prikladnaya ekonometrika*. 2013. № 30 (2). S. 3-25.] – (In Rus.)
3. Ayvazyan S. A., Brodsky B. E. et al. Macroeconometric modeling of the economies of Russia and Armenia. II. Aggregated macroeconometric models of national economies of Russia and Armenia // *Applied Econometrics*. 2013. № 31 (3). P. 7-31. [Ayvazyan S. A., Brodskij B. E. i dr. Makroekonometricheskoe modelirovanie ekonomik Rossii i Armenii. II. Agregirovannye makroekonometricheskie modeli nacional'nyh ekonomik Rossii i Armenii // *Prikladnaya ekonometrika*. 2013. № 31 (3). S. 7-31.] – (In Rus.)
4. Basdevant O. An Econometric Model of the Russian Federation // *Economic Modelling*. 2000. № 17. P. 305-36.
5. Benedictow A., Fjaertoft D. and Lofsnaes O. Oil Dependency of the Russian Economy: an Econometric Analysis // *Economic Modelling*. 2013. № 32. P. 400-428.
6. Perifanis T. and Dagoumas A. An Econometric Model for the Oil Dependence of the Russian Economy // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2017. № 7 (4). P. 7-13.
7. Schneider M. and Leibrecht M. AQM-06: The Macroeconomic Model of the OeNB [electronic resource] // URL: <https://ideas.repec.org/p/onb/oenb/wp/132.html> (accessed 28.04.2018).
8. Mitsek S. A., Mitsek E. B. Econometric model

of the Russian Federation, version 2019: main results. Ekaterinburg: ed. Liberal Arts University, 2019. [Micek S. A., Micek E. B. Ekonometricheskaya model' Rossiyskoy Federatsii, versiya 2019: osnovnyye rezul'taty. Yekaterinburg: izd. Gumanitarnogo universiteta, 2019.] – (In Rus.)

9. The official website of Liberal Arts University [electronic resource] // URL: <https://gu-ural.ru/faculties/business-and-management/stranichka-dekana-publikatsii> (accessed 31.10.2019). [Ofitsial'nyy sayt ANO VO «Gumanitarnyy universitet» [elektronnyy resurs] (data obrashcheniya 31.10.2019).] – (In Rus.)

10. Abel A. B., Bernanke B. S., Croushore D. Macroeconomics. Pearson International Edition, 6th ed., 2008.

11. Burda M. and Wyplosz C. Macroeconomics. An European Text. Oxford University Press, 5th ed., 2009.

12. Dornbusch R., Fischer S. and Startz R. Macroeconomics. McGraw Hill, Irwin, 11th edition, 2011.

13. Moderate economic growth; the focus is on the informal sector. Russian Economy Report № 41 [electronic resource] // World Bank. 2019. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/908421560108417755/rer-41-russian.pdf> (accessed 28.10.2019). [Umerennyye tempy rosta ekonomiki; v tsentre vnimaniya – neformal'nyy sektor. Doklad ob ekonomike Rossii № 41 [elektronnyy resurs] // Vsemirnyy Bank. 2019. (data obrashcheniya 28.09.2019).] – (In Rus.)

14. The official website of the Federal State Statistics Service (Rosstat) [electronic resource] // URL: www.gks.ru (accessed 1.10.2019). [Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki (Rosstat) [elektronnyy resurs] (data obrashcheniya 1.10.2019).] – (In Rus.)

15. The official website of the Bank of Russia [electronic resource] // URL: www.cbr.ru (accessed 2.10.2019). [Ofitsial'nyy sayt Banka Rossii [elektronnyy resurs] (data obrashcheniya 02.10.2019)] – (In Rus.)

16. The official website of the RIM group of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences [electronic resource] // URL: www.macroforecast.ru (accessed 03.10.2019). [Ofitsial'nyy sayt gruppy RIM Instituta narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [elektronnyy resurs] (data obrashcheniya 03.10.2019).] – (In Rus.)

17. Hanson G. H. The Rise of Middle Kingdoms: Emerging Economies in Global Trade // Journal of

Economic Perspectives. Spring 2012. Vol. 26. №. 2. P. 41-64.

18. Keller W. International Technology Diffusion // Journal of Economic Literature. Sep. 2004. Vol. 42. № 3. P. 752-782.

19. Tsinoeva I., Safronov I., Imported machines are for rent // Kommersant – DAILY. December 1, 2017. №. 224. [Cinoeva YA., Safronov I., Importnyye stanki sdayutsya // Kommersant – DAILY. 1 dekabrya 2017. № 224.] – (In Rus.)

20. Pyndick R.S., Rubinfeld D. L. Microeconomics. Pearson International Edition, 7th edition, 2009, p. 197.

21. Varian H.R. Microeconomics. Intermediate level. The modern approach. M.: UNITY, 1997, p. 340. [Verian H.R. Mikroekonomika. Promezhutochnyy uroven'. Sovremennyy podkhod. M.: YUNITI, 1997, s. 340.] – (In Rus.)

22. Sakellaris P. and Wilson D. J. Quantifying Embodied Technological Change [electronic resource] // Working Paper Series. July 2002. № 158. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwp/escbwp158.pdf> (accessed 08.28.2019).

23. Samaniego R. M. Entry, Exit, and Investment-Specific Technical Change // American Economic Review. March 2010. Vol. 100. № 1. P. 164-192.

24. Greenwood J., Zvi Hercowitz, and Per Krusell. Long-Run Implications of Investment-Specific Technological Change // American Economic Review. Jun. 1997. Vol. 87. № 3. P. 342-362.

25. Siverson C. What determines productivity? // Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49 (2). P. 326-365.

26. Barro R. J., Sala-i-Martin H. Economic growth. M.: BINOM, Laboratory of Knowledge, 2010, p. 36-37. [Barro R. Dzh., Sala-i-Martin H. Ekonomicheskyy rost. M.: BINOM, Laboratoriya znaniy, 2010, s. 36-37.] – (In Rus.)

27. Russian Federation, a comprehensive diagnostic study of the economy: ways to achieve comprehensive growth [electronic resource] // World Bank. 2016a. P. 3. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/477441484190095052/Russian-Federation-Systematic-country-diagnostic-Pathways-to-inclusive-growth> (accessed 25.10.2019). [Rossiyskaya Federatsiya, kompleksnoye diagnosticheskoye issledovaniye ekonomiki: puti dostizheniya vseob'yemlyushchego rosta [elektronnyy resurs] // Vsemirnyy Bank. 2016a. S. 3 (data obrashcheniya 25.09.2019).] – (In Rus.)

28. Digital dividends. World Bank World Development Report [electronic resource] // World Bank. 2016b. URL: <https://data.gov.ru/sites/default/>

files/presentation/vsemirnyybank2016god.pdf (date of reference: September 25, 2019). [Tsifrovyye dividendy. Doklad o mirovom razvitii Vseirnogo Banka [elektronnyy resurs] // Vseirnny Bank. 2016b. (data obrashcheniya 25.09.2019).] – (In Rus.)

29. Moderate progress. Report on the Russian economy. № 39. P. 33-50. [electronic resource] // World Bank. 2018a. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29913/127254RU.pdf> (accessed 26.09.2019) [Umerennoye prodvizheniye vpered. Doklad ob ekonomike Rossii. № 39. S. 33-50. [elektronnyy resurs] // Vseirnny Bank. 2018a. (data obrashcheniya 26.09.2019)] – (In Rus.)

30. Mitsek S. A., Mitsek Ye. B. Regional development and aggregate factor productivity in the regions of Russia // Bulletin of the Humanitarian University. 2018. № 4 (23). P. 6-32. [Mitsek S. A., Mitsek Ye. B. Regional'noye razvitiye i sovokupnaya faktornaya proizvoditel'nost' v regionakh Rossii // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2018. № 4 (23). S. 6-32.] – (In Rus.)

31. Mises L. Fon. Human activity. M.: Economics, 2000, p. 536-547. [Mizes L. Fon. Chelovecheskaya deyatel'nost'. M.: Ekonomika, 2000, s. 536- 547.] – (In Rus.)

32. Rothbard M. The Great Depression in America. M. – Chelyabinsk: Socium, 2012, Ch. 1. [Rotbard M. Velikaya depressiya v Amerike. M. – Chelyabinsk: Sotsium, 2012, gl.1.] – (In Rus.)

33. Schuman M. The once and future financial crisis // Business Week. July 2017. № 3. P. 10-12.

34. Henry Peter Blair. Capital Account Liberalization: Theory, Evidence, and Speculation // Journal of Economic Literature. Dec. 2007. Vol. 45. № 4. P. 887-935.

35. Mitsek S. A., Mitsek E. B. Economics of the

Russian Federation in 2018: current situation and prospects for the future // Bulletin of the Liberal Arts University. 2019. № 4 (27). P. 5-35. [Micek S. A., Micek Ye. B. Ekonomika Rossiyskoy Federatsii v 2018 godu: tekushcheye polozheniye i perspektivy na budushcheye // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2019. № 4 (27). S. 5-35.] – (In Rus.)

36. Sims Ch. Paper money // American Economic Review. 2013. Vol. 103 (2), P. 563-584.

37. Fisher Jonas D. M. The Dynamic Effects of Neutral and Investment-Specific Technology Shocks // Journal of Political Economy. June 2006. Vol. 114. № 3. P. 413-451.

38. Fischer S., Ratna Sahay and Carlos A. Végh. Modern Hyper- and High Inflation // Journal of Economic Literature. Sep. 2002. Vol. 40. № 3. P. 837-880.

39. Egan M., Hortacsu A., and Matvos G. Deposit Competition and Financial Fragility: Evidence from the US Banking Sector // American Economic Review. 2017. № 107 (1). P. 169-216.

40. Ueda K. Deleveraging and Monetary Policy: Japan Since the 1990s and the United States Since 2007 // Journal of Economic Perspectives. Summer 2012. Vol. 26. № 3. P. 177-202.

41. Antras P., Fort T. C. and Tintelnot F. The Margins of Global Sourcing: Theory and Evidence from US Firms // American Economic Review. 2017. Vol. 107 (9). P. 2514-2564.

42. Halpern L., Koren M. and Szeidl A. Imported Inputs and Productivity // American Economic Review. 2015. Vol. 105(12). P. 3660-3703.

43. Mahedy T. A lot of huff for a little buff // Business Week. March 2019. P. 30-31.

44. Mitchell W., Randall W., Watts M. Macroeconomics. Macmillan International Higher Education, 1st edition, 2019.

МОНИТОРИНГ УРОВНЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ

УДК: 338.24(1-3):004

ББК: 65.050.22с51

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-63-72

ГРНТИ: 06.61.33

Код ВАК: 08.00.05

М.А. Баринов

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Владимир, Россия
AuthorID: 794714

АННОТАЦИЯ:

В статье представлены подходы к трактовке понятия «цифровая экономика» в теоретическом ключе. Развитие информационных технологий, их обширное применение во всех сферах народного хозяйства свидетельствует о наличии научного интереса к данному термину на современном этапе развития научной мысли. Актуальность статьи обуславливается особенностями развития территорий в условиях цифровизации.

Цель научного исследования заключается в необходимости системного анализа развития территорий в условиях цифровизации экономики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, таких как:

- рассмотреть теоретико-методологические трактовки понятия «цифровизация», «цифровая экономика»;
- сформировать комплекс показателей, влияющих на экономическое развитие территорий;
- построить математическую модель, с возможностью прогнозирования уровня ВРП в зависимости от факторов цифровизации;
- разработать частный и интегральный критерии по оценке цифровизации социально-экономических систем.

Научная новизна поставленной цели исследования заключается в формировании эконометрической модели, отличающейся возможностью прогнозирования уровня ВРП с учетом факторов цифровой среды и комплексом критериев – частного, и интегрального индекса цифровизации, позволяющих определить рейтинг социально-экономических систем в пространственном аспекте.

Методология. В работе использованы методы статистического, системного, сравнительного анализа. Обоснован спектр показателей оказывающих непосредственное влияние на экономику цифрового типа, с последующим отбором из них ключевых.

Результаты. Значимость исследования состоит в использовании и обосновании критериев, диагностирующих социально-экономическое развитие субъектов Центрального федерального округа с учетом факторов цифровизации.

Выводы. Разработан комплекс средств с учетом цифровых особенностей развития территорий отдельно взятого федерального округа, который может быть применен в исследовательской и практической деятельности региональных органов исполнительной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление, социально-экономическое развитие, цифровизация, валовой региональный продукт, регион.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Михаил Александрович Баринов, кандидат экономических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600005, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87, 31f84@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Баринов М.А. Мониторинг уровня цифровизации в системе управления социально-экономическим развитием территорий // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 63–72.

Региональные социально-экономические системы на современном этапе развития достаточно сильно коррелируют с уровнем цифровизации, который открывает перед государством, обществом новые перспективы стратегического развития. Для перехода к новому технологическому укладу, по мнению авторов, необходимым является использованием информационных технологий, позволяющих в приоритете перейти от финансирования и развития энергетических, к тем, которые основаны на информатизации.

На современном этапе цифровая экономика базируется на сложной экосистеме с взаимосвязью коммуникационных и информационных элементов, основанную на мониторинге, обработке достаточно обширного массива данных [1, С. 1093]. Исходя из этого авторами уделяется особое внимание изучению цифрового пространства территорий с идентификацией зависимости от них уровня экономического развития мезосистем.

Термин «цифровая экономика» впервые заявил зарубежный исследователь Н. Негропonte в 1995 г. [2], но лишь Д. Тапскот доказал свое предположение о всеобщем информа-

ционном пространстве, действие которого повышает эффективность управления государственных структур [3], а также, по мнению К. Шваба, способствует переходу к новому технологическому укладу [4, С. 45].

Обеспечение стране мирового превосходства может быть результатом активной цифровизации, в том числе на региональном уровне [1, С. 1094; 5, С. 7]. На использование информационных технологий акцентировал свое внимание Президент РФ. Термин цифровая экономика, исходя из соответствующего указа представляет собой хозяйственную деятельность, в которой базовым фактором развития общества являются данные в цифровой обработке, анализ достаточно больших объемов информации, что способствует повышению эффективности производства, продаж и услуг [6]. На этой основе с 2019 г. по 2024 гг. запланировано увеличение расходов государственного бюджета на разработку «сквозных цифровых технологий» с выделением эти цели 282 млрд руб. Графическая интерпретация роста издержек на развитие цифровой экономики в % к валовому внутреннему продукту представлена на рисунке 1.

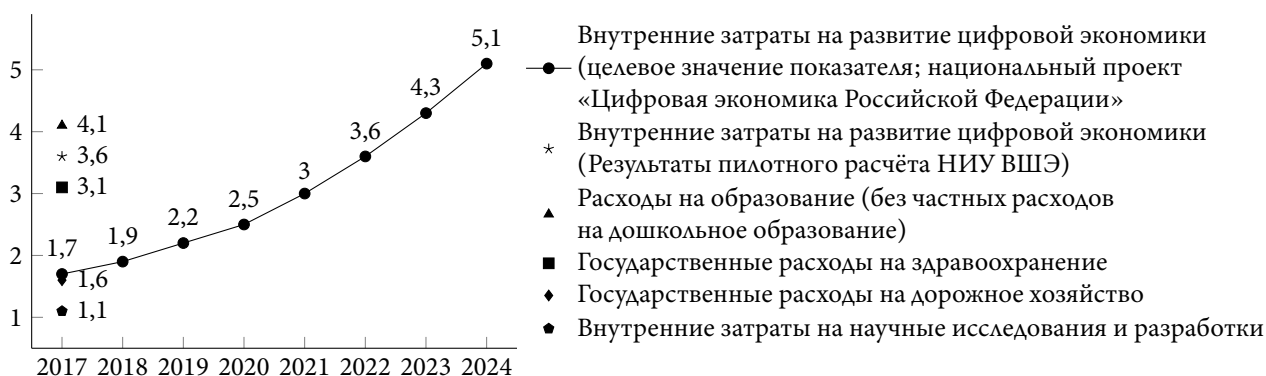

Рисунок 1 – Финансирование расходных полномочий на местном уровне в Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе (руб.)

Оценивая позиции России по ключевым показателям генезиса цифровых систем, согласно международным рейтингам, делаем вывод о неплохом их уровне. Согласно данным Всемирного экономического форума в 2018 г., РФ занимала 43-е место из 140 стран, а конкретно по направлению «Проникновение информационно-коммуникационных технологий» – 25-е место [7, С. 8].

Цифровизация является серьезным глобальным процессом, который глубоко и существенно воздействует на все сфере общества, одновременно вовлекая в себя все мезотерритории, государства независимо от уровня развития их инновационно-воспроизводственных, цифровых и социально-экономических направлений. Использование цифровых технологий в управлении отраслями, сферами хозяйствования способствует созданию новых товаров, услуг практически во всех областях, повышению конкурентоспособности предпринимательского сектора, появлению трансграничных систем управления процессами и росту производительности труда. Однако существует и ряд рисков, связанных с развитием цифровизации в глобальном масштабе. Негативными последствиями, по мнению исследователей И.М. Голова, А.Ф. Суховой, может стать рост безработицы (на базе повышения темпов роста авто- и роботизации), распространение интернета создает возможность для отмывания «теневых» доходов, а также возникновение так называемого «цифрового разрыва» в обществе, связанного с появлением новой высшей страты [8, С. 989].

Следует заметить, что существующие различия политических, социальных, экологических и иных условий обрекают на неудачу унифицированные методы исследования, в том числе разрабатываемые модели, механизмы, стратегии развития субъектов, не учитывающие пространственные и иные особенности территорий в эпоху глобальной цифровизации [9, С. 684].

В целом, свойства социально-экономических систем в условиях цифровой экономики можно описать изменением тенденций результирующего макроэкономического показателя, которым наиболее часто выступает Валовой региональный продукт (ВРП) [10, С. 95]. Вы-

деляют некоторые инструменты, воздействующие на него, которые находятся в распоряжении органов государственной власти и, некоторые из них, рассмотрены и предложены рядом исследователей, предлагающих различные методики диагностики систем [11, С. 73; 12, С. 30; 13, С. 239; 14, С. 31; 15, С. 120]. Следовательно, по мнению автора, можно рассматривать данный критерий, как базовый для характеристики экономических систем. Так же были предложены показатели, характеризующие уровень развития непосредственно цифровизации и влияющие на ВРП с построением регрессионных моделей, позволяющих в дальнейшем осуществить прогноз данных. Исследование произведено по субъектам Центрального федерального округа (ЦФО) за 2017 г.

К рассматриваемым показателям можно было бы добавить еще ряд, однако выбор остановился на тех, которые в наибольшей степени характеризуют влияние цифровых технологий на развитие региональных систем и из них были отобраны по результатам корреляционно-регрессионного анализа те, которые по уровню статистической значимости $p \leq 0,05$ [16, С. 258], что подтверждало бы достоверность выбранных критериев.

Исходные показатели для анализа [17]:

- X_1 – использование серверов,
- X_2 – процент организаций, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет;
- X_3 – использование специальных программных средств (в %) от общего числа обследованных организаций для научных исследований;
- X_4 – использование информационных технологий для решения организационных, управленческих и экономических задач, %;
- X_5 – информационные технологии для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами, %;
- X_6 – используемые организациями CRM, ERP, SCM – системы, %;
- X_7 – затраты на информационные и коммуникационные технологии (млн руб);
- X_8 – внутренние затраты на научные исследования и разработки (млн руб).

С целью обоснования факторов, включаемых в эконометрическую модель, на предварительном этапе осуществления расчетов был

выполнен их парный корреляционный анализ X , позволяющий устранить связанные друг с другом величины, который показал, что между X_3 , X_5 , X_6 , X_8 и существует статистически сильная взаимосвязь. Факторы X_1 , X_4 , X_7 с другими статистически не связаны, следовательно, если по данным признакам значение коэффициента корреляции выше 0,5 и значимость статистики Стьюдента не превышает допустимые границы ($p \leq 0,05$), то необходимость включения их в линейное уравнение регрессии будет очевидной. Результаты анализа подтвердили значимость признака X_7 ($p = 0,000$), с уровнем корреляции R равной 0,95. Однако X_1 , X_4 остались статистически незначимыми, поэтому необходимо включить только X_7 в эконометрическую модель и оценить степень влияния на «Валовой региональный продукт». Уровень расчетного критерия Фишера значительно превышает табличное по показателю, следовательно, объясненная дисперсия существенно больше, чем необъясненная, и линейная регрессионная модель является значимой.

Получаемую зависимость можно представить в виде следующего уравнения:

$$Y = 329939,4 + 1,2 \cdot X_7 \quad (1)$$

Следующим шагом исследования было определение коэффициента мезоцифровиза-

ции K_{MC} , определяющего развитие субъекта с позиции цифровых технологий на региональном уровне. Для этого были использованы изначально взятые показатели (табл. 1) и с помощью модифицированной формулы средней геометрической определен данный коэффициент. Формула имеет вид:

$$K_{MC} = \sqrt[8]{X_1 \cdot X_2 \cdot X_3 \cdot X_4 \cdot X_5 \cdot X_6 \cdot X_7 \cdot X_8} \quad (2)$$

Однако для произведения расчетов и включения в модель необходимо привести значения показателей к безразмерной величине, для чего использовалась формула:

$$X_{norm} = \frac{X_i}{X_{max}} \quad (3)$$

где X_i - значение признака по i региону за выбранный период времени; X_{max} - максимальное значение признака из анализируемой совокупности.

Нормированные значения по каждому фактору были подставлены в формулу (2) и был определен коэффициент мезоцифровизации (K_{MC}), характеризующий уровень развития информационных технологий в конкретном регионе. Максимальное, оптимальное значение стремится к единице.

Таблица 1 – Показатели цифровизации, влияющие на ВРП

Субъект	Показатель и его значение								
	ВРП (Y)	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
Белгородская область	506 420,9	53,7	87,5	2,6	53	14,3	19,5	4208,9	1921,1
Брянская область	253 100,4	46,8	87,4	0,9	57,9	10,6	14,2	4739,9	977,7
Владимирская область	300 273,6	52,4	87,8	2,3	50	13,8	20	4023,7	5391,3
Воронежская область	370 610,4	55,3	88,4	3,2	56,3	13,8	18,9	4980,1	8164,5
Ивановская область	182 398,1	51,8	86,7	2,1	53,4	12,3	16,9	1783,8	585,7
Калужская область	411 565,3	53,9	87,5	3,3	50,4	14,6	20,7	11472,3	6070,9
Костромская область	256 848,4	42,9	78	2,4	51,3	13,5	15	2003,8	130,8
Курская область	346 340,2	39,6	78,8	1,6	53,3	12,1	16,8	2588,5	5936,1
Липецкая область	431 821,2	47,8	91,9	2,1	50,9	12,7	15,6	3888,4	291,1
Московская область	509 545,2	59,5	86,4	3,5	51,2	16,5	28,4	116400,7	119715,9
Орловская область	285 354,0	43,5	85,1	1,9	53	11,4	13,9	1750,7	976,4
Рязанская область	320 764,0	44,9	85,6	2,6	55,6	13,6	18	3278,9	1594,4
Смоленская область	296 289,6	51	86,5	1,9	50,6	12,5	11,3	2419,2	1604,5
Тамбовская область	289 847,1	42,4	94,6	2,4	61,4	12,3	15,8	2095,3	1079,2
Тверская область	297 625,2	40,7	78,4	1,7	46,2	10,5	11,9	3579,2	4644,3
Тульская область	371 709,4	53	82,4	3	54,4	13,9	19,9	5347,5	5974,9
Ярославская область	402 639,5	60,8	89,1	2,9	56,9	16,6	21,9	5333,3	6938,5
г. Москва	1263698	74,8	94,9	6,6	65	19	29,5	781271,6	358214,8

Таблица 2 – Балльная градация регионов по уровню социально-экономического развития
(разработано автором)

Рейтинг субъекта	Рейтинг и соответствующий балл субъекта ЦФО				
	1–19	20–39	40–59	60–79	80–100
Балл	1	2	3	4	5
Уровень социально-экономического развития	низкий	догоняющий	средний	высокий	сверх высокий

Исходя из полученных данных (рис. 2), делаем вывод о превосходстве г. Москвы ($B_{18} = 1$), Московской области ($B_{10} = 0,578$) над другими субъектами ЦФО, что вполне логично, т. к. данные субъекты можно назвать статистическими «выбросами», значения по которым в несколько раз превышают средние по выбранному федеральному округу и по РФ, в частности.

Далее, в ходе исследования ставилась задача расчета «Интегрального индекса цифровизации социально-экономических систем» I_{CSES} , который характеризовал бы выбранную территорию по уровню экономического развития [18] с учетом присвоенной балльной оценкой (табл. 2) – рейтинга социально-экономического развития территорий (BR_{SERT}). Данный критерий определяет генезис субъектов на основе использования

цифровых технологий, дающих импульс к их саморазвитию.

Чем выше рейтинг субъекта, тем больше присваиваемый балл. На основе мониторинга территорий по результатам 2017 г. следует заметить (табл. 1, 2), что лишь г. Москва и Московская область имеют «сверхвысокий» и «высокий» рейтинг. Владимирская область со значением 39,722 входит в группу догоняющих, однако вплотную приблизилась к системам со средним уровнем, что может свидетельствовать об эффективности государственных управленческих решений.

Дальнейшим шагом было непосредственное определение интегрального индекса цифровизации регионов, который характеризует уровень развития цифровых технологий на основе рейтинга социально-экономических систем. Предложена формула расчета (4):

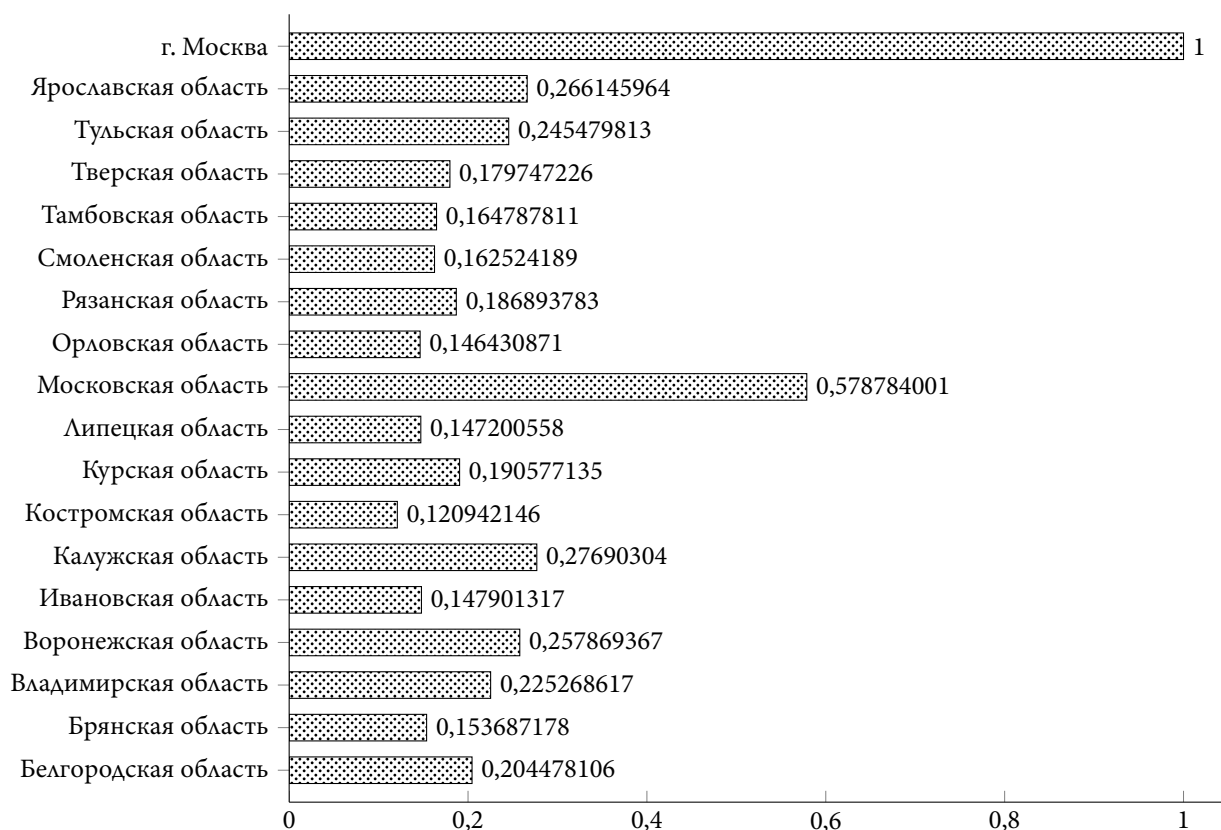

Рисунок 2 – Коэффициент мезоцифровизации K_{MC} субъектов ЦФО

Таблица 3 – Интегральный индекс цифровизации социально-экономических систем на базе рейтинга субъекта ЦФО

Субъект	Рейтинг социально-экономического положения региона	Интегральный индекс цифровизации социально-экономических систем	Принадлежность субъекта к соответствующей группе по индексу цифровизации	Место субъекта по индексу цифровизации
Костромская область	24,272	48,544	1–69 («отстающие»)	18
Ивановская область	26,557	53,114		17
Орловская область	27,347	54,694		16
Смоленская область	29,864	59,728		15
Брянская область	33,074	66,148		14
Тамбовская область	34,405	68,81		13
Тверская область	35,827	71,654	70–139 («догоняющие»)	12
Ярославская область	39,638	79,276		11
Владимирская область	39,722	79,444		10
Рязанская область	40,421	121,263		9
Курская область	40,961	122,883		8
Тульская область	43,629	130,887		7
Калужская область	44,211	132,633		6
Липецкая область	47,888	143,664	140 > («лидирующие»)	5
Воронежская область	51,002	153,006		4
Белгородская область	51,639	154,917		3
Московская область	74,262	297,048		2
г. Москва	84,725	423,625		1

$$\begin{cases} I_{CSES} = K_{MS} \cdot BR_{SERT} \\ I_{CSES} \rightarrow \max \end{cases} \quad (4)$$

Авторами предложена градация субъектов по степени (индексу) цифровизации, согласно полученным рейтингам, с разделением на группы: «отстающие» (от 1 до 69 баллов), «догоняющие» (70–139) и «лидирующие» (от 140 и выше). Проведенные расчеты свидетельствуют, что лидирующие позиции, согласно цифровизации экономики, занимает также г. Москва (423,625) и Московская область (297,048); Владимирская область находится всего лишь на десятом месте среди регионов ЦФО и входит в группу «догоняющие» со значением критерия 79,444 (табл. 3). Данный факт подтверждает недостаточную степень использования цифровых технологий в экономико-хозяйственной жизни общества, что может привести к спаду производственной, инвестиционной активности и, в дальнейшем, к снижению темпов социально-экономического

развития, в том числе, замедлению роста ВРП, что негативным образом скажется на функционировании и результатах всех сфер региона.

Таким образом, в ходе исследования было изучено и доказано влияние информационной составляющей на ВРП с построением эконометрической модели, позволяющей в дальнейшем осуществить прогноз по выбранному критерию, а разработанный коэффициент мезоцифровизации идентифицирует регионы с позиции развития информационных технологий. Был предложен и рассчитан интегральный индекс цифровизации социально-экономических систем, который правдоподобно характеризует информационно-экономическое положение территорий, что дает возможность сформировать новый рейтинг субъектов федерального округа, который может быть использован, в том числе, при принятии управленческих решений и оценке ситуации органами исполнительной власти различного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов Е.В., Семячков К.А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1088-1101.
2. Negroponte N. Being Digital [Электронный ресурс] // URL: <https://web.stanford.edu/class/ts175/NewFiles/Negroponte.%20Being%20Digital.pdf> (дата обращения: 13.10.2019)
3. Tapscott D. Digital economy: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. [Электронный ресурс] // URL: <http://dontapscott.com/speaking/digital-economy/> (дата обращения: 12.10.2019)
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2019.
5. Пискун Е.И., Хохлов В.В., Каруна К.И. Методологические аспекты управления развитием регионов в условиях цифровизации // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 1. С. 4-15.
6. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 15.10.2019)
7. Абдрахманова Г. И., Вишневский К.О., Гохберг Л. М. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение Ч-80 // Проблемы развития экономики и общества: доклад к XX Апрельской международной научной конференции (Москва, 9–12 апр. 2019 г.) / М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
8. Голова И.М., Суховой А.Ф. Вызовы инновационной безопасности регионального развития в условиях цифрового общества // Экономика региона. 2018. Т.13, №3. С. 987-1002.
9. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 3. С. 684-696.
10. Миролюбова Т.В., Ворончихина Е.Н. Обоснование приоритетов экономической политики на основе структурного анализа Валового регионального продукта (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 91-109.
11. Вертакова Ю.В., Козьева И.А., Пиняева А.Е. Оценка и прогнозирование структурно-динамических сдвигов в региональном экономическом пространстве за счет кластеризации. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 1. С. 73-79.
12. Гарипова Е.Н. Воздействие инноваций и информационных технологий на региональную экономику // Экономические науки. 2018. № 168. С. 29-32.
13. Баринов М.А. Диагностика региональной экономической политики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 2-2. С. 238-243
14. Васильева Е.Г. Оценка эффективности социальной политики: региональная практика // Власть. 2018. №12. С. 29-34
15. Остроумов А. И., Остроумова О.Ф. Региональная политика в современной России: состояние и тенденции развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62) часть 3. С. 119-123.
16. Непомнящая Н. В. Статистика: общая теория статистики, экономическая статистика. Практикум. Краснояр.: СФУ, 2015.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // URL https://gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (Дата обращения 20.11.2019)
18. Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2019 [Электронный ресурс] // URL <https://riarating.ru/infografika/20190604/630126280.html> (Дата обращения 11.11.2019)

MONITORING THE LEVEL OF DIGITALIZATION IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES

M.A. Barinov

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia

ABSTRACT:

The article presents theoretical approaches to the interpretation of the concept “digital economy”. The development of information technologies and their extensive application in all spheres of the national economy indicates scientific interest to this term nowadays. The relevance of the article is determined by the peculiarities of the development of territories in the era of digitalization.

The purpose of the research is to provide a systematic analysis of the development of territories in the era of economic digitalization.

To achieve this goal, it is necessary to solve a number of tasks, such as:

- to consider theoretical and methodological interpretations of the concept of “digitalization” and “digital economy”;
- to create a set of indicators that affect the economic development of territories;
- to build a mathematical model with the ability to predict the level of GRP depending on the digitalization factors;
- to develop private and integral criteria for evaluating the digitalization of socio-economic systems.

The scientific novelty of the research goal is the formation of an econometric model, which is characterized by the ability to predict the level of GRP taking into account the factors of the digital environment and a set of criteria – a private and integral index of digitalization, which allows determining the rating of socio-economic systems in the spatial aspect.

Methodology. The paper uses methods of statistical, system, and comparative analysis. The range of indicators that have a direct impact on the digital economy is justified, with the subsequent selection of key indicators from them.

Results. The significance of the study consists in the use and justification of criteria that diagnose the socio-economic development of the subjects of the Central federal district, taking into account the factors of digitalization.

KEYWORDS: management, socio-economic development, digitalization, gross regional product, region.

AUTHORS' INFORMATION:

Mikhail A. Barinov, Cand. Sci. (Economical), Associate Professor, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
87, Gorky str., Vladimir, 600005, Russia, 3lf84@mail.ru

FOR CITATION: Barinov M.A. Monitoring the level of digitalization in the management system of socio-economic development of territories // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 63–72.

REFERENCES

1. Popov E. V., Semyachkov K. A. Problems of economic security of digital society in the context of globalization. 2018. Vol. 14, No 4. Pp. 1088-1101. [Popov E.V., Semjachkov K.A. Problemy jekonomicheskoy bezopasnosti cifrovogo obshhestva v usloviyah globalizacii // Jekonomika regiona. 2018. T. 14, №. 4. S. 1088-1101] – (In Rus).
2. Negroponte N. Being Digital. [Electronic resource] // URL: <https://web.stanford.edu/class/sts175/NewFiles/Negroponte.%20Being%20Digital.pdf> (date of reference: 13.10.2019). [Negroponte N. Being Digital. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://web.stanford.edu/class/sts175/NewFiles/Negroponte.%20Being%20Digital.pdf> (data obrashhenija: 13.10.2019)] – (In Rus).
3. Tapscott, D. Digital economy: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. [Electronic resource] // URL: <http://dontapscott.com/speaking/digital-economy/> (date of reference: 12.10.2019) [Tapscott D. Digital economy: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. [Elektronnyj resurs] // URL: <http://dontapscott.com/speaking/digital-economy/> (data obrashhenija: 12.10.2019)] – (In Rus).
4. Schwab K. Fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo, 2019. [Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revolyucija. M.: Jeksmo, 2019] – (In Rus).
5. Piskun E. I., Khokhlov V. V., Karuna K. I. Methodological aspects of regional development management in the context of digitalization. Regional economy: theory and practice. 2019. T. 17. No. 1. Pp. 4-15. [Piskun E.I., Hohlov V.V., Karuna K.I. Metodologicheskie aspekty upravlenija razvitiem regionov v usloviyah cifrovizacii // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2019. T. 17. № 1. S. 4-15] – (In Rus).
6. On the strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030: The Presidential Decree of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 [Electronic resource] // Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (date of reference: 15.10.2019) [O Strategii razvitija informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017-2030 gody: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.05.2017 № 203 [Elektronnyj resurs] // Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (data obrashhenija: 15.10.2019)] – (In Rus).
7. Abdrakhmanova G. I., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement of H-80 // Problems of economic and social development: Report of the XX April international scientific conference (Moscow, 9-12 apr. 2019) / Moscow: Ed. house of the Higher school of Economics, 2019. [Abdrakhmanova G. I., Vishnevskij K. O., Gohberg L. M. Chto takoe cifrovaja jekonomika? Trendy, kompetencii, izmerenie Ch-80 // Problemy razvitija jekonomiki i obshhestva: doklad k XX Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 9–12 apr. 2019 g.) / M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019.] – (In Rus).
8. Golova I. M., sukhovey A. F. Challenges of innovation security of regional development in the digital society // Economy of the region. 2018. Vol. 13, No. 3. Pp. 987-1002 [Golova I.M., Suhovej A.F. Vyzovy innovacionnoj bezopasnosti regional'nogo razvitija v usloviyah cifrovogo obshhestva // Jekonomika regiona. 2017. T. 13, №. 3. S. 987-1002] – (In Rus).
9. Silin Ya. P., Animitsa E. G., Novikova N. V. Regional aspects of new industrialization // Economy of the region. 2017. Vol. 13, No 3. Pp. 684-696 [Silin Ja.P., Animica E.G., Novikova N.V. Regional'nye aspekty novej industrializacii // Jekonomika regiona. 2017. T. 13, № 3. S. 684-696] – (In Rus).
10. Miroljubova T. V., Voronchikhina E. N. Justification of priorities of economic policy on the basis of structural analysis of Gross Regional Product (by the example of the Perm region) // Bulletin of Perm University. Series: Economics. 2017. T. 12. No. 1. Pp. 91-109 [Miroljubova T.V., Voronchihina E.N. Obosnovanie prioritetov jekonomicheskoy politiki na osnove strukturnogo analiza Valovogo regional'nogo produkta (na primere Permskogo kraja) // Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Jekonomika. 2017. T. 12. № 1. S. 91-109] – (In Rus).
11. Vertakova Yu. V., Kozyeva I. A., Pinyaeva A. E. Assessment and forecasting of structural and dynamic shifts in the regional economic space due to clustering // Scientific and technical bulletin of Saint Petersburg State Polytechnic University. Economics. 2017. T. 10. No. 1. Pp. 73-79 [Vertakova Ju.V., Kozëva I.A., Pinjaeva A.E. Ocenka i prognozirovanie strukturno-dinamicheskikh sdvigov v regional'nom jekonomicheskom prostranstve za schet klasterizacii // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo

politehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie nauki. 2017. T. 10. № 1. S. 73-79] – (In Rus).

12. Garipova, E. N. Impact of innovations and information technologies on the regional economy // Economic Sciences. 2018. No. 168. Pp. 29-32 [Garipova E.N. Vozdejstvie innovacij i informacionnyh tehnologij na regional'nuju jekonomiku // Jekonomicheskie nauki. 2018. № 168. S. 29-32] – (In Rus).

13. Barinov M. A. Diagnostics of regional economic policy // Bulletin of Altai Academy of Economics and law. 2019. No. 2-2. Pp. 238-243 [Barinov M.A. Diagnostika regional'noj jekonomicheskoy politiki // Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava. 2019. № 2-2. S. 238-243] – (In Rus).

14. Vasilyeva E. G. Evaluating the effectiveness of social policy: regional practice // Power. 2018. No. 12. Pp. 29-34 [Vasil'eva E.G. Ocenka jeffektivnosti social'noj politiki: regional'naja praktika // Vlast'. 2018. № 12. S. 29-34] – (In Rus).

15. Ostroumov A. I., Ostroumova O. F. Regional politics in modern Russia: situation and development trends // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice. 2015. No. 12 (62) part 3. Pp. 119-123 [Ostroumov A. I., Ostroumova O.F.

Regional'naja politika v sovremennoj Rossii: sostojanie i tendencii razvitiya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 12 (62) chast' 3. S. 119-123] – (In Rus).

16. Nepomnyashchaya N. V. Statistics: general theory of statistics, economic statistics. Practicum. Krasnoyarsk: SFU, 2015. [Nepomnjashhaja N. V. Statistika: obshhaja teorija statistiki, jekonomicheskaja statistika. Praktikum. Krasnojarsk: SFU, 2015] – (In Rus).

17. Regions of Russia. Socio-economic indicators [Electronic resource] // URL: http://gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (date of reference: 20.11.2019). [Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. [Jelektronnyj resurs] // URL: http://gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (Data obrashhenija 20.11.2019)]. – (In Rus).

18. Rating of socio-economic status of regions-2019 [Electronic resource] // URL: <https://riarating.ru/infografika/20190604/630126280.html> (date of reference: 11.11.2019). [Rejting social'no-jekonomicheskogo polozhenija regionov – 2019 [Jelektronnyj resurs] // URL: <https://riarating.ru/infografika/20190604/630126280.html> (Data obrashhenija 11.11.2019)] – (In Rus).

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

УДК: 316.334.56

ББК: 60.546.21

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-73-82

ГРНТИ: 04.41

Код ВАК: 22.00.08., 22.00.04

А.А. Дроздова

Санкт-Петербургский государственный
университет,
Санкт-Петербург, Россия

Ю.А. Дроздова

Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
Волгоград, Россия
AuthorID: 659238

АННОТАЦИЯ:

Город создается из общего контекста потоков репрезентаций и взаимодействий его жителей – пользователей – горожан, транслирующих переживаемый опыт в определенном пространстве и времени. Манифестация этого актуального «бытия – в – мире» требует территориальной «точки сборки». Наиболее распространенной формой закрепления и «телесной достигаемости» совместного присутствия и социального взаимодействия является пространство города, включающее более 75 % населения мира, которых мы и определяем как горожан. Публичное пространство вырабатывает условия совместного присутствия людей и объектов, «динамику камня и плоти», статичного и мобильного, репрезентируемого (архитектура, транспорт и т.д.) и нерепрезентируемого – (скрытая сеть инфраструктуры вне зоны прямой видимости – технические системы, водоканалы). Анализ моделей городских сообществ представляется необходимым для понимания механизмов их формирования. Публичные пространства города задают особую модель социальной телесности путем регулирования практик конструирования и пользования доступных зон общей видимости, актуализирующих совместное присутствие горожан, их взаимодействия как основных пользователей и субъектов трансформации социальной среды. Кризисы крупных мегаполисов, проявившиеся в процессах отчуждения сообщества от локации, рост одиночества и нерегулируемых мест исключения в пространстве города вынуждают горожан формировать новые формы присутствия в городском сообществе – практики дистанционного соучастия в проекте конструирования киберполиса.

Научная новизна. В статье описана концептуальная модель современного городского сообщества в условиях роста новых социальных конфликтов в трансформирующейся социальной реальности. С одной стороны, в этой модели представлены данные объединяющего горожан городского активизма, а, с другой стороны, – индивидуальные стратегии жителей – «медиапартизан», по-новому определяющие территориальную общность в ландшафте «постпубличности».

Методы исследования. Статья подготовлена на основе комплексного исследования, включающего как общенаучные: аналитический и прогностический методы, а также метод когнитивного моделирования для анализа актуальной модели трансформации городской общности; так и эмпирические методы комбинированной социологической стратегии (массовый опрос горожан и сельских жителей ($n = 516$); глубинные интервью с представителями городских общностей, $N = 10$).

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: городские сообщества, горожанин, публичное пространство, медиапартизан, постпубличность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Анастасия Александровна Дроздова, Санкт-Петербургский государственный университет, 199226, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Кораблестроителей, 87, drozdova11n@gmail.com

Юлия Алексеевна Дроздова, кандидат социологических наук, доцент, Волгоградский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 400066, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, juliadrozdova@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дроздова А.А., Дроздова Ю.А. Концептуализация городского сообщества в публичном пространстве современного города // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 73–82.

Введение и постановка проблемы

Публичное пространство города, его структура, элементы и функции всегда находились в «оптике» его пользователей – горожан: от античной парадигмы понимания публичного пространства (на примере агоры) как места рождения совместной истины во благо полиса до сформировавшихся теорий урбанизма, начиная с XX века как реакции на острые проблемы трансформации физического ландшафта. Анализ практик включения локальных сообществ в процессы публичного взаимодействия в рамках города был осуществлен в работах С. Лоу, Д. Митчелла (закрытые сообщества) [1], Д. Харви (в анализе «права на город» и городского активизма в целом) [2], Э. Хьюза (в условиях шифрования публичного пространства) [3], М. Оже (в условиях смешения публичных и частных форм общественных пространств, доминирования переходных форм – «не-мест») [4]. Зрелищность и открытость городского пространства в современных условиях становятся свойственными не только ограниченной территории: городской площади, улицам, а задействуют всю пространственную инфраструктуру, а также медиаландшафт. Событийные изменения ландшафта города расширяют проблемное поле для исследования и производства новых теорий урбанизма и позволяют предположить перспективы и направления трансформации публичной сферы пространства города: будет ли она полностью уничтожена, переопределена или локально медиатизирована.

Структура города, сформированная в результате символического перекодирования

первично данного ландшафта природы, в свою очередь, определяет новый тип пользователя пространства – горожанина как активного субъекта, создающего многофункциональную среду жизнедеятельности в соответствии с личными/общественными установками, максимой удовлетворения потребностей, и трансформирующего ее в «сцену» манифестации своего актуального присутствия. Изменяются взаимодействия горожанина нового типа в системе территориальной общности, техники пространственного перемещения и освоения /присвоения города [5, с. 103].

Горожанин в «публичной» структуре города

«Публичное» интегрируется во все структурные и функциональные элементы города – его также можно обнаружить в пробегах между зданиями, за гаражами, в сети магистралей, то есть, во всех ориентирах локации, предполагающих пользование горожанином. Данный процесс трансформации определения публичного и доминирование переходных форм публичного М. Оже характеризовал в терминах производства «не-мест»: «Не-места – это и сооружения, обеспечивающие ускоренный круговорот грузов и пассажиров (скоростные магистрали, пересадочные узлы, аэропорты и автозаправки), и сами средства транспорта, а также крупные торговые центры и места долговременного пребывания, приютившие в себе беженцев нашей планеты» [4, с. 41]. Вследствие этого, пользователь пространства задает пределы открытого пространства при условии участия в конструировании среды обитания. Принадлежность

к городскому сообществу определяется этим правом и активностью участия в этих процессах расширения публичного пространства.

Горожанин как пользователь пространства задает границы публичного пространства активным участием в планировании и преобразовании городской среды в качестве соучастника, имеющего множество ролей: от современного фланера до активиста, участвующего в проектах благоустройства и реанимации городской среды [6, с. 171]. Городское сообщество артикулирует общественный интерес, создает условия для проявления множественной территориальной идентичности, определяет публичное пространство в качестве места её «сборки».

Современный город производит места ситуативного публичного взаимодействия, затрудняющего формирование городского сообщества: городской парк, определяется в качестве переходной зоны от места работы до дома, общественный транспорт или лифт в тесном соприсутствии незнакомых тел характеризуются промежуточностью публичной формы, закрытым «полупубличным», «частно-публичным» местом [7, с. 25]. Мы наблюдаем реконструкцию маргинализированных индустриальных центров и их «реанимацию» в качестве креативных пространств, альтернативных «лофтов» и новых фаланстеров, включающих интенцию к постоянному взаимодействию и функциональному совмещению. Путем интеграции механизма манифестации повседневных практик (демонстрация власти суверена или ритуальные шествия), улица из исключительно транзитного элемента трансформировалась в место коллективного сплочения и пространственной солидарности [8, с. 12]. Однако мы можем констатировать и исключение «тротуарного» взаимодействия из повседневной оптики города: глобальные процессы реновации и реконструкции среды, травмирующее возведение строительных заборов, повсеместное расширение велодорожек вытесняют горожанина объективными элементами публичного пространства города, что также затрудняет формирование городского сообщества и трансформирует практики его функционирования.

Механизмы формирования городского сообщества

Современный город определяет механизмы нового опыта совместного проживания. Например, возрождается опыт творческих коммун как практик соприсутствия на основе общности интересов, совместной деятельности и свободного времени. Или кондоминиумы как форма совместного распоряжения и пользования жилым пространством по аналогии с реанимированными формами кооперативов и ТСЖ. Так, 48,5 % опрошенных горожан считают, что «жизнь в городе зависит полностью от них самих», 36,5 % респондентов готовы участвовать в благоустройстве территории по месту жительства.

В повседневном режиме оптики взаимодействия горожанин определяет свою причастность к локальному сообществу в стихийной форме спутника общего маршрута рутинного передвижения и присутствия Других, субкультурных групп и концептуальных лиг. Городские сообщества, претендующие на пользование публичным пространством (например, требование общего, без ограничений доступа в парковые зоны и другие «локусы» города), в этой борьбе заявляют свои гражданские права на изменение бытия (социальной, экономической, политической и пр. жизни). 72,8 % горожан, принявших участие в опросе, обеспокоены отсутствием солидарных связей между горожанами, считают, что в городе «чаще всего каждый занимается своим делом, не мешает другим».

Формы коллективной локализации «заботы», идейная гражданская сплоченность, в предельных проявлениях активизма резидентов – горожан, – способны перекодировать пространство города через множественные формы телесного взаимодействия: блокирование доступа в здания общественного пространства («сидячие забастовки»), «оккупация» общественных зон стихийными палаточными лагерями и т.д. [6, с. 175] Проведение митингов и стихийных пикетов на городской площади, акции и выступления конституируют неотъемлемую связь горожанина с местом актуализации его присутствия – городским пространством и городским сообществом.

Для формирования городского сообщества современное публичное пространство города должно соответствовать следующим характеристикам: удобство регулируемого доступа, «ясность направления и границы безопасности» [9, с. 59], социальное «чувство улицы», заполняемое монументальными формами. Элементы благоустройства городской среды, такие как, появление искусственного освещения и коммуникаций, обеспечивают доступ и продлевают период пребывания горожанина в публичном пространстве. Для 51,7 % респондентов грантового исследования важны благоустройство города; для 30,5 % – вопросы безопасности в городской среде; 57,9 % опрошенных горожан обеспокоены состоянием дорог и улиц, инфраструктуры города.

Однако интеграция техник пространственного регулирования, трансформация структуры публичного могут повлечь за собой обострение проблем доступа и социального неравенства. Наличие формального закрепления на территории национального государства (гражданства) становится определяющим принципом механизма инклюзии и эксклюзии городского пользования [2, с. 86]. Мигранты и беженцы, маргинальные группы образуют сообщества «пространственного исключения» в неспособности полноценного признания их частью публичного пространства города, а практики сегрегации и принудительного выселения оправданы необходимостью восстановления общественного порядка. Также происходит формальное вытеснение маргинального образа жизни из определения публичного через регулирующие нормативные акты: официальный запрет на распитие спиртных напитков в общественном пространстве, публичное мочеиспускание и т.д. [10, с. 64] Однако стоит учитывать, что маргинальные общественные группы могут представлять себя легитимной частью публички только в публичном пространстве города, когда происходит замещение приватной сферы постоянным использованием общественных мест. Эти группы формируют другие городские сообщества, образуя разрывы в пространстве города, изменяя ландшафт зон зримости и сокрытия.

Такие разрывы в пространстве города образуют и привилегированные формы «за-

крытых сообществ». Сета Лоу рассматривает «закрытые городские сообщества» (gated communities) на примере семейных общин и элитных закрытых курортов США (Llewelin Park, Eagle Ridge, New Jersey) и объясняет их формирование следствием веры резидентов в иллюзию «безопасного святилища» [1]. Таким образом, проблема определения свободного доступа в общественные места, механизмы эксклюзии из определения и пользования пространством города бездомных и маргинальных или преднамеренно привилегированных групп подчеркивают необходимость постоянной реактуализации и пересмотра понятия публичного и новых концептуальных моделей городского сообщества. Принцип исключительности формируется вследствие образования символической и пространственной границы права доступа к определению публичного пространства. Готовность принять чужеземцев и бесконечно блуждающих нómáдoв (мигрантов) также формирует пространство гигаполиса как технику совместного выживания нерегулируемого потока населения в борьбе за локацию.

Возможность равного пользования публичным является определяющим критерием легитимной причастности к локации: нерегулируемая миграция и оккупация пространства маргинальными пользователями, угрожающими безопасности основного населения, попытка их изъятия из дискурса городской среды через применение практик остракизма и депортации, формирование анклавов и «гетто» – все эти процессы могут повлечь за собой ликвидацию структуры общественного места и затруднить формирование городского сообщества. Отказ в доступе к пользованию публичным пространством ведет к формированию пространства исключения. На наш взгляд, для динамичного развития пространства города необходимы формы «конфликтного соучастия», то есть совместное присутствие различных локальных сообществ (маргинальных и привилегированных).

Темпоральность присутствия в структуре публичного, подвижность границ и незакрепленность призывают к интенсивной событийной наполняемости, что неизбежно ведет к производству избыточности и фрагментации

пространства города. Сосуществование множества пространственных режимов, фрагментация контекстов, подвижность границы, разделяющей публичное и приватное, центр и периферию, определяет город как пространство гетеротопии [1]. В условиях тотального нонмадизма происходит трансформация территориальной сегрегации и локальной идентичности: пока в Москве традиционно сохраняется районное зонирование сообществ (жители Одинцово, Чертаново и т.д.), а в Петербурге жители разделяются в пространственном определении на «центр» (исторический) и «периферию» (район новостроек). Жители будущих гигаполисов будут представлять глобальное «городское сообщество» с локализацией в медиапространстве.

Виртуальное пространство и городские сообщества

Виртуальное пространство, направленное на поддержание иллюзии общего доступа в отсутствие территориальной и классовой дифференциации, становится новым пространственным ориентиром города, размывающим границы между публичным и приватным, определяющим легитимность их взаимозаменяемости. В этих условиях возникает новая модель виртуального городского сообщества. Городской мегаполис становится местом скрытой изоляции публичного пространства и утраты личного в тотальности механизма общественного регулирования, порождающего интенцию к выживанию. События стали переживаться и «потребляться» не только в условиях действительного присутствия в публичном, как это было в рамках классического определения агоры, но стали актуально возможными в любом месте переходных форм соучастия [11, с. 100].

Временность пересечения информационных потоков воспроизводится в виртуальной архитектуре: «флуотичность» пространства уничтожает представление о пространственных границах, формирует модель «сетевого урбанизма», задачей которого становится кодирование функционального города – киборга, сенсорных зон «тактильно воспринимающей среды» и интерактивных фасадов зданий. Горожанин становится пользователем цифровой публичной сферы (user) и высту-

пает в качестве посредника конструирования новой среды киберполиса: в компьютерной игре строит дома, облагораживает территорию, имеет виртуальный статус горожанина. Человек, трансформируясь в дигитального управленца пространства своей жизнедеятельности (web-дизайн), виртуально присваивает, управляет маршрутами путешествий и объективирует места посещения рамками фотоснимков. Сетевое пространство пересечения схожих кодов информационных потоков и артикулированных в публичном индивидуальных интересов формируют новый тип городских медиасообществ (виртуальных поселений киберпространства). Процесс объединения людей на виртуальной платформе в форме совместной репрезентации реакции на событие (стихийный траур, виртуальное сопереживание или общее празднование в социальных сетях) определяет горожанина как ремейк фигуры фланера – очевидца динамики происходящего, но не активного взаимодействующего участника. По мнению информанта гранта, *городское сообщество ушло в Интернет. Там активность значительно выше и готовность участвовать в благоустройстве двора, города, <...> городских событиях. Но дальше коммуникации в сети дело не идет, ... такая «диванная активность»* (городской активист, мужчина, 30 лет).

Глобализированное медиапространство представлено в виде информационной сети, которая функционирует для взаимного пересечения потоков взаимодействий, однако, при этом маскирует подлинную идентичность их пользователя. Через практики борьбы за сохранение территории и собственного публичного облика горожанин трансформируется в фигуру медиапартизана, определяющегося в максиме заботы о виртуальном облике тела и статусном закреплении с помощью приложений графических редакторов и социальных сетей и пространственном маркировании. Персональные медиа представлены в качестве сопроводительного элемента регистрации присутствия пользователя и событий городской среды. Пространственные «хештеги» (конструкт сервисов геолокации) контекстно выделяют локусы местности: называя и, тем самым, «создавая» новое место и сеть

взаимоотношений, медиапартизан повседневности определяет новую тактику восприятия пространства. Электронное маркирование событий, применение хештегов выступают в качестве катализаторов стихийного роста присутствия городских пользователей, но при этом подчеркивающих необходимость реального участия в формировании общественного пространства: сохраняется автохтонное «закрепление» публичной активности, необходимость «выхода» в физическую реальность городской среды.

Медиапартизаны подчеркивают тождество физического пространства улицы и цифрового интерфейса в качестве современных атрибутов гражданской активности, через которые раскрывается динамика взаимосвязи медиаискусства (public art или Net art) и политических форм публичного пространства. Например, действия группировки Electronic Disturbance Theater (1997) были направлены на оказание поддержки движению сапатистов в Мексике после вооруженного подавления протестующих в Чапасе путем DDoS-атаки на портал их правительства [12, с. 68].

Осознание невозможности быстрой организации реакционного движения в физическом пространстве и радикальных действий в вакууме публично регламентированной структуры города, «немота улиц» стали побуждающим мотивом переноса медиапартизанства в виртуальную форму сопротивления (*хактивизм* как явление дистанционного протеста киберпространства). Наиболее распространенной практикой виртуального активизма горожан являются DDoS-атаки, то есть множественное дублирование ложных запросов или повторная перезагрузка URL-адреса, замедляющих работу правительственных сайтов и направленных на блокировку обслуживания сервера. Техника программы «цифрового гражданского неповиновения» (electronic civil disobedience) как ненасильственная форма проявления гражданской солидарности и дистанционной сопричастности (virtual sit-in как модификация «сидячей забастовки») направлена как против цензуры и сокращения доступа в виртуальном пространстве, является ответной реакцией на насильственное ущемление прав граждан, боевые действия

в реальном пространстве города [12, с. 80]. Движение Anonymous, организованное в 2003 году на площадке 4chan, в своем манифесте объявляет кибервойну всем структурам, угрожающим ущемлением гражданских прав [12, с. 71]. Взлом правительственной переписки и интеграция в проведение международных соглашений становятся основными защитными мерами фигуры медиапартизана в рамках виртуального пространства в условиях политического конфликта. Эти формы коллективной организации протеста демонстрируют также иные модели городских сообществ.

В «мирное время» горожанин участвует в дистанционной организации пространства: онлайн-голосование при выборе территории благоустройства или через пожертвования в фонд развития городской среды создают возможность идентифицировать себя с городским сообществом.

Изобилие инструментов манифестации присутствия в городской среде – от определения геолокации до множественных социальных сетей и графических редакторов – дигитально закрепляют причастность горожанина к событийности города и скрывают инстанцию контроля и субъекта цифровой видимости, выявление которого приводит к отчуждению пользователя от киберлокации. Запрос разрешения на использование файлов «cookie» при входе на сайт путем принуждения к согласию на сбор персональных данных определяет посетителя и статистику его действий в виртуальном пространстве. Горожанин становится мишенью капитализированного уничтожения инструментами медиа, разрушающими границы между публичным и приватным. Невозможность скрыть частную жизнь в публичных формах медиапространства приводит к максиме создания приватной сферы в рамках виртуального через внедрение механизма анонимных транзакций [8]. Жители современного города при осознании инстанции превентивной просматриваемости, уничтожения приватного и подлинного, могут пользоваться локусами интерфейса через «VPN-серверы» (частной Сети), что значительно усложняет работу вычисления пользователя по IP-идентификации.

Современный горожанин – пользователь пространства актуализирует свое присутствие в структуре города в выборе полярных максим: «транспубличности» – осознанной самоэкспонируемости как практики вытеснения сокрытого и «прозрачного» соприсутствия, и «постпубличности» как новых условий формирования городского сообщества, в которых происходит борьба за кодирование и шифрование публичной сферы как техники конструирования новой приватности и автономности пользователей, новой городской идентичности.

Заключение

Современные исследования города разрабатывают множество концептуальных моделей городского сообщества. Развитие медиа позволяет трансформировать традиционное гетерогенное разделение территориальных сообществ в определении сложной фигуры горожанина в качестве основной фигуры конструирования и пользования публичного пространства. Горожанин как пользователь пространства города, определенный в модификации публички в фигурах фланера и городского активиста в практиках формирования и присвоения, в условиях современного города трансформируется в медиапартизана, конституирующегося в практиках заботы о публичном образе собственного тела и сетевой защиты «тела» города (хактивизм). При этом отмечаются процессы формирования стихийных локальных сообществ по интересам. Мы становимся свидетелями «перекодирования» статуса публичного пространства. С одной стороны, многие исследователи города отмечают незаполняемость и заброшенность общественных мест, помещенных в сувенирный вакуум (с маркированием исторического облика) и способных только к событийной реактивации во время проведения формально регулируемых парадов, общественных мероприятий и т.д. С другой стороны, в последнее время публичные локусы города становятся платформой гражданского взаимодействия, возрождая в качестве места политической активности: прове-

дение митингов и стихийных пикетов на городской площади, акции и выступления конституируют неотъемлемую связь горожанина с местом актуализации его присутствия – городским пространством и городским сообществом. Возможности городских мест также выявляют усиленный механизм регулирования доступа и пользования: закрытые территории парков с ограниченным режимом посещения, внедрение дисциплинарного контроля форм публичности множественной охраной приводят к приватизации открытой локации и формированию новых пространств исключения (гетеротопии), что затрудняет формирование городских сообществ.

Для нас важно отметить неотъемлемую взаимосвязь физической среды и атрибутов медиа в перекодировании оптики понимания пространства актуального пребывания и определения горожанина как его основного пользователя и актора городского сообщества. Сетевое пространство, конструируемое в качестве спасения от угнетающих потоков физического ландшафта города и гарантирующее автономность горожанина в качестве *user's*, в действительности захватывает и радикально трансформирует реальность, городские сообщества, становясь инструментом тотальной транслируемости и всенаходимости горожан (от внедрения внешних камер наблюдения до контроля персональных данных дистанционного взаимодействия). Дигитальные методы шифрования и интенция к сокрытию пользователя открытых серверов приводят, на наш взгляд, к формированию концепта «постпубличности», актуализирующего новые модели городского сообщества, еще не ставшие предметом научной рефлексии. Город, его событийная наполняемость, множественные формы взаимодействий горожан, включая виртуальное, определяют локализацию актуального соприсутствия («здесь и сейчас») пространственных объектов (улицы, дома, инфраструктура и т.д.), пользователя (горожанина) и манифестации его практик (жизнедеятельность в публичном пространстве) [13] и формируют на новых, постоянно изменяющихся, «текущих» основаниях городские сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Michiel D., Lieven De Cauter *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. London: Routledge, 2008.
2. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.
3. Хьюз Э. Манифест шифропанка [электронный ресурс] // Школа социологии. Магия, порнография, революция. URL: <http://www.anarhvrn.ru/anarh/хаос/shifropunk.html> (дата обращения: 21.04.2018).
4. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
5. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011.
6. Кольба А.И., Кольба Н.В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. 2019. № 2. С. 160–179.
7. Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. Сборник статей. М. Новое литературное обозрение, 2017.
8. Трубина Е. Город в теории: опыт осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
9. Глазычев В. Л. Урбанистика. М. Изд-во Европа, часть 2, 2008.
10. Амин Э. и Трифт Н. Города: переосмысляя городское. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017.
11. Соколов А.В., Палатников Д.Е. Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства // Власть, 2019. № 6. С. 97-102.
12. Baldi S., Gelbstein E., Kurbalija J. *Hacktivism, cyber-terrorism and cyberwar: the activities of the uncivil society in cyberspace*. Malta: Diplo Foundation, 2003.
13. Mitchell D. *The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space*. N.Y.: The Guilford Press, 2003.

CONCEPTUALIZING THE URBAN COMMUNITY IN THE PUBLIC SPACE OF A MODERN CITY

A.A. Drozdova

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Yu.A. Drozdova

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Volgograd, Russia

ABSTRACT:

A city is created from the general context of streams of representations and interactions of its inhabitants-users-citizens, who broadcast the experience in a certain space and time. The manifestation of this actual “being – in – the-world” requires a territorial “assemblage point”. The most common form of anchoring and “body reach” of shared presence and social interaction is the city space, which includes more than 75 % of the world’s population, which we define as citizens. Public space creates the environment for the joint presence of people and objects, the “dynamics of stone and flesh”, static and mobile, representable (architecture, transport, etc.) and unrepresentable (hidden infrastructure network outside the line-of-sight – technical systems, water channels). Analysis of models of urban communities is essential for understanding the mechanisms of their development. Public realm of the city sets a special model of social corporeality by regulating the practices of constructing and using accessible areas of general visibility that mainstream the joint presence of citizens, their interaction as the main users and subjects of social environment transformation. The crises of large megacities, manifested in the processes of alienation of the community from the location, the growth of loneliness and unregulated places of exclusion in the city space force citizens to

form new forms of presence in the urban community – the practice of remote participation in the project of constructing a cyber-city.

Scientific novelty. The article describes a conceptual model of a modern urban community in the context of the growth of new social conflicts in a transforming social reality. On the one hand, this model presents data on urban activism that unites citizens, and, on the other hand, individual strategies of residents – “media partisans”, which redefine the territorial community in the landscape of “post – public”.

Method of research. The article is based on a comprehensive study that includes both general scientific: analytical and predictive methods, as well as a method of cognitive modeling for analyzing the current model of urban community transformation; and empirical methods of combined sociological strategy (mass survey of citizens and rural residents ($n = 516$); in-depth interviews with representatives of urban communities, $N = 10$).

The article was prepared with the support of RFBR grant no. 19-411-340002 “Territorial communities in the conditions of social transformations: socio-managerial analysis”.

KEYWORDS: urban communities, citizen, public space, media partisan, post-public.

AUTHORS' INFORMATION:

Anastasia A. Drozdova, Saint-Petersburg State University,
20/2, Korablestroiteley str., Saint-Petersburg, 199226, Russia, drozdova11n@gmail.com

Yulia A. Drozdova, Cand. Sci. (Sociological), Associate Professor, Volgograd branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
8, Gagarina str., Volgograd, 400066, Russia, juliadrozdova@mail.ru

FOR CITATION: Drozdova A.A., Drozdova Yu.A. Conceptualizing the urban community in the public space of a modern city // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 73–82.

REFERENCES

1. Michiel D., Lieven De Cauter (eds.) *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. London: Routledge, 2008. – (In Eng.).
2. Harvy D. Right to a city // *Logos*. 2008. № 3. P. 80–94. [Kharvi D. Pravo na gorod // *Logos*. 2008. № 3. P. 80–94.] – (In Rus).
3. Hughes E. A Cypherpunk's Manifesto [electronic resource] // *School of Sociology. Magic, Pornography, Revolution* [Khius E.A. Manifest shifropanka // *Shkola sotsiologii. Magiya, pornografiya, revolyutsiya* URL: <http://www.anarhvrn.ru/anarh/xaoc/shifropunk.html> (data obrashcheniya 21.04.2018)] – (In Rus).
4. Auge M. *Non-Places: an Introduction to Supermodernity*. Moscow: New Literature Review, 2017. [Ozhe M. Ne-mesta. Vvedeniye v antropologiyu gipermoderna. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017.] – (In Rus).
5. Foulcault M. *Security, Territory, Population*. St. Petersburg: Science, 2011. [Fuko M. Bezopasnost', territoriya, naseleniye. SPb.: Nauka, 2011.] – (In Rus).
6. Kol'ba A.I., Kol'ba N.V. City conflicts as a factor of civilian and political activation of local communities // *Political science*. 2019. №2. P. 160–179 [Kol'ba A.I., Kol'ba N.V. Gorodskiye konflikty kak faktor grazhdansko-obshchestvennoy aktivizatsii lokal'nykh soobshchestv // *Politicheskaya nauka*. 2019. № 2. P. 160–179.] – (In Rus).
7. *Cities' Own Logic. New approaches in Urban Studies*. Collection of articles. Moscow: New Literary Review, 2017. [Sobstvennaya logika gorodov. Novyye podkhody v urbanistike. M.: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2017] – (In Rus).
8. Trubina Ye. *City in theory: an experience of making sense of space*. Moscow: New Literature Review, 2011 [Trubina Ye. Gorod v teorii: opyt osmysleniya prostranstva. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011.] – (In Rus).
9. Glazychev V. L. *Urbanistics*. Moscow: Europe Publishers, 2008. [Glazychev V. L. Urbanistika. M.: Yevropa Publishers, 2008.] – (In Rus).
10. Amin E., Thrift N. *Cities: Reimagining the Urban*. Nizhny Novgorod: Red Swallow, 2017. [Amin E., Thrift N. Goroda: pereosmyslyaya gorodskoye. Nizhny Novgorod: Krasnaya Lastochka, 2017.] – (In Rus).
11. Sokolov A.V., Palatnikov D.E. The nature and

conflict strategies of urban communities in the virtual political space // Power. 2019. № 6. P. 97-102. [Sokolov A.V., Palatnikov D.E. Priroda i konfliktnyye strategii gorodskikh soobshchestv v usloviyakh virtualizatsii politicheskogo prostranstva // Vlast'. 2019. № 6. P. 97 – 102] – (In Rus.)

12. Baldi S., Gelbstein E., Kurbaliya J. Hacktivism,

cyber-terrorism and cyberwar: the activities of the uncivil society in cyberspace. Malta: Diplo Foundation, 2003. – (In Eng.)

13. Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. N.Y.: The Guilford Press, 2003. – (In Eng.)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДРАЙВЕРОВ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

УДК: 331:004

ББК: 65.240с51

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-83-92

ГРНТИ: 06.81

Код ВАК: 08.00.05

Н.Р. Кельчевская

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 341109

Е.В. Ширинкина

Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия
AuthorID: 750318

АННОТАЦИЯ:

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что развитие цифровых технологий провоцирует формирование цифровых навыков и, как следствие, увеличивает потенциал цифрового развития человеческого капитала. В условиях развития цифровой экономики предприятия сталкиваются с вопросом формирования бизнес-стратегии в направлении повышения уровня цифровизации и вектора цифрового развития человеческого капитала. Статья раскрывает проблемы, с которыми сталкиваются предприятия в организации бизнес-процессах. В этой связи цель данного исследования – формирование институциональной модели драйверов цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе, которая позволяет рассматривать процесс цифрового развития человеческого капитала, как интеграцию взаимодействия всех участников: рынка труда, промышленности и системы образования. Предметом исследования является анализ основных трендов развития цифровой экономики, что позволяет по-другому расставить приоритеты в сторону цифрового развития человеческого капитала. Вводится новая категория «драйверы цифрового развития человеческого капитала». В статье представлен анализ тенденций цифровизации в бизнес-процессах и обучении и призван сформировать понимание необходимости проактивного создания цифровой среды, вызванное глубинными переменами в экономике и обществе. В статье авторами проанализированы глобальные вызовы в парадигме цифровизации отраслей промышленности и образования в условиях быстрого развития цифрового мира. Эмпирической базой послужили материалы ведущих консалтинговых и ИТ-компаний, глобальных ассоциаций и других активных участников мировой образовательной среды. Представленная институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала позволит трансформировать подход к стратегическому управлению человеческим капиталом в условиях цифровой экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человеческий капитал, цифровая экономика, тренды, драйверы развития, институциональная модель.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Наталья Рэмовна Кельчевская, доктор экономических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, n.r.kelchevskaya@urfu.ru

Елена Викторовна Ширинкина, кандидат экономических наук, Сургутский государственный университет,
628412, Россия, г. Сургут, ул. Ленина, 1, shirinkina86@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кельчевская Н.Р., Ширинкина Е.В. Институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 83–92.

Ведение

Актуальность исследования обусловлена тем, цифровизация рассматривается как катализатор развития бизнес-инноваций. Она несет множество возможностей, но также и создает новые вызовы [9], в частности, компаниям нужно понимать, как использовать средства цифровизации для повышения производительности и как в цифровой среде развивать человеческий капитал, и это находится в фокусе теоретических и практических исследований [3, 8].

Цифровизация является фактором конкурентоспособности предприятий, благодаря чему им удается сократить затраты до 25 % [4], поэтому в условиях международной конкуренции промышленным компаниям необходимо активно внедрять цифровые технологии и, как следствие, новые подходы в управлении человеческим капиталом с позиции развития организационной цифровой культуры и цифровых знаний [1, 2].

Очевидно, что при планировании эффективной стратегии управления человеческим капиталом в условиях цифровизации бизнес-процессов необходимо интегрировать структурные и социальные компоненты. В этой связи проведем анализ основных трендов развития цифровой экономики, что позволяет по-другому расставить приоритеты в сторону цифрового развития человеческого капитала.

Рисунок 1 – Уровень цифровизации отраслей промышленности, % соотношения рабочих часов [10, 11].

Материал и методика исследований

Триумфальное шествие новых технологий в цифровой экономике и революционных научных открытий в самых различных областях неуклонно набирает обороты [5]. Уровень цифровизации отраслей промышленности представлен на рис. 1.

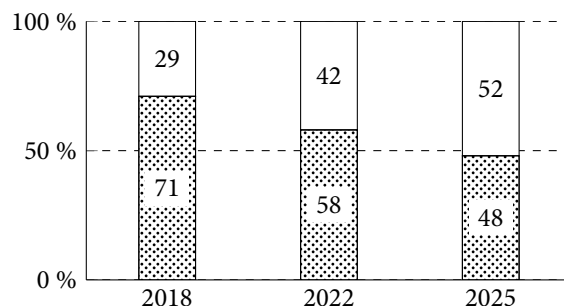

Рисунок 1 – Распределение публикаций по теме «политика развития» по дисциплинарным меткам Web of Science (тыс.)

Однако никто не в силах предсказать все направления будущего применения прорывных технологий, и в 2025 г. созданная стоимость может значительно превысить наши сегодняшние оценки.

На рис. 2 представлена оценка экономического эффекта, которого можно достичь к 2025 г. за счет применения каждой технологии в отдельных отраслях.

По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в следующие 10–20 лет 14 % рабочих мест будут полностью или частично автоматизированы, а ещё 32 % подвергнутся значительным изменениям. Бизнес-процессам необходимо адаптироваться под эти изменения. Это возможно при помощи новейших технологий, которые способны значительно улучшить качество управленческих решений. Согласно исследованию Smoothwall, 96 % респондентов отмечают положительное влияние технологий на вовлечённость предприятий в цифровизацию бизнес-процессов. Мировой рынок расходов на образование в настоящее время оценивается более чем в \$5 трлн и к 2030 году может составить \$10 трлн. Несмотря на объём общих инвестиций, доля цифровых решений в образовании составляет всего 2 %.

Исследователи из Reach Capital подвели итоги 2017 г. и выявили наиболее заметные тренды рынка образовательных технологий

Рисунок 2 – Структура цифровых технологий в разрезе прогнозного экономического эффекта в год к 2025 г. [4,10,11]

в США. Во-первых, на данный момент более 94 % школ подключены к интернету, однако, по результатам исследований, только 22 % из них имеют достаточную пропускную способность, чтобы справиться с потоковыми требованиями обучения 1:1 (1 устройство на 1 обучающегося). Во-вторых, возрос объем поставляемых в учебные заведения ноутбуков и планшетов, тем самым все ближе цель, когда у каждого ученика будет собственный компьютер. На данный момент на 50 млн учащихся в государственных школах США приходится 20 млн хромбуков от Google, не учитывая планшеты, предоставляемые Apple и Microsoft. В-третьих, прослеживается значительный упадок традиционных изданий. Это связано с тем, что все больше людей предпочитают электронные/онлайн-книги бумажным.

За последние три года индекс S&P вырос на 24 %, но индекс издательств Pearson и Houghton Mifflin Harcourt снизился на 58 % и 32 % соответственно. Их медленный переход на цифровое оборудование стоил им значительной доли рынка, так как более бюджетные диджитал-решения стремительно набирают популярность. Ожидается, что данные показатели будут только расти, и вскоре такие маркетинговые площадки, как TeachersPayTeachers и Nearpod, будут все больше становить-

ся местом для образовательного контента, а традиционные издания перестанут быть востребованными.

Для цифрового развития человеческого капитала недостаточно один раз получить знания или развить навыки, необходимо регулярно обновлять приобретенный багаж. Категорию «цифровые кадры» впервые ввела международная компания, работающая в сфере управленческого консалтинга McKinsey & Company в июле 2017 года в своем исследовании «Цифровая Россия: новая реальность» [4].

Исследователи из Reach Capital подвели итоги 2017 г. и выявили наиболее заметные тренды рынка образовательных технологий в США. Во-первых, на данный момент более 94% школ подключены к интернету, однако, по результатам исследований, только 22 % из них имеют достаточную пропускную способность, чтобы справиться с потоковыми требованиями обучения 1:1 (1 устройство на 1 обучающегося). Во-вторых, возрос объем поставляемых в учебные заведения ноутбуков и планшетов, тем самым все ближе цель, когда у каждого ученика будет собственный компьютер. На данный момент на 50 млн учащихся в государственных школах США приходится 20 млн хромбуков от Google, не учитывая планшеты, предоставляемые Apple

Рисунок 3 – Жизненный цикл образования в России [4, 6, 7]

и Microsoft. В-третьих, прослеживается значительный упадок традиционных изданий. Это связано с тем, что все больше людей предпочитают электронные/онлайн-книги бумажным. За последние три года индекс S&P вырос на 24 %, но индекс издательств Pearson и Houghton Mifflin Harcourt снизился на 58 % и 32 % соответственно. Их медленный переход на цифровое оборудование стоил им значительной доли рынка, так как более бюджетные диджитал-решения стремительно набирают популярность. Ожидается, что данные показатели будут только расти, и вскоре такие маркетинговые площадки, как TeachersPayTeachers и Nearpod, будут все больше становиться местом для образовательного контента, а традиционные издания перестанут быть востребованными.

Для цифрового развития человеческого капитала недостаточно один раз получить знания или развить навыки, необходимо регулярно обновлять приобретенный багаж. Категорию «цифровые кадры» впервые ввела международная компания, работающая в сфере управленческого консалтинга McKinsey & Company в июле 2017 года в своем исследовании «Цифровая Россия: новая реальность» [4].

Страны верхней траектории развития внедряют с этой целью решения, стимулирующие обучение людей на протяжении всей жизни – в рамках образовательной системы, на базе работодателей или своими силами. Попытки обсуждения данной повестки в России пока не привели к успеху. Сегодня в стране отсутствует системное решение для обновления компетенций на протяжении всей жизни. Обучение большинства людей заканчивается с выпуском из вуза, не позже 25 лет (рис. 3).

Обучение в процессе трудовой деятельности часто представлено либо формальным повышением квалификации, при котором не происходит реального развития и обновления навыков, либо точечным закрытием пробелов системы образования. Тем не менее в среднем по России затраты работодателей на обучение сотрудников в 10 раз меньше, чем в Европе. В образовательных программах в нашей стране участвуют 15 % работоспособного населения и 1 % пенсионеров – для сравнения, в развитых странах это 40 и 5 % соответственно. Значительная часть населения мира в возрасте от 25 лет считает основную часть своего образовательного цикла завершенной и не готова предпринимать существенные усилия по повышению образовательного ценза и/или обновлению пакета актуальных навыков.

В конце 2017 года по заказу Минобрнауки было проведено социологическое исследование, призванное изучить отношение россиян к проектам в области онлайн-обучения. В выборке участвовали 1055 человек из 15 городов России, представляющие коммерческие организации (руководители компаний, учебных центров и HR-директора) и вузы (руководители, преподаватели, учащиеся) (рис. 4).

Большинство опрошенных (51,8 %) относится к онлайн-образованию положительно. При этом наибольшее одобрение онлайн-обучение получило со стороны представителей бизнеса (45,6 % руководителей и 50 % HR-директоров). Руководители учебных центров и преподаватели видят в онлайн-образовании как плюсы, так и минусы (40,9 % руководителей и 56,1 % преподавателей соответственно). Учащиеся также разделяют позицию преподавателей (57,6 % опрошенных).

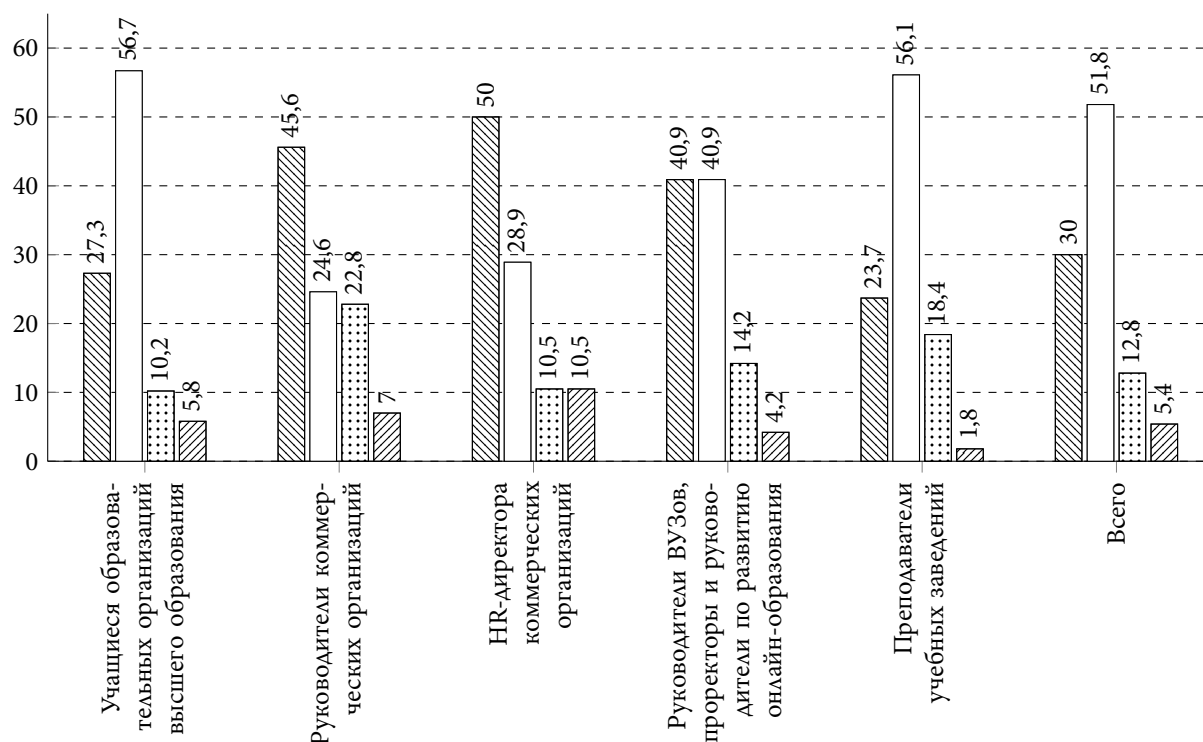

Рисунок 4 – Отношение к идее получения онлайн-образования среди разных целевых групп, % опрошенных [6]

Тем не менее, большинство респондентов положительно оценивают российские образовательные проекты, такие как «Национальная платформа открытого образования» и «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». Внедрение этих платформ одобряет 52 % опрошенных (рис. 5).

Среди факторов привлекательности цифрового обучения респонденты назвали повышение квалификации (55,3 %), получение дополнительного профессионального образования или второго высшего (43,8 %). У преподавателей вузов, помимо повышения квалификации, на втором месте стоит фактор удовлетворения интереса, познавательный досуг (36,4 %).

Анализ эффективности использования цифровых технологий в обучении привел к неоднозначным выводам. С одной стороны, цифровизация упрощает процесс взаимодействия между обучающимися, как в классе, так и во время выполнения домашних заданий. С другой стороны, при неограниченном использовании технологии студенты рискуют быстрее утратить мотивацию к обучению и попасть в зависимость от самой технологии. В частности, к наиболее рискованным образо-

вательным решениям исследователи отнесли социальные сети, интерактивные и коллаборативные платформы.

Результаты исследования

Для отражения сущности указанной формы нами вводится новая категория «драйверы цифрового развития человеческого капитала». Авторский подход к определению данного понятия следующий: Драйверы цифрового развития человеческого капитала (от англ. «driver» дословно «водитель», «направляющий движение») – развитие человеческого капитала в направлении повышения цифровизации и цифровой компетентности, основанное на новых методах измерения человеческого капитала с использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе представлена на рис. 4.

Институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе позволяет рассматривать процесс цифрового развития человеческого капитала, как интеграцию взаимодействия всех участников: рынка труда,

Рисунок 5 – Структура цифровых технологий в разрезе прогнозного экономического эффекта в год к 2025 г. [4,10,11]

формирующего рыночную среду, которая необходима для мотивации людей к выбору высококвалифицированных профессий; промышленности, формирующей технологическую среду; системы образования, формирующей образовательную среду для создания высококачественного человеческого капитала с необходимыми целевыми компетенциями; системы здравоохранения и социального обеспечения, формирующей социальную среду функционирования и цифрового развития человеческого капитала. В соответствии с институциональной моделью драйверов цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе нормальное функционирование данного процесса обуславливается рациональностью и системностью структуры, проявляющейся во влиянии совокупности воздействия всех внешних факторов.

Включает:

1. Драйверы стимулирования массового спроса на цифровые знания и навыки. Драйверы стимулирования массового спроса на цифровые знания и навыки включают:

- цифровое развитие промышленности и всех отраслей экономики;
- развитие в сфере автоматизации, искусственной интеллектуализации и цифровых бизнес-моделей.
- изменение структуры занятости;

– изменение требований к работнику и условий труда от четко определенных рабочих обязанностей к проектной работе;

– изменение рабочего места с увеличением доли труда, связанного с развитием автоматизированных систем;

– формирование роста потребности в развитии цифровых навыков.

2. Драйверы создания опережающего предложения цифровых кадров системой образования. Драйверы создания опережающего предложения цифровых кадров системой образования включают:

– масштабную трансформацию российской системы образования в парадигме «Lifelong Learning» – образование в течение всей жизни;

– развитие цифровых кадров путем совершенствования платформ взаимодействия студентов и потенциальных работодателей;

– внедрение новых подходов к обучению и обеспечение высокого уровня базовой цифровой грамотности населения.

3. Драйверы создания социальной среды, благоприятной для формирования и цифрового развития человеческого капитала включают:

– развитие сетевого общества и распространение решений, основанных на блокчейне;

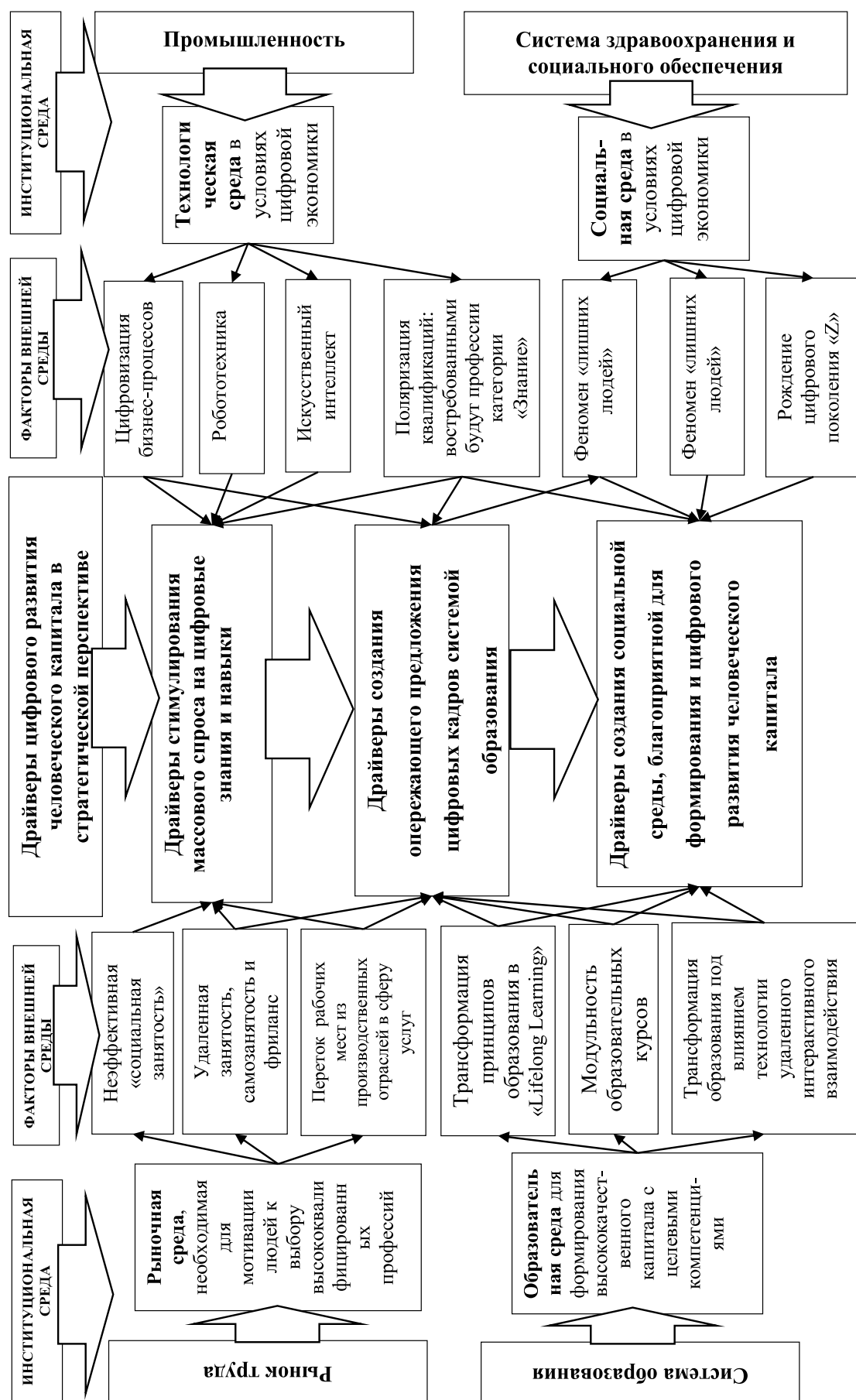

Рисунок 6 – Институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе (составлено автором)

– развитие коворкингов, каршеринга и краудфандинга, как неотъемлемых атрибутов цифровой экономики;

– изменение структуры образовательных потребностей, поскольку цифровизация способствует увеличению продолжительности жизни, и этот процесс потребует новые подходы к растущей группе «вечных» студентов.

Для того чтобы драйверы цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе заработали, необходимо целенаправленное систематическое воздействие всех субъектов управления и инвестирования в человеческий капитал, а именно – системы образования, предприятия, государства. Цели можно достигнуть, только если все субъекты представленной институциональной модели будут играть на опережение и вырабатывать меры реагирования в стратегической перспективе.

Представленная институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала позволит трансформировать подход к стратегическому управлению человеческим капиталом в условиях цифровой экономики.

Выводы

1. Определены тренды технологий условиях развития цифровой экономики с целью

определения новых драйверов в развитии человеческого капитала.

2. Вводится новая категория «драйверы цифрового развития человеческого капитала».

3. Представлена институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала в стратегической перспективе, которая позволяет рассматривать процесс цифрового развития человеческого капитала, как интеграцию взаимодействия всех участников: рынка труда, промышленности и системы образования.

4. Определены драйверы стимулирования массового спроса на цифровые знания и навыки.

5. Определены драйверы создания опережающего предложения цифровых кадров системой образования.

6. Определены драйверы создания социальной среды, благоприятной для формирования и цифрового развития человеческого.

7. Представленная институциональная модель драйверов цифрового развития человеческого капитала позволит трансформировать подход к стратегическому управлению человеческим капиталом в условиях цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Май В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 115.

2. Aboody D., Lev B. Information asymmetry, R&D, and insider gains // The Journal of Finance. 2000. № 6 (55). С. 2747-2766.

3. Akerlof G. The Market for 'Lemons': Quality Uncertainty and the Market Mechanism. Quarterly // Journal of Economics. 1970. № 84 (3). С. 488-500.

4. McKinsey — «Цифровая экономика: новая реальность», 2017 [электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital%20Russia-report.ashx> (дата обращения: 22.05.2019).

5. United Nations – “World Population Prospects”, 2017 [электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/> (дата обращения: 17.08.2019).

6. Атлас новых профессий — «Профессии-пенсионеры», 2015 [электронный ресурс] URL: <http://atlas100.ru/future/articles/professii-pensionery/> (дата обращения: 22.05.2019).

7. Расмуссен Й. Модель человеческого поведения. 1983 [электронный ресурс] URL: <https://lektsia.com/4x4631.html> (дата обращения: 02.06.2019).

8. Kelchevskaya N.R., Shirinkina E.V., Strih N.I. Evaluation of Digital Development of Human Capital of Enterprises // 2nd International Conference on Education Science and Social Development (ESSD 2019). – Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 298. P.446-449.

9. BCG — «Россия 2025: от кадров к талантам», 2017 [электронный ресурс] URL: <http://d->

russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (дата обращения: 12.09.2019).

10. Global Education Futures — “Educational ecosystems for societal transformation”, 2018 [электронный ресурс] URL: <https://www.edu2035.org/>

files/GEF%20Vision%20Educational%20Ecosystems%20for%20Societal%20Transformation.pdf (дата обращения: 23.07.2019).

11. Kane G., Palmer D., Phillips, A. Kiron, D., Buckley, N. Aligning the Organization for Its Digital Future // Research report. 2016. № 5 (81).

INSTITUTIONAL MODEL OF DRIVERS OF HUMAN CAPITAL DIGITAL DEVELOPMENT IN THE STRATEGIC PERSPECTIVE

N.R. Kelchevskaya

Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

E.V. Shirinkina

Surgut State University,
Surgut, Russia

ABSTRACT:

The relevance of this research is established by the fact that the development of digital technologies provokes the digital skills development and, as a result, increases the potential for digital development of human capital. In the context of the digital economy development, enterprises are faced with the issue of forming a business strategy aimed at the level of digitalization enhancement and the vector of human capital digital development. The article reveals the problems of enterprises in the organization of business processes. In this regard, the purpose of this research is to develop an institutional model of drivers of digital development of human capital in a strategic perspective, which allows us to consider the process of human capital digital development as the integration of interaction among all the participants: the labor market, industry and the education system. The subject of the research is the analysis of the main trends in the development of the digital economy, which allows us to prioritize the digital development of human capital in a different way. A new category “drivers of human capital digital development” is introduced. The article presents an analysis of digitalization trends in business processes and training and aims to form an understanding of the need in proactive creation of a digital environment caused by deep changes in the economy and society. In the article, the authors analyze global challenges in the paradigm of digitalization of industries and education in the context of rapid development of the digital world. The empirical base is based on materials from leading consulting and IT-companies, global associations, and other active participants in the global educational environment. The presented institutional model of drivers of human capital digital development will transform the approach to strategic management of human capital in the digital economy.

KEYWORDS: human capital, digital economy, trends, drivers of development, institutional model.

AUTHORS' INFORMATION:

Natalya R. Kelchevskaya, Dr. Sci. (Economical), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,

19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia, n.r.kelchevskaya@urfu.ru

Elena V. Shirinkina, Cand. Sci. (Economical), Surgut State University,

1, Lenina str., Surgut, 628412, Russia, shirinkina86@yandex.ru

FOR CITATION: Kelchevskaya N.R., Shirinkina E.V. Institutional model of drivers of human capital digital development in the strategic perspective // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 83–92.

REFERENCES

1. Mau V. Human capital: challenges for Russia // Issues of Economics. 2012. № 7. P. 115 [Mau V. Chelovecheskij kapital: vyzovy dlya Rossii // Voprosy ekonomiki. 2012. № 7. S. 115.] – (In Rus.).
2. Aboody D., Lev B. Information asymmetry, R&D, and insider gains // The Journal of Finance. 2000. № 6 (55). P. 2747-2766.
3. Akerlof G. The Market for 'Lemons': Quality Uncertainty and the Market Mechanism. "Quarterly // Journal of Economics, 1970, no. 84 (3), p. 488-500.
4. McKinsey. Digital Economy: A New Reality, 2017. [electronic resource] URL: <https://www.mckinsey.com/en/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/DigitalRussia-report.ashx>
5. United Nations. World Population Prospects, 2017. [electronic resource] URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/> (accessed: 08/17/2019).
6. Atlas of new professions. Professions-pensioners, 2015. [Atlas novyh professij — «Professii-pensionery», 2015] – (In Rus.). [electronic resource] URL: <http://atlas100.ru/future/articles/professii-pensionery/>
7. Rasmussen J. A model of human behavior, 1983. [electronic resource] URL: <https://lektsia.com/4x4631.html>
8. Kelchevskaya N.R., Shirinkina E.V., Strih N.I. Evaluation of Digital Development of Human Capital of Enterprises // 2nd International Conference on Education Science and Social Development (ESSD 2019). – Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 298. P. 446-449.
9. BCG. Rossiya 2025: ot kadrov k talantam [Russia 2025: from Personnel to Talent], 2017. [electronic resource] URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf
10. Global Education Futures. Educational ecosystems for societal transformation, 2018. [electronic resource] URL: <https://www.edu2035.org/files/GEF%20Vision%20Educational%20Ecosystems%20for%20Societal%20Transformation.pdf>
11. Kane G., Palmer D., Phillips, A. Kiron, D., Buckley, N. Aligning the Organization for Its Digital Future // Research report. 2016. № 5 (81).

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕГИОНА НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

УДК: 332.1:005.591.6

ГРНТИ: 06.54.31, 06.61.31

ББК: 65.050.22-551

Код ВАК: 08.00.05

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-93-107

И.В. Корчагина

Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия
AuthorID: 624008

К.В. Рогова

Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия
AuthorID: 666335

АННОТАЦИЯ:

Важным аспектом современного экономического развития стран и регионов является развитие технологического предпринимательства на базе инновационной экосистемы. Политика и мероприятия развития инновационных экосистем в российских условиях имеют недостаточную эффективность, во многом вследствие отсутствия научно-методических разработок. Система управления формированием инновационной экосистемы должна учитывать ее внутренние закономерности и использовать современные технологии стратегического менеджмента. В исследовании использована методология системы сбалансированных показателей для разработки целей и управленческих показателей стратегии формирования инновационной экосистемы. Предложены четыре перспективы для построения стратегической карты формирования инновационной экосистемы: «технологическое предпринимательство», «взаимодействия и связи», «ресурсы», «инфраструктура». Эти перспективы охватывают «жесткую» и «мягкую» составляющую инновационной экосистемы в их взаимосвязи. Цели всех перспектив через цепочку причинно-следственных связей ориентированы на развитие технологического предпринимательства, вносящего вклад в региональный экономический рост. В отличие от существующих подходов, стратегическая карта формирования инновационной экосистемы учитывает промежуточное звено между выделением ресурсов, определение круга участников и появлением успешных технологических предпринимателей. Этим звеном является динамика взаимодействия в инновационной экосистеме, формирование социального капитала, предпринимательской культуры, практик коэволюции и коллаборации. На основе стратегической карты разработана система сбалансированных показателей для управления процессами формирования инновационной экосистемы. Для целей каждой перспективы (кроме перспективы «технологическое предпринимательство») определены запаздывающие и опережающие показатели. Наличие опережающих показателей позволяет субъекту управления оценивать не только степень достижения поставленных целей, но и ключевые факторы успеха для них. Использование системы сбалансированных показателей для разработки стратегии формирования инновационной экосистемы повышает эффективность управления и реализует на практике системный подход к технологическому предпринимательству.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инновационная экосистема, технологическое предпринимательство, регион, технологический стартап, стратегия, система сбалансированных показателей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ирина Васильевна Корчагина, кандидат экономических наук, Кемеровский государственный университет,

650056, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, korchagina-i@mail.ru

Ксения Валерьевна Рогова, старший преподаватель, Кемеровский государственный университет, 650056, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, kseniyaporlikova@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Корчагина И.В., Рогова К.В. Стратегия формирования инновационной экосистемы технологического предпринимательства региона на основе системы сбалансированных показателей // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 93–107.

Введение. Постановка проблемы. В ситуации «новой экономической нормальности» с ее серьезными финансово-инвестиционными, рыночными, ресурсными ограничениями, а также угрозами внешних макроэкономических шоков еще более актуальной становится цель инновационного развития экономики по преимуществу на эндогенной основе [1, с. 69; 2, с. 64; 3, с. 716]. Для этого необходимо использовать значительный научно-исследовательский потенциал России, ее регионов, сформировать развитый инновационный рынок, позволяющий не только реализовать имеющиеся исследования, разработки, но и стимулировать постоянный поток базисных инноваций для проведения «новой индустриализации».

Однако практика свидетельствует, что непосредственные связи университетов и научных организаций с бизнесом как потребителем инноваций серьезно затруднены по объективным причинам. Академическое сообщество в недостаточной степени готово предоставлять научно-инновационный продукт в той стадии готовности, которая интересует бизнес. Возникает разрыв на стадии между завершением научных исследований и подготовкой их результатов к промышленному использованию. Поэтому мировой и частично уже российский опыт указывает на необходимость формирования самостоятельного активного слоя технологических предпринимателей.

Технологические предприниматели, основанные ими технологические фирмы (стартапы) обеспечивают непосредственную связь инновационного спроса и предложения, поскольку преобразуют новое научное знание в готовый к коммерческому использованию

продукт, технологию [4, с. 165; 5, с. 909]. Успешные кейсы инновационного развития индийских штатов Бангалор и Хайдарабад [6], Международного инновационного центра на юге Бразилии [7], ряда провинций Китая [8] показывают, что они в значительной степени опираются на динамичный рост технологического предпринимательства.

Следовательно, вне зависимости от траектории предшествующего развития, будь это страна со зрелой рыночной, переходной или же развивающейся экономикой, технологическое предпринимательство является необходимым условием экономического роста с опорой на внутренние, эндогенные факторы. В свою очередь, появление и развитие большого числа технологических фирм достигается только в условиях развитой инновационной экосистемы [5, с. 915; 9, с. 90]. Инновационная экосистема связывает технологического предпринимателя с индустриальными и академическими партнерами, институтами поддержки. Благодаря ей обеспечивается доступ к финансовым и человеческим ресурсам. Существенное влияние на возникновение и рост технологических фирм оказывают инновационная культура, социальный капитал экосистемы, а также явления коэволюции и коллаборации [10, 11, 12].

Таким образом, как на федеральном, так и на региональном уровне существует научно-прикладная задача по управлению процессами формирования инновационной экосистемы технологического предпринимательства в контексте общей системы стратегического планирования. Цели и задачи развития инновационных экосистем и (или) технологического предпринимательства уже заложены в документы стратегического планирования ряда

субъектов РФ, а также программы развития многих университетов. Реализация данной цели предполагает не только ресурсное обеспечение, но и адекватную сложности поставленных задач систему управления.

Обзор литературы. Анализ литературы показывает, что существует объективный недостаток научно обоснованных разработок по управлению процессами формирования инновационных экосистем, поддержки и стимулирования технологического предпринимательства. В публикациях по технологическому предпринимательству рассматриваются по преимуществу его фундаментальные аспекты, проблемы технологического предпринимательства среди студенчества, влияние технологического предпринимательства на достижение основных целей развития страны.

Среди работ, рассматривающих непосредственно политику развития технологического предпринимательства, можно отметить исследование Д.Д. Цителадзе [13]. Он пришел к выводу, что технологическое предпринимательство может успешно развиваться на базе самоорганизующейся региональной инновационной экосистемы, где осуществляется, в частности, сетевое взаимодействие с большим числом партнеров [13, с. 33]. При этом должны решаться задачи обеспечения технологических проектов «умным» финансированием, а также минимизации транзакционных издержек [13, с. 37], что, по мнению авторов, имеет важный, но частный характер.

Концепции развития технологического предпринимательства в университете посвящено исследование А.В. Пилюгиной, В.В. Власовой [14]. В нем в качестве основных управленческих целей фигурируют формирование новых связей вуза с субъектами рыночной экономики, устранение институциональных барьеров, вовлечение стейкхолдеров [14, с. 806]. Эти задачи и мероприятия также вполне целесообразны, однако остается открытым вопрос о конечных результатах развития технологического предпринимательства, а также приоритетах и взаимосвязях в деятельности по его стимулированию.

Несколько больше работ рассматривает организационно-управленческие аспекты развития инновационных экосистем. Так,

Г.Ф. Деттер и И.Л. Туккель предложили набор рекомендаций по проектированию региональных инновационных экосистем включая принципы, последовательность разработки, наличие четырех контуров – государство, образование, бизнес, наука, однако, не приводя экспериментальной апробации [15].

По мнению авторов, в работах этих исследователей речь идет скорее о создании «жесткой» инновационной инфраструктуры, что представляется важным, но недостаточным [15, 16]. В работе О.В. Видякиной предложена система показателей для оценки инновационной экосистемы университета [17, с. 36–37]. Это важнейший управленческий инструмент, основанный на количественных данных. Тем не менее, подход к определению показателей и сам их состав не бесспорен, а на региональном уровне большая их часть неприменима.

А.А. Тер-Григорьянц, М.Н. Деньщик рассматривают в качестве основы управления инновационными экосистемами механизм с такими составляющими, как функции управления, объекты управления, ресурсы, уровни управления [18, с. 107]. По мнению авторов, здесь явно недостает содержательного определения целей и показателей, а также конкретного наполнения известных теоретических категорий экосистемным содержанием. Альтернативный механизм создания инновационной экосистемы предлагается Д.Б. Соловьевым и А.С. Шадриним [19]. В его основе лежит повышение тесноты, интенсивности взаимодействия научной, образовательной и инновационной инфраструктур [19, с. 14].

На основе обобщения зарубежного и российского опыта построения инновационных экосистем дают прикладные рекомендации В.М. Кизеев [20], М.В. Леденева и Т.А. Плаксунова [21]. По мнению В.М. Кизеева, штат Юта (США) значительно опережает, например, Томскую область благодаря большому объему «умного» финансирования, которое позволяет большему числу стартапов преодолеть «долину смерти». В Томской области существует в основном инфраструктурная и консультационная поддержка, но финансирование получить намного сложнее, поэтому выживаемость технологических стартапов зна-

чительно ниже [20, с. 29]. Кроме того, по мнению В.М. Кизеева, необходимо развивать также предпринимательскую культуру, активнее работать с талантливой молодежью [20, с. 31].

М.В. Леденева, Т.А. Плаксунова, в свою очередь, отмечают проблему отсутствия в Волгоградской области и многих других регионах страны специфической поддержки именно технологического предпринимательства, доминирование запуска новых предпринимательских проектов над обеспечением их более высокой выживаемости [21, с. 490]. Необходимо также отметить ряд работ, посвященных частным аспектам развития инновационной экосистемы – снижению рисков технологических стартапов [22], налоговому стимулированию участников инновационной экосистемы [23], ее документационно-информационному обеспечению [24].

Ряд авторов критически рассматривают саму идею целенаправленного управления развитием инновационной экосистемы. Д.В. Сидоров пишет, что та же Кремниевая долина в США формировалась более 50 лет, поэтому воспроизвести ее «здесь и сейчас» невозможно, «развитие экосистемы – это сложный нелинейный самоорганизованный процесс, который по аналогии с биологическими процессами развития эмбриона не могут быть ускорены» [25, с. 54].

Можно согласиться с тем, что невозможно получить инновационную экосистему в короткий срок, просто воспроизведя соответствующие объекты инфраструктуры и институты. Однако как опыт ряда государств (Индии, Китая, Бразилии, о чем говорилось выше), так и исследования, проведенные в странах со зрелой рыночной экономикой, показывают, что целенаправленное управление формированием инновационных экосистем оправданно и необходимо.

Для этого требуется стратегический подход, выработка адекватной стратегии развития самой инновационной экосистемы [26, с. 47–48]. Важное место также занимает обеспечение координированной работы на основе общих планов, видения будущего всех участников [27, с. 2264]. Таким образом, развитие инновационных экосистем технологического предпринимательства в России сталкивается

с противоречием между необходимостью целенаправленного их формирования на основе целостной стратегии и отсутствием адекватной научно-методической базы для этого. Признавая теоретическую и прикладную ценность существующих исследований, необходимо отметить, что:

1) существующие подходы ориентированы по преимуществу на управление «жесткой» инновационной инфраструктурой и уделяют недостаточное внимание «мягкой» компоненте (взаимодействие участников, инновационная культура, социальный капитал и т.д.);

2) на региональном уровне не разработаны цели и адекватные им управленческие показатели, позволяющие инициировать конкретные управляющие воздействия, оценивать их результаты;

3) необходим целостный подход к стратегическому развитию инновационной экосистемы, отражающий ее структуру, взаимосвязи, практики работы, а также связь с общей стратегией развития региона.

По мнению авторов, наилучшей технологией стратегического управления при формировании инновационной экосистемы может быть система сбалансированных показателей Р. Каплана – Д. Нортон [28, 29], которая позволяет преодолеть описанные выше проблемы. Как известно, она была специально разработана для построения четких причинно-следственных связей между разными стратегическими целями и общим результатом, обеспечения строгого соответствия стратегических целей и показателей.

Многообразные разнонаправленные направления развития инновационной экосистемы в системе сбалансированных показателей выстраиваются в единой логике и ориентируются на конечную цель. Возможность каскадирования системы сбалансированных показателей на разные уровни позволяет связывать разные уровни стратегического планирования в регионе. Кроме того, идея разделения показателей сбалансированной системы на опережающие и запаздывающие хорошо соответствует «жесткой» и «мягкой» составляющим инновационной экосистемы.

Результаты развития технологического предпринимательства могут рассматривать-

ся как запаздывающие или финишные, а развитие инновационной экосистемы, включая выстраивание социального капитала, практик коэволюции, коллаборации – в качестве опережающих показателей, факторов успеха для роста технологических фирм.

Таким образом, **целью статьи** является разработка системы сбалансированных показателей для реализации стратегии формирования инновационной экосистемы технологического предпринимательства применительно к региональному уровню. Для достижения данной цели выделены следующие исследовательские задачи:

1) определить соответствие между ключевыми аспектами формирования инновационной экосистемы и методологией системы сбалансированных показателей;

2) разработать базовую стратегическую карту целей формирования инновационной экосистемы технологического предпринимательства;

3) сформулировать основные опережающие и запаздывающие показатели, адекватные целям стратегической карты.

Результаты исследования. В основу системы сбалансированных показателей заложена логика рассмотрения бизнеса в рамках четырех аспектов или перспектив: «обучение и рост», «внутренние бизнес-процессы», «клиенты», «финансы». По каждой из них определяются стратегические цели и соответствующие им показатели, которые связываются стратегической картой на основе причинно-следственных связей. Нижележащие цели слу-

жат основой для достижения вышележащих, в конечном счете, все цели обеспечивают реализацию финансовых, как основных для бизнеса [28, с. 43–44]. Предусмотрены модификации данной схемы для некоммерческих организаций, органов публичного управления. Учитывая существующие научные представления о структуре и динамике функционирования инновационной экосистемы [5, 7, 10, 11, 16, 20, 25, 26, 27], авторами предлагается следующая структура перспектив ее развития (таблица 1).

В частности, по аналогии с перспективой «финансы» для коммерческих организаций, на первом уровне системы сбалансированных показателей предложено поместить перспективу «технологическое предпринимательство». Это объясняется тем, что на первом уровне всегда фигурирует конечный результат, интересующий субъект управления. Если в коммерческой организации это прибыль, рентабельность, капитализация компании, то при управлении инновационной экосистемой региона таким результатом выступает непосредственно развитие технологических фирм, а также вклад технологического предпринимательства в экономическое развитие.

Целям развития технологического предпринимательства подчиняются цели нижестоящих перспектив рассматриваемой системы сбалансированных показателей. На втором уровне предлагается использовать перспективу «взаимодействия и сети» по аналогии с перспективой «клиенты» в классической системе сбалансированных показателей. Соответствие заключается в том, что для бизнеса достиже-

Таблица 1 – Структура перспектив сбалансированной системы показателей стратегического управления формированием инновационной экосистемы

Название перспективы	Смысловое назначение перспективы	Основное содержание перспективы
1. Технологическое предпринимательство (ТП)	Показывает, каких результатов в развитии технологического предпринимательства достиг регион	Результаты деятельности технологических предпринимателей, также их вклад в региональную экономику
2. Взаимодействия и сети (ВС)	Показывает, насколько продуктивна деятельность инновационной экосистемы, развиты необходимые взаимодействия и практики	Наличие практик коэволюции и коллаборации, наличие инновационной культуры, социального капитала
3. Ресурсы (Р)	Показывает, насколько доступны ресурсы развития технологического предпринимательства	Наличие ресурсов для развития технологического предпринимательства
4. Инфраструктура (И)	Показывает, созданы ли инфраструктурные условия и сформирован ли круг потенциальных участников инновационной экосистемы	Формирование стартовых условий для запуска инновационной экосистемы

ние финансовых целей обусловлено результатами работы с клиентами. В свою очередь, появление технологических фирм и достижение ими успеха определяется наличием практик коэволюции и коллаборации, включенностью в деловые сети, наличием «мягких» переменных инновационной экосистемы (социальный капитал, культурные ценности).

Так, технологический предприниматель для достижения успеха нуждается в индустриальном партнере. Но для этого нужно не просто присутствие крупных компаний – потребителей инноваций в регионе, а практики совместного развития (коэволюции, коллаборации), необходимый уровень социальных связей и доверия, которые позволяют стартапу рассчитывать на интеграцию в цепочку создания стоимости. Например, если индустриальные партнеры предусматривают в своих стратегиях снижение экологического ущерба, а технологические предприниматели разрабатывают новые фильтрующие материалы или модификации технологических решений, позволяющие сократить выбросы, то формируется потенциал для создания успешных стартапов.

Однако при этом недостаточно формального соответствия предлагаемых продуктов, технологий нуждам крупных индустриальных партнеров, которые могут предпочесть импортные технические решения. Нужна высокая интенсивность социальных связей, контактов, заинтересованность и доверие, т.е. социальный капитал, чтобы «местные» технологические предприниматели использовали свои шансы. Тем самым вторая перспектива «взаимодействия и сети» определяет «мягкие», плохо формализуемые, но самые важные компоненты инновационной экосистемы, от которых зависит появление успешных технологических фирм. Если цели этой перспективы не достигнуты или им вообще не уделяется внимания, формальное создание «жесткой» инновационной инфраструктуры и выделение ресурсов слабо повлияет на развитие технологического предпринимательства.

Тем не менее, создание институтов и ресурсное обеспечение – также необходимые условия появления и развития инновационной экосистемы. Поэтому третья перспекти-

ва «ресурсы» характеризует результат деятельности инновационной экосистемы с точки зрения предоставления технологическим предпринимателям необходимых ресурсов – финансового, человеческого капитала, компетенций, различных видов поддержки. Данная перспектива отражает те переменные региональной инновационной экосистемы, которые можно считать необходимыми, но не достаточными факторами успеха.

Наконец, четвертая перспектива «Инфраструктура» определяет исходные, самые общие основы для возникновения и развития инновационной экосистемы. Это формирование необходимого состава участников (акторов), которые затем выступают поставщиками необходимых ресурсов, создание институтов, необходимых поддержки, определение институциональных основ функционирования экосистемы. Следует учитывать, что соответствующие цели и действия являются только исходными, стартовыми и не могут рассматриваться как конечный управленческий результат (что встречается на практике).

Предлагаемая авторами логика рассмотрения инновационной экосистемы через призму системы сбалансированных показателей заключается в следующем. Во-первых, субъект управления на региональном уровне будет интересоваться результатом деятельности достаточного числа технологических стартапов. Во-вторых, необходимым условием достижения данного результата является встраивание технологических предпринимателей в цепочки создания стоимости при эффективном использовании имеющегося научно-технического задела.

Это, в свою очередь, требует запуска и тиражирования соответствующих практик работы экосистемы в динамике. В-третьих, для запуска этой динамики сначала должно быть предоставлено ресурсное обеспечение, доступен финансовый и человеческий капитал. Наконец, в четвертых, в инновационной экосистеме должен присутствовать необходимый круг акторов – поставщиков ресурсов и партнеров технологического предпринимателя. При наличии всех этих условий может быть создана продуктивная инновационная экосистема.

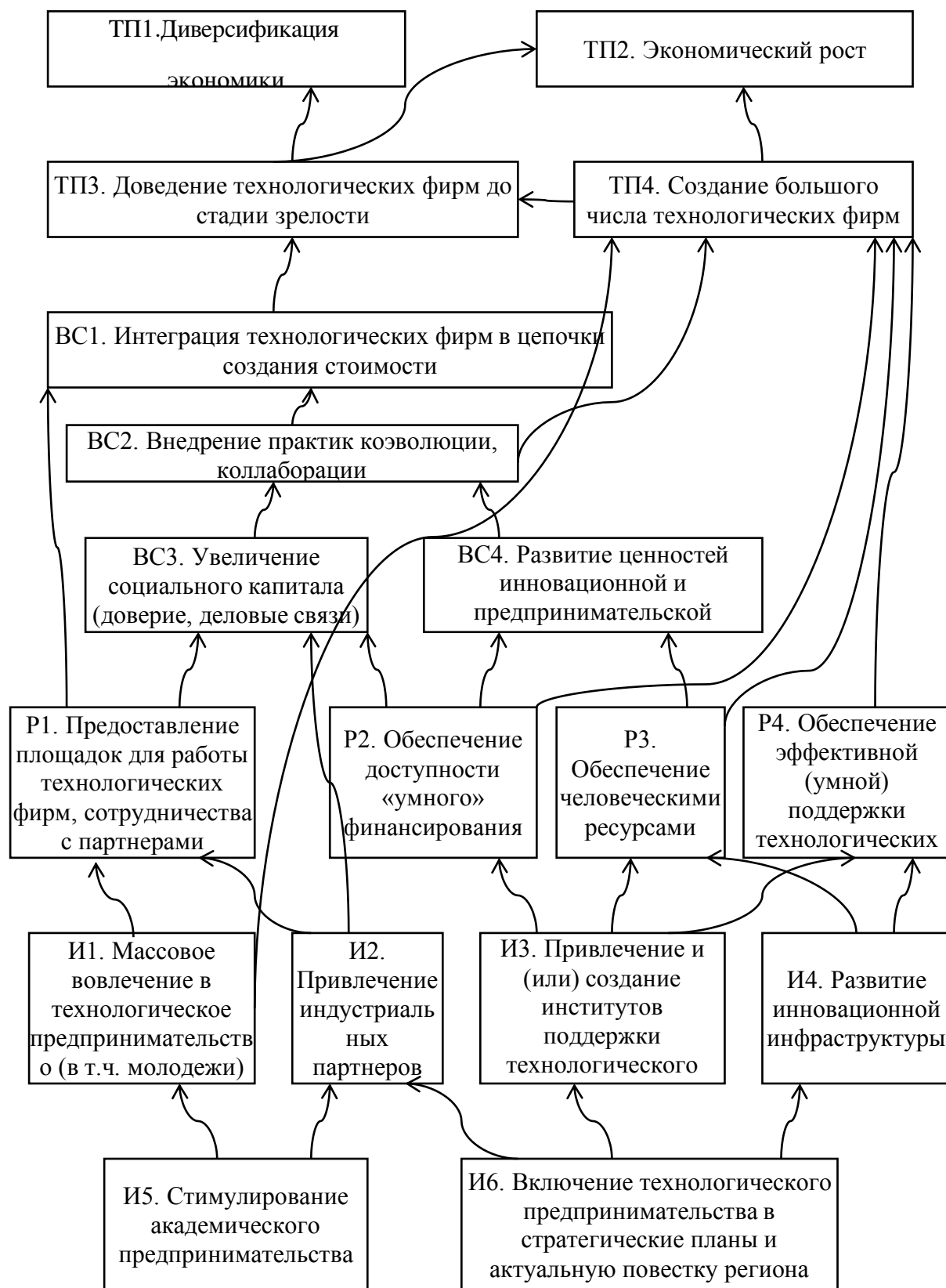

Рисунок 1 – Стратегическая карта целей формирования инновационной экосистемы технологического предпринимательства на региональном уровне

Отличительными чертами системы сбалансированных показателей формирования инновационной экосистемы от существующих подходов является наличие причинно-следственных связей между разными уровнями целей и показателей, когда четко просматривается влияние отдельных целей на конечный результат (в настоящее время они часто разрознены, их иерархия не просматривается). Кроме того, в систему сбалансированных заложено промежуточное звено между созданием институтов, инфраструктуры, выделением ресурсов и конечным результатом, которое часто игнорируется. Преимуществом сбалансированной системы показателей также видится возможность исключить все формально полезные, но излишние, избыточные действия, не ведущие к достижению конечного результата.

На основе представленного подхода авторами разработана стратегическая карта целей формирования инновационной экосистемы региона (рисунок 1).

Предлагаемая стратегическая карта использует следующую логику запуска процессов развития технологического предпринимательства. Прежде всего, необходимость этого должна быть осознана органами власти региона, включена в документы стратегического планирования. Только при этом условии становится возможным предпринимать меры по созданию институтов поддержки, инновационной инфраструктуры. Важную роль в данных процессах играет привлечение институтов развития и источников финансирования с федерального уровня. Также, по-видимому, в современных условиях только субфедеральные власти могут способствовать привлечению промышленных партнеров в инновационные экосистемы.

С другой стороны, университеты как потенциальное ядро инновационной экосистемы должны осуществлять усилия по развитию предпринимательского аспекта своей деятельности (активизировать работу по продвижению исследований и разработок к стадиям коммерческого использования, вовлекать как студентов, так и сотрудников в обучение технологическому предпринимательству). Также

следует использовать возможности привлечения промышленных партнеров, например, в рамках реализации программ развития опорных вузов. Вместе с тем по объективным причинам университеты сами по себе, безотносительно возможностей участия в цепочках создания ценностей и проблем ресурсного обеспечения стартапов, не в состоянии доводить технологические проекты до стадии зрелости (это и не входит в их задачи).

При условии активной деятельности органов управления регионом и университетов создаются объекты инновационной инфраструктуры, формируются региональные институты поддержки, привлекаются федеральные акторы и средства. На базе одного или нескольких университетов формируются проекты и программы вовлечения молодежи в технологическое предпринимательство (привлечение, стимулирование, обучение, акселерация проектов).

Как отмечалось выше, после этого на практике нередко ожидают (и требуют) появления успешных технологических предпринимателей в значительном количестве, ведь средства уже затрачены, работы проведены. Но данных действий совершенно недостаточно. Технологическое предпринимательство требует «умной», специфической поддержки, финансирования и определенных человеческих ресурсов. Необходимо определенное приспособление институтов развития, потенциальных партнеров к особенностям технологического предпринимательства. Важно также налаживание постоянной работы площадок для взаимодействия технологических предпринимателей с другими акторами.

Но еще более важным является запуск динамики инновационной экосистемы, налаживание тех практик и видов деятельности, которые и определяют ее результативность. В данной перспективе необходимо развитие культурных ценностей инноваций и предпринимательства у всех акторов экосистемы, формирование социального капитала (повышение уровня доверия и интенсивности, плотности деловых связей), что позволит реализовать на практике явления коэволюции и коллаборации.

Таблица 2 – Показатели достижения стратегических целей по перспективам
«Технологическое предпринимательство», «Взаимодействие и сети»

Диверсификация экономики	Индексы концентрации экономики	Опережающие показатели
Экономический рост	Темпы прироста ВРП	Не предусматриваются, обусловлены показателями остальных перспектив
Доведение технолог. фирм до стадии зрелости	Число технологических фирм на стадии зрелости	
Создание большого числа технологических фирм	Число созданных технологических фирм	
Интеграция созданных технологических фирм в цепочки создания стоимости	Число передовых производственных технологий, используемых предприятиями региона, разработанных в том же регионе	Число совместных проектов технологических фирм и промышленных партнеров; число разработанных передовых производственных технологий
Внедрение практик коэволюции, коллаборации	Доли технологических предпринимателей, утвердительно отвечающих на вопросы: 1) можно ли сказать, что ваш проект сложился благодаря сотрудничеству и социальным связям с партнерами по экосистеме, стал результатом взаимодействия с другими; 2) получали ли вы значимые импульсы от партнеров, которые приводили вас к серьезным изменениям бизнес-модели или технологии	Число мероприятий по развитию интеграционных связей между участниками экосистемы; число соглашений о совместной деятельности, сотрудничестве; число полезных кейсов обмена опытом (по данным опросов); оценка качества взаимодействий (по данным опросов); динамика транзакционных издержек; затраты на социальный маркетинг идей коэволюции, коллаборации, инновационной предпринимательской культуры внутри экосистемы
Увеличение социального капитала	Доли технологических предпринимателей, утвердительно отвечающих на вопросы: 1) можно ли испытывать необходимый для ведения бизнеса уровень доверия к большинству ваших партнеров по экосистеме; можно ли сказать, что при реализации проекта вы не сталкивались с проблемой недостатка контактов, деловых связей	
Развитие ценностей инновационной, предпринимательской культуры	Выраженность соответствующих ценностей (по итогам опроса)	

Во многом именно они обеспечивают зарождение и развитие технологических предпринимательских проектов, одного выделения ресурсов для этого недостаточно. Только при условии тесных взаимодействий с партнерами, основанных на общей культуре и доверии, технологические стартапы могут найти себя на рынке и встроиться в цепочки создания стоимости. В предлагаемой стратегической карте разграничиваются цели создания большого числа технологических фирм и достижения частью из них делового успеха, выхода на стадию зрелости. В соответствии с концепцией «воронки стартапов» их выживаемость является достаточно низкой и это нормальное явление, связанное с высочайшими рисками технологического бизнеса. Поэтому отдельно ставится цель инициирования большого числа проектов технологических предпринимателей.

Для ее достижения, по большому счету, достаточно реализации целей по перспективам «Ресурсы» и «Инфраструктура». Но выживаемость технологических фирм и выход их на стадию зрелости в основном зависят уже от достижения целей перспективы «Взаимодействие и сети», в конечном счете – от интеграции стартапа в цепочки создания стоимости, что и подчеркивает предлагаемая стратегическая карта.

На рисунке 1 также показано позитивное влияние технологического предпринимательства на цели регионального экономического развития в тех формулировках, которые актуальны для большинства субъектов РФ. Это позволяет связать проекты и программы развития инновационной экосистемы с основными стратегическими целями территории.

Далее, необходимо определить показатели (индикаторы), адекватные поставленным на

рисунке 1 целям, с учетом методических требований системы сбалансированных показателей. Результаты разработки показателей по перспективам «Технологическое предпринимательство», «Взаимодействие и сети» представлены в таблице 2. Их особенностью является то, что преобладают запаздывающие (итоговые, финишные) показатели, поскольку логике их достижения подчиняются все показатели нижележащих перспектив. В свою очередь, для перспектив «Ресурсы» и «Инфраструктура» более значимую роль играют уже опережающие показатели (см. таблицу 3).

Отметим, что предлагаемый подход к определению конкретных показателей сбалансиро-

ванной системы не является абсолютным и единственно возможным. В последующих более детальных исследованиях отдельных аспектов ключевых факторов успеха в достижении тех или иных целей, показателей развития инновационной экосистемы могут быть выполнены уточнения и детализации по отдельным индикаторам.

Говоря об источниках информации, авторы полагают, что часть показателей может быть получена по данным официального статистического учета Федеральной службы государственной статистики РФ. Однако сложность процессов развития инновационной экосистемы, существующих в ней причинно-след-

Таблица 3 – Показатели достижения стратегических целей по перспективам «Ресурсы» и «Инфраструктура»

Цель	Запаздывающие показатели	Опережающие показатели
Предоставление площадок для работы технологических фирм, сотрудничества с партнерами	Удовлетворенность технологических предпринимателей работой таких площадок	Наличие конкретных мест и мероприятий, где могут контактировать участники инновационной экосистемы; число проектов по созданию таких площадок
Обеспечение доступности «умного» финансирования	Наличие венчурных инвесторов (да/нет); удовлетворенность технологических предпринимателей наличием финансирования	Проведенные переговоры с венчурными инвесторами; число их визитов в регион; число приглашений в стадии обсуждения
Обеспечение человеческими ресурсами	Удовлетворенность технологических предпринимателей кадровым обеспечением	Наличие профильных образовательных программ; численность обучающихся; число предложений технологических предпринимателей по развитию образовательных программ
Обеспечение эффективной поддержки технологических фирм	Удовлетворенность технологических предпринимателей поддержкой	Число видов поддержки, число предложений технологических предпринимателей по развитию поддержки, доля негативных отзывов
Массовое вовлечение в технологическое предпринимательство	Число участников программ обучения технологическому предпринимательству	Соблюдение сроков создания программ обучения; число потенциальных участников проектов технологического предпринимательства
Привлечение промышленных партнеров	Количество промышленных партнеров в инновационной экосистеме	Число проведенных переговоров с партнерами; число предприятий, участвующих в мероприятиях по развитию инновационной экосистемы
Привлечение и (или) создание институтов поддержки технологического предпринимательства	Наличие основных институтов поддержки	Соблюдение графиков создания институтов поддержки; наличие переговоров с федеральными институтами
Развитие инновационной инфраструктуры	Наличие основных объектов инновационной инфраструктуры	Привлечение средств на создание объектов; соблюдение графиков строительства/организации
Стимулирование академического предпринимательства	Наличие дескрипторов по технологическому предпринимательству в планах развития университета	Наличие и интенсивность действий по продвижению идеи технологического предпринимательства: число деловых контактов по развитию технологического предпринимательства
Включение технологического предпринимательства в стратегические планы и актуальную повестку региона	Наличие дескрипторов по технологическому предпринимательству в документах стратегического планирования региона	

ственных связей, потребует специального сбора и анализа информации. Ряд показателей, как видно из таблиц 2-3, предполагается определять по результатам опросов технологических предпринимателей и других участников инновационной экосистемы.

По мнению авторов, потенциальный экономический и даже чисто бюджетный эффект от достижения стадии зрелости хотя бы одним технологическим стартапом многократно превышает расходы на проведение периодических опросов. Другая часть показателей может быть рассчитана методом прямого счета и сравнения (бенчмаркинга) с практикой лидирующих регионов. В частности, это показатели наличия институтов поддержки и объектов инновационной инфраструктуры. Это позволит получить целостное информационное обеспечение для управления процессами формирования и развития инновационной экосистемы, благоприятствующей технологическому предпринимательству.

Выводы. Значительную роль в экономическом развитии страны и регионов на эндогенной основе, за счет собственных ресурсов должно сыграть технологическое предпринимательство, развивающееся в рамках инновационных экосистем. Для достижения данной цели необходима эффективная система управления, отражающая закономерности развития инновационных экосистем во всей их полноте. Проведенное исследование показало, что этому требованию в наибольшей степени отвечает сбалансированная система показателей. В работе предложена модификация классических перспектив, исходя из структуры инновационной экосистемы и динамики ее развития: «технологическое предпринимательство», «взаимодействия и связи», «ресурсы», «инфраструктура».

Наличие этих перспектив позволяет системно подойти к формированию «жестких» институциональных, организационных основ инновационной экосистемы, а также запуску ее динамики и внедрению «мягких» компонент – социального капитала, культуры, практик коэволюции, коллаборации. Разработанная в исследовании стратегическая карта, комплексы опережающих и запаздывающих показателей отражают логику реализации целей развития инновационной экосистемы – начиная от формирования круга участников, привлечения ресурсов, заканчивая выстраиванием взаимодействий и получением конечного результата. Совокупность целей ориентирована на то, чтобы интегрировать технологические стартапы в цепочки создания ценности региона.

В перспективе в дальнейших исследованиях предполагается уточнение и детализация ряда показателей сбалансированной системы на основе количественного анализа закономерностей развития, факторов успеха инновационных экосистем. Также необходимо уточнение организационно-управленческих и методических основ использования сбалансированной системы показателей в практике деятельности участников инновационной экосистемы, включая органы власти.

Благодарность

Публикация подготовлена по результатам выполнения научно-исследовательской работы, финансируемой из средств ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» на тему «Формирование инновационной экосистемы технологического предпринимательства как фактор снижения монозависимости региона».

ЛИТЕРАТУРА

1. Akhmetzianova O. O., Turgel I. D. The role of industrial factors in socio-economic development of Sichuan Province in the context of 'one belt, one road' initiative // R-Economy. 2018. Vol. 4. № 2. P. 67–71.
2. Нижегородцев Р. М. Инновационное развитие российской экономики в «новой нормальности» внешних угроз // Друкеровский вестник. 2018. № 3. С. 264–274.
3. Силин Я. П., Анимца Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 714–725.
4. Вершицкий А. В., Вершицкая Е. Р. Проблемы

мы кооперации между университетами, наукой и технологическим предпринимательством // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. № 2. С. 162–170.

5. Wright M., Siegel D., Mustar P. An emerging ecosystem for student start-ups // The journal of technology transfer. 2017. Vol. 42. № 4. P. 909–922.

6. Subrahmanya Bala M. H. Comparing the entrepreneurial ecosystems for technology startups in Bangalore and Hyderabad, India // Technology innovation management review. 2017. Vol. 7. № 7. P. 47–62.

7. Silva M. V., Rocha C. F., Pagnoncelli V., Lima L. A. Ecosystem of innovation in Industry 4.0: the case of collaborations in startups in Brazil // International journal for innovation education and research. 2018. Vol. 6. № 12. P. 26–38.

8. Jolly D., Zhu F. Chinese S&T parks: the emergence of a new model // Journal of business strategy. 2012. Vol. 33. № 5. P. 4–13.

9. Овчинникова Н. Э. Взаимодействие региональных университетов с промышленностью: новые возможности бизнес-инкубирования // Вопросы управления. 2018. № 2. С. 84–91.

10. Adner R. Ecosystem as structure: an actionable construct for strategy // Journal of management. 2017. Vol. 43. № 1. P. 39–58.

11. Leydesdorff L., Zawdie G. The triple helix perspective of innovation systems // Technology analysis & strategic management. 2010. Vol. 22. № 7. P. 789–804.

12. Смородинская Н. В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста // Инновации. 2014. № 7. С. 27–33.

13. Цителадзе Д. Д. Концепция развития национального технологического предпринимательства // Инновационное развитие экономики. 2016. № 3-2. С. 26–38.

14. Пилюгина А. В., Власова В. В. Реализация концепции технологического предпринимательства в техническом университете // Экономика и предпринимательство. 2016. № 8. С. 804–807.

15. Деттер Г. Ф., Туккель И. А. О принципах проектирования региональных инновационных экосистем // Инновации. 2016. № 1. С. 70–78.

16. Деттер Г. Ф. Формирование функционально полной инновационной инфраструктуры в экосистеме арктических регионов // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 1. С. 91–103.

17. Видякина О. В. Ключевые показатели эффективности инновационной экосистемы уни-

верситета // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2017. № 9. С. 31–38.

18. Тер-Григорьянц А. А., Деньщик М. Н. Механизм управления формированием и развитием инновационной экосистемы при переходе к новому технологическому укладу // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 3. С. 101–109.

19. Соловьев Д. Б., Шадрин А. С. Концепция формирования эффективной инновационной экосистемы в Дальневосточном федеральном округе // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 1. № 8. С. 4–16.

20. Кизеев В. М. Сравнение отечественных и зарубежных подходов в развитии инновационной экосистемы региона и их влияния на инновационную деятельность университетов // Инновационное развитие экономики. 2019. № 2. С. 20–33.

21. Леденева М. В., Плаксунова Т. А. Формирование инновационной экосистемы в регионах РФ (на примере Волгоградской области) // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2018. Т. 80. № 4. С. 484–492.

22. Пожарская Г. И., Молодецкая С. Ф. Исследование инвестиционных рисков стартап-проекта методом нечеткого моделирования // Вопросы управления. 2018. № 6. С. 91–97.

23. Мокроусов А. С., Бобылева А. С. Комплексный механизм налогового регулирования инновационной деятельности участников территориальной инновационной экосистемы // Качество. Инновации. Образование. 2017. № 2. С. 31–42.

24. Ермоленко В. В., Ланская Д. В., Яковленко А. Е. Механизмы организационного и документационного обеспечения деятельности проектного офиса инфраструктуры инновационной экосистемы университета // Вестник Академии знаний. 2019. № 4. С. 119–122.

25. Сидоров Д. В. Новая модель инновационной экосистемы // Инновации. 2017. № 8. С. 52–57.

26. Adner R. Ecosystem as structure: an actionable construct for strategy // Journal of management. 2017. Vol. 43. № 1. P. 39–58.

27. Jacobides M. G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems // Strategic management journal. 2018. Vol. 39. № 8. P. 2255–2276.

28. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2006.

29. Каплан Р., Нортон Д. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в

материальные результаты. М.: Олимп-Бизнес, 2012.

STRATEGY FOR CREATING AN INNOVATIVE ECOSYSTEM OF TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP IN THE REGION BASED ON A SYSTEM OF BALANCED INDICATORS

I.V. Korchagina

Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

K.V. Rogova

Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

ABSTRACT:

Development of technological entrepreneurship based on the innovation ecosystem is an important aspect of the modern economic development of countries and regions. Policies and measures for the development of innovative ecosystems in the Russian environment have insufficient effectiveness, largely due to the lack of scientific and methodological developments. The management system for the innovation ecosystem development should take into account its internal laws and use modern technologies of strategic management. The authors of the study used the methodology of the balanced scorecard system to elaborate goals and management indicators of the strategy for the innovation ecosystem development. Four future directions for constructing a strategic map for the development of the innovation ecosystem are proposed: “technological entrepreneurship”, “interaction and communication”, “resources”, and “infrastructure”. These directions cover the “hard” and “soft” components of the innovation ecosystem in their relationship. The goals of all the directions through a chain of cause-and-effect relationships are focused on the development of technological entrepreneurship that contributes to regional economic growth. As opposed to the existing approaches, the strategic map of the innovation ecosystem development takes into account the intermediate link between the allocation of resources, the definition of the pool of participants and the emergence of successful technological entrepreneurs. This link is the dynamics of interaction in the innovation ecosystem, the elaboration of social capital, entrepreneurial culture, and practices of co-evolution and collaboration. Based on the strategic map, a system of balanced indicators has been developed for controlling the processes of the innovation ecosystem development. For the purposes of each direction (except for the “technological entrepreneurship”), lagging and leading indicators are defined. The presence of leading indicators allows the management entity to assess not only the level of goals achievement, but also the key success factors for them. Use of a system of balanced indicators to develop a strategy for creating an innovation ecosystem increases the effectiveness of management and implements a systematic approach to technological entrepreneurship.

KEYWORDS: innovation ecosystem, technological entrepreneurship, region, technology startup, strategy, balanced scorecard.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina V. Korchagina, Cand. Sci. (Economical), Kemerovo State University,
6, Krasnaya str., Kemerovo, 650056, Russia, korchagina-i@mail.ru

Kseniya V. Rogova, Senior Lecturer, Kemerovo State University,
6, Krasnaya str., Kemerovo, 650056, Russia, kseniyaporlikova@mail.ru

FOR CITATION: Korchagina I.V., Rogova K.V. Strategy for creating an innovative ecosystem of technological entrepreneurship in the region based on a system of balanced indicators // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 93–107.

REFERENCES

1. Akhmetzianova O.O., Turgel I.D. The role of industrial factors in socio-economic development of Sichuan Province in the context of 'one belt, one road' initiative // R-Economy. 2018. Vol. 4. № 2. P. 67–71.
2. Nizhegorodtsev R.M. Innovative development of the Russian economy in the "new normality" of external threats // Drucker bulletin. 2018. № 3. P. 264–274. [Nizhegorodtsev R.M. Innovacionnoe razvitie rossijskoj jekonomiki v «novo normalnosti» vneshnih ugroz // Drukerovskij vestnik. 2018. № 3. S. 264–274.] – (In Rus.)
3. Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. "New Normality" in the Russian economy: regional specificity // Regional economy. 2016. Vol. 12. Issue 3. P. 714–725. [Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. «Novaja normalnost'» v rossijskoj jekonomike: regional'naja specifika // Jekonomika regiona. 2016. T. 12. Vyp. 3. S. 714–725.] – (In Rus.)
4. Vershitsky A.V., Vershitskaya E.R. Problems of cooperation between universities, science and technological entrepreneurship // Service in Russia and abroad. 2019. Vol. 13. № 2. P. 162–170. [Vershitsky A.V., Vershitskaya E.R. Problemy kooperacii mezhdu universitetami, naukoy i tehnologicheskimi predprinimatel'stvom // Servis v Rossii i za rubezhom. 2019. T. 13. № 2. S. 162–170.] – (In Rus.)
5. Wright M., Siegel D., Mustar P. An emerging ecosystem for student start-ups // The journal of technology transfer. 2017. Vol. 42. № 4. P. 909–922.
6. Subrahmanya Bala M.H. Comparing the entrepreneurial ecosystems for technology startups in Bangalore and Hyderabad, India // Technology innovation management review. 2017. Vol. 7. № 7. P. 47–62.
7. Silva M.V., Rocha C.F., Pagnoncelli V., Lima L.A. Ecosystem of innovation in Industry 4.0: The case of collaborations in startups in Brazil // International journal for innovation education and research. 2018. Vol. 6. № 12. P. 26–38.
8. Jolly D., Zhu F. Chinese S&T parks: the emergence of a new model // Journal of business strategy. 2012. Vol. 33. № 5. P. 4–13.
9. Ovchinnikova N.E. Interaction between regional universities and industry: new opportunities for business incubation // Management Issues. 2018. № 2. P. 84–91. [Ovchinnikova N.E. Vzaimodejstvie regional'nyh universitetov s promyshlennost'ju: novye vozmozhnosti biznes-inkubirovaniya // Voprosy upravleniya. 2018. № 2. S. 84–91.] – (In Rus.)
10. Adner R. Ecosystem as structure: an actionable construct for strategy // Journal of management. 2017. Vol. 43. № 1. P. 39–58.
11. Leydesdorff L., Zawdie G. The triple helix perspective of innovation systems // Technology analysis & strategic management. 2010. Vol. 22. № 7. P. 789–804.
12. Smorodinskaya N.V. Network innovation ecosystems and their role in the dynamization of economic growth // Innovations. 2014. № 7. P. 27–33. [Smorodinskaya N.V. Setevye innovacionnye jekosistemy i ih rol' v dinamizacii jekonomicheskogo rosta // Innovacii. 2014. № 7. S. 27–33.] – (In Rus.)
13. Tsiteladze D.D. Concept of development of national technological entrepreneurship // Innovative development of the economy. 2016. № 3-2. P. 26–38. [Tsiteladze D.D. koncepcija razvitiya nacional'nogo tehnologicheskogo predprinimatel'stva // Innovacionnoe razvitie jekonomiki. 2016. № 3-2. S. 26–38.] – (In Rus.)
14. Pilyugina A.V., Vlasova V.V. Implementation of the concept of technological entrepreneurship at the technical university // Economics and entrepreneurship. 2016. № 8. P. 804–807. [Pilyugina A.V., Vlasova V.V. Realizacija koncepcii tehnologicheskogo predprinimatel'stva v tehničeskome universitete // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2016. № 8. S. 804–807.] – (In Rus.)
15. Detter G.F., Tukkel I.L. On the principles of designing regional innovation ecosystems // Innovations. 2016. № 1. P. 70–78. [Detter G.F., Tukkel' I.L. O principah proektirovaniya regional'nyh innovacionnyh jekosistem // Innovacii. 2016. № 1. S. 70–78.] – (In Rus.)
16. Detter G.F. Formation of a functionally complete innovation infrastructure in the ecosystem of the Arctic regions // Issues of innovative economy. 2018. Vol. 8. № 1. P. 91–103. [Detter G.F. Formirovanie funkcional'no polnoj innovacionnoj infrastruktury v jekosisteme arkticheskikh regionov // Voprosy innovacionnoj jekonomiki. 2018. T. 8. № 1. S. 91–103.] – (In Rus.)
17. Vidyakina O.V. Key performance indicators of the innovative ecosystem of the University // In-

tellectual property. Industrial property. 2017. № 9. P. 31–38. [Vidjakina O.V. Ključevye pokazateli jeffektivnosti innovacionnoj jekosistemy universiteta // Intellektual'naja sobstvennost'. Promyshlennaja sobstvennost'. 2017. № 9. S. 31–38.] – (In Rus.)

18. Ter-Grigoryants A.A., Dayshchik M.N. Mechanism for managing the formation and development of an innovative ecosystem in the transition to a new technological order // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2019. № 3. P. 101–109. [Ter-Grigor'janc A.A., Den'shhik M.N. Mehanizm upravljenja formirovanijem i razvitiem innovacionnoj jekosistemy pri perehode k novomu tehno-logicheskomu ukladu // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2019. № 3. S. 101–109.] – (In Rus.)

19. Soloviev D.B., Shadrin A.S. Concept of forming an effective innovation ecosystem in the Far Eastern Federal district // Economics and management: problems, solutions. 2016. Vol. 1. № 8. P. 4–16. [Solov'ev D.B., Shadrin A.S. Konceptija formirovanija jeffektivnoj innovacionnoj jekosistemy v Dal'nevostochnom federal'nom okruge // Jekonomika i upravljenje: problemy, reshenija. 2016. T. 1. № 8. S. 4–16.] – (In Rus.)

20. Kizeev V.M. Comparison of domestic and foreign approaches in the development of the innovation ecosystem of the region and their impact on the innovative activity of universities // Innovative development of the economy. 2019. № 2. P. 20–33. [Kizeev V.M. Sravnenie otechestvennyh i zarubezhnyh podhodov v razvitii innovacionnoj jekosistemy regiona i ih vlijanija na innovacionnuju dejatel'nost' universitetov // Innovacionnoe razvitie jekonomiki. 2019. № 2. S. 20–33.] – (In Rus.)

21. Ledeneva M.V., Plaksunova T.A. Development of an innovative ecosystem in the regions of the Russian Federation (by the example of the Volgograd region) // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. 2018. Vol. 80. № 4. P. 484–492. [Ledeneva M.V., Plaksunova T.A. Formirovanie innovacionnoj jekosistemy v regionah Rossijskoj Federacii (na primere Volgogradskoj oblasti) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inženernyh tehnologij. 2018. T. 80. № 4. S. 484–492.] – (In Rus.)

22. Pozharskaja G.I., Molodetskaja S.F. Study on the investment risk start-up projects by the method

of fuzzy modeling // Problems of management. 2018. № 6. P. 91–97. [Pozharskaja G. I., Molodeckaja S. F. Issledovanie investicionnyh riskov startup-proekta metodom nechetkogo modelirovanija // Voprosy upravlenija. 2018. № 6. S. 91–97.] – (In Rus.)

23. Mokrousov A.S., Bobyleva A.S. Complex mechanism of tax regulation of innovation activity of participants of the territorial innovation ecosystem // Quality. Innovations. Education. 2017. № 2. P. 31–42. [Mokrousov A.S., Bobyleva A.S. Kompleksnyj mehanizm nalogovogo regulirovanija innovacionnoj dejatel'nosti uchastnikov territorial'noj innovacionnoj jekosistemy // Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie. 2017. № 2. S. 31–42.] – (In Rus.)

24. Ermolenko V.V., Lanskaya D.V., Yakovlenko A.E. Mechanisms of organizational and documentation support for the project office of the infrastructure of the university innovative ecosystem // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2019. № 4. P. 119–122. [Ermolenko V.V., Lanskaja D.V., Jakovlenko A.E. Mehanizmy organizacionnogo i dokumentacionnogo obespechenija dejatel'nosti proektnogo ofisa infrastruktury innovacionnoj jekosistemy universiteta // Vestnik Akademii znaniy. 2019. № 4. S. 119–122.] – (In Rus.)

25. Sidorov D.V. New model of the innovation ecosystem in the future // Innovations. 2017. № 8. P. 52–57. [Sidorov D.V. Novaja model' innovacionnoj jekosistemy // Innovacii. 2017. № 8. S. 52–57.] – (In Rus.)

26. Adner R. Ecosystem as structure: an actionable construct for strategy // Journal of management. 2017. Vol. 43. № 1. P. 39–58.

27. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems // Strategic management journal. 2018. Vol. 39. № 8. P. 2255–2276.

28. Kaplan R., Norton D. Balanced scorecard. From strategy to action. M.: Olymp-Business, 2006. [Kaplan R., Norton D. Sbalansirovannaja sistema pokazatelej. Ot strategii k dejstvu. M.: Olimp-Biznes, 2006.] – (In Rus.)

29. Kaplan R., Norton D. Strategic maps. Transformation of intangible assets into tangible results. M.: Olymp-Business, 2012. [Kaplan R., Norton D. Strategicheskie karty. Transformacija nematerial'nyh aktivov v material'nye rezul'taty. M.: Olimp-Biznes, 2012.] – (In Rus.)

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕФОРМИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК: 316.346.32-053.6

ББК: 60.542.15

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-109-122

ГРНТИ: 06.77.90

Код ВАК: 22.00.08, 22.00.04

И.А. Кох

Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 532417

В.А. Орлов

Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. Модернизация национальной экономики, ее интеграция в мировую экономическую систему на путях инновационного развития требует эффективного использования человеческого капитала, усиления профессионально-трудовой социализации молодежи. Недооценка трудового воспитания молодежи привела к острой нехватке квалифицированных кадров, особенно для горной промышленности. В этих условиях поиск эффективной модели профессионально-трудовой социализации молодежи приобретает особую актуальность.

Цель исследования – на основе анализа сложившихся подходов в научном знании определить направления профессионально-трудовой социализации личности в условиях трансформации российского общества.

Методология и методы исследования. Методологической основой являются системный анализ, деятельностный подход, исторический метод. Используются методы анализа и сравнения существующих концепций социализации, позволяющие выявить эволюцию и динамику развития принципов, определить способы и пути профессионально-трудовой социализации в обществе.

Изученность проблемы. Проблемы социализации личности в социологии изучали с конца XIX века. Первоначально исследователи под социализацией понимали процесс развития и становления личности (Ф. Гиддингс, Э. Дюркгейм, Г. Тард, Г. Зиммель и др.). Развитие теории социализации нашла свое отражение в трудах отечественных психологов и педагогов, прежде всего А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского, А.В. Мудрика, И.С. Кона, С.Т. Шацкого, Л.С. Выготского, С.А. Рубинштейна, Г.М. Андреевой, Ю.М. Забродина и др.

В результате исследования была выявлена противоречивость экономических и социокультурных факторов профессионально-трудовой социализации молодежи, проблем выбора профессии и профессионального самоопределения молодежи. Рассмотрены противоречия социализации в связи и единстве с профессиональным самоопределением личности, этапы и пути профессионально-трудовой социализации личности в современном реформируемом российском обществе.

Научная новизна статьи заключается, во-первых, в том, что профессионально-трудовая социализация молодежи рассматривается с учетом потребностей рынка труда, а также индивидуальных качеств индивидов: проблема состоит в определении баланса потребностей рынка и личных предпочтений. Во-вторых, раскрыты особенности и пути профессионально-трудовой социализации молодежи, ориентированной на горные профессии, где эти проблемы стоят особенно остро в связи с дефицитом трудовых ресурсов.

Основной вывод – необходимо сбалансированное и гармоничное сочетание индивидуальных способностей и общественных потребностей в работе по профессиональной ориентации молодежи с учетом динамики технологической революции и особенностей трансформируемого российского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социализация, социализация личности, социализация молодежи, профессиональная идентичность, профессия, профессиональная ориентация, профессионально-трудовая социализация, профессиональное самоопределение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Иван Адамович Кох, доктор социологических наук, доцент, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, kia4@mail.ru

Владимир Анатольевич Орлов, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кох И.А., Орлов В.А. Профессионально-трудовая социализация молодежи в реформируемом обществе // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 109–122.

Введение

Социокультурное развитие России неразрывно связано с модернизацией национальной экономики, возможностями ее интеграции в мировую экономическую систему на путях инновационного развития. Это требует эффективного использования всех возможностей страны, прежде всего производственного потенциала и человеческих ресурсов, модернизации оборудования и повышения производительности труда. Важнейшими условиями модернизации является рациональное использование трудовых ресурсов, повышение качества профессиональной подготовки, прежде всего молодежи. Эти вопросы неразрывно связаны с усилением профессионально-трудовой социализации молодого поколения в семье, в образовании и воспитании, в трудовом коллективе.

Между тем в последние годы недооценивалась работа по трудовому воспитанию молодого поколения, особенно по подготовке рабочих кадров. В экономике наблюдается «кадровый голод», который проявляется в острой нехватке высококвалифицированных специалистов, рабочих и инженеров во многих отраслях промышленности и сферы услуг. С каждым годом эта проблема осложняется неблагоприятными демографическими факторами. В этих условиях рационально выстроенная си-

стема управления персоналом является важным элементом ведения бизнеса, особенно для быстрорастущих и динамично развивающихся корпораций.

В связи с наблюдаемым восстановлением промышленности и оживлением рынка производства товаров и услуг, появлением высокотехнологичных предприятий заметно вырос спрос на квалифицированных работников. Особой остроты приобрела проблема подготовки квалифицированных рабочих. В последние три десятилетия в нашей стране подготовке рабочих кадров уделялось все меньше внимания. До конца 80-х годов учреждения начального профессионального образования активно взаимодействовали с базовыми предприятиями, организациями и учреждениями, для которых на основе предварительных заказов и договоров готовили рабочих, инженеров и служащих. Эта эффективная система профессионально-трудовой социализации молодежи была разрушена, а восстанавливается в настоящее время очень медленно.

Особенно сложное положение возникло с рабочими и инженерными кадрами для горной промышленности. Горнодобывающая промышленность объединяет комплекс отраслей, занимающихся добычей и обогащением полезных ископаемых: черных и цветных

металлов, неметаллических руд, минеральных и строительных материалов, а также добычу нефти и газа, хотя последние обычно выделяются в отдельную отрасль. Для успешного функционирования минерально-сырьевого комплекса страны особенно важно обеспечить ее высококвалифицированными рабочими и инженерными кадрами.

Проблемы с персоналом в горнодобывающей и ряде других сырьевых отраслях были обусловлены также рядом особенных обстоятельств. Во-первых, тяжелые и сложные условия труда горняков и ранее были малопривлекательными, но это в какой-то мере компенсировалось высокой зарплатой, что сегодня не осуществляется в должной мере. Во-вторых, переориентация профессиональных интересов молодежи с технических профессий на гуманитарные специальности (экономисты, бухгалтеры, менеджеры, юристы и др.). Кстати, система образования активно поддерживала эту тенденцию, поскольку возникли многочисленные частные образовательные учреждения, которые были сориентированы на подготовку кадров гуманитарного профиля, которые не требуют высоких финансовых затрат: учреждения технического образования обязательно требуют лабораторное оборудование, нередко дорогостоящие приборы и расходные материалы для проведения необходимых лабораторных работ.

В период реформ и перманентных экономических кризисов работодатели воздерживались от вложения средств в человеческий капитал, в обучение и подготовку персонала. Сокращение производства и банкротства предприятий способствовали росту свободных от работы людей на рынке труда. Найти требуемую рабочую силу на бирже труда было быстрее и не требовало финансовых затрат на подготовку своих специалистов. В отличие от прошлых лет предприятия не вкладывали средства в развитие и укрепление материальной базы училищ, избавлялись от своих учебно-курсовых комбинатов, а также отказывались и отказываются до сих пор от предоставления рабочих мест для прохождения производственной практики, фактически перестали заниматься трудоустройством выпускников об-

разовательных учреждений – училищ, колледжей/техникумов и вузов.

В то же время в учреждениях профессионального образования лабораторное оборудование, станочный парк и приборы морально и физически устаревали. В результате всего этого особенно остро стал ощущаться дефицит высококвалифицированных инженерных и рабочих кадров высокой квалификации, обладающих необходимой профессиональной компетентностью. С другой стороны, профессионально-трудовая социализация молодежи необходима не только для согласования спроса и предложения на рынке труда, но и для обеспечения эффективной занятости населения, гармоничного развития личности и создания благоприятных условий для самореализации и самоутверждения человека в обществе.

Таким образом, в настоящее время значимым становится рост трудового потенциала и наиболее полное использование человеческого капитала в соответствии со стратегией предприятия и особенностями управления им. Минерально-сырьевой комплекс является определяющим компонентом в экономике страны. Потребности экономики в полной мере обеспечиваются всеми видами минерального сырья, а доходы от их экспорта являются важнейшим источником пополнения государственного бюджета, обеспечения безопасности государства и реализации социальных проектов. В этих условиях поиск эффективной модели профессионально-трудовой социализации чрезвычайно важен, поскольку от этого зависит будущее экономики.

Проблемы профессионально-трудовой социализации личности в научной литературе

Социализация в широком смысле представляет собой процесс включения индивида в общество, в систему общественных отношений. Исследование ее особенностей и механизмов находится на стыке различных наук и дисциплин: социологических, психологических, педагогических, культурологических, что определяет многофакторность и многомерность теоретического содержания социализации.

Проблемы социализации личности в социологической науке изучали с конца XIX века. Первоначально исследователи под социализацией понимали процесс развития и становления личности (Франклин Гиддингс, Эмиль Дюркгейм, Габриэль Тард и др.). Огромное влияние на формирование первоначальных взглядов социализации личности оказала концепция К. Маркса о человеке как о продукте общественных отношений, при этом социальная среда понимается одновременно и как продукт, и как условие деятельности индивида.

По мнению Франклина Гиддингса, социализация является процессом развития социальной природы, психологических качеств индивидов в единстве с другими индивидами, в общении друг с другом. Автор считает, что возникает синергетический эффект от общения и объединения индивидов. Правда, одним из синергетических эффектов, по мнению Ф. Гиддингса, является удовольствие и прибыль. Такого рода рассуждения были весьма характерны для американской классической социологии рубежа XIX и XX веков [1; 2].

Введение термина «социализация» в оборот социологической науки часто приписывают Ф. Гиддингсу (В.А. Луков, А.И. Ковалева и др.). Однако сам Ф. Гиддингс в своем труде «Теория социализации» (1897 год) называет Георга Зиммеля: «Доктор Георг Зиммель, кажется, был первым автором, который использовал слово «социализация» в определении социологии. По его мнению, «исследование сил, форм и развития социализации, сотрудничества, ассоциации индивидов, должно быть единственным объектом социологии как особой науки» [3, с. 1]. Очевидно, что на первоначальном этапе социализация понималась как общий процесс формирования социальных групп и развитие форм общности людей, процесс формирования личности.

Для понимания сущности профессионально-трудовой социализации личности в современном обществе велико значение научных трудов классиков и современных исследователей, составляющие теоретическую основу понимания содержания и тенденций социализационных процессов в современном российском обществе. Теория социализации на-

шла свое отражение в трудах представителей отечественной педагогической школы, прежде всего А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского, А.В. Мудрика, И.С. Кона, С.Т. Шацкого, А.П. Пинкевича, Л.С. Выготского, С.А. Рубинштейна, Г.М. Андреевой, Ю.М. Забродина, Е.Н. Шияновой и др.

В работах В.А. Сухомлинского социализация рассматривается как процесс поэтапного освоения личностью норм и ценностей общества, при этом главную роль он отводил родителям и воспитателям, их реакции на потребности и желания ребенка. Автор подчеркивается опасность удовлетворения всех желаний ребенка, поскольку впоследствии это формирует у него потребительское отношение [4].

Ю.М. Забродин и Е.Н. Шиянова считают главным в процессе социализации образ жизни человека. По их мнению, процесс социализации является сугубо индивидуальным, так как модели поведения различных людей в конкретных ситуациях могут значительно различаться. Авторы подчеркивают взаимосвязь в процессе социализации внутренних моментов – самоидентификация и самовосприятие личности и внешних факторов – социального регулирования [5; 6; 7].

А.Г. Харчевым дана характеристика социализации личности как результата социально-исторического развития. В его концепции индивид рассматривается как продукт соответствующей эпохи, носителя ее культуры и ценностей. По мнению автора, для понимания и осуществления социализации личности необходимо «выявить в хаосе стихийных влияний такие, которые наиболее благоприятны для формирования нужного данному обществу типа личности, усилить при помощи системы средств воспитания педагогическую эффективность этих влияний, нейтрализовать, насколько это возможно, факторы, мешающие достижению поставленных воспитателями целей» [8, с. 22]. Однако при этом автор не уделяет должного внимания исследованию микросоциологических факторов, которые играют не меньшую роль в процессах социализации, в частности индивидуальные особенности личности, семейные ценности и т.д.

Процесс самоутверждения личности как необходимый результат социализации подробно рассматривается в работах А.В. Мудрика. Особое внимание автор уделяет успеху во взаимоотношениях с противоположным полом. Общение с лицами противоположного пола у старшеклассников является примером апробации модели поведения взрослого человека. При этом стоит подчеркнуть, что автор рассматривает процесс социализации в узком смысле взросления индивида и приобретения качеств взрослых людей [9].

Таким образом, мы видим, что отечественная педагогическая школа внесла серьезный вклад в теоретическое осмысление социализации личности, в частности в анализе содержания социализационных механизмов, их зависимости от конкретного типа общества и культурно-исторического контекста. Особенно следует отметить, что индивид рассматривается в отечественных концепциях и как объект, и как субъект социализации, в неразрывной связи с окружающей средой. Личность не выступает лишь в качестве пассивного объекта общественного воздействия, а в идеале – именно ее активное участие в процессе освоения социального опыта имеет решающее значение при эффективной социализации.

Однако следует отметить, что педагогические исследования социализации посвящены преимущественно первичной социализации. Объектом социализации являются дети, подростки и молодежь. Эти социальные группы, безусловно, являются основными категориями социализации. Но нас интересует профессионально-трудовая социализация, которая в большей степени относится к вторичной социализации индивидов. Причем, вторичная социализация приобретает все возрастающую значимость в современном динамично развивающемся мире, когда индивидуальные ценности и социальные нормы меняются высокими темпами, смена профессии в течение жизни человека становится почти неизбежной, а трансформация всех сфер общественной жизни становится едва ли не ключевым социальным явлением. В этих условиях потребность в социализации возникает и у иных возрастных групп, в том числе взрослого населения в форме вторичной социализации.

Справедливости ради отметим, что представители отечественной психологии и педагогики хотя и в силу собственной специфики в качестве главного средства социализации выделяли воспитание, все же обращали внимание на такие немаловажные средства социализации, как образование, трудовые отношения. Так, Макаренко рассматривал формирование человека нового общества в единстве образования, трудового воспитания и управленческой самостоятельности подростков [10].

Значительный вклад в теорию социализации внесли отечественные социальные психологи. Особенно следует выделить работы Г.М. Андреевой, которая проводила разграничение понятий «социализация», «гоминизация», «развитие личности». По ее мнению, социализация – это освоение человеком социального опыта, социальных норм и культурных ценностей, а также процесс воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную общность. Индивид одновременно является субъектом и объектом общественных отношений, усваивает ценности социума и участвует в их воспроизводстве, при этом развивает себя, и одновременно изменяет социальную среду. Первичным при социализации является процесс усвоения социального опыта, вторичным – деятельностное воздействие человека на систему социальных связей и отношений. Г.М. Андреева представила механизм социализации индивида как три последовательно сменяющих друг друга этапа. Каждый этап можно соотнести с определенной стадией социализации: дотрудовой (основной институт социализации – семья и школа), трудовой (основной институт социализации – трудовой коллектив), послетрудовой (организации пенсионеров) [11; 12].

Первичная социализация происходит преимущественно в семье и школе. К окончанию школы молодой человек, как правило, уже достаточно интегрирован в систему общественных отношений, то есть первично социализирован. Следующий этап – получение профессии и интеграция в трудовой коллектив. Получить образование и профессию – это задача молодого человека, необходимая для того, чтобы достичь цели – взрослой, полностью са-

мостоятельной жизни, считает Е.М. Аврамова [13, с. 65–75]. Но выход в самостоятельную жизнь из-под родительской опеки несет с собой не только свободу, но и большую ответственность. Получение высшего образования рассматривается как вторичная, окончательная социализация.

Во время вторичной социализации, считает Г.М. Андреева, происходит интериоризация социальных норм и культуры, формируются механизмы саморегуляции, а внешние стимулы и санкции сменяются на внутренний контроль [14, с. 209]. Усваиваемое индивидом во время вторичной социализации содержание обладает специфическим качеством – намного меньшим субъективным содержанием в сравнении с содержанием первичной социализации. Поэтому во время вторичной социализации, отмечает А.Г. Здравомыслов, индивиду легче не принимать в расчет реальность знаний, которые нарушают его картину мира. Аналогичные нарушения картины мира во время первичной социализации могут привести ребенка к сильному шоку [15, с. 264].

В процессах вторичной социализации нет высокой степени идентификации личности. По мнению Ф. Коркюфа, для целей обучения – это скорее положительное явление, так как способствует созданию рациональной и эмоционально контролируемой системы образования и профессионального обучения [16, с. 84]. Однако по этой же причине субъективная реальность содержания такого типа интернализации недостаточно надежна. Впрочем, эта ненадежность преодолевается в случае необходимости специальными техниками обучения. Такие техники могут быть востребованы либо самими обучающимися, имеющими внутреннюю потребность в них, либо персоналом учебного заведения, в котором проходит процесс вторичной социализации.

Получив образование, молодой человек начинает собственную трудовую жизнь. Отношения в трудовом коллективе – важный канал социализации личности. Профессионально-трудовая социализация личности является комплексом процессов: личность приобщается к избранной профессии, при этом используется учебная и художественная литература, СМИ, рассказы друзей и знакомых, наблю-

дения, профессиональное обучение, прямое включение в трудовые процессы. Как отмечает, А.И. Ковалева, профессионально-трудовая социализация состоит из трудового воспитания, профессионального образования и самостоятельного овладения необходимыми качествами личности [17, с. 27–28]. Указанные процессы не протекают изолированно, они взаимосвязаны, и их интеграционное единство является необходимым условием успешности социализации молодого человека. Период обучения и начала трудовой деятельности в совокупности являются периодом профессионально-трудовой социализации.

В трудах известного отечественного педагога В.А. Сухомлинского подчеркивается, что трудовое воспитание и профориентация молодежи должны быть основаны на духовности. Как пишет Сухомлинский, само понятие труда должно стать для молодого человека «духовной потребностью», связанной с такими понятиями, как вдохновение, творчество, нравственность, осознанная социальная ценность труда. На такой основе происходит формирование высших качеств личности – нравственности, воли, целеустремленности [18, с. 278].

Аналогичную идею можно найти в трудах великого русского педагога К.Д. Ушинского. По его мнению, наиболее сильное влияние на формирование личности оказывает труд. Ушинский говорит о внутренней духовной, животворящей силе труда, «которую нельзя ни наследовать, ни купить, ее можно только воспитать» [19, с. 212].

Факторы, которые оказывают влияние на профессионально-трудовую социализацию личности работника в трудовом процессе, Е.В. Витенберг разделил на три основных класса [20, с. 61].

I. Внеличностные факторы: 1) фактор цели труда; 2) фактор средств труда; 3) фактор условий труда (какова заработная плата работника, как организовано рабочее место, в какое время и в каких условиях происходит работа и т.д.); 4) корпоративная культура предприятия или организации; 5) особенности управления предприятием или организацией; 6) структура и емкость рынка, в котором работает предприятия или организации.

II. Межличностные факторы: 1) стиль руководства и взаимоотношений с руководством на предприятии или в организации; 2) стиль межличностных отношений между сотрудниками предприятия или организации; 3) конфликтогенность трудовой деятельности и стиль разрешения конфликтов на предприятии или в организации; 4) наличие или отсутствие системы обучения и взаимной поддержки.

III. Внутрличностные факторы: 1) черты и акцентуации характера, свойства личности, самоактуализация и самореализация; 2) знания, кругозор личности; 3) способности, навыки и умения.

От условий труда зависит не только технологический процесс работы, но и состояние работника, наличие или отсутствие у него мотивации к труду, социализация его в коллективе.

Процессе профессионально-трудовой социализации личности и профессионального роста работника Журавлев А.А. разбил на следующие этапы [21, с. 51].

- *Профессиональная подготовка.* Формирование и развитие таких качеств личности, как самосознание, направленность, информированность, умелость.

- *Адаптация к трудовой деятельности.* Процесс интегрирования молодого специалиста в профессиональную деятельность. Обучение новым нормам, регулирующим поведение, новому образу жизни, новым манерам. Адаптация к трудовой деятельности вызывает изменения внутреннего мира и внешнего облика, требует освоения «технологических» тонкостей профессии. Происходит формирование привычки соответствовать новым нормам.

- *Накопление опыта.* Восприятие работником значительного профессионального опыта, приобретение способности к самостоятельному выполнению профессиональных функций на своем рабочем месте. Состоявшееся «вхождение в профессию».

- *Мастерство.* Способность ставить самые амбициозные цели и решать сложные профессиональные задачи. Качественное отличие в плане умений, универсальных способностей,

наличие индивидуального стиля деятельности, стабильно высокие результаты работы.

- *Авторитет.* Постоянный успех профессиональной деятельности. Сочетание высокопрофессионализма и организаторских способностей. Стабильно уважительное и одобряемое отношение других работников.

- *Наставник.* Благодаря мастерству и авторитету профессионала у него проходят обучение молодые работники. Происходит передача опыта и мастерства.

Однако социализация происходит не только в процессе трудовой деятельности. Свободное время, способы проведения досуга также являются важным каналом социализации молодежи. Как правило, человек ищет общество людей, внутренний мир которых созвучен его собственному восприятию жизни. Социальная идентичность «окрашивает» своим влиянием все мировосприятие личности. При помощи определенного вида характера социальной идентичности происходит специфическое понимание мира.

Чрезвычайно важный элемент, при помощи которого транслируется принадлежность к социальной группе – это символика. Символы олицетворяют ценностные ориентации группы, при помощи символики информация передается от одних членов социальной группы другим, обеспечивается преемственность.

Символы для самосознания индивида имеют важное социальное и психологическое значение. Символика – семиотическая система, осуществляющая коммуникативную функцию. Иначе говоря, это система знаков, с помощью которой осуществляется связь между членами социума. Символические конструкции предельно отчуждены от повседневного опыта, но, тем не менее, и в обыденной жизни они имеют большое значение – например, в отношении граждан к флагу и гимну страны.

Молодые люди, объединяясь в соответствии с какими-либо интересами, чувствуют себя членами одной социальной группы, дружеского или трудового коллектива приобретают определенную социальную идентичность. Осознавая принадлежность к группе, они чувствуют себя частью целого. Такое ощущение носит позитивный характер, поскольку поддерживает и обеспечивает лич-

ный покой. Неустойчивая личность, тревожность молодого человека нуждается в такого рода поддержке. Эти обстоятельства – причины популярности среди современных молодых людей различных течений и субкультур. Профессионально-трудовая социализация неразрывно связана с профессиональным самоопределением личности. «Приоритетным направлением в изучении профессиональной социализации личности, – отмечает Н.Н. Старостина, – является рассмотрение профессионального самоопределения как элемента целостной структуры профессиональной социализации» [22, с. 177].

Профессиональное самоопределение личности представляет собой длительный процесс, занимающий продолжительное время. Этот процесс обусловлен возрастными, психологическими и социальными особенностями становления личности. Результатом и целью профессионального самоопределения является ориентация на достижение желаемого социального статуса в профессиональной структуре общества.

Центральное место в профессионально-трудовой социализации личности занимает выбор профессии, который является выбором, осуществляемым в результате сопоставления собственных способностей личности и потребностей общества, востребованности определенных профессий. Кроме того, академические знания в обыденной жизни в силу своей специфичности редко находят практического применения. Вот почему лишь немногие молодые люди связывают возможность профессиональной карьеры с получаемым специальным образованием и уровнем квалификации. Одним из противоречий современного положения на рынке труда и занятости населения является неуклонный рост числа лиц, работающих не по своей специальности. Следствием этого является деформированное представление молодежи о том, что важно иметь любое профессиональное образование (желательно высшее), не связывая содержание образования с получением определенной профессии.

При получении профессионального образования сегодня многие учащиеся и студенты зачастую переживают разочарование в по-

лучаемой профессии в процессе приобретения профессиональных знаний. Роль и проблемы профессионально-трудовой социализации личности в процессе общего среднего, среднего профессионального и высшего образования достаточно обстоятельно и глубоко проанализированы в работах А.К. Савиной [23], Ю.А. Лившица [24] и Е.А. Югфельда [25], О.А. Бучарская и Н.А. Невольниченко [26]. Нередко молодые люди переживают кризис профессионального выбора. Усиливающаяся из года в год профессиональная направленность учебных дисциплин в связи с переходом к компетентностным принципам обучения зачастую снижает удовлетворенность будущей профессией.

Иванова Т.Н. и Просветова О.К. обращают внимание на важное обстоятельство, связанное с тем, что «на фоне экономических преобразований российского общества произошел отказ от концепции человека «административного» и принятие новой концепции «человека экономического», в основу которой положен собственный экономический интерес личности, детерминирующий содержание трудовой деятельности» [26, с. 139].

На социально-профессиональное самоопределение молодежи оказывают влияние различные социальные факторы. Первый шаг в этом направлении – это выбор профессии. Можно выделить, по крайней мере, три группы факторов, влияющих на выбор профессии.

1. Факторы социальной структуры. Именно рамки социальной структуры общества удерживают то социальное пространство, в границах которого, в принципе, возможен выбор профессии, а также социального статуса. В целом характер воздействия социальной структуры общества на границы возможностей свободного выбора профессии индивидом можно представить как переход от более или менее принудительных и однозначных форм закрепления отдельных видов труда за представителями определенных общественных классов и групп к социально-профессиональному самоопределению.

Анализ профессиональных предпочтений молодых людей показал, что нередко юноши и девушки при выборе профессии руководствуются соображениями престижности и высо-

кой зарплаты, при этом пренебрегают своими личными склонностями и способностями. Последствия такого выбора – снижение социальной ценности труда у значительной части молодежи, который может привести к социальному пессимизму.

2. Факторы, связанные с историческим этапом в развитии конкретной социальной структуры. Именно специфика исторического этапа с его социокультурными особенностями формирует определенную общность жизненного и, прежде всего, социального опыта целых поколений, тем самым во многом предопределяя их профессиональные и социальные биографии и жизненные траектории.

3. Специфические ситуативные факторы. Это, прежде всего, способности и личные качества самих индивидов, равно как и неповторимые особенности их индивидуальных биографий. Можно утверждать, что по мере ослабления социальной детерминации, т. е. уменьшения силы действия факторов, принадлежности к определенной социальной группе общества на профессиональную биографию, усиливается воздействие факторов, находящихся вне компетенции социологической науки. Таким образом, говоря о свободном выборе профессии, следует помнить об исторически меняющейся степени этой свободы.

Совокупность данных факторов представляет собой условное пространство, на котором разворачивается процесс профессионально-трудовой социализации. Наряду с исследованием пространственных характеристик, особенностей выбора профессии, не менее важно учитывать динамический аспект данной проблемы. Отличительной особенностью субъекта выбора профессии является его интенсивное развитие, изменение во времени. Изменяются также и те обстоятельства, которые детерминируют профессиональное самоопределение индивида. На различных этапах процесса данного самоопределения влияние факторов, как внутренних, так и внешних, на выбор профессии неодинаково.

Однако, можно предположить, что процесс профессионально-трудовой социализации, формирования ближайшей и отдаленной профессиональной перспективы характеризуется рассогласованием потребностей и ин-

тересов личности с возможностями их удовлетворения в рамках профессиональной деятельности и характеризуется наличием конкурирующих ценностных ориентаций, параллельная реализация которых затруднительна или вообще невозможна (например, стремление личности к интеллектуальной или физической самореализации и столь же значимая ориентация на неустойчивую работу).

Многочисленные исследования показывают, что профессия, полученная вопреки субъективным склонностям, личным предпочтениям личности, становятся источниками нравственных коллизий и конфликтных ситуаций в будущем. В частности, нереализованные жизненные планы, по данным психологов, служат источником внутриличностных конфликтов, так называемых профессиональных фрустраций. Экономические последствия возникновения конфликтов на почве несовпадения профессиональных устремлений и возможностей их реализации перерастают в негативные последствия социального характера. В широком социальном плане следует учитывать, что профессиональная ориентация, система жизненных ценностей, лежащая в ее основе, непосредственно влияют на профессионально-трудовую социализацию личности.

С другой стороны, не имея развитой системы социально-профессиональных установок, объединенных в социально-профессиональную ориентацию, индивид, уже находясь на рабочем месте, вынужден обосновывать свой выбор. Субъект выбора профессии сталкивается на рабочем месте с многочисленными трудностями. Избранная им профессия открывается не только положительными, но и отрицательными, теневыми сторонами трудовой деятельности. Много времени и усилий требуется молодому человеку для того, чтобы успешно войти в производственный коллектив, усвоить ценностно-нормативный комплекс избранной им трудовой деятельности, в конце концов, достигнуть определенного уровня профессионализма, компетентности и мастерства. Для тех, кто приходит на рабочее место с четко сформированной социально-профессиональной ориентацией, процесс профессиональной адаптации

происходит гораздо ровнее и легче. Кризисы и проблемы, которые неизбежно подстерегают молодого человека в данный временной период, преодолеваются благодаря четко сформировавшимся социальным установкам на данный вид профессионально-трудовой деятельности. Для тех же, кто пришел на конкретное рабочее место без определенных профессиональных ожиданий и притязаний, первые же столкновения с трудностями и требованиями, предъявляемыми профессией к человеку, представляются непреодолимыми. Бывает и обратная ситуация, когда разочарование наступает и при наличии устойчивого и длительного интереса к данной профессиональной деятельности. В этом случае проверка трудом показывает, что сформированная предварительно социально-профессиональная ориентация была не адекватной, аморфной или противоречивой. Она не соответствовала реальным потребностям и способностям к определенному виду профессиональной деятельности субъекта выбора. Практика свидетельствует, что существует группа людей, которая быстро и без раздумий выбрала профессию, но при этом успешно адаптируется к ней и даже достигает определенных трудовых успехов. В данном случае речь идет не о социологических закономерностях, а о специфических социально-психологических особенностях этой группы людей. Для них характерно умение (способность) быстро принимать решения и без промедления осуществлять задуманное. Выход из кризисных ситуаций дается им легче, чем большинству людей, а умение вовремя сориентироваться и быстро приспособливаться к изменяющимся ситуациям помогает достичь успехов в избранной профессии.

Для разрешения проблем профессионального самоопределения молодежи первоочередное значение имеет создание информационной базы, которая сможет дать достаточно достоверное знание о состоянии и динамике количественных и качественных характеристик рабочих мест, определяющих в конечном счете потребности в воспроизводстве и развитии социально-профессиональной структуры общества. Именно такая база может и должна служить ориентиром для тех, кто прямо или косвенно связан с теоретическими и практи-

ческими вопросами профессиональной ориентации молодежи. Практический поиск критериев оптимального решения проблемы профессионального самоопределения сам по себе представляет достаточно сложную научную проблему и тесно переплетается с целым комплексом других социальных проблем.

Совершенствование системы профессионально-трудовой социализации молодежи в настоящее время связано с созданием единой государственной программой профессиональной ориентации молодых людей, которая объединит усилия и обеспечит более эффективную совместную деятельность школы, семьи, детских дошкольных учреждений, культурно-просветительных учреждений, профессиональных учебных заведений, администрации и общественных организаций производственных коллективов, средств массовой информации.

Эффективное управление рациональным распределением трудовых ресурсов предполагает наличие объективной информации как о ценностных ориентациях молодежи в сфере трудовой деятельности, так и научно обоснованных направлений и общих принципов профориентационного воздействия на молодежь. В связи со специфическими особенностями горнодобывающего производства вопросы управления персоналом являются крайне актуальными. В горной промышленности систематически усложняются горно-геологические условия, технология производства, внедряются новые машины и автоматизированные комплексы, усложняется структура и функции управления. Усложняются условия труда горняков и шахтеров, возникают повышенные требования к профессиональной подготовке.

Ухудшение естественных условий производственной деятельности усугубляет проблемы с персоналом горных профессий. На горном предприятии весь комплекс подготовки, обучения, переподготовки и повышения квалификации персонала, рабочих и инженерно-технических работников должен рассматриваться как непрерывный процесс профессионально-трудовой социализации. В этом плане целесообразно основное внимание уделять развитию человеческого потенци-

ала. Причем возможно повышение профессионального мастерства, квалификации и образовательного уровня как в специальных образовательных центрах, так и непосредственно на рабочих местах. Все это показывает возрастающую значимость более основательно-

го изучения и внедрения современных подходов к управлению персоналом в горнодобывающей промышленности, в первую очередь необходимость разработки специальных программ профессионально-трудовой социализации молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиддингс Ф. Основание социологии // Американская социологическая мысль. М.: Наука, 1994. С. 293-316.
2. Giddings F. H. The Principles of Sociology: An Analysis of the Phenomena of Association and of Social Organization. 3rd edn. N. Y.; L.: MacMillan & Co., Ltd. XXVI. 1896.
3. Giddings F. H. The Theory of Socialization: A Syllabus of Sociological Principles for the Use of College and University Classes. N. Y.; L.: MacMillan & Co., Ltd. XIV. 1897.
4. Сухомлинский В. А. Избранные педагогические сочинения. Сост. О.С. Богданова, В.З. Смаль, А.И. Сухомлинская. М.: Педагогика, 1981.
5. Забродин Ю. М. Психология управления человеческими ресурсами (Очерки теории психической регуляции поведения. Монография). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017.
6. Забродин Ю. М. Психология личности и управление человеческими ресурсами. М.: Финстатинформ, 2002.
7. Шиянов Е.Н. Педагогика: общая теория образования. Ставрополь: СКСИ, 2007.
8. Харчев А.Г. Становление личности. М.: Политиздат, 1972.
9. Мудрик А.В. Социализация человека. М.: Академия, 2014.
10. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1986.
11. Андреева Г.М. Социальное познание: проблемы и перспективы. М.: МОДЭК, 2012.
12. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2007.
13. Авраамова Е.М. Новые образовательные стратегии: цели и средства // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 65–75.
14. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2007.
15. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010.
16. Коркьюф Ф. Новые социологии. СПб.: Алетейя, 2002.
17. Ковалева А. И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 139–143.
18. Сухомлинский В. А. О воспитании. М.: Просвещение, 1979.
19. Ушинский К. Д. Избранные труды. Книга 3. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. М.: Дрофа, 2005.
20. Витенберг Е.В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. СПб.: Питер, 2004.
21. Журавлев А.А. Психология управления совместной деятельностью: новые направления исследований [Электронный ресурс] // «Институт психологии РАН». URL: <http://www.iprbooks.hor.ru/88379.html> (Дата обращения 18.02.2020).
22. Старостина Н.Н. Профессиональное самоопределение как важная составляющая профессиональной социализации личности // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 5. С. 174–177.
23. Савина А.К. Социализация как социально-педагогическая категория в исследованиях ведущих зарубежных ученых // Ценности и смыслы. 2017. № 2 (48). С. 114-130.
24. Лившиц Ю.А. Анализ высшего образования как института профессиональной социализации (теоретический аспект) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 3 (12). С. 47–52.
25. Югфельд Е.А. Проблема профессиональной социализации студентов: современный аспект // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. № 3. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/21PDMN315.pdf> (Дата обращения 18.02.2020).
26. Бучарская О. А., Невольниченко Н.А. Исследование профессионального самоопределения в юношеском возрасте // Молодой ученый. 2019. № 12. С. 254–257.
27. Иванова Т.Н., Просветова О.К. Социологический анализ процесса социализации личности в различных теоретических перспективах // Карельский научный журнал. 2016. Том 5. № 3. С. 139–143.

PROFESSIONAL AND LABOR SOCIALIZATION OF YOUTH IN A REFORMED SOCIETY

I.A. Koch

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Ekaterinburg, Russia

V.A. Orlov

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

Significance. Modernization of the national economy and its integration into the world economic system through innovative development requires the effective use of human capital and strengthening of professional and labor socialization of young people. Underestimation of labor education of young people has led to a severe shortage of qualified personnel, especially for the mining industry. In these conditions, the search for an effective model of professional and labor socialization of young people becomes particularly relevant.

The purpose of the research is to determine the directions of professional and labor socialization of the individual in the conditions of transformation of the Russian society based on the analysis of existing approaches in scientific knowledge.

Research methodology and methods. The methodological basis is system analysis, activity approach, and historical method. Methods of analysis and comparison of existing concepts of socialization are used to identify the evolution and dynamics of the development of principles, to determine the ways and means of professional and labor socialization in society.

Coverage of studies. Problems of personality socialization in sociology have been studied since the end of the XIX century. Initially, researchers understood socialization as the process of personal development and formation (F. Giddings, E. Durkheim, G. Tard, G. Simmel, etc.). The development of the theory of socialization is reflected in the research papers of the Russian psychologists and teachers, primarily A. S. Makarenko, V. A. Sukhomlinsky, K. D. Ushinsky, A.V. Mudrik, I. S. Kon, S. T. Shatsky, L. S. Vygotsky, S. L. Rubinstein, G. M. Andreeva, Yu. M. Zabrodina, and others.

The study revealed the contradictory economic and socio-cultural factors of professional labor socialization of young people, problems of choice of profession and professional self-determination of youth. Contradictions of socialization in connection and unity with professional self-determination of the individual, stages and ways of professional and labor socialization of the individual in the modern reformed Russian society are considered.

The scientific novelty of the article consists, first, in the fact that professional and labor socialization of young people is considered taking into account the needs of the labor market, as well as specificities of individuals: the problem is to determine the balance of market needs and personal preferences. Secondly, the author reveals the features and ways of professional and labor socialization of young people focused on mining professions, where these problems are particularly acute due to the shortage of labor resources.

The main conclusion is that we need a balanced and harmonious combination of specific abilities and social needs in career guidance of young people, taking into account the dynamics of the technological revolution and peculiarities of the Russian society being transformed.

KEYWORDS: socialization, personality socialization, youth socialization, professional identity, profession, career guidance, professional and labor socialization, professional self-determination.

AUTHORS' INFORMATION:

Ivan A. Koch, Dr. Sci. (Sociological), Associate Professor, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 marta st., Yekaterinburg, 620144, Russia, kia4@mail.ru

Vladimir A. Orlov, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 marta st., Yekaterinburg, 620144, Russia

FOR CITATION: Koch I.A., Orlov V.A. Professional and labor socialization of youth in a reformed society // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 109–122.

REFERENCES

1. Giddings F. the Foundation of sociology // American sociological idea. Moscow: Nauka, 1994. P. 293–316. [Giddings F. Osnovanie sociologii // Amerikanskaja sociologicheskaja mysl'. M.: Nauka, 1994. S. 293–316] – (In Rus.)
2. Giddings F. H. The Principles of Sociology: An Analysis of the Phenomena of Association and of Social Organization. 3rd edn. N. Y. ; L.: MacMillan & Co., Ltd. XXVI. 1896.
3. Giddings F. H. The Theory of Socialization: A Syllabus of Sociological Principles for the Use of College and University Classes. N. Y.; L.: MacMillan & Co., Ltd. XIV. 1897.
4. Sukhomlinsky V. A. Selected pedagogical works. Comp. by O.S. Bogdanova, V.Z. Smal, A.I. Suhomlinskaya. Moscow: Pedagogy, 1981. [Suhomlinskij V. A. Izbrannye pedagogicheskie sochinenija. Sost. O.S. Bogdanova, V.Z. Smal', A.I. Suhomlinskaja. M.: Pedagogika, 1981.] – (In Rus.)
5. Zabrodin Yu. M. Psychology of human resource management (Essays on the theory of mental regulation of behavior. Monograph). Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2017. [Zabrodin Ju. M. Psihologija upravlenija chelovecheskimi resursami (Ocherki teorii psihicheskoy reguljacji povedenija. Monografija). M.: FGBOU VO MGPPU, 2017.] – (In Rus.)
6. Zabrodin Yu. M. Psychology of personality and human resource management. Moscow: Finstatinform, 2002. [Zabrodin Ju. M. Psihologija lichnosti i upravlenie chelovecheskimi resursami. M.: Finstatinform, 2002.] – (In Rus.)
7. Shiyanov E. N. Pedagogy: general theory of education. Stavropol: SKSI, 2007. [Shiyanov E.N. Pedagogika: obshhaja teorija obrazovanija. Stavropol': SKSI, 2007.] – (In Rus.)
8. Kharchev A. G. Personality development. Moscow: Politizdat, 1972. [Harchev A.G. Stanovlenie lichnosti. M.: Politizdat, 1972.] – (In Rus.)
9. Mudrik A.V. Socialization of the person. Moscow: Academy, 2014. [Mudrik A.V. Socializacija cheloveka. M.: Akademija, 2014.] – (In Rus.)
10. Makarenko A. S. Pedagogical works. Moscow: Pedagogics, 1986. [Makarenko A.S. Pedagogicheskie sochinenija. M.: Pedagogika, 1986.] – (In Rus.)
11. Andreeva G. M. Social cognition: problems and prospects. Moscow: MODEK, 2012. [Andreeva G.M. Social'noe poznanie: problemy i perspektivy. M.: MODJeK, 2012.] – (In Rus.)
12. Andreeva G. M. Social psychology. Moscow: Aspect-Press, 2007. [Andreeva G. M. Social'naja psihologija. M.: Aspekt-Press, 2007.] – (In Rus.)
13. Avraamova E. M. New educational strategies: goals and means // Social sciences and modernity. 2013. No. 5. Pp. 65–75. [Avraamova E.M. Novye obrazovatel'nye strategii: celi i sredstva // Obshhestvennye nauki i sovremennost', 2013. № 5. S. 65–75.] – (In Rus.)
14. Andreeva G. M. Psychology of social cognition. Moscow: Aspect-Press, 2007. [Andreeva G.M. Psihologija social'nogo poznaniya. M.: Aspekt-Press, 2007.] – (In Rus.)
15. Zdravomyslov A. G. Field of sociology in the modern world. Moscow: Logos, 2010. [Zdravomyslov A. G. Pole sociologii v sovremennom mire. M.: Logos, 2010.] – (In Rus.)
16. Korkut F. New sociology. SPb.: Aleteia, 2002. [Korkjuf F. Novye sociologii. SPb.: Aleteija, 2002.] – (In Rus.)
17. Kovaleva A.I. Socialization // Knowledge. Understanding. Skill. 2004. No. 1. P. 139–143 [Koval'eva A. I. Socializacija // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2004. № 1. S. 139–143] – (In Rus.)
18. Sukhomlinsky, V. A. On education. Moscow: Education, 1979. [Suhomlinskij V. A. O vospitanii. M.: Prosveshhenie, 1979.] – (In Rus.)
19. Ushinsky K. D. Selected works. Book 3. Man as a subject of education. Experience of pedagogical

anthropology. Moscow: Drofa, 2005. [Ushinskij K.D. Izbrannye trudy. Kniga 3. Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii. M.: Drofa, 2005.] – (In Rus.)

20. Witenberg E. V. Socio-psychological factors of adaptation to social and cultural changes. SPb.: Peter, 2004. [Vitenberg E.V. Social'no-psihologicheskie faktory adaptatsii k social'nym i kul'turnym izmenenijam. SPb.: Piter, 2004.] – (In Rus.)

21. Zhuravlev A. L. Psychology of joint activity management: new research directions [e-resource] // "Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences". URL: <http://www.iprbookshop.ru/88379.html> (accessed 18.02.2020). [Zhuravlev A.L. Psihologija upravljenija sovmestnoj dejatel'nost'ju: novye napravlenija issledovanij [Elektronnyj resurs] // «Institut psihologii RAN». URL: <http://www.iprbookshop.ru/88379.html> (Data obrashhenija 18.02.2020).] – (In Rus.)

22. Starostina N. N. Professional self-determination as an important component of professional socialization of the individual // Scientific review. Pedagogical science. 2017. No. 5. P. 174–177. [Starostina N.N. Professional'noe samoopredelenie kak vazhnaja sostavljajushhaja professional'noj socializatsii lichnosti // Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki. 2017. № 5. S. 174–177.] – (In Rus.)

23. Savina A. K. Socialization as a socio-pedagogical category in the research of leading foreign scientists // Values and meanings. 2017. No. 2 (48). Pp. 114–130. [Savina A.K. Socializatsija kak social'no-pedagogicheskaja kategorija v issledovanijah vedushhijh zarubezhnyh uchenykh // Cennosti i smysly. 2017. № 2 (48). S. 114–130.] – (In Rus.)

24. Livshits Yu. A. Analysis of higher education as an institute of professional socialization (theoretical aspect) // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2015. No. 3 (12). P. 47–52. [Livshic Ju.A. Analiz vysshego obrazovaniya kak instituta professional'noj socializatsii (teoreticheskij aspekt) // Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psihologija. 2015. № 3 (12). S. 47–52.] – (In Rus.)

25. Yugfeld E. A. Problem of professional socialization of students: a modern aspect // Internet journal "World of science". 2015. No. 3. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/21PDMN315.pdf> (accessed 18.02.2020). [Jugfel'd E.A. Problema professional'noj socializatsii studentov: sovremennyy aspekt // Internet-zhurnal «Mir nauki». 2015. № 3. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/21PDMN315.pdf> (Data obrashhenija 18.02.2020).] – (In Rus.)

26. Boczarska O.A., Nevolnichem N.A. Study of professional identity in adolescence // Young scientist. 2019. No. 12. P. 254–257. [Bucharskaja O.A., Nevol'nichenko N.A. Issledovanie professional'nogo samoopredelenija v junosheskom vozraste // Molodoj uchenyj. 2019. № 12. S. 254–257]. – (In Rus.)

27. Ivanova T. N., Prosvetova O. K. Sociological analysis of the process of socialization of the individual in various theoretical perspectives // Karelian scientific journal. 2016. Volume 5. No. 3. P. 139–143. [Ivanova T.N., Prosvetova O.K. Sociologicheskij analiz processa socializatsii lichnosti v razlichnykh teoreticheskikh perspektivah // Karel'skij nauchnyj zhurnal. 2016. Tom 5. № 3. S. 139–143.] – (In Rus.)

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ЧАСТЬ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК: 352:65.012.123

ББК: 60.823.2к23

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-123-133

ГРНТИ: 82.17.25

Код ВАК: 08.00.05

Е.А. Курзенева

Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,
Екатеринбург, Россия

Е.С. Краснопевцева

Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,
Екатеринбург, Россия

О.М. Трофимова

Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 624316

АННОТАЦИЯ:

Основное внимание в органах власти на сегодняшний момент уделено формированию нормативно-правовой базы по управлению проектами, построению системы управления. В данной статье акцентируется внимание на необходимости трансформации корпоративной культуры муниципальных образований в связи с внедрением проектного подхода в муниципальных органах власти.

Цель и предмет. Предметом исследования является преобразование системы управления в органах власти в Российской Федерации и влияние новой системы на корпоративную культуру муниципальных служащих. Цель исследования заключается в определении основных изменений при внедрении проектно-ориентированной системы в деятельность муниципальных образований, и формулировка связанных с ними изменений корпоративной культуры муниципальных служащих.

Изложенные в статье результаты базируются на следующих научных методах: анализ, описание, наблюдение, моделирование, восхождение от абстрактного к конкретному.

Результаты. В ходе анализа рассмотрены нормативно-правовые акты по внедрению проектного управления в деятельность органов власти Российской Федерации и Свердловской области. Рассмотрены методы внедрения проектно-ориентированной системы в деятельность органов власти. Отмечена необходимость внедрения культуры управления проектами в корпоративную культуру муниципального образования. Раскрыты понятия корпоративной и организационной культуры, рассмотрена одна из типология корпоративных культур и сформулированы характерные особенности корпоративной культуры муниципального образования.

Научная новизна. В ходе исследования сформирована модель культуры муниципальных служащих и сформулированы основные вопросы для формирования корпоративной культуры управления проектами. Предложены основные этапы процесса преобразования корпоративной культуры муниципального образования при внедрении проектного подхода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура, корпоративная культура, управление проектами, органы власти, муниципальные служащие.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Екатерина Андреевна Курзенева, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, 9826999327@mail.ru

Евгения Сергеевна Краснопевцева, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, stolnikova12@mail.ru

Ольга Михайловна Трофимова, кандидат экономических наук, доцент, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, olga.trofimova@ui.ranepa.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Курзенева Е.А., Краснопевцева Е.С., Трофимова О.М. Проектное управление как часть корпоративной культуры муниципального образования // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 123–133.

Становление проектного управления на уровне органов власти в РФ началось с 2016 года. основополагающими документами, регламентирующими управление проектной деятельностью в государственном секторе, стали:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.10.2016 г. № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»;

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.10.2016 г. № 2165-р.

В 2018 году разработано новое Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 03.01.2019) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».

В 2018 году разработано новое Постановление Правительства РФ от 31.10.2018г. № 1288 (ред. от 03.01.2019 г.) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». Постановление формирует организационную структуру и правила ее функционирования, определяющие «единые подходы к проектной деятельности в Правительстве России, органы управления проектной деятельностью, последовательность действий, функции, полномочия и ответственность участников проектной деятельности в ходе инициирования, подготовки, реализации, мониторинга и завершения проектов» [1].

Согласно Протоколу заседания Совета по внедрению проектного управления в федеральных органах исполнительной власти, ор-

ганах исполнительной власти и органах власти субъектов Российской Федерации от 4 декабря 2013 года № 6-НП реализация данной системы управления стартовала с «внедрения в пилотных регионах РФ: Белгородская, Ярославская область, а также площадки второго уровня: Томская, Ульяновская, Пензенская и Вологодская области». [2]

С 2018 года система управления проектами начала распространяться на уровень муниципалитетов.

Управление проектами не является совершенно новым способом организации деятельности, бизнес давно и довольно успешно работает с применением данной формы. Однако для органов власти с внедрением проектного управления частично меняется обычный порядок ведения текущей деятельности и реализации государственных программ. В частности, муниципальным образованиям необходимо определить реестр действующих программ и проектов, соответствующих критериям для реализации с помощью проектного управления, а также организовать сопровождение проектной деятельности.

Органам власти в период перехода на проектное управление предстоит пройти ряд организационных преобразований. Следующие виды видимых изменений ожидают всю систему органов власти при внедрении проектного управления:

- 1) преобразования менеджмента влекут за собой необходимость постоянного внедрения изменений;

2) переориентация сотрудников на результат;

3) преобразование системы управления и самого процесса (стремление сделать процесс прозрачным, а результат понятным и доступным для изменений);

4) изменение ответственности сотрудников (мотивация и персональная ответственность за результат);

5) массовое обучение.

Насильственные изменения всегда будут отвергаться сотрудниками. Такой способ изменений не дает развиваться взаимоуважению, доверию, креативу, нацеленности на результат. В связи с этим требуется действовать планомерно, изменяя текущий порядок.

Краеугольным камнем в реализации экономических целей и задач Российской Федерации и ее регионов является дефицит квалифицированных кадров во многих отраслях. Неизменным решением проблемы остается непрерывное развитие и раскрытие человеческого потенциала. Данная проблема также связана с внедрением системы проектного управления в органах власти. Введение проектных принципов и начало работы с пилотными проектами требует наличия у персонала соответствующей подготовки. Но на сегодняшний день сотрудники органов власти не обладают необходимыми компетенциями в областях управления проектной деятельностью.

На сегодняшний момент основной рычаг преодоления сопротивления изменениям – общение и обучение. Посредством проведения конференцсвязи, мероприятия «Школа мэров», обучения сотрудников муниципалитетов на сегодняшний момент транслируется опыт пилотных регионов, разбираются лучшие зарубежные и отечественные практики, формируются компетенции в области управления проектами. Участники обучения знакомятся с базовыми понятиями проектного управления и особенностями внедрения проектного подхода в государственном управлении, осваивают навыки разработки проектных документов [3].

Внедрение осуществляется планомерно, сотрудников администраций городских округов постепенно обучают методам и принципам проектного управления, согласно уста-

новленному графику. Однако в должностных инструкциях и положениях подразделений не фигурируют термины «проект» и «проектное управление», что говорит об отсутствии обязанностей служащих по управлению проектами при одновременной необходимости внедрения управления проектами в деятельность органов местного самоуправления. Следовательно, требуется качественное обучение и трансляции опыта пилотных регионов.

Данный рычаг часто применяется в совокупности с императивным методом. Но на практике обучение и распоряжения не покажут должного эффекта при отсутствии культуры управления проектами, то есть системы мнений и ожиданий, культуры взаимоотношений.

Помимо обучения, которое является важным индикатором корпоративной культуры, позволяющего внедрить некоторые нормы и стандарты корпоративной культуры и повысить эффективность работы команды, основное же внимание на сегодняшний момент уделено формированию локальной нормативно-правовой базы по управлению проектами и изменениям части существующих в муниципалитетах документов для формирования системы управления проектами.

Помимо «видимых» преобразований необходимо в первую очередь уделить внимание «невидимым» вопросам, но очень важным для успешного завершения процесса внедрения и успешной реализации. В статье Е.М. Гладкой также акцентировано внимание на том, что на практике все изменения касаются видимых изменений, которые происходят и произойдут, то есть к продукту деятельности и методологии [4, с. 154-157]. Впоследствии, именно «невидимые» вопросы становятся препятствием для явных изменений.

Особенностью каждой организации является ее культура, которая во многом определяет тип и методы управления. Культура – один из определяющих аспектов любой организации. Культура позволяет определить полномочия и объясняет почему тот или иной человек обладает теми или иными полномочиями [5, с. 274].

В научной литературе термины «организационная культура» и «корпоративная культура» часто упоминаются как синонимы. В ли-

тературе эти понятия не имеют однозначного определения, толкуются авторами по-разному.

Э. Шейн раскрывает понятие организационной культуры следующим образом, «организационная культура – это комплекс базовых предположений, изобретенный, обнаруженный или разработанный группой для того, чтобы научиться справляться с проблемами внешней адаптации и внутренней интеграции» [6, с. 27].

Е.А. Терещук в своей работе описывает корпоративную культуру муниципальных служащих как обеспечивающую уникальность и саморазвитие совокупность ценностей, норм и традиций [7, с. 66–69].

Ю.Г. Одегов российский исследователь в области управления персоналом приводит главное отличие корпоративной культуры от организационной, заключающееся в статичности организационной культуры и наличием в корпоративной культуре различных субкультур, отличающихся друг от друга [8].

Следуя приведенным определениям, можно говорить о том, что понятие организационной культуры шире. Проблему адаптации организационной культуры к проектному управлению можно решить посредством совершенствования организационно-административных взаимодействий, имеющих в большей степени императивный характер, выражающийся в приказах, распоряжениях руководства. Проблема же данной статьи связана именно с модификацией общей философии и системы ценностей органов муниципальной власти.

Типология организационных культур по К. Камерону и Р. Куинну предполагает разделение на четыре типа: клановая, адхократическая, бюрократическая и рыночная [9, с. 67].

1. Иерархическая. Характеристика: высокая степень специализации, иерархия с четкими границами ответственности, правила и инструменты, сформированные для рационализации деятельности; безличное общение с клиентом;

2. Клановая. Характеристика: задания выполняются группой, которая сама распределяет работу и привлекает сотрудников; постоянное повышение квалификации;

3. Рыночная. Характеристика: персонал мотивирован на результат, целеустремлен, идет постоянное соперничество между сотрудниками, жесткая ориентация организации на конкурентоспособность;

4. Адхократическая – по случаю (лат. *ad hoc*). Характеристика: лидерам свойственно новаторство, цель – обеспечить гибкость, творческая обстановка в ситуациях с неопределенностью, перезагрузкой информацией).

Для органов власти характерен бюрократический тип организационной культуры, однако для проектного управления данный тип культуры не свойственен, необходима ее трансформация с включением элементов культуры адхократического и рыночного типа. То есть должно присутствовать сочетание жесткой ориентации на стратегию и гибкости внутренних структур.

Такое управление предполагает развитую сеть формальных и неформальных коммуникаций между работниками. В свою очередь, для ориентации всех сотрудников на общие цели, определения формата и стиля коммуникаций, возникает потребность в создании единой системы ценностей и профессиональных норм, то есть корпоративной культуры.

Корпоративную культуру определяют факторы, способные повлиять на поведение: персональная и групповая мотивация сотрудников, их ценности и нормы, система стимулирования и вознаграждения (сотрудник определяет, что является ценным для компании и приемлемые нормы поведения, исходя из того, за что компания вознаграждает и наказывает). Очень сильными факторами являются поведение лидеров, внешние и внутренние информационные потоки, выдающиеся и торжественные события в компании [10, с. 97-101].

Корпоративная культура создается при определении взаимодействия между сотрудниками. А в организациях органов власти культура формируется годами и можно говорить о её наследственности. Она представляет собой и воспринимается как особая профессиональная группа. Она перенимается новыми сотрудниками, а также хранит правила, шаблоны поведения при горизонтальных и вертикальных перемещениях сотрудников внутри.

Корпоративная культура может трансформироваться под влиянием внешних и внутренних управленческих воздействий, поворачиваться как парус вслед за изменениями в коллективе, самой организации и внешней среде. Однако и сама корпоративная культура может стать объектом изменений.

Как изменить корпоративную культуру, когда носителями корпоративной культуры являются ее сотрудники? Новые сотрудники принимают ее или их вытесняют. Также есть так называемые «сторожилы» – ключевые сотрудники, проработавшие дольше всех в организации и являющиеся в основном формальными или неформальными лидерами. Принятие новой корпоративной культуры данными сотрудниками является основным критерием успеха. Чем быстрее лидеры примут корпоративную культуру, тем быстрее, легче и с наименьшими затратами пройдет процесс трансформации.

С течением времени и развитием менеджмента стало ясно, что управлять людьми и процессами недостаточно. Основным движущим механизмом является общественное мнение, настроения. Управлять в таком случае нужно чувствами и мыслями групп сотрудников. Чувства и мысли в свою очередь задаются формальными и неформальными лидерами. Таким образом, главный рычаг воздействия руководителя – это именно они.

Индивидуальность каждой организации заключается не только в ее функциональных особенностях, но и в характеристике ее корпоративной культуры. С.П. Роббинс предлагает перечень из десяти характеристик, оценивая которые можно сформировать полную картину организации. Из предложенных С.П. Роббинсом характеристик было выделено шесть, определяющих корпоративную культуру организации (табл. 1) [11, с. 98]:

Таблица 1 – Основные характеристики корпоративной культуры

1	Личная инициатива
2	Готовность работника пойти на риск
3	Направленность действий
4	Степень отождествления каждого сотрудника с организацией
5	Система вознаграждений
6	Готовность сотрудника открыто выражать свое мнение

Следуя данной характеристике корпоративную культуру муниципального образования можно описать по выше предложенным элементам. Представить корпоративную культуру муниципального органа власти можно следующим образом.

1. Личная инициатива в ходе реализации программ ограничена, решения принимают преимущественно высшим руководством; предложения могут быть внесены на этапе планирования, но ограничены рамками плана, финансирования и законодательства.

2. Сотрудники не готовы идти на риск, действуют в рамках своих полномочий и бюджетных средств. Массовая культура.

3. Направленность действий очерчена кругом функциональных обязанностей подразделений, которые работают на общий результат, но в интересах каждого.

4. Корпоративный дух муниципальных служащих как особой профессиональной группы особенно ярко проявляется в небольших муниципальных образованиях.

5. Система оплаты труда строится на повременно-премиальной системе, которая предусматривает должностной оклад и премии за результативность работы.

6. Сотрудники предпочитают не выражать открыто свое откровенно негативное мнение, однако, в целях совершенствования деятельности формируются комиссии, проводятся консилиумы для обсуждения проблемных ситуаций и принятия управленческих решений.

Модель культуры муниципальных служащих состоит в следующем. Служащие органов власти как отдельная профессиональная группа. Система выстроена в основном на межведомственных императивных официальных взаимодействиях. Взаимодействие четко формализовано, инициатива ограничена, риск не является частью деятельности органа власти, все четко выстроено, ограничено законодательством, выделенным муниципальному образованию бюджетом и должностными обязанностями.

Согласно Хосеусу и Лайкеру, существуют три уровня корпоративной культуры (рис. 1) [12, стр. 16].

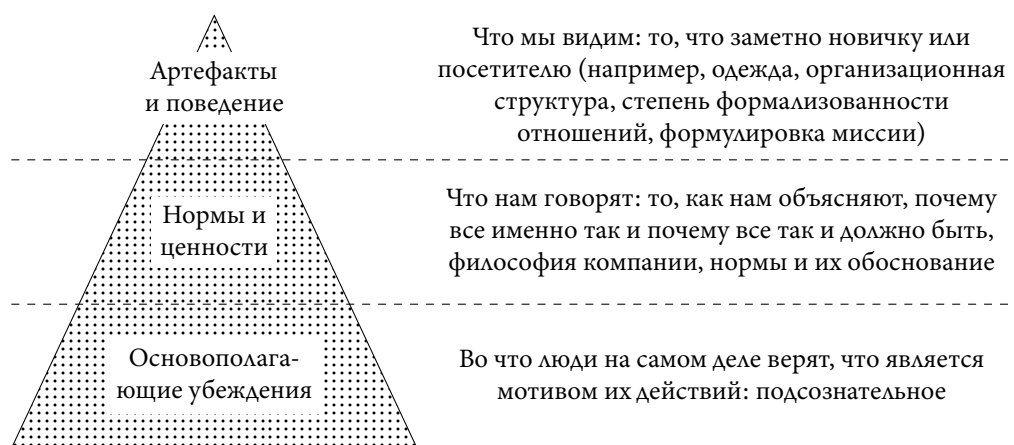

Рисунок 1 – Три уровня корпоративной культуры

Руководителю необходимо проработать каждый из уровней, которым необходимо пройти трансформацию, двигаясь сверху вниз, чтобы привести сознательное и подсознательное каждого сотрудника к общему пониманию и приятию норм системы управления проектами.

Корпоративная культура есть способ удовлетворения потребностей сотрудников через организацию. При отсутствии постоянных изменений в организации у персонала снижается способность адаптации к меняющейся внутренней среде организации. Изменения сковывают сотрудников. В связи с этим снижается духовно-этическая мотивация персонала, так как они в меньшей степени могут удовлетворить свои потребности. Задача руководителя органа власти в таком случае заключается в том, чтобы показать, как возможно удовлетворить потребности (в безопасности и уважении) через проектное управление, то есть подтолкнуть в верном направлении и снять скованность в коллективе. Как результат, с помощью проектного управления перейти от кратковременных отдельных положительных сдвигов к планомерному развитию органа власти и самих сотрудников.

Вопрос взаимосвязи корпоративной культуры и культуры проекта рассматривает В.А. Заренков, говоря о том, что корпоративная культура и культура проекта должны обязательно взаимодействовать. Также важно интегрировать вновь принятых сотрудников в данную субкультуру [13, с. 128–133].

Необходимо рассматривать культуру управления проектами как часть корпоратив-

ной культуры органа власти, то есть как субкультуру. Создание данной субкультуры проектного управления, направленной на повышение эффективности деятельности органа власти. Для ее формирования необходимо:

1. Определить, как будет происходить процесс принятия решений, как будут распределяться ресурсы, как будут определяться приоритеты;

2. Определить организационную структуру, кто будет привлекаться к управлению проектами, как будет участвовать глава муниципалитета к управлению проектами, как будут вовлечены заказчики;

3. Определить информационное обеспечение управления проектами;

4. Организация обучения персонала управлению проектами.

Все эти составляющие являются частью муниципальной системы управления проектами, которая формируется непосредственно за счет принятия ряда локальных нормативно-правовых актов, но будет жизнеспособной при следующих условиях:

1. Понимание ценности управления проектами служащими;

2. Соответствие проектов стратегии муниципального образования;

3. Вовлечение заказчиков в управление проектами;

4. Высокий уровень зрелости управления проектами.

Задача руководителя органа власти в таком случае заключается в том, чтобы показать, как возможно удовлетворить через проектное управление, то есть подтолкнуть в верном на-

правлении и снять скованность в коллективе и создать собственную субкультуру в организации, которая бы объединяла высокоэффективную команду профессионалов. Как результат, с помощью проектного управления перейти от кратковременных отдельных положительных сдвигов к планомерному развитию органа власти и самих сотрудников.

Работу стоит начать первым лицам муниципальных образований с себя. Культура управления лидера (его ценности и вера) в той или иной степени будут определять культуру организации [14]. Чем быстрее лидеры примут корпоративную культуру, тем быстрее, легче и с наименьшими затратами пройдет процесс трансформации.

В условиях перехода к проектному управлению корпоративная культура – первый шаг к успешной трансформации органа власти. Изменение и принятие данного обновленного механизма поспособствует более быстрой адаптации персонала к системе и повышению эффективности органа власти.

Так, например, в своем отчете Кирилова И.Ю., являющаяся начальником управления проектно-аналитической и контрольно-организационной работы департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области приводит результаты внедрения управления проектами: «длительность разработки и согласования проекта (средняя экономия на один проект составляет порядка двух месяцев)» [15, стр. 15].

Где, как ни в проектном управлении говорить о корпоративной культуре, о командном духе. Командообразование и работа в команде не является типичной формой организации деятельности для органов власти.

Такие организационные изменения требуют скорейшей адаптации менеджмента. Адаптация заключается в разработке более тонких, сложных методов управления, соответствующих внедряемой системе и конкретному органу власти.

В государственных органах реализована линейно-функциональная структура, которая предполагает, что каждый выполняет свои функции так, как это выгодно данному подразделению. Да, результат будет общим для всего органа власти, его качество будет до-

стойным, однако резервы ресурсные, человеческие и временные не всегда используются рационально, потенциальная эффективность от данных мероприятий могла бы быть намного выше.

Также в отчете Кириловой И.Ю. отражается зафиксированное по результатам реализации проектов в Белгородской области ускорение освоения инвестиций в среднем на 23 %, а также увеличение ВРП на 0.1 % (3 млрд руб.) [15, стр. 15].

От чего зависит эффективность системы управления проектами, и почему в некоторых случаях показывает ощутимый результат, а в других не работает?

Конечно, проще всего списать на то, что проекты сложны для реализации с помощью проектного управления, а его инструменты не подходят для данной организации. Есть ситуации, где не работает проектное управление – в случаях, когда организации не ставят перед собой цель – развитие.

Внедрение проектного управления в органах управления означает некий прогресс, модернизацию организацию государственного управления. Это довольно масштабное и сложное преобразование. Несомненным преимуществом такой системы стало начало институционализации проектного управления посредством формирования регламентов межведомственного (межотраслевого) взаимодействия. Также появилась дополнительная мотивация сотрудников – участников проекта с привязкой к результатам деятельности. Мотивация сотрудников также является одной из составляющих культуры организации. Однако материальное стимулирование является собой не единственный важный мотивирующий фактор, важно учитывать также и нематериальные факторы стимулирования, такие как оценка квалификации и возможность продвижения служащего «вверх», персональная ответственность за результат.

Трансформация культуры – это одна из целей проектного управления, может быть даже и есть главная цель. Перед органами власти стоит задача не только достигнуть поставленной цели, но и добиться эффективности. То есть, чтобы в органах власти работали люди, которые умеют формулировать цели и их до-

стигать. Очень важно не упустить момент и продолжать развитие как системы проектного управления, так и трансформации культуры.

Основные этапы процесса преобразования корпоративной культуры:

- 1) определить цели изменений;
- 2) определить формат отношений в проектной команде;
- 3) согласовать изменения со всеми заинтересованными сторонами в ранге руководства;
- 4) тщательно проработать и описать порядок взаимодействий, которые будут считаться нормой;
- 5) проводить мероприятия с привлечением сотрудников для формирования элементов новой культуры;
- 6) наладить систему контроля в соответствии с декларируемыми ценностями;
- 7) поощрять сотрудников, следующих вновь введенным нормам;
- 8) добиться от руководителей выполнения и распространения утвержденных норм.

Таким образом, внедрение проектного управления неразрывно связано с изменением сложившейся культуры в организации.

Менеджмент существует столько же, сколько существует человечество. Базовые принципы управления уже давно сформированы и прописаны во множестве книг и трудах менеджеров, уже построивших успешные корпорации. Основы остаются неприкасаемыми, однако суть всегда скрыта в деталях. В свою очередь, постоянно меняющиеся мировые тенденции и правила требуют постоянной адап-

тации менеджмента, то есть создания тех самых деталей, которые будут отличать нынешнее состояние объекта управления от предыдущего.

Культура в свою очередь влияет на мотивацию гражданских служащих, определяет формат и формы поведения. Проявляется через стиль управления, влияет на структуру организации, после отражается на процессе и результате деятельности. Таким образом, культура является важным фактором, которому необходимо уделять большое внимание при осуществлении организационных изменений.

Если не будет культуры управления проектами – внедрение системы проектного управления не покажет должного результата.

Мы можем сделать вывод о том, что недостаточно сформировать документальную основу управления проектами в органе власти, необходимо формирование организационной структуры, процессов, стратегии, мотивации, чтобы появились каналы информации, в том числе и сформировалась определенная культура управления проектами. Как сформировать поддержку, «зажечь» участников, отказаться от практик, которые используют? На что влияет корпоративная культура и кто влияет на корпоративную культуру? Как меняться? С чего начать? Каков результат преобразований? Сколько времени займет? Каких затрат потребует от руководства? На эти вопросы предстоит ответить каждому руководителю субъекта Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об организации проектной деятельности в Правительстве России 01.11.2018. [электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/34523/> (дата обращения 15.11.2018).

2. Протокол заседания Совета по внедрению проектного управления в федеральных органах исполнительной власти и органах государственной власти субъектов Российской Федерации от 17.06.2014 г. [электронный ресурс] // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/cou>

ncilintrprojmanag/2014062610 (дата обращения 02.10.2018).

3. Обучение основам проектного управления в Свердловской области от 23.04.2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: http://www.midural.ru/ufiles/_20183241621.pdf (дата обращения 04.11.2018).

4. Гладкая Е.Н. Корпоративная культура и культура управления проектами в организации: изменения при внедрении проектного подхода // Управление проектами и развитие производства. 2008. № 4 (28). С. 154-157.

5. Клиффорд Ф.-Грей, Эрик У.Ларсон Управление проектами: Практическое руководство. М.: «Дело и сервис», 2003.

6. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002.

7. Терещук Е.А. О подходах к определению корпоративной культуры //Материалы международной научно-практической конференции «XVI Уральские социологические чтения». Ч. 2. Челябинск, ЮУрГУ, 2006. С.66–69.

8. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Федченко А.А. Экономика персонала Ч. 1: Теория. М.: Альфа-Пресс», 2009.

9. Камерон К. Диагностика и изменение организационной культуры СПб.: Питер, 2001.

10. Капаров, Б. М. Культура организации – основной источник инновационной и экономической активности // Экономическое возрождение России. 2009. № 3 (21). С. 97–101.

11. Роббинс, С. П. Менеджмент. М.: Вильямс, 2011.

12. Д. Лайкер, М. Хосеус. Корпоративная культура Toyota: уроки для других компаний. М.: Альпина Паблишерз, 2012.

13. Заренков В.А. Корпоративная культура как особая составляющая управления проектами // Вестник гражданских инженеров, 2001. № 1 (26). С. 128–133.

14. Механизм формирования корпоративной культуры [электронный ресурс] // «MD-Менеджмент»: информационный портал о менеджменте URL: www.md-management.ru/articles/html/article32568.html (дата обращения 10.11.2018).

15. Кирилова И.Ю. Опыт внедрения проектного управления на примере Белгородской области. [электронный ресурс] URL: <https://docplayer.ru/37101727-Opyt-vnedreniya-proektnogo-upravleniya-na-primere-belgorodskoy-oblasti.html> (дата обращения 18.11.2018).

PROJECT MANAGEMENT AS PART OF THE CORPORATE CULTURE OF A MUNICIPALITY

E.A. Kurzeneva

Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration,
Ekaterinburg, Russia

E.S. Krasnopevtseva

Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration,
Ekaterinburg, Russia

O.M. Trofimova

Cand. Sci. (Economical),
Associate Professor, Russian
Presidential Academy of
National Economy and Public
Administration,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

Now the authorities pay the main attention to the development of a regulatory framework for project management, the construction of a management system. The authors of this article focus on the need to transform the corporate culture of municipalities in connection with the implementation of the project approach in municipal authorities.

Purpose and subject. The subject of the research is the transformation of the management system in government bodies in the Russian Federation and the impact of the new system on the corporate culture of municipal employees. The purpose of the study is to identify the main changes in the implementation of the project-oriented system in the activities of municipalities, and to formulate related changes in the corporate culture of municipal employees.

The results presented in the article are based on the following scientific methods: analysis, description, observation, modeling, ascent from the abstract to the concrete aspects.

Results. In the course of the analysis, legal acts on the implementation of project management in the activities of the Russian Federation and the Sverdlovsk region authorities are considered. The methods of

implementing a project-oriented system in the activities of government bodies are considered. The necessity of introducing the project management culture into the corporate culture of the municipality was noted. The concepts of corporate and organizational culture are revealed, one of the corporate cultures typologies is considered, and the characteristic features of the corporate culture of the municipality are formulated.

Scientific novelty. In the course of the study, a model of the municipal employees' culture was formed and the main issues for the corporate culture of project management development were formulated. The main stages of the process of transforming the corporate culture of a municipality when implementing a project approach are proposed.

KEYWORDS: culture, corporate culture, project management, authorities, municipal employees.

AUTHORS' INFORMATION:

Ekaterina A. Kurzeneva, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

66, 8 marta st., Yekaterinburg, 620144, Russia, 9826999327@mail.ru

Evgeniya S. Krasnopevtseva, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

66, 8 marta st., Yekaterinburg, 620144, Russia, stolnikova12@mail.ru

Olga M. Trofimova, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

66, 8 marta st., Yekaterinburg, 620144, Russia, olga.trofimova@ui.ranepa.ru

FOR CITATION: Kurzeneva E.A., Krasnopevtseva E.S., Trofimova O.M. Project management as part of the corporate culture of a municipality // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 123–133.

REFERENCES

1. On the organization of project activities in the Government of Russia 01.11.2018. [electronic resource] // Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/docs/34523/> (date of reference: 11.15.2018) [Ob organizacii proektnoj dejatel'nosti v Pravitel'stve Rossii 01.11.2018. [jelektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii. URL: <http://government.ru/docs/34523/> (data obrashhenija 11.15.2018).] – (In Rus).

2. Minutes of the meeting of the Council for the implementation of project management in Federal executive authorities and public authorities of the Russian Federation dated 17.06.2014 [electronic resource] // Official website of the Ministry of Economic Development of Russia. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/councilintrprojmanag/2014062610> (date of reference: 02.10.2018). [Protokol zasedanija Soveta po vnedreniju proektnogo upravlenija v federal'nyh organah ispolnitel'noj vlasti i organah gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii ot 17.06.2014 g. [jelektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Minjekonomrazvitija Rossii. URL: <http://economy.gov.ru/minec>

/activity/sections/councilintrprojmanag/2014062610 (data obrashhenija 02.10.2018).] – (In Rus).

3. Grounding the basics of project management in the Sverdlovsk region dated 23.04.2018 [Electronic resource] // Official website of the government of the Sverdlovsk region. URL: http://www.midural.ru/ufiles/_20183241621.pdf (accessed 04.11.2018). [Obuchenie osnovam proektnogo upravlenija v Sverdlovskoj oblasti ot 23.04.2018 [Jelektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Sverdlovskoj oblasti. URL: http://www.midural.ru/ufiles/_20183241621.pdf (data obrashhenija 04.11.2018).] – (In Rus).

4. Gladkaya E.N. Corporate culture and culture of project management in the organization: changes in the implementation of the project approach // Project management and production development. 2008. No. 4 (28). Pp. 154–157. [Gladkaja E.N. Korporativnaja kul'tura i kul'tura upravlenija proektami v organizacii: izmenenija pri vnedrenii proektnogo podhoda // Upravlenie proektami i razvitie proizvodstva. 2008. № 4 (28). S. 154–157.] – (In Rus).

5. Clifford F. Gray, Eric W. Larson. Larson Project management: Practical guide. Moscow: "Business and service", 2003. [Klifford F. Grej, Jerik

U. Larson. Upravlenie proektami: Prakticheskoe rukovodstvo. M.: "Delo i servis", 2003.] – (In Rus).

6. Shane E.H. Organizational culture and leadership. SPb.: Peter, 2002. [Shejn Je.H. Organizacionnaja kul'tura i liderstvo. SPb.: Piter, 2002.] – (In Rus).

7. Tereshchuk E.A. On approaches to the definition of corporate culture // Papers of the International Research-to-Practice Conference "XVI Ural sociological readings". Part 2. Chelyabinsk, South Ural State University, 2006. Pp. 66-69. [Tereshchuk E.A. O podhodah k opredeleniju korporativnoj kul'tury //Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "XVI Ural'skie sociologicheskie chtenija". Ch. 2. Cheljabinsk, JuUrGU, 2006. S. 66-69.] – (In Rus).

8. Odegov Yu.G., Rudenko G.G., Fedchenko A.A. Personnel economics Part 1: Theory. Moscow: Alfa-Press, 2009. [Odegov Ju.G., Rudenko G.G., Fedchenko A.A. Jekonomika personala Ch. 1: Teorija. M.: Al'fa-Press, 2009.] – (In Rus).

9. Cameron K. Diagnostics and change of organizational culture of SPb.: Peter, 2001. [Kameron K. Diagnostika i izmenenie organizacionnoj kul'tury SPb.: Piter, 2001.] – (In Rus).

10. Kaparov, B. M. Culture of the organization – the main source of innovation and economic activity // Economic revival of Russia. 2009. No. 3 (21). Pp. 97–101. [Kaparov, B. M. Kul'tura organizacii – osnovnoj istochnik innovacionnoj i jekonomicheskoy aktivnosti // Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2009. № 3 (21). S. 97–101.] – (In Rus).

11. Robbins, S.P. Management. Moscow: Williams, 2011. [Robbins, S.P. Menedzhment. M.: Vil'jams, 2011.] – (In Rus).

12. D. Liker, M. Joseus. Toyota's corporate culture: lessons for other companies. Moscow: Alpina Publishers, 2012. [D. Lajker, M. Hoseus. Korporativnaja kul'tura Toyota: uroki dlja drugih kompanij. M.: Al'pina Pabliherz, 2012.] – (In Rus).

13. Zarenkov V.A. Corporate culture as a special component of project management // Bulletin of civil engineers, 2001. No. 1 (26). Pp. 128–133. [Zarenkov V.A., Korporativnaja kul'tura kak osobaja sostavljajushhaja upravlenija proektami // Vestnik grazhdanskih inzhenerov. 2001. № 1 (26). S. 128–133.] – (In Rus).

14. Mechanism of corporate culture development [electronic resource] // "MD-Management": Information portal about management. URL: www.md-management.ru/articles/html/article32568.html (accessed 10.11.2018). [Mehanizm formirovanija korporativnoj kul'tury [jelektronnyj resurs] // «MD-Menedzhment»: informacionnyj portal o menedzhmente. URL: www.md-management.ru/articles/html/article32568.html (data obrashhenija 10.11.2018).] – (In Rus).

15. Kirilova I.Yu. Experience of project management implementation on the example of the Belgorod region [electronic resource]. URL: <https://docplayer.ru/37101727-Opyt-vnedreniya-proektnogo-upravleniya-na-primere-belgorodskoy-oblasti.html> (accessed 11.18.2018) [Kirilova I.Ju. Opyt vnedrenija proektnogo upravlenija na primere Belgorodskoj oblasti. [jelektronnyj resurs]. URL: <https://docplayer.ru/37101727-Opyt-vnedreniya-proektnogo-upravleniya-na-primere-belgorodskoy-oblasti.html> (data obrashhenija 18.11.2018).] – (In Rus).

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК: 352:65.012.123

ББК: 60.823.2к23

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-134-146

ГРНТИ: 06.77.97

Код ВАК: 08.00.05, 22.00.03

А.И. Воронина

Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России
Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 291208

Т.И. Касьянова

Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России
Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 339891

Т.Е. Радченко

Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России
Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 418117

АННОТАЦИЯ:

Цель. Изучить социальные изменения в структуре человеческого капитала российских граждан пожилого возраста, продолжающих трудовую деятельность.

Методы. В основу методологии исследования, применяемой авторами статьи, взяты теории о социальных изменениях, теоретическое представление авторов статьи о человеческом капитале российских граждан пожилого возраста, продолжающих трудовую деятельность, потенциале, как возможности и готовности для изменений. Также использован такой метод как анализ нормативных правовых актов, регулирующих трудовую деятельность российских граждан пожилого возраста. Для проверки теоретической гипотезы проведено эмпирическое исследование с применением опроса (на основе анкеты). Опрошено 418 человек в возрасте от 50 до 72 лет, проживающих в городах Свердловской области.

Результаты. Выявлено, что человеческий капитал граждан пожилого возраста представляет собой систему компонентов с конкретными характеристиками, которые изменяются и создают условия для формирования нового представления о пенсионном возрасте, связанного с положительной оценкой профессионального потенциала, готовность к продолжению трудовой деятельности и обучению новым компетенциям. На положительную оценку профессионального потенциала влияют такие факторы как повышение уровня образования многих граждан пожилого возраста, увеличение представителей таких профессиональных статусов как «индивидуальный предприниматель» и «работающий пенсионер». Новое представление о пенсионном возрасте также формируется под влиянием должностного статуса и уровня квалификации. Руководители, специалисты высшего и среднего уровней квалификации, квалифицированные рабочие дают более высокую профессиональную самооценку, чем представители других должностных статусов. На изменение представлений о пенсионном возрасте влияют не только материальные мотивы, но и социальные: потребность и значимость в семье и трудовом коллективе, профессиональное общение, возможность передачи опыта работникам других возрастных групп. К социальным изменениям относится формирование у некоторых граждан пожилого возраста стратегии поведения как совокупности осознанных действий и последующих изменений на основе профессиональной мобильности. Участниками изменений, происходящих в компонентах человеческого капитала, являются не только граждане пожилого возраста, но и государственные органы, работодатели, образовательные организации.

Научная новизна. Раскрыты компоненты человеческого капитала граждан пожилого возраста. Обосновано, что к социальным изменениям относится формирование российскими пожилыми гражданами нового представления о пенсионном возрасте, как следствие изменения характеристик компонентов человеческого капитала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человеческий капитал, компоненты, пожилой возраст, изменения, государственные органы, работодатели, образовательные организации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Людмила Ивановна Воронина, кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, voronina_612@outlook.com

Татьяна Ивановна Касьянова, кандидат педагогических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, kasyanova.t@gmail.com

Татьяна Евстафьевна Радченко, кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, T.E.Radchenko@urfu.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воронина Л.И., Касьянова Т.И., Радченко Т.Е. Социальные изменения человеческого капитала российских граждан пожилого возраста в трудовой деятельности // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 134–146.

Понятия «человеческий капитал граждан пожилого возраста», «социальные изменения человеческого капитала граждан пожилого возраста» – относительно новые как в теории экономической социологии, так и в практике публичного управления.

Соответственно, исследование социальных изменений человеческого капитала граждан пожилого возраста в трудовой деятельности представляет, как научный, так и практический интерес. Для того, чтобы получить ответ о том, какие социальные изменения происходят в структуре человеческого капитала граждан пожилого возраста, необходимо ответить на несколько взаимосвязанных вопросов: что представляют собой социальные изменения? какие характеристики компонентов в системе человеческого капитала изменяются? есть ли у граждан пожилого возраста, как субъектов человеческого капитала соответствующий потенциал или возможность и готовность для социальных изменений?

Чаще всего исследователи применяют понятие «социальные изменения», например, О. Конт, Г. Спенсер, М. Вебер, Ш. Айзенштадт, Р. Арон, П. Бергер и другие, используя системный подход и рассматривая различные соци-

альные институты или социальные явления, используя системный подход. Так, П. Штомка обобщая социологическое наследие, делает следующий вывод: «Под социальными изменениями представители школы системного подхода понимают то, что происходит либо с самой системой, либо внутри нее, различие имеет место между состояниями одной и той же системы, которые возникают одно за другим во времени, различие между тем, что мы наблюдаем перед данным временным моментом, и тем, что мы видим после него. Состояние системы само по себе не одномерно, оно представляет собой обобщенный, суммарный результат состояния многих компонентов. Среди них: конечные элементы (число и разнообразие человеческих индивидов, их действий и т.д.); взаимосвязи элементов (социальные связи, отношения, взаимодействия, обмены и т.д.); функции элементов системы как целого (необходимость определенных действий для сохранения социального порядка и т.д.); границы (критерии включения, принципы рекрутирования, условия принятия индивидов в группу или контроля включения в организацию и т.д.); подсистемы (число и разнообразие специализированных областей, сек-

ций, подразделений и т.д.); окружение (естественные условия, соседство других обществ, геополитическое положение).

Лишь посредством комплексного взаимодействия система обретает некие общие характеристики: равновесие или неустойчивость, консенсус или несогласие, гармония или раздоры, кооперация или конфликт, мир или война, процветание или кризис» [1].

Авторы статьи рассматривают человеческий капитал граждан пожилого возраста как систему и полагают, что определение «социальные изменения», данное П. Штомкой, может быть использовано как базовое.

Предлагается следующий теоретический подход к изучению изменений в системе человеческого капитала граждан пожилого возраста. Безусловно, что изменениям подвержена численность состава субъектов этого вида капитала. Так, произошли существенные изменения границ возраста, позволяющих рассматривать соответствующие возрастные группы в системе человеческого капитала. В возрастной структуре населения РФ увеличилась численность такой группы, как «граждане пенсионного возраста». По сравнению с 2012 годом доля численности населения старше трудоспособного населения стала больше на 2,7 % [2]. Соответственно изменились границы или критерии, условия включения в возрастную группу «граждане пенсионного возраста». Появились новые субъекты, участвующие в различных процессах изменения человеческого капитала граждан пожилого возраста. Например, в такой сфере как профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование для граждан пожилого возраста, помимо государственных учреждений профессионального образования, сегодня участвуют некоммерческие организации, которые получили право и ресурсы, предусмотренные федеральным проектом «Старшее поколение» (национальным проектом «Демография») [3].

Изменился перечень действий, которые могут осуществлять граждане пожилого возраста в трудовой деятельности: помимо ухода на пенсию, они могут продолжать трудовую деятельность, имеют право регистрироваться как безработные и получать пособие по без-

работице с последующим трудоустройством, у них есть возможность пройти переобучение, получать другие услуги дополнительного профессионального образования. Одной из причин таковых изменений являются изменения в российском законодательстве. Так, 3 октября 2018 года принят Федеральный закон № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» [4], которым внесены изменения в Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 года №1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» [5]. В законе определена категория граждан предпенсионного возраста, которой в течение пяти лет до наступления возраста дается право на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно (вместо двух лет, как было ранее), также для граждан предпенсионного возраста внесены изменения, касающиеся размера пособия по безработице.

В Уголовный кодекс РФ внесена статья 144.1, предусматривающая защиту граждан предпенсионного возраста от необоснованного увольнения, вплоть до применения уголовного наказания. При этом преступлением признаются следующие действия: «Необоснованный отказ в приеме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста, а равно необоснованное увольнение с работы такого лица по тем же мотивам наказывается штрафом в размере до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев либо обязательными работами на срок до 360 часов» [6]. Увеличилось число лет для установления предпенсионного возраста (с 2 до 5), предусмотрена возможность преждевременного выхода на пенсию, появились льготы для лиц предпенсионного возраста.

В Трудовой Кодекс РФ внесена статья 64, в которой указано, что при общем случае возраст не должен являться препятствием для оформления на работу [7].

Происходит осмысление международного опыта, который зафиксирован в Мадридском международном плане действий по проблемам старения 2002 года [8], Декларации ООН по проблемам старения, утвержденная резолюцией № 47/5 от 16 октября 1992 г. [9].

Этот международный опыт нашел отражение в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, где представлены пути решения проблем, накопленных за последние десятилетия. Основная идея разработчиков Стратегии состоит в том, что для людей «третьего возраста», как и иных возрастных групп, признаются ценности с ориентацией на успех, мобильность, материальное благосостояние, достижение результатов, соответствующие возрастным возможностям.

Российские пожилые граждане меняют отношение к пенсионному возрасту: постепенно отказываются от ранее сформировавшегося в рамках маргинальной модели представления о пожилом человеке, где пенсионный возраст является синонимом только болезни, неудачи, отсталости и консерватизма. С трудом, но формируется иная модель, которая предполагает наличие связей и отношений пожилого человека с внешним миром, включая работодателей, образовательные организации. В рамках этой модели престижно быть профессионально мобильным, обладать материальным достатком, планировать и достигать конкретные результаты, соответствующие возрастным возможностям, иметь поведенческую стратегию. Конечно, такая новая модель и соответствующая ей поведенческая стратегия формируется под влиянием как внешних факторов, так и внутренних, характеризующих изменения на личностном уровне.

Для того, чтобы подтвердить теоретические выводы о социальных изменениях в системе человеческого капитала граждан пожилого возраста, в частности, в трудовой деятельности, авторами статьи проведено социологическое исследование (с применением анкеты и последующего проведения опроса). Результаты опроса позволяют выяснить, как граждане пожилого возраста оценивают свой профессиональный потенциал, готовы ли они к продолжению трудовой деятельности и обучению; какие факторы, по их мнению, способствуют или препятствуют их трудовой деятельности, есть ли у них видение долгосрочных действий или стратегии поведения на основе различных изменений. Совокупность

полученных результатов позволяет уточнить некоторые социальные изменения.

В опросе приняли участие 418 человек в возрасте от 50 до 72 лет. Характеристика выборки (случайной) следующая. 68,4 % респондентов работающие; 60,8 % из них работающие по найму пенсионеры; 7,6 % имеют свое дело или самозанятые; 25,4 % не работающие; 1,9 % безработные. 61,7 % опрошенных женщины и 38,3 % мужчины. Подавляющее большинство (89,9 %) респондентов проживают в городах Свердловской области (Екатеринбурге и городах – спутниках). В основном это люди, имеющие высокую квалификацию с соответствующим профессиональным образованием. Почти половина респондентов (49,3 %) имеет высшее образование, 31,7 % среднее профессиональное образование. 32,7 % опрошенных имеют доход выше 40 тысяч рублей на одного члена семьи и только 5,9 % имеют доход меньше 10 тысяч. Соответственно представителей данной выборки нельзя отнести к группе бедных. Это подтверждается и субъективной оценкой респондентов своего материального положения. Самый высокий процент 34,8 % – это те, кому хватает денег на покупку бытовой техники, но автомобиль купить не могут. В целом выявлена группа активных работающих граждан предпенсионного и пенсионного возраста.

Респонденты достаточно высоко оценивают свой профессиональный потенциал. Средняя оценка профессионального потенциала респондентами по 10 бальной шкале составляет 7,5 баллов, при этом часто встречающаяся оценка в 8 баллов). 76,4 % респондентов оценивают свой профессиональный потенциал в 7 и более баллов. И только у 8,9 % респондентов оценка менее 5 баллов (от 1 до 4). Выше оценка профессионального потенциала у мужчин по сравнению с женщинами: 84,7 % ответивших мужчин оценивают профессиональный потенциал на 7 баллов и 71,8 % женщины. Наиболее высоко свой профессиональный потенциал оценивают люди с более высоким уровнем образования.

Интересна зависимость оценки профессионального потенциала от профессионального статуса и занятости пожилых людей. Наиболее высокую профессиональную самооценку

демонстрируют респонденты, имеющие свое дело: на 10 баллов. Выше, чем неработающие (6 баллов), оценивают свой профессиональный потенциал работающие пенсионеры: на 9 баллов.

Заметим, что наличие связи между оценкой профессионального потенциала, профессиональным статусом и занятостью пожилых людей тоже можно рассматривать, как характеристику социальных изменений.

Действительно, высокая самооценка профессионального потенциала и своего возраста как эффективного является основой для развития человеческого капитала людей пожилого возраста. Оценка, безусловно, зависит от влияния разных компонентов, например, профессионально-должностного статуса, т.е. должности и соответствующего уровня квалификации (Таблица 1).

Руководители разного уровня, специалисты высшего и среднего уровней квалификации, а также квалифицированные рабочие демонстрируют более высокую профессиональную самооценку (от 9 до 7 баллов), чем технические служащие, работники сферы услуг и

низкоквалифицированные рабочие (на 5 баллов).

Выявлено, что оценка профессионально-должностного статуса работников пожилого возраста зависит от размеров среднемесячного дохода. Профессиональный потенциал оценивается выше работниками, имеющими более высокий доход, в который включены зарплата и пенсия (Таблица 2).

Высокая самооценка профессионального потенциала является значимым критерием, позволяющим делать вывод о том, насколько пожилой человек принимает себя в новой для него социальной роли, а именно, «работающий пенсионер». Положительный результат принятия себя – это значимый результат социальных изменений, механизмом которых является социально-профессиональная адаптация граждан, вступивших в пенсионный возраст. Продолжение активной трудовой деятельности оказывает позитивное влияние на социальное самочувствие пожилых людей, способствует сохранению значимости в трудовой и семейной сферах, а также преодолению кризиса позднего возраста.

Таблица 1 – Оценки респондентами профессионального потенциала в зависимости от профессионально-должностного статуса (по 10-балльной шкале)

Профессионально-должностной статус респондентов и оценка профессионального потенциала (по 10-балльной шкале)					
Руководители разного уровня	Специалисты высшей квалификации	Специалисты средней квалификации	Технические служащие и рядовые работники торговли и сферы услуг	Квалифицированные рабочие	Низкоквалифицированные рабочие
9 баллов	8 баллов	7 баллов	5 баллов	7 баллов	5 баллов

Таблица 2 – Оценки респондентами профессионального потенциала в зависимости от среднемесячного дохода (в тыс. рублей) (по 10-балльной шкале)

Оценка профессионального потенциала в зависимости от среднемесячного дохода (по 10-балльной шкале)				
До 10 тыс. руб.	10–20 тыс. руб.	20–30 тыс. руб.	30–40 тыс. руб.	Свыше 40 тыс. руб.
6 баллов	6 баллов	7 баллов	9 баллов	9 баллов

Таблица 3 – Мотивы продолжения трудовой занятости граждан пожилого возраста, % ответивших

Мотивы продолжения трудовой занятости	(в % ответивших)
Обеспечить свое материальное положение	50,0
Сохранить ощущение нужности и значимости (в семье, трудовом коллективе)	22,6
Сохранить профессиональное общение	13,2
Передать опыт более молодым работникам	7,9
Не планируют работать	6,0
Другое	0,3
ИТОГО:	100

Результаты опроса позволяют выявить мотивы продолжения трудовой занятости граждан пожилого возраста. Наряду с материальными мотивами респонденты значительное место уделяют социальным мотивам, в том числе нужности и значимости в семье, трудовом коллективе, профессионального общения, возможности передачи опыта работникам других возрастных групп (Таблица 3).

У работников пожилого возраста отмечается изменение трудовой мотивации: доминируют потребности, связанные с социальной значимостью и позитивными эмоциями, над потребностью материального характера. И это свидетельство определенных социальных изменений, наблюдаемых в этой возрастной группе.

Опрос респондентов позволил сделать вывод о возможностях, необходимых для развития человеческого капитала.

Так, среди респондентов были постоянные участники мероприятий, которые проводятся в рамках проекта «Стартап 50+» для людей пожилого возраста. В комплекс этих мероприятий входят консультации по психологии здорового образа жизни, профориентационные консультации, конкурсы на разработку собственного дела [10]. Организаторы этого проекта и его участники демонстрируют высокую степень социально-профессиональной адаптации и наличие возможностей для развития человеческого капитала. Это готов-

ность отказаться от таких стереотипов, как ранее сформировавшиеся привычки. Это готовность граждан пожилого возраста обучаться новому, в том числе компетенциям, необходимым для открытия своего дела. Совокупность таких действий и последующих изменений можно обозначить как стратегию поведения, в основе которого жизненная и профессиональная мобильность.

По результатам опроса выявлены следующие стратегии поведения с разными вариантами продолжения трудовой деятельности. 58,1 % опрошенных работают на той же работе, что и до наступления пенсионного возраста. 21,2 % респондентов меняли работу. 20,7 % после наступления пенсионного возраста уволились и больше не работали (этот вариант не рассматривается как стратегия).

Также выявлены компоненты в системе человеческого капитала (пол, профессионально-должностной статус, уровень образования), которые взаимосвязаны и влияют на формирование пожилыми людьми стратегий поведения (Таблица 4).

Более высокий уровень образования положительно влияет на такую стратегию как продолжение трудовой деятельности и мужчинами, и женщинами. Эта же связь отмечена в исследовании Т. В. Смирновой, которая полагает, что среди пожилых людей, имеющих высокий образовательный уровень, стремление

Таблица 4 – Выбор различных стратегий поведения пожилыми людьми в зависимости от пола, профессионально-должностного статуса, уровня образования (в % ответивших)

Компоненты в структуре человеческого капитала	После наступления пенсионного возраста уволились и больше не работали	Работают на той же работе, что и до наступления пенсионного возраста	Меняли работу	Итого (в %)
Пол				
Женский	25,4	57,4	17,2	100
Мужской	12,8	61,5	25,7	100
Образование				
Среднее общее	30,8	38,5	30,7	100
Среднее профессиональное	26,6	53,1	20,3	100
Высшее	14,1	65,7	20,2	100
Профессионально-должностной статус				
Руководители разного уровня	7,7	69,2	23,1	100
Специалисты высшей квалификации	23,2	58,9	17,9	100
Специалисты средней квалификации	28,8	53,8	17,3	100
Рядовые работники торговли и сферы услуг	28,6	42,9	28,6	100
Квалифицированные рабочие	20,8	70,8	8,4	100

Таблица 5 – Предпочитаемые варианты трудоустройства граждан пожилого возраста (в % от ответивших)

Вариант трудоустройства	(в % ответивших)
Хотят устроиться по имеющейся специальности	54,3
Хотят сменить специальность, но использовать имеющиеся навыки	29,4
Согласны на должность, даже если будет требоваться более низкая квалификация	16,8
Хотят поменять профессию, так как устаревший опыт мешает найти работу	4,0
ИТОГО:	100

Таблица 6 – Предпочитаемые условия работы, соответствующие потребностям работников пожилого возраста (в % ответивших)

Условия труда	(в % ответивших)
Обычный график	29,6
Свободный график	27,3
Сокращенный рабочий день	26,5
Удаленный доступ	9,9
Надомный труд	5,9
Другое	0,8
ИТОГО:	100

Таблица 7 – Сложности, которые испытывают пожилые работники по поводу сохранения работы¹

Сложности	(в % ответивших)
Очень ускорился темп работы, много изменений, за которыми не успеваешь	32,1
Стрессы (пожилые активно выталкиваются на пенсию как неэффективная рабочая сила)	22,0
Опыт работников старших поколений не ценится	22,0
Не хватает знаний и навыков для работы	9,4
Ощущение дискриминации по возрасту	7,5
Не испытывают никаких сложностей	50,3

и возможность продолжать трудовую деятельность после наступления пенсионного возраста значительно выше, нежели у их менее образованных ровесников [11].

В стратегии продолжения трудовой деятельности респонденты чаще всего называют такой вариант как работа по имеющейся специальности, или же при смене специальности многие желают использовать имеющиеся навыки (Таблица 5).

При этом поведенческая гибкость проявляется лишь у трети опрошенных. Так, готовы сменить специальность, но использовать имеющиеся навыки 24,9 % респондентов, и только 4 % готовы кардинально поменять сферу деятельность и освоить новую специальность. 16,8 % опрошенных согласны на работу, для которой потребуются более низкая квалификация. Готовность снизить уровень карьерных притязаний является важным условием для трудового долголетия работников пожилого возраста. Принятие такого варианта поз-

воляет не только сохранить или получить рабочее место, но и удовлетворить актуальные потребности, например, в свободном времени, благодаря гибкому рабочему графику. Респонденты в лице работников старшего возраста предпочитают следующие условия работы (Таблица 6).

Ответы свидетельствуют о том, что возможность иметь гибкий рабочий график и, как следствие, больше свободного времени является необходимым условием в трудовой деятельности пожилых людей.

Наибольшее беспокойство у пожилых работников вызывают ускорение темпов работы, а также нарастание изменений, за которыми, по их мнению, сложно успевать. Вместе с тем, анализ ответов респондентов позволяет сделать вывод о том, что нехватка профессиональных знаний и навыков, а также устаревший профессиональный опыт не являются основными проблемами для продолжения трудовой деятельности (Таблица 7).

¹Респонденты имели право выбрать несколько вариантов ответов

Таблица 8 – Оценка потребностей, влияющих на мотивацию по продолжению трудовой деятельности граждан пенсионного возраста (оценка по 10 балльной шкале)¹

Потребности	(в % ответивших)
Потребность сохранить финансовую независимость	8,73
Высокий уровень квалификации	8,44
Необходимость в дополнительном доходе помимо пенсии	8,27
Желание сохранить независимость и самоуважение	8,20
Хорошее здоровье	7,98
Наличие редких профессиональных знаний	7,94
Наличие положительной профессиональной репутации	7,74
Стремление сохранить привычный образ жизни	7,65
Возможность интересной работы	6,85
Потребность сохранить профессиональное общение	6,43
Желание и готовность передавать профессиональный опыт более молодым работникам	6,40
Желание осваивать новые компетенции	6,04

По результатам опроса выявлены потребности, которые влияют на мотивацию по продолжению трудовой деятельности граждан предпенсионного и пенсионного возраста: это материальная заинтересованность, хорошее здоровье, желание сохранить независимость и самоуважение, профессиональное общение, желание и готовность передавать профессиональный опыт более молодым работникам, желание осваивать новые компетенции (Таблица 8).

Заметим, что некоторые исследователи отмечают такие потребности работников, как желание сохранить независимость и самоуважение, профессиональное общение, готовность передавать профессиональный опыт более молодым работникам, осваивать новые компетенции как основу для формирования корпоративной сплоченности [12].

Препятствием для такой стратегии как продолжение трудовой деятельности граждан

пенсионного возраста, по мнению респондентов, является наличие отрицательных стереотипов у работодателей.

Наиболее распространены следующие стереотипы: это неспособность пожилых работников обучаться и осваивать новое; пожилые являются тормозом для любых инноваций. По результатам опроса выявлено отношение респондентов к наиболее распространенным стереотипам к пожилым людям (Таблица 9).

По мнению авторов статьи, негативные социальные стереотипы препятствуют продолжению профессиональной деятельности граждан пожилого возраста. Исследователи озабочены этой проблемой, поэтому идут поиски противодействия таким стереотипам. В некоторых западных странах популярна концепция «Успешное старение», авторами которой являются J.D. Rowe, R.L. Kahn. В соответствии с этой концепцией пожилые люди,

Таблица 9 – Отношение респондентов к стереотипам, которые распространены в российском обществе по отношению к пожилым людям (в % ответивших)¹

Стереотип	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Большинство пожилых имеет слабое здоровье, часто бывают на больничных	42,8	44,5	12,7
Труд пожилых работников менее эффективен	29,8	49,6	10,5
Умственные качества работников с возрастом ухудшаются, что снижает результативность их деятельности	36,3	52,4	11,3
Пожилые работники не способны к обучению и переобучению	12,9	77,1	10,0
Пожилые работники консервативны, сопротивляются всему новому (знаниям, технологиям)	29,4	55,9	14,7
Пожилые работники являются тормозом любых инноваций	16,0	71,6	12,4
Пожилые работники все делают медленно, отстают по темпам работы от работников других возрастов	29,4	54,7	15,9

которые «стареют успешно», прилагают известные усилия для поддержания мозговой активности непрерывным обучением и расширением социальных контактов с людьми, относящимися к младшей возрастной группе. По мнению D. Rowe и R.L. Kahn, люди могут не выходить на пенсию. Соответственно каждый человек может планировать горизонт событий, растягивать его намного дольше, чем сейчас предопределено средней продолжительностью жизни в стране и семье. При такой установке самое лучшее – это встать на путь пожизненного планирования карьеры и образования. Жить 150 лет — действительно достижимо, если человек себя в этом убедит и будет принимать решения как молодой, основываясь на теории социоэмоциональной селективности [13]. Это мнение разделяют и российские исследователи, например, А. Жаворонков: он полагает, что чувствовать себя более молодым и работоспособным является большим плюсом, который помогает преодолеть психологическое старение [14].

Достаточно широко распространено мнение о том, что желание продолжать работать в пожилом возрасте люди должны принимать, исходя из индивидуальных потребностей, и не только материального характера [15].

Также преодолению психологического старения, соответственно сохранению человеческого капитала способствует получение услуг дополнительного профессионального образования, организаторы которых учитывают особенности такой возрастной группы как граждане пожилого возраста [16]. При этом качество услуг дополнительного профессионального образования рассматривается как сово-

купность различных ожидаемых характеристик, так и установленных [17].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Социальные изменения человеческого капитала граждан пожилого возраста происходят, как результат изменения характеристик компонентов человеческого капитала граждан пожилого возраста. Наблюдается повышение самооценки профессионального потенциала, что является значимым критерием, позволяющим делать вывод о том, насколько пожилой человек принимает себя в такой новой социальной роли как «работающий пенсионер». У определенного количества российских граждан пожилого возраста есть соответствующий потенциал, т.е. возможность, готовность и достаточный уровень мотивации для социальных изменений в трудовой деятельности. Значимость такого изменения несомненна: продолжение профессиональной деятельности способствует улучшению материального положения, поддержанию социального статуса пожилых людей в семье и обществе, ощущению независимости и самоуважения, является позитивной составляющей социального самочувствия пожилого человека. Продолжение трудовой деятельности является показателем успешности социально-профессиональной адаптации людей пожилого возраста. Одновременно с гражданами пожилого возраста в социальные изменения вовлечены такие субъекты как государственные органы, работодатели, образовательные организации. От них во многом зависит как сохранение человеческого капитала граждан пожилого возраста, так и его развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-пресс, 1996.
2. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 г. и в среднем за 2017 г. [электронный ресурс]: Данные Росстата от марта 2018 года. // URL: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 20.05.2019).
3. Правила предоставления в 2019-2024 годах субсидий из федерального бюджета некоммерческой организации на реализацию меро-

приятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц предпенсионного возраста в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» [электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 25 января 2019 г. № 35. // Гарант.РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 29.08. 2019).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий [электронный ресурс]: Федеральный закон от 3 октября 2018 года № 350-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2019).

5. О занятости населения в Российской Федерации [электронный ресурс]: Федеральный закон от 19 апреля 1991 года № 1032-1. // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2019).

6. Уголовный кодекс РФ (ред. от 12.11.2018). [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.09.2019).

7. Трудовой Кодекс РФ. Часть первая (ст. 64) [электронный ресурс] // Гарант. РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 10.09.2019).

8. Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. Принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, Мадрид, 8-12 апр. 2002 г. [электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 08.09.2019).

9. Декларация ООН по проблемам старения, утвержденная резолюцией № 47/5 от 16 октября 1992 г. [электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 12.09.2019).

10. Стартап 50+. Интернет гид. [электронный

ресурс] // URL: <http://startup50.ru/> (дата обращения: 12.09.2019)

11. Смирнова Т. В. Геронтологический вектор занятости: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов. 2003.

12. Огородов А.С., Саранчук С.Ю., Чевтаева Н.Г. Корпоративная сплоченность профессионального сообщества в условиях нестабильности рынка труда промышленного региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 1. С. 83–95.

13. Rowe J.D., Kahn R.L. Successful ageing // The Gerontologist. 1997. Vol. 37. No. 4. Pp. 433–440.

14. Жаворонков А. Экономика старения и долголетия // Качественная клиническая практика. Kačestvennaâ kliničeskaâ praktika. URL: <http://www.clinvest.ru/jour> (дата обращения: 09.09.2019).

15. Winkelmann-Gleed A. Retirement or committed to work? Conceptualising prolonged labour market participation through organisational commitment // Employee relations. 2012. Vol. 34. Iss. 1. Pp. 80–90. URL: <https://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/01425451211183273> (date of reference: 19.05.2019).

16. Voronina L., Rezer T. Application of public administration mechanisms for the development of the educational potential of elderly citizens in the foreign and Russian experience. // Proceeding of Edulearn19 Conference (Palma, Spain, 1st-3rd July 2019). Palma, 2019. PP. 4264–4266.

17. Чевтаева Н.Г., Стребкова Н.В. Оценка качества образования: социологический анализ групп интересов: монография. Екатеринбург: УрАГС, 2009.

SOCIAL CHANGES IN HUMAN CAPITAL OF OLDER RUSSIAN CITIZENS IN THEIR WORK

L.I. Voronina

Ural Federal University named
after the first President of
Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

T.I. Kasyanova

Ural Federal University named
after the first President of
Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

T.E. Radchenko

Ural Federal University named
after the first President of
Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

Purpose. To study social changes in the structure of human capital of Russian elderly citizens who continue working.

Methods. The research methodology used by the authors of the article is based on the theory of social changes, the theoretical idea of the authors of the article about the human capital of older Russian citizens who continue working, the potential as an opportunity and readiness for change. We also used such a method as the analysis of laws and regulations of the labor activity of Russian senior citizens. To test the theoretical hypothesis, an empirical study was conducted using a survey (based on an opinion poll). 418 people aged 50 to 72 years living in the cities of the Sverdlovsk region were polled.

Results. It is found out that the human capital of senior citizens is a system of components with specific characteristics that change and create conditions for the development of a new idea of retirement age, associated with a positive assessment of professional potential, readiness to continue working and learning new competencies. The positive assessment of professional potential is influenced by such factors as increasing the level of education of many senior citizens, increasing the number of representatives of such professional statuses as “individual entrepreneur” and “working pensioner”. The new concept of retirement age is also influenced by job status and skill level. Managers, experts and the semi-skilled, and craftsmen give a higher professional self-esteem than representatives of other official statuses. Changing perceptions of retirement age is influenced not only by material motives, but also by social ones: the need and importance in the family and work team, professional communication, and the ability to share own experience with employees of other age groups. Social changes include the development of a behavioral strategy for some older citizens as a set of conscious actions and subsequent changes based on professional mobility. Participants in changes in the components of human capital are not only senior citizens, but also government agencies, employers, and educational organizations.

Scientific novelty. The components of the human capital of senior citizens are disclosed. It is proved that social changes include the development of a new concept of retirement age by Russian senior citizens, as a result of changes in the characteristics of human capital components.

KEYWORDS: human capital, components, old age, changes, government agencies, employers, educational organizations.

AUTHORS' INFORMATION:

Lyudmila I. Voronina, Cand. Sci. (Sociological), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,

19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia, voronina_612@outlook.com

Tatyana I. Kasyanova, Cand. Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,

19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia, kasyanova.t@gmail.com

Tatyana E. Radchenko, Cand. Sci. (Philosophical), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,

19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia, T.E.Radchenko@urfu.ru

FOR CITATION: Voronina L.I., Kasyanova T.I., Radchenko T.E. Social changes in human capital of older Russian citizens in their work // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 134–146.

REFERENCES

1. Shtompka P. Sociology of social changes. Moscow: Aspect-press, 1996, P. 17. [Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy. M.: Aspekt-press, 1996, S. 17.] – (In Rus.)

2. Estimation of the permanent population on January 1, 2018 and the average for 2017 [electronic resource]: Data of Rosstat dated March 2018. // URL: <http://www.statdata.ru/russia> (date of ref-

erence: 20.05.2019). [Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2018 g. i v srednem za 2017 g. [elektronnyy resurs]: Dann-yye Rosstata ot marta 2018 goda. // URL: <http://www.statdata.ru/russia> (data obrashcheniya: 20.05.2019)]. – (In Rus.)

3. Rules for granting subsidies from the Federal budget to non-profit organizations in 2019-2024 for the implementation of measures for the arrangement

of vocational training and additional professional education of pre-retirement aged persons within the framework of the Federal project "Senior generation" of the national project "Demography" [electronic resource]: Government decree No. 35 of the Russian Federation dated January 25, 2019. // Garant.RU. Legal information portal. URL: <https://www.garant.ru/> (date of reference: 29.08.2019). [Pravila predostavleniya v 2019-2024 godakh subsidii iz federal'nogo byudzheta nekommercheskoy organizatsii na realizatsiyu meropriyatiy po organizatsii professional'nogo obucheniya i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya lits predpensionnogo vozrasta v ramkakh federal'nogo proyekta «Starsheye pokoleniye» natsional'nogo proyekta «Demografiya» [elektronnyy resurs]: postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 25 yanvarya 2019 g. № 35. // Garant.RU. Informatsionno-pravovoy portal. URL: <https://www.garant.ru/> (data obrashcheniya: 29.08.2019)]. – (In Rus.)

4. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the awards and payment of pensions [electronic resource]: Federal law No. 350-FL of October 3, 2018. № 350-FZ. // RLS ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of reference: 15.09.2019). [O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam naznacheniya i vyplaty pensiy [elektronnyy resurs]: Federal'nyy zakon ot 3 oktyabrya 2018 goda № 350-FZ. // SPS Konsul'tanTPlyus. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 15.09.2019)]. – (In Rus.)

5. On employment of the population in the Russian Federation [electronic resource]: Federal law of April 19, 1991 No. 1032-1. // RLS ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of reference: 15.09.2019). [O zanyatosti naseleniya v Rossiyskoy Federatsii [elektronnyy resurs]: Federal'nyy zakon ot 19 aprelya 1991 goda № 1032-1. // SPS Konsul'tanTPlyus. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 15.09.2019)]. – (In Rus.)

6. The Criminal Code of the Russian Federation (as amended on 12.11.2018). [electronic resource] // RLS ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of reference: 09.09.2019). [Ugolovnyy kodeks RF (red. ot 12.11.2018). [elektronnyy resurs] // SPS Konsul'tanTPlyus. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 09.09.2019)]. – (In Rus.)

7. Labor Code of the Russian Federation. Part one (article 64) [electronic resource] // Garant.RU. Legal information portal. URL: <https://www.garant.ru/> (date of reference: 10.09.2019). [Trudovoy Kodeks

RF. Chast' pervaya (st. 64) [elektronnyy resurs] // Garant.RU. Informatsionno-pravovoy portal. URL: <https://www.garant.ru/> (data obrashcheniya: 10.09.2019)]. – (In Rus.)

8. Madrid international plan of action on ageing, 2002. Adopted by the Second World Assembly on ageing, Madrid, April 8-12, 2002 [electronic resource] // United Nations: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (date of reference: 08.09.2019). [Madridskiy mezhdunarodnyy plan deystviy po problemam stareniya 2002 goda. Prinyat vtoroy Vsemirnoy assambleyey po problemam stareniya, Madrid, 8-12 apr. 2002 g. [elektronnyy resurs] // Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (data obrashcheniya: 08.09.2019)]. – (In Rus.)

9. United Nations Declaration on ageing, approved by resolution No. 47/5 of 16 October 1992 [electronic resource] // United Nations: URL: <https://base.garant.ru/> (date of reference: 08.09.2019). [Deklaratsiya OON po problemam stareniya, utverzhennaya rezolyutsiyey № 47/5 ot 16 oktyabrya 1992 g. [elektronnyy resurs] // Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy: [ofits. sayt]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.09.2019)]. – (In Rus.)

10. Startup 50+. Online guide. [electronic resource] // URL: <http://startup50.ru/> (date of reference: 12.09.2019). [Startup 50+. Internet gid. [elektronnyy resurs] // URL: <http://startup50.ru/> (data obrashcheniya: 12.09.2019)]. – (In Rus.)

11. Smirnova T.V. Gerontological vector of employment: Thesis for a Candidate Degree in Sociological Sciences. 2003. [Smirnova T. V. Gerontologicheskii vektor zanyatosti: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk. Saratov. 2003]. – (In Rus.)

12. Ogorodov A.S., Saranchuk S.Yu., Chevtayeva N.G. Corporate cohesion of the professional community in the conditions of instability of the labor market in the industrial region // Bulletin of RUDN. Series: Sociology. 2017. Vol. 17. № 1. [Ogorodov A.S., Saranchuk S.Yu., Chevtayeva N.G. Korporativnaya splochnost' professional'nogo soobshchestva v usloviyakh nestabil'nosti rynka truda promyshlennogo regiona // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2017. T. 17. № 1]. – (In Rus.)

13. Rowe J.D., Kahn R.L. Successful ageing // The Gerontologist. 1997. Vol. 37. No. 4. Pp. 433-440.

14. Zhavoronkov A. Economics of aging and

longevity // High quality clinical practice. Kačestvennaâ kliničeskaâ praktika. URL: <https://www.clinvest.ru/jour> (date of reference: 09.09.2019). [Zavoronkov A. Ekonomika stareniya i dolgoletiya // Kachestvennaya klinicheskaya praktika. Kačestvennaâ kliničeskaâ praktika. URL: <https://www.clinvest.ru/jour> (data obrashcheniya: 09.09.2019)]. – (In Rus.)

15. Winkelmann-Gleed A. Retirement or committed to work? Conceptualising prolonged labour market participation through organisational commitment // Employee relations. 2012. Vol. 34. Iss. 1. P. 80–90. URL: <https://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/01425451211183273> (date of reference: 19.05.2019).

16. Voronina L., Rezer T. Application of public administration mechanisms for the development of the educational potential of elderly citizens in the foreign and Russian experience. // Proceeding of Edulearn19 Conference (Palma, Spain, 1st-3rd July 2019). Palma, 2019. Pp. 4264–4266.

17. Chevtayeva N.G., Strebkova N.V. Assessment of the quality of education: sociological analysis of interest groups: monograph. Ekaterinburg: UAPA, 2009. [Chevtayeva N.G., Strebkova N.V. Otsenka kachestva obrazovaniya: sotsiologicheskiiy analiz grupp interesov: monografiya. Yekaterinburg: URAGS, 2009]. – (In Rus.)

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ К УЧАСТИЮ В УПРАВЛЕНИИ ВУЗОМ

УДК: 316.74:378

ББК: 60.561.9

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-148-157

ГРНТИ: 04.41.61, 04.51.53

Код ВАК: 22.00.00, 22.00.05

Е.А. Шуклина

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 137656

Е.А. Широкова

Уральский государственный медицинский
университет,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 943248

АННОТАЦИЯ:

В статье актуализирована одна из наиболее значимых и неоднозначных проблем управления современной высшей школой – формирование культуры участия социальной общности преподавателей в управлении вузом. Ее целью является характеристика разных аспектов участия в контексте сложившихся в высшем образовании особенностей культуры доверия. В ходе рассмотрения проблемы сделан акцент на гендерных особенностях и практиках участия преподавателей в управлении.

Методологически статья базируется на концепциях институционального доверия, общественного участия и гендерной асимметрии. Его эмпирической основой являются данные регионально-социологического исследования преподавателей Уральского федерального округа (метод анкетирования, квотная выборка, объем выборочной совокупности – 810 чел.; экспертный опрос представителей образовательного менеджмента – 30 чел.).

Готовность преподавателей к участию в управлении вузом рассматривалась в трех аспектах: 1) в системе ценностей образования, лежащих в основе потребности участия в управлении; 2) включенности в сети формальных и неформальных коммуникаций (межличностных, внутри- и межгрупповых), в которых реализуется участие преподавателей; 3) самооценок готовности включиться в формальные управленческие структуры для реализации общих целей.

Сделаны выводы о противоречиях между достаточно высоким уровнем готовности преподавателей к участию в управлении и низким уровнем институционального доверия высшей школе, неверием в возможности реализации значимых для них демократических ценностей в сложившейся системе управления. В ходе рассмотрения проблемы сделан акцент на гендерных особенностях и практиках участия преподавателей в управлении. Показано наличие гендерных диспропорций в культуре доверия в вузе.

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158 «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: участие в управлении, общественное участие, высшее образование, управление университетами, институциональное доверие, культура доверия, гендерная асимметрия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Елена Анатольевна Шуклина, доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, e.a.shuklina@urfu.ru

Елизавета Александровна Широкова, кандидат социологических наук, Уральский государственный медицинский университет,
620028, Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3, lizashirokov@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шуклина Е.А., Широкова Е.А. Доверие как фактор формирования готовности преподавателей к участию в управлении вузом // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 148–157.

Введение

Современные тенденции университетского развития связаны с активными поисками эффективных моделей управления, повышающих уровень участия в нем основных стейкхолдеров. Так, например, тренд на внедрение модели shared governance, получившей в России название «участие в управлении университетом», ориентирован на развитие партнерских отношений всех социальных акторов, прямо и косвенно включенных в образовательный процесс [1]. Формирование в вузах партнерских отношений между социальными общностями является важным элементом партисипативного менеджмента.

При разработке этих проблем методологически важным остается вопрос о понятиях социального участия, участия в управлении организацией. В России они традиционно трактуются как вертикальное взаимодействие сообществ и власти, как форма их социального партнерства. В полной мере эти трактовки

распространяются и на сферу высшего образования. При этом понимание высшей школы только как иерархизированной системы организаций и отношений и трактовка участия в управлении только с позиций теории менеджмента представляется ограниченной. Поскольку высшее образование является важной подсистемой общества, а вузы выполняют широкий комплекс социальных функций, то целесообразно рассматривать участие в управлении расширительно как «институционально устойчивый процесс вовлечения в групповые отношения, с учетом их качества, устойчивости, возможности принятия решений, связанных с удовлетворением общих интересов, социальным реформированием и социальными изменениями» [2, с. 52]. Тем самым, можно и нужно расширить трактовки понятия «участие в управлении организацией» смыслами и коннотациями термина «общественное участие», активно использующегося в исследовании проблем образования.

Таблица 1 – Распределение численности персонала государственных, муниципальных и негосударственных образовательных организаций высшего образования РФ (сравнение данных за 2013 и 2018 гг.)¹

Распределение численности персонала	2013 г.			2018 г.		
	Всего, чел.	Женщины, чел.	Женщины, %	Всего, чел.	Женщины, чел.	Женщины, %
Численность работников – всего	823972	516558	63	607903	381627	63
в том числе: руководящий персонал – всего	27242	14210	52	29104	16412	56
из них: ректор	967	191	20	730	182	25
президент	156	17	11	108	6	6
проректоры	4292	1394	33	2849	1020	36
директор филиала	1806	860	48	664	310	47
в том числе: профессорско-преподавательский состав – всего:	319348	180867	57	236057	136096	58
в том числе: деканы	5485	2417	44	3022	1434	48
заведующие кафедрами	26829	11276	42	17029	7757	46
профессора	41882	12988	31	31817	11278	36
доценты	144127	83891	58	118164	71283	60
старшие преподаватели	61452	43577	71	41247	28361	69
преподаватели, ассистенты	39573	26718	68	21909	14324	66

¹Рассчитано авторами по данным статистики раздела «Сведения о деятельности в образовательном учреждении, реализующем программы высшего профессионального образования» официального сайта Министерства науки и высшего образования РФ <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/act/dmaip/stat/highed/>

Функционально участие в управлении в сфере образования ориентировано на формирование социальных связей и отношений, социального капитала индивидов, сообществ и групп, групповой и индивидуальной идентичности. Участие, как процесс вовлечения субъекта в совместную деятельность, связано с конструированием системы ценностно-нормативных регуляторов участвующих сообществ и формированием культуры доверия. Уровень сформированной культуры доверия, в свою очередь, является показателем эффективности взаимодействий образовательных общностей, их профессиональной успешности, социально-психологического благополучия, социальной защищенности в профессиональной сфере. Участие в управлении и доверие – коррелятивные феномены, изучению которых посвящен широкий спектр работ [3, 4], в том числе и ряд статей в рамках нашего проекта [5, 6].

Целью данной статьи является исследование уровня готовности социальной общности преподавателей к участию в управлении вузом и влияние на этот процесс сформированной культуры доверия. Более того, в ходе исследования сама общность преподавателей рассматривается нами как гендерно дифференцированная, что позволяет осуществить процесс сравнения готовности женщин и мужчин-преподавателей к участию в управлении вузом.

В этой связи важно отметить, что гендерные проблемы в высших учебных заведениях привлекают в последнее время все большее внимание исследователей, как правило, призывая к большей гендерной справедливости между мужчинами и женщинами в университетах [7]. Изучаются особенности феминизации образования и положение женщин в управлении высшим образованием [8]. Исследуются факторы, обуславливающие гендерные различия на разных уровнях организационной иерархии в университетах, различия в статусах, заработной плате и др. [9]. Исследования многообразны, реализуются как в микро- так и в макропарадигмах, делается акцент на углублении гендерных понятий [10]. В российской литературе анализируется место женщин и мужчин-преподавателей в этой

иерархии, их мотивы, стили управления, тенденции изменения ситуации гендерной диспропорции, факторы ее обуславливающие и пр. [11]. Гендерный аспект участия преподавателей в управлении университетами продолжает рассматриваться в свете иерархии статусов и должностей в организации.

Связывая гендерный подход с проблематикой культуры доверия в вузе, обратимся к анализу государственной статистики.

Материалы и методы

Объективные характеристики культуры доверия в высшей школе отчетливо просматриваются при анализе статистических данных, характеризующих сферу высшего образования в России. Реализованный в ходе исследования анализ статистики министерства науки и высшего образования с 2013 по 2018 годы, позволяет сделать вывод о том, что низкий уровень культуры доверия, прежде всего, проявляется в гендерной асимметрии, характерной для управления российским высшим образованием (см. табл. 1).

В таблице 1 показано, насколько выражена гендерная асимметрия в должностном положении персонала образовательных организаций высшей школы РФ. Мы видим, что ее нарастание в сфере управления вузами начинается со статуса заведующих кафедрами и наиболее проявляется на уровне ректорского корпуса. Так, в 2018 г. женщины составляли 63 % среди всех работников вузов, на уровне заведующих кафедрами, деканов факультетов их насчитывалось уже 46-48 %, а в числе ректоров вузов – лишь 25 %.

Цель нашей статьи связана с выявлением того, насколько указанные диспропорции проявляются в готовности преподавателей к участию в управлении университетами и влиянии на эту готовность фактора культуры доверия, сложившейся в системе высшего образования. Статья основана на материалах социологического исследования, осуществленного научным коллективом Уральского федерального университета в 2017–2018 гг., включавшего массовый опрос преподавателей Уральского федерального округа (УрФО) методом анкетирования. В генеральную совокупность входил 51 вуз округа, была реализована квотная выборка. Она

формировалась на основе статистических данных об общности преподавателей отдельных регионов, входящих в УрФО. Внутри каждого региона осуществлялось квотирование по направлениям подготовки (инженерно-техническому, естественнонаучному, гуманитарному, социально-экономическому). Объем выборочной совокупности преподавателей составлял 810 чел. Экспертный опрос включал 30 экспертов – представителей образовательного менеджмента.

В ходе исследования были реализованы три блока задач, выявляющих характер участия преподавателей в управлении вузами. Первый «ценностный» блок задач позволил изучить представления преподавателей об общей ситуации в управлении высшим образованием и перспективах ее развития. Второй «коммуникативный» блок позволил выявить коммуникативную активность преподавателей, направленную на обсуждение проблем высшей школы и управления университетами. Третий «поведенческий» блок задач позволил проанализировать готовность преподавателей включаться в формальные структуры управления университетом.

В рамках всех трех блоков задач был осуществлен сравнительный анализ, позволивший выявить гендерные различия культуры участия преподавателей. Была выявлена взаимосвязь доверия преподавателей к образовательной политике, реализующейся в сфере высшего образования, и их готовности к участию в управлении вузом.

Результаты исследования

Рассмотрим характеристики участия преподавателей в управлении вузом в рамках трех выделенных методических блоков.

Таблица 2 – Преподаватели о доминирующем типе управления в системе высшего образования в настоящее время, в зависимости от пола (в % к числу ответивших)

Тип управленческой политики	Женщины	Мужчины
Давление «сверху», бюрократизация и вынужденная динамика изменений в вузах	83,4	85,2
Формирование стратегических инициатив «снизу» на уровне вуза и социальных партнеров	16,6	14,8

Таблица 3 – Преподаватели о приоритетном типе управления в системе высшего образования в будущем, в зависимости от пола (в % к числу ответивших)

Тип управленческой политики	Женщины	Мужчины
Давление «сверху», бюрократизация и вынужденная динамика изменений в вузах	25,4	22,1
Формирование стратегических инициатив «снизу» на уровне вуза и социальных партнеров	74,6	77,9

«Ценностный» блок – это комплекс задач, ориентированных на изучение представлений педагогического сообщества о высшем образовании как ценности, определяющих идентичность сообщества. В этом исследовательском блоке была осуществлена процедура сравнения оценок преподавателями ситуации, сложившейся в системе управления высшей школой (см. табл. 2). Полученные данные показали, что принципиальной разницы между женщинами и мужчинами-преподавателями в этих оценках нет. И те, и другие оценивают существующую модель управления одинаково негативно как авторитарно-бюрократическую и неэффективную.

Приоритетной преподаватели считают управленческую модель, базирующуюся на демократических ценностях, предполагающих расширение участия в управлении университетами всех субъектов, прямо и косвенно включенных в образовательный процесс, прежде всего студентов, преподавателей, работодателей. Считают необходимым влияние на принятие управленческих решений и других социальных групп, представляющих сферу культуры, науки, бизнеса, социальных организаций, городских, волонтерских сообществ и пр. (см. табл. 3).

В целом полученные данные свидетельствуют об отсутствии гендерных различий на уровне основных ценностных приоритетов преподавателей в отношении общей ситуации в системе российского высшего образования и направлений его дальнейшего реформирования. Можно говорить о том, что данная система ценностей является основой сформированной с настоящее время культуры участия преподавателей в управлении университетами.

Таблица 4 – Преподаватели о формах, в которых готовы обсуждать управленческие проблемы своего вуза, в зависимости от пола (в % к числу ответивших)

	Женщины	Мужчины
В корпоративной сети или закрытых форумах на сайте вуза	58,2	61,5
В публичных обсуждениях, включая СМИ (<i>Pearson Chi-Square = Value 10,632^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,001; Cramer's V = 0,274</i>)	71,7	85,6
В социальных сетях среди своих коллег (<i>Pearson Chi-Square = Value 16,272^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V = 0,269</i>)	47,2	60,2
В рамках встреч инициативных групп	89,3	85,3
В обсуждениях, инициированных независимым профсоюзом	33,3	43,7
На собраниях трудового коллектива	78,9	79,0
На неформальных публичных встречах ректората с трудовым коллективом	76,4	73,4

«Коммуникативный блок» задач позволил выявить широту формальных и неформальных горизонтальных связей педагогического сообщества, коммуникативные практики преподавателей, связанные с обсуждением наиболее актуальных ключевых вопросов развития высшей школы и конкретных университетов. Готовность преподавателей включаться в обсуждение проблем управления вузами, характер, формы, активность, инициативность этой коммуникации, ее содержание и целый ряд других характеристик значимы для понимания культуры участия преподавателей в управлении вузом.

Данные исследования показали, что готовность к участию в обсуждении важных управленческих вопросов, касающихся сферы высшего образования, для женщин (74,3 %) и мужчин-преподавателей (80,0 %) практически одинаково высока. Хотя при этом и женщины (56,8 %), и мужчины-преподаватели (54,1 %) пессимистически оценивают результативность этих дискуссий, не надеясь на доверие и интерес к ним со стороны руководства, а также возможность реализации результатов. Они считают, что активность профессионального сообщества в обсуждении общественно значимых проблем не гарантирует институциональных изменений в системе управления образованием.

Формы, в которых осуществляются эти коммуникативные практики, у женщин и мужчин-преподавателей также схожи (см. табл. 4). Женщины-преподаватели готовы активно работать в инициативных группах (89,3 %), разрабатывающих управленческие решения, выступать на собраниях трудовых коллективов (78,9 %), встречах с ректоратом

(76,4 %), обсуждать актуальные проблемы в корпоративной сети, закрытых форумах, на сайте вуза (58,2 %).

Гендерные различия проявляются в том, что женщины-преподаватели чуть менее, чем мужчины склонны к широким публичным дискуссиям (в частности, в СМИ) и обсуждениям управленческих проблем вуза в социальных сетях коллег. Связано это с отсутствием необходимых навыков работы со СМИ и в социальных сетях или с опасениями санкций со стороны руководства, пока не ясно. В пользу первого предположения однако говорит то, что женщины-преподаватели не опасаясь руководства наряду с мужчинами готовы проявлять активность в обсуждении актуальных проблем университета в открытых аудиториях – на собраниях трудового коллектива, публичных встречах с ректоратом и др. В целом женщины активны в системе формальных и неформальных горизонтальных взаимодействий. Для них важна коллективная деятельность, направленная на совместное решение проблем, связанных с реализацией потребностей профессионального сообщества, развитием университетов и высшего образования в целом.

«Поведенческий блок» задач исследования ориентирован на выявление вертикальных взаимодействий педагогического сообщества и образовательного менеджмента. Он позволил выявить самооценки готовности преподавателей к управлению университетом (см. табл. 5).

Полученные данные показывают, что почти половина женщин считают себя готовыми в той или иной степени к управлению вузом через включение в формальные

Таблица 5 – Преподаватели о готовности к участию в управлении вузом (в % к числу ответивших)

	Женщины	Мужчины
Скорее готов	59,9	49,1
Скорее не готов	25,5	34,8
Затрудняюсь ответить	14,6	16,1

(Pearson Chi-Square = Value 10,272^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,221)

Таблица 6 – Уровень доверия преподавателей образовательной политике высшей школы (сравнение индексов доверия)

Доверие преподавателей образовательной политике	Женщины	Мужчины
Образовательной политике, реализующейся в РФ в отношении высшей школы в настоящее время (Pearson Chi-Square = Value 7,601 ^a , Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,205)	– 0,57	– 0,41
Региональной власти, ответственной за социальную политику в области образования (Pearson Chi-Square = Value 7,149 ^a , Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,121)	– 0,47	– 0,33
Образовательной политике муниципальной власти (Pearson Chi-Square = Value 8,695 ^a , Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,221)	– 0,30	– 0,21
Политике реформирования, осуществляющейся в Вашем вузе (Pearson Chi-Square = Value 9,664 ^a , Asymp. Sig. (2-sided) 0,000; Cramer's V=0,121)	0,04	– 0,06

управленческие структуры разного типа. Вместе с тем, поведенческие стандарты женщин-преподавательниц отличаются от мужских большей пассивностью. У женщин готовность к управленческой деятельности проявляется в меньшей степени. Основными причинами, к которым апеллируют эксперты, объясняя данную ситуацию, являются сложившиеся практики ограничения для женщин возможности занять руководящие должности, приводящие к снижению их мотивации к управленческой деятельности. Негативными последствиями этого является то, что традиционно сложившаяся в сфере образования гендерная асимметрия воспроизводится в культуре участия, трансформируя поведенческие стандарты и формируя у женщин синдром «вынужденной беспомощности».

Фактор доверия

Существенным субъективным фактором, обуславливающим неготовность и нежелание женщин непосредственно участвовать в управлении вузом, является и низкий уровень доверия политике, реализуемой в отношении высшей школы. Так, только третья часть женщин-преподавателей (32,7 %) доверяют политике реформирования, осуществляющейся в их вузе, а каждая пятая – образовательной политике муниципальной власти (20,4 %); образовательной политике в отношении высшей школы, реализуемой на уровне региона

(19,0 %); политике в сфере высшего образования, реализующейся в Российской Федерации в настоящее время (20,8 %). Женщины мало доверяют и общественным организациям – вузовским профсоюзам (33,9 %), наблюдательному (общественному) совету вуза (28,7 %).

Здесь важно подчеркнуть, что мужчины-преподаватели гораздо более радикальны в негативных оценках образовательной политики федерального, регионального и муниципального уровней, однако они демонстрируют большую, чем у женщин-преподавателей, лояльность к преобразованиям, осуществляющимся на уровне вуза (42,3 %). Этим они статистически отличаются от женщин-преподавателей (32,7 %) (см. табл. 6).

Другими словами, мужчины предпочитают либо уйти из вуза, либо выбрать поведенческую модель лояльности, по возможности приняв участие в управлении вузом. Женщины-преподаватели чаще избирают модель неучастия, отстраненности, будучи ограничены в возможностях быть включенными в формальные управленческие структуры.

Общие выводы

Современные процессы реформирования университетов в России, инициируемые государством, приводят к ряду позитивных изменений. Однако при этом их негативной стороной является снижение реального влияния основных социальных групп, включенных в об-

разовательный процесс, на принятие управленческих решений. Одной из таких групп являются преподаватели. При этом женщины и мужчины-преподаватели по-разному включены в формальные структуры управления вузом. Для системы управления высшей школой характерна гендерная асимметрия, имеющая в последнее десятилетие незначительную тенденцию к выравниванию.

Участие в управлении университетами является важным элементом профессиональной культуры преподавателя. Данные исследования показали, что культура участия российских преподавателей в целом гендерно гомогенна. Преподаватели, в равной степени как мужчины, так и женщины считают, что в силу своей специфики высшая школа должна строиться на ценностях академической свободы, выборности университетской управленческой иерархии, открытости, личностной самореализации, инновационного развития как базовых составляющих образовательной деятельности и научного поиска. Негативно оценивая последствия авторитарного реформирования российского высшего образования, они демонстрируют готовность к переходу на более демократичную модель управления университетами.

Как мужчины, так и женщины-преподаватели в равной степени ориентированы на активное обсуждение актуальных проблем высшей школы и управления университетами. Они включены в широкие сетевые взаимодействия, обеспечивающие им разные формы коммуникативной активности в рамках формальных и неформальных сообществ, с которыми они идентифицируют себя и реализуют общие цели. Тем не менее, поведенческие стандарты у мужчин и женщин-преподавателей несколько различаются. Женщины-преподаватели менее, чем мужчины готовы брать на себя формальные управленческие функции. Для них характерно в большей степени ситуативное, неформализованное участие. Тогда как мужчинам в системе высшего образования свойственно участие формализованное, институционализированное [12].

В целом преподаватели демонстрируют достаточно высокий уровень ответственности

за ситуацию сложившуюся в высшем образовании и готовности к участию в управлении вузом. При этом они ограничены отсутствием достаточного разнообразия форм и практик реального вовлечения педагогического сообщества в управление образованием; а также собственным неверием в возможности реализовать общественно значимые ценности в сложившейся системе управления и обеспечить общественный контроль за принятием и реализацией управленческих решений в вузе, непосредственно затрагивающих их интересы. Противоречия такого рода являются свидетельством кризиса институционального доверия и доверия, формирующегося между общностями преподавателей и представителей образовательного менеджмента.

Более отчетливо выражен гендерный аспект этого противоречия. Налицо объективно сложившаяся ситуация, с одной стороны, низкого уровня доверия женщинам со стороны системы управления образованием, проявляющегося в их отторжении от реализации управленческих функций, с другой – низкого уровня доверия женщин-преподавателей образовательной политике высшей школы, включая вузовский уровень.

Женщины-преподаватели чаще выбирают либо модель пассивного участия (вынужденной включенности в группу), либо отстраненности от участия в управлении вузом. Это связано не только с ограничениями в возможностях реального участия в системе управления, но и с субъективными представлениями о собственной неготовности к управленческой деятельности, сформированными в ситуации гендерной асимметрии в высшей школе.

Можно констатировать, что культура доверия в вузе имеет гендерные диспропорции и поиск новых эффективных моделей управления, повышающих уровень участия преподавателей в управлении вузом, без сомнения должен сопровождаться усилиями по их корректировке. Рассмотренные особенности культуры участия и культуры доверия, характерные для общности преподавателей, указывают на необходимость продолжать более углубленные исследования в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Участие в управлении университетом. СПб.: Норма, 2016.
2. Скалабан И.А. Участие и общественное участие как социологические категории // Теории и проблемы политических исследований. 2016, Том. 5, № 5А с. 44-59.
3. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Издательский дом НИУВШЭ, 2013.
4. Веселов Ю.В. Социологическая теория доверия // Экономика и социология доверия. СПб.: Социол. об-во им. М.М.Ковалевского, 2004. С. 16-32.
5. Шуклина Е.А., Певная М.В. Доверие как институциональная проблема высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 6, С. 120-131.
6. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е., Шаброва Н.В. «Старое» и «новое» доверие в высшем образовании // Образование и наука. Том 21, № 1. 2019. С. 9-36.
7. Gómez Cama M., Larrán Jorge M., Andrades Peña F. J. Gender differences between faculty members in higher education: A literature review of selected higher education journals // Educational Research Review. 2016. Vol. 18. Pp. 58–69.
8. Peterson H. Is managing academics “women’s work”? Exploring the glass cliff in higher education management // Educational Management Administration & Leadership. 2016. No. 44. Pp. 112–127.
9. Young Joo Lee, Doyeon Won Trailblazing women in academia: Representation of women in senior faculty and the gender gap in junior faculty’s salaries in higher educational institutions // The Social Science Journal. Vo. 51, № 3, 2014. Pp. 331-340.
10. Gallant A. Symbolic Interactions and the Development of Women Leaders in Higher Education // Gender, Work & Organization. 2014. Vol. 21, № 3. Pp. 203–216.
11. Резник С.Д., Макарова С.Н., Сазыкина О.А. Гендерная асимметрия в управленческой среде российских университетов // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 1. С. 96–111.
12. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. №1(13). С.130-139.

CREDIBILITY AS A FACTOR OF LECTURERS’ READINESS DEVELOPMENT TO PARTICIPATE IN UNIVERSITY ADMINISTRATION (GENDER ASPECT)

E.A. Shuklina

Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

E.A. Shirokova

Ural State Medical University,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

The article highlights one of the most significant and ambiguous problems of modern higher school management – the development of a participation culture of the lecturers’ social community in the administration of the University. Its purpose is to characterize the different aspects of participation in the context of the existing culture of credibility in higher education. In the course of consideration of the problem, emphasis is placed on gender characteristics and practices of lecturers’ participation in administration. Methodologically, the article is based on the concepts of institutional credibility, public participation and gender asymmetry. Its empirical basis is the data of the regional sociological research of lecturers of the Ural Federal district (polling method, quota sample, sample size-810 people; expert survey of representatives of educational management-30 people). The readiness of lecturers to participate in University administration was considered in three aspects: 1) in the system of educational values that underlie the need for

participation in administration; 2) inclusion in networks of formal and informal communications (interpersonal, intra - and inter-group), in which lecturers participate; 3) self-assessments of readiness to join formal administration structures for the implementation of common goals.

Conclusions are drawn about the contradictions between a sufficiently high level of readiness of lecturers to participate in administration and a low level of institutional credibility in higher education, and lack of confidence in the possibility of implementing democratic values that are important to them in the current administration system. In the course of consideration of the problem, emphasis is placed on gender characteristics and practices of lecturers' participation in administration. It shows the presence of gender disparities in the culture of credibility in higher education.

The article was supported by the Russian Foundation for higher education, project No.18-011-00158 "Credibility as a fundamental problem of the Russian higher education".

KEYWORDS: participation in administration, public participation, higher education, University administration, institutional trust, culture of trust, gender asymmetry.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena A. Shuklina, Dr. Sci. (Sociological), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,

19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia, e.a.shuklina@urfu.ru

Elizaveta A. Shirokova, Cand. Sci. (Sociological), Ural State Medical University,

3, Repina st., Ekaterinburg, 620028, Russia, lizashirokov@gmail.com

FOR CITATION: Shuklina E.A., Shirokova E.A. Credibility as a factor of lecturers' readiness development to participate in University administration (gender aspect) // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 148–157.

REFERENCES

1. Participation in the administration of the University. SPb: Norma, 2016. [Uchastie v upravlenii universitetom. SPb.: Norma, 2016.] – (In Rus.)
2. Skalaban I.A. Participation and public participation as sociological categories // Theories and problems of political research. 2016, Vol. 5, Is. 5A Pp. 44-59. [Skalaban I.A. Uchastie i obshchestvennoe uchastie kak sociologicheskie kategorii // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2016, Tom 5, № 5A s. 44-59.] – (In Rus.)
3. Credibility and suspicion in the context of civil society development. M.: Publishing house HRU HSE, 2013. [Doverie i nedoverie v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obshchestva. M.: Izdatel'skij dom NIU VShJe, 2013.] – (In Rus.)
4. Veselov Yu.V. Sociological theory of credibility // Economics and sociology of credibility. SPb: Sociological society named by M.M. Kovalevsky, 2004.S. 16-32. [Veselov Ju.V. Sociologicheskaja teorija doverija // Jekonomika i sociologija doverija. SPb.: Sociol. ob-vo im. M.M.Kovalevskogo, 2004. S.16-32.] – (In Rus.)
5. Shuklina E.A., Pevnaya M.V. Credibility as an institutional problem of higher education // University administration: practice and analysis. 2017. No. 6, S. 120-131. [Shuklina E.A., Pevnaya M.V. Doverie kak institucional'naja problema vysshego obrazovaniya // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2017. № 6, S. 120-131.] – (In Rus.)
6. Ambarova P.A., Zborovskij G.E., Shabrova N.V. "Old" and "new" credibility in higher education // Education and Science. Volume 21, No. 1. 2019. P. 9-36. [Ambarova P.A., Zborovskij G.E., Shabrova N.V. Staroe i "novoje" doverie v vysshem obrazovanii // Obrazovanie i nauka. Tom 21, № 1. 2019. S.9-36.] – (In Rus.)
7. Gómez Cama M., Larrán Jorge M., Andrades Peña F. J. Gender differences between faculty members in higher education: A literature review of selected higher education journals // Educational Research Review. 2016. Vol. 18. Pp. 58–69.
8. Peterson H. Is managing academics "women's work"? Exploring the glass cliff in higher education management // Educational Management Administration & Leadership. 2016. No. 44. Pp. 112–127.
9. Young Joo Lee, Doyeon Won Trailblazing women in academia: Representation of women in senior faculty and the gender gap in junior faculty's salaries in higher educational institutions // The Social Science Journal. Vo. 51, № 3, 2014. Pp. 331-340.

10. Gallant A. Symbolic Interactions and the Development of Women Leaders in Higher Education // *Gender, Work & Organization*. 2014. Vol. 21, № 3. Pp. 203–216.

11. Reznik S. D., Makarova S. N., Sazykina O. A. Gender asymmetry in the administration of Russian universities // *Integration of education*. 2017. Vol. 21, No. 1. P. 96–111.[Reznik S. D., Makarova S. N., Sazykina O. A. Gendernaja asimmetrija v upravlencheskoj srede rossijskih universitetov // *Inte-*

gracija obrazovanija. 2017. T. 21, № 1. S. 96–111.] – (In Rus.)

12. Skalaban I.A. Social, public and civil participation: to the problem of understanding concepts // *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2011. No1 (13). S.130-139.[Skalaban I.A. Social'noe, obshhestvennoe i grazhdanskoe uchastie: k probleme osmyslenija ponjatij// *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. 2011. №1(13). S.130-139.] – (In Rus.)

ПОТРЕБНОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К РАБОТЕ

УДК: 159.9:331.101.3

ББК: 88.566+88.8

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-158-168

ГРНТИ: 15.81.35

Код ВАК: 08.00.05, 19.00.03

Б.А. Сосновский

Уральский государственный экономический университет,

Екатеринбург, Россия

AuthorID: 441400

АННОТАЦИЯ:

Внедрение прикладной психологии в широкую производственную и общественную практику является объективно необходимым, поскольку любая эффективная работа с людьми, особенно, управление невозможны без опоры на учет тех или иных психологических фактов, закономерностей и механизмов. Человек-работник является не просто участником, а решающим компонентом любого производственного процесса. Современная управленческая доктрина «человеческих отношений» предполагает, в частности, систематическое исследование и учёт субъективного отношения человека к своей работе, которое является одним из важнейших компонентов всего психического облика работника. Такое переживаемое, осмысленное отношение формируется под воздействием целостной системы факторов (объективных и субъективных, социальных и технологических) и во многом определяет успешность и надежность работника, жизнеспособность и устойчивость любой организации или предприятия в целом. В результате эмпирического психологического исследования группы руководителей среднего звена управления (350 чел.) установлены достоверные связи субъективного отношения человека к работе с его ведущими социогенными потребностями: в достижении, в познании, в доминировании, в аффилиации. Чем выше и разнообразнее потребностный потенциал личности, тем позитивнее его отношение к работе. Выявлены значимые корреляции отношения к работе с субъективной оценкой её организации, с возможностью продвижения по служебной лестнице, с общей удовлетворенностью жизнью. Обозначены качественные различия субъективных смыслов отношения к работе, доминирования и других психологических параметров в сознании респондентов – руководителей: мужчин и женщин. «Женская» психология представляется более пластичной и защищенной. Подчеркнута особая, социально обостренная значимость моральных и нравственных качеств как профессионально необходимых психологических особенностей руководителя любого уровня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: потребности, удовлетворенность потребностей, мотивы, смыслы, сознание, личность, отношение к работе, управление.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Борис Алексеевич Сосновский, доктор психологических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет,
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, sosnovsk@list.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сосновский Б.А. Потребностно-смысловые факторы отношения человека к работе // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 158–168.

Практика эмпирического и экспериментального исследования, а также разрозненные примеры эффективного учета некоторых психологических особенностей человека в условиях промышленного производства формально имеет достаточно продолжительное прошлое, но довольно короткую системную или организационную историю. Оформление психологии труда как востребованной и развивающейся отрасли науки произошло в начале XX века в связи с резким возрастанием промышленного производства и хронологически связано с публикацией известной работы Г.Мюнстерберга «Психотехника» (1910). Человек-работник постепенно становится предметом целенаправленных, собственно психологических и усложняющихся исследований. Общепризнанный основатель «научной организации труда» Ф.У.Тейлор (1856-1915) неоднократно и отчётливо призывал, например, к принудительному «сотрудничеству» рабочих и хозяев, формулируя разрозненные практические советы, рекомендации и психолого-педагогические управленческие приёмы на уровне «здорового смысла» [1].

Со временем получает должное и достаточно широкое практическое признание очевидный факт, что во всякую производственную систему обязательным (и как правило, решающим) компонентом входит реальный и живой человек – создатель, исполнитель и потребитель производства. Поэтому неизбежно и настоятельно актуализируются многочисленные психологические вопросы и проблемы эффективной организации распределенного или совместного труда множества неравноправных и несхожих участников. Иными словами, в грамотное управление производством и производственными отношениями необходимо включаются некие базовые закономерности и понятия научной психологии. Вследствие этого изначально преимущественно технократическая, строго выверенная и нормированная («урочная») система Тейлора со временем всё более расширяется, социализируется, гуманизируется или психологизируется.

К середине XX века в цивилизованном и промышленно развитом мире постепенно оформляется и эпизодически (частично) внедряется в сферу производства управленческая

концепция «человеческих факторов», а затем и более широкая и многофакторная концепция «человеческих отношений» (К. Левин, Э. Мэйо, М. Вебер, Ликерт, Мак Грегор и др.). [2,3,4]

В основе управленческой доктрины «человеческих отношений» лежит трудоемкая, долговременная и систематическая реализация нескольких известных социально-психологических положений (феноменов или направлений и принципов эффективной работы с людьми):

- признание обязательного наличия (и адекватная поддержка) в рабочем коллективе различных неформальных микрогрупп, объединенных по каким-то, не обязательно производственным признакам (состояние здоровья, семейная обстановка, жилищно-бытовые условия, личностные ценности, характер досуга, непроизводственные занятия, условия транспорта, образованность, возраст, национальность, вероисповедание и др.),

- активное привлечение сплоченной производственной группы и отдельных рабочих к посильному участию в работе советов предприятия в целом, в обсуждении и принятии групповых производственных решений,

- систематическая выработка и поддержка социальных традиций предприятия, создание отличительного «духа» (имиджа) компании (совместные празднества и юбилеи, форменная одежда и бренды, знаки отличия, престижа и т.п.),

- налаживание оптимальных личных, неофициальных и уважительных отношений рабочих и предпринимателей (руководителей).

Несомненно, что в этом далеко неполном перечне реально существующих «отношений» человека логически явно не хватает выделения, по крайней мере, двух взаимосвязанных психологических пространств: отношение человека к самому себе, и субъективное отношение к работе.

Подчеркнем, что фактическая сущность человеческого, то есть изначально социального бытия заключается во взаимодействии и общении, которые невозможны без наличия системы соответствующих и многообразных отношений человека к Миру и с Миром [5].

Эти объективные отношения так или иначе выбираются, реализуются, переживаются, осмысляются, осознаются и оцениваются индивидом, образуя некое субъективное («отношенческое») «пространство» человеческой психики. Можно сказать, что психика или Душа человека соткана из переживаемых отношений к другим людям и к Миру, к делу, к самому себе. Для психологии значимо не только то, кем и как человек, например, работает. Важно именно то, как он относится к своей работе, что его побуждает, какой реальный личностный смысл или субъективную ценность имеет для него выполняемая работа. Какие психологические параметры человека (и влияния факторов многоликого общества) создают то или иное субъективное отношение к происходящему?

Практически важный управленческий вопрос заключается в том, возможно ли реальное влияние руководителя на отношение подчиненного к работе? В какой мере адекватно и грамотно должны и могут быть учтены действительно существенные, необходимые или профессионально значимые (важные) психологические особенности работника? Обилие и содержательное разнообразие таких сугубо индивидуальных и социально-психологических качеств личности практически неисчерпаемо и не подлежит строгой унификации (достоверного обобщения), с чем убедительно столкнулись, например, многочисленные и обширные исследования психологических особенностей лидера, проводимые в русле известной концепции «теории черт» [6].

С позиций классической отечественной методологии живая человеческая психика существует и функционирует в диалектическом единстве деятельности (в том числе, трудовой), сознания (как высшей формы психики) и личности [7]. В этой философской схеме понятийного «триединства» нет линейных причинно-следственных отношений, все её понятия или условные компоненты взаимообусловлены, взаимосвязаны и взаимообратимы. Человеческая психика является нерасторжимо целостной, иерархически организованной, и в ней нет чего-либо второстепенного или случайного. Любой психологический параметр

может стать фактически решающим: свойства темперамента, сила воли, качества интеллекта, манера общения, способности, знания и умения, самооценка и саморегуляция, неисчислимы черты характера и т.д. Но психологически несомненно, что у истоков всякой деятельности, поведения и отношений человека стоят его потребности и мотивы, смыслы и ценностные ориентации, которые существуют не сами по себе, а в некоторой личностной, системной организации. Они не только «побуждают» человека к конкретной деятельности, обуславливая её ход и результативность, но убедительно «окрашивают» всю психику субъективными смыслами и живыми, пристрастными переживаниями. Потребности и смыслы представлены в живой психике в виде неких целостных потребностно-смысловых образований. Поэтому поведение человека инициируется не самой потребностью (переживаемой нуждой) и не одиночным мотивом (предметом потребности), а реальными внутриличностными связями между тем, что нужно для удовлетворения потребности (мотивом) и субъективным смыслом, то есть ответом на вездесущий и настоятельный вопрос: зачем именно оно нужно индивиду [8].

В таких потребностно-смысловых конструктах осуществляется психологическая трансформация, субъективная интеграция или психологическое единство формально разделяемых «мотивационных» вопросов: что нужно, зачем нужно и как этого достичь. Здесь задаётся сугубо личностное, субъективное отношение человека ко всему, что он делает: к учебе, к работе, к себе и другим людям, к жизни, наконец. Такое переживаемое, осмысленное отношение человека ко всему происходящему с ним является неотъемлемым атрибутом его психики. Поэтому многогранные субъективные отношения человека должны непременно исследоваться и по возможности учитываться при грамотной организации и «стимулировании» человеческой деятельности. Человек как «*Homo sapiens*» – это разумное существо, наделенное сознанием и ориентированное не просто на цель, а на её смысл, то есть ответ на вопрос: «зачем».

Реальный субъективный смысл должен находиться в определенном соответствии с объ-

ективным значением выполняемой работы. Можно, например, трудиться только во имя зарплаты, а можно – ради достижения авторитета, во имя созидания какого-то необходимого людям продукта или уникального изделия и т.п. Если в сознании человека субъективные смыслы работы (или какого-то события, явления, социального процесса) остро противоречат её объективному (или официально декларируемому) значению, в психике индивида формируется затяжной дискомфорт (эмоциональный, интеллектуальный, моральный). Это может привести к развернутым и негативным психическим последствиям, к возникновению негативного отношения человека не только к работе, но и к себе, к другим людям и ко всему происходящему.

Например, благозвучные официальные цели (называемое значение) Реформы образования, проводимой в нашей стране уже четверть века, резко противоречат тем реальным субъективным смыслам, которые приобрели многие административно введенные педагогические «инновации» в деятельности и сознании массовых рядовых потребителей и исполнителей образовательного процесса (учащихся и преподавателей) [9].

Целью нашего эмпирического исследования является изучение предполагаемых связей субъективного отношения человека к работе с некоторыми социогенными потребностями и субъективным уровнем их удовлетворения. Для этого использован валидный и широко апробированный авторский опросник (Ю.М.Орлов, Б.А.Сосновский), в котором задействованы (измеряются) следующие психологические параметры (конструкты): личностные потребностно-смысловые образования достижения, познания, аффилиации, доминирования (по 15-ти балльной шкале), а также меры их субъективной удовлетворенности (8-ми балльная шкала); шкала «отношение к работе» (15 баллов), субъективная оценка «возможностей профессии» (10 баллов), оценки «трудностей работы», её «организации» на предприятии, субъективной «удовлетворенности работой» (все по 5-ти балльным шкалам).

Респондентами выступили (350 чел.) мастера, инженеры, руководители среднего звена

управления, из которых 250 человек женщины и 100 человек мужчины, работающие в Москве (промышленные предприятия и научные организации) и в г. Ухте (сотрудники аппарата Газпрома).

Полученные срединные значения измеренных параметров представлены в сводной таблице 1. Для содержательной интерпретации результатов приведем краткое описание реальных смыслов задействованных в исследовании потребностно-смысловых параметров, которые были выделены, апробированы и валидизированы на основании многочисленных предшествующих исследований, психосемантического анализа утверждений теста и построения соответствующих факторных моделей.

Симптоматика «достижения» характеризует осознанное и выраженное стремление человека к деловому, инвариантному функционированию, к активной работе; четкую установку на результативность деяний; спокойную уверенность в себе; упорство и настойчивость; любовь к выполняемому делу; соревнование в работе с самим собой и другие личностные качества, связанные не с субъективной тенденцией к осторожному «избеганию неудач» в работе, но именно с наличием внутренней уверенности «достигающего» человека в успехе своего дела.

Смысловая картина личностного конструкта «познание» характеризует обобщенный когнитивный потенциал человека: позитивное восприятие всего нового и стремление к его пониманию и объяснению; бескорыстную любознательность личности, стремление к углублению наличных знаний.

Смыслы конструкта «аффилиации» характеризуют заинтересованную включенность человека в социальные взаимодействия и активное общение с подчеркнуто эмоциональной, дружественной окрашенностью; с наличием сопереживания и соучастия; со стремлением оказывать бескорыстную помощь окружающим и принимать её от других людей.

Симптоматика «доминирования» содержит смыслы стремления человека к главенству и старшинству, к оказанию влияния на других людей, к руководству и лидерству, к упорно добываемому доказатель-

ству и утверждению собственной позиции, но не ценой властного подавления мнений других людей (подчиненных или ведомых), а за счет лидерского желания и умения убеждать их и вести за собой.

Конечно, эти измеряемые в исследовании потребности (конструкты, смыслы, ценности) далеко не исчерпывают всю иерархическую систему личностных устремлений, но относятся к неким, несомненно важным сферам человеческого бытия: познание, продуктивная (трудовая) деятельность, социальное взаимодействие в группе, эмоциональные аспекты общения.

Показательно, что у респондентов, работающих на Севере (правый столбец табл.1), потребностно-смысловой потенциал (кроме параметра аффилиации) значимо ниже, чем в группе опрошенных москвичей. Это подтверждает известную закономерность: чем более напряжены условия жизни (в условиях современного мегаполиса, например), тем большая психическая нагрузка человека объективно необходима для адаптации к ним, для

успешной социализации и продуктивной деятельности. Однако, экспериментально доказано, что чрезмерно высокая мотивация (внутренняя активация) может привести к возникновению, так называемого, «эмотивного шока», когда изначально адекватный побудитель психологически трансформируется в острое и мощное переживание, разрушающее действующее на исполняемую деятельность. Неосознанно сформировавшийся «эмотивный шок» имеет множество негативных поведенческих, физиологических и психологических проявлений [10].

Согласно полученным данным, относительно «заниженный» потребностно-смысловой потенциал работающих на Севере достоверно сочетается с пониженной субъективной оценкой возможностей профессии, но не сказывается на усредненных показателях отношения к работе, на оценках её трудности и удовлетворенности работой. По-видимому, здесь кроется некий управленческий резерв для проведения не только чисто организационной, но и собственно психологической работы

Таблица 1 – Сводные срединные значения основных параметров теста ($n = 350$)

Психологические параметры	Пол	Место работы испытуемых		
		Москва	Ухта	
Достижение	мужской	9,05	8,71	
	женский	8,46	8,12	
Удовлетворенность достижения		5,84*	4,48*	
Познание	мужской	10,93	10,32	
	женский	10,42	10,02	
Удовлетворенность познания		6,51*	5,40*	
Аффилиация	мужской	9,68	9,69	
	женский	11,21	11,23	
Удовлетворенность аффилиации	мужской	4,84	5,10	
	женский	6,10	6,00	
Доминирование	мужской	8,53	7,53	
	женский	7,55	6,40	
Удовлетворенность доминирования	мужской	6,10	4,01	
	женский	5,10	3,85	
Отношение к работе	мужской	8,63	9,33	
	женский	9,29	9,75	
Оценка возможностей профессии	мужской	5,95	3,99*	
	женский	4,87		
Оценка трудности работы		2,57*	мужской	2,59
			женский	2,78
Загруженность работой во времени		3,01*		3,12*
Удовлетворенность работой		3,12*		3,06*
Оценка организации работы	мужской	3,10		2,59
	женский	2,71		2,78

* различий по полу не выявлено

с людьми с учетом индивидуальных, региональных и совершенно конкретных социально-психологических условий и феноменов.

Необходимо отметить, что во всей выборке опрошенных руководителей величина параметра оценки «организации работы» даёт асимметричное распределение с выраженным уклоном в сторону уменьшения, то есть проявляет статистическое преобладание заниженных оценок. Этот факт заслуживает внимательного рассмотрения и выявления причин (объективных и субъективных) невысоких оценок «организации работы». Как показывает мировая практика, в подобных случаях (организационных или социальных «недоработок») собственно психологические средства оптимизации реальной эффективности трудовой деятельности оказываются не слишком действенными.

Например, оценивая «возможности своей работы» на Севере, опрошенные дают негативные ответы не столько по поводу материальных и социально-бытовых условий (30-40 %), сколько по таким, более широким и социализированным субъективным конструктам (представлениям), как «продвижение по служебной лестнице», «удовлетворенность жизнью» (70-85 %).

В этом аспекте психологически выразительны ответы, полученные на вопрос: «Хотели бы Вы оказаться на нынешнем месте, если бы могли начать всё с начала?» Утвердительно ответили лишь 20 % женщин и 11 % мужчин, «не уверены» в ответе – соответственно 49 и 51 %, «не хотели бы оказаться» – 31 и 38 % опрошенных. В этом проявляется очевидное расхождение полученных ответов с довольно распространенным бытовым (или социально одобряемым) и нерушимым «оптимизмом» людей, будто бы ни о чем не сожалеющих и убежденных в правильности своего выбора профессионального и жизненного пути. Можно полагать, это должно представлять профессионально интересный вопрос для многих руководителей разного управленческого уровня.

Симптоматика смыслов достижения и доминирования сильнее выражена у мужчин, симптоматика аффилиации – у женщин (см табл.1). Этот феномен представляется банальным и житейски очевидным. Он достаточно

известен и подтвержден в статистических исследованиях многих и разноязычных авторов. Однако анализ корреляционных зависимостей и построение факторных моделей задействованных в исследовании переменных выявляет более глубокие и тонкие различия между психологией мужчин и женщин.

Например, удовлетворенность доминирования у женщин обширнее и теснее коррелирует с другими психологическими переменными, чем у мужчин. Доминирование имеет в сознании женщин-руководителей некий иной, более развернутый, устойчивый, широкий и субъективно аргументированный смысл не подавления, а именно социального лидерства, что подтверждают и результаты факторного моделирования измеренных параметров.

Психологически показательно распределение в общей выборке традиционно выделяемых трёх «уровней» (высокого, среднего и низкого) всех потребностно-смысловых образований и их явные диспропорции с «уровнями» соответствующих удовлетворенностей. Средний уровень величин всех потребностей встречается значимо чаще ($P=0,03$), чем средний уровень величин их удовлетворенности. Зато возрастают доли в выборке «высокого» и «низкого» уровней удовлетворенности. Происходит как бы субъективное «размывание» средних потенциальных устремлений людей в два направления реального оценивания: максимальное (завышенное, оптимистичное) и минимальное (заниженное, пессимистичное). Эту феноменологию можно считать косвенным проявлением своеобразной психологической «защиты» человека, который стремится (не всегда, конечно, осознанно) к индивидуально равновесному совмещению двух противостоящих потребностно-смысловых установок: «быть таким, как все» и «отличаться от других».

Фактические связи между величинами потребностей и степенью их удовлетворения не являются, конечно, линейными. Далеко не всегда неудовлетворенная потребность становится для человека самой настоятельной. Возможен и противоположный психологический результат, когда постоянное неудовлетворение потребности приводит к снижению её уровня, к субъективному переосмыслению потреб-

ности, которая перестает реально участвовать в построении деятельности и поведения человека. Это по-особому проявляется в исследуемых потребностно-смысловых образованиях, являющихся подчеркнуто социальными (социогенными), то есть практически не связанными с неустраняемыми биологическими нуждами и потребностями человека. Социогенные потребности и духовные смыслы предоставляют человеку определенную свободу выбора направлений и качеств своего поведения. Зрелая и психологически развитая личность перестает быть «послушным рабом» своих настоятельных и не вполне удовлетворенных потребностей, приобретая осознанную свободу выбора (или открытия, «вычерпывания») новых для неё субъективных смыслов и ценностей работы, бытия и жизни в целом.

Поэтому определенный психологический интерес представляет рассмотрение эмпирически полученного статистического распределения величин субъективного «индекса удовлетворенности» – условного количественного отношения меры удовлетворенности к величине соответствующей потребностно-смыслового конструкта (см. табл. 2).

Показательно, что значение этих индексов по всем измеренным параметрам у женщин выше, чем у мужчин. Можно полагать, что это также свидетельствует о некоей большей пластичности и одновременно защищенности и устойчивости или самозащищенности «женской» психологии. Подобные различия между психикой мужчины и женщины являются, несомненно, не столько количественными, сколько качественными, отнесенными именно к смысловой и эмоциональной стороне исследуемой психической феноменологии.

Например, при диагностике симптоматики аффилиации в опроснике вначале был предложен такой феномен, как «сцены насилия в кино», оценки которого у мужчин и женщин существенно различались (не в пользу апри-

ори «грубым» и «агрессивным» мужчинам). Но всякая оценка зависит от её субъективного смысла для опрашиваемого. Специально проведенное исследование (по психосемантической методике Ч. Осгуда) показало, что координаты «насилия» в семантическом пространстве мужчин и женщин существенно различаются. Поэтому впоследствии тестовая формулировка вопроса была заменена на «сцены борьбы в кино». В результате ответы мужчин и женщин стали не так категоричны и однозначны, отчего диагностические возможности этого вопроса в тесте стали заведомо адекватнее или точнее.

Показатель субъективного отношения к работе, рассматриваемый в данном исследовании как своего рода итоговый и комплексный психологический параметр, положительно коррелирует с выраженностью симптоматики достижения, доминирования, а также с показателями их удовлетворенности (у мужчин и женщин одинаково). Этот факт соответствует специфике самой управленческой (лидерской, руководящей) деятельности, а потому может обоснованно считаться характерным для людей руководящих профессий.

В выборке опрошенных женщин выявлена статистически значимая связь субъективного отношения к работе также с познанием и его удовлетворением, хотя средние величины симптоматики познания у мужчин значимо выше (см. табл. 1). Такой эмпирический факт снова свидетельствует об именно качественном различии мужской и женской психологии, что не всегда удастся убедительно объяснить с позиций, так называемого, гендерного (пололевого) подхода. Известно, что биологическое и социальное образуют в человеке и всей его психике некое нерасторжимое и динамическое (переменчивое) единство, и само понятие «гендера» ещё не получило в психологии должной методологической разработки (теоретической и методической).

Таблица 2 – Индексы удовлетворенности по основным потребностно-смысловым образованиям ($n = 350$)

Потребностно-смысловые образования	Испытуемые	
	Женщины	Мужчины
Достижение	0,56	0,49
Познание	0,55	0,51
Аффилиация	0,54	0,52
Доминирование	0,59	0,56

Необходимо подчеркнуть основную и общую тенденцию: субъективное отношение человека к работе тем лучше, чем более выражена у него симптоматика всех исследуемых потребностно-смысловых образований. Эта закономерность явно расходится с некоторыми упрощенно технократическими представлениями о том, что будто, чем меньше у человека настоятельных (не реализованных) потребностей, тем более он спокоен, доволен всем происходящим и самим собой.

Практика убедительно показывает, что работник с высоким потребностно-смысловым потенциалом является более активным, успешным, надежным и перспективным, хотя организаторская и управленческая работа с ним требует особых, систематических и терпеливых психологических усилий, соответствующей профессиональной готовности руководителя.

Субъективную потребность индивида невозможно сформировать извне, приказами, поощрениями, наказаниями или словесными убеждениями. Но руководитель может активировать имеющийся у человека потребностный (или смысловой) потенциал путём постановки адекватных целей предъявляемой работы, если эти цели будут входить в некую «зону действия мотива», то есть приобретут для работника психологический статус реального и смыслообразующего «побудителя». В этом заключается одно из психологических направлений известной «мотивирующей» организации управления [3,4,11], когда актуализируется и психологически поддерживается удовлетворение широкого спектра человеческих потребностей, мотивов и смыслов, далеко не сводимых к материальному стимулированию и потреблению. Древняя и не умирающая мудрость: «Не хлебом единым» всегда приобретает всё новые толкования и оттенки в зависимости от конкретных и объективных политических, идеологических и социально-экономических условий существования человека и общества. Но важно осознанно принимать многократно установленную (в том числе, экспериментально) закономерность, что, начиная с определенного (оптимального) уровня своей удовлетворенности, экономические (материальные) факторы мотивации пе-

рестают психологически работать, то есть могут не влиять на деятельность конкретного человека, группы людей, даже общества в целом. Живого, а не «экономического» человека мотивируют, к примеру, не деньги как таковые, а именно то, зачем они человеку конкретно нужны, какой субъективный смысл они имеют в данный момент и в общей системе его собственных субъективных ценностей.

Работа человека на производстве, учеба и любая другая деятельность могут рассматриваться как определенные модели достигающего, познавательного, доминирующего, аффилиативного или другого осмысленного поведения. В действительности всякая реальная деятельность полимотивирована и полиосмысленна, т.е. психологически детерминирована соподчиненной личностной системой сложившихся потребностно-смысловых образований. Каждое из них имеет для личности некоторую оптимальную величину, по-разному и в неперенных сочетаниях с другими влияя на конечную эффективность деятельности человека, на всё его мировосприятие.

Отсюда возникает психологическая задача большой практической и теоретической важности: систематизация многоликой потребностно-смысловой феноменологии, разработка надежных средств её диагностики, построение целостной семантической (смысловой) модели психики как реально существующего субъективного Мира человеческой Души. При этом всё большее практическое значение в управленческой деятельности приобретают, так называемые, нравственные или духовные качества личности как любого исполнителя, так и особенно – личности руководителя [12,13]. За рамками целенаправленных эмпирических исследований, к сожалению, остаются некие научно не формулируемые, но психологически базисные и практически постоянно действующие представления человека о добре и зле, о порядочности, чести, совести, преданности, державности и т.д. «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Это семантически ёмкое выражение А.С. Грибоедова никогда не устареет, приобретая (по мере усложнения общественного и государственного устройства) всё большую актуальность, остроту и практическую значимость.

Акцентированное внимание системы управления именно к человеку, к его душевному состоянию становится всё более необходимым по мере объективного усложнения общественных, в том числе, производственных отношений, по мере бурно расширяющихся контактов, людских взаимодействий и обострения множества противоречий межнационального и межгосударственного характера (экономического, политического, идеологического). В бурную эпоху современной безудержной «глобализации», информатизации и «цифровизации» социального бытия особо острое звучание приобретает проблема гуманного охранения и поддержки неповторимой индивидуальности и морального благополучия человеческой психики. Реальное идеологическое безверие, фанатичный терроризм, безработица, очевидное и недопустимо полярное экономическое и образовательное расслоение российского общества – это уже объективные, тревожные и злободневные «вызовы» современного социума. Неуклонно производимая глобализация экономики не должна распространяться на сферы образования и культуры, на реальную практику управления, на обезличивающую унификацию (как фактическое отрицание) моральных и нравственных ценностей. Такая безоглядная и агрессивная «глобализация» – это завуалированный путь к очередному, всеобщему и мощному обезличиванию и «расчеловечиванию» реальной психики и живой человеческой Души.

Существующая управленческая концепция «человеческих отношений» требует обяза-

тельной и тщательной социально-психологической разработки, и неперенной конкретизации применительно к неустранимой специфике личности и к реалиям отечественного социума. Убедительным доказательством ошибочного отрицания этого несложного тезиса можно считать, например, очевидные негативные издержки насильственного и мощного внедрения в культуру современного Запада идеологической концепции «толерантности», которая фактически бессмысленна без наличия в сознании человека её диалектического единства с «патриотизмом», то есть признанием обязательного существования (и целенаправленного поддерживания) многоликой психологической специфики реального человека – национальной, идеологической, этической, моральной, политической, экономической, культурологической.

Многомерное субъективное отношение человека к работе является одним из условий эффективности труда и надежности кадрового потенциала любой организации [14]. Поэтому оно должно стать обязательным предметом анализа и системного исследования в управленческой деятельности всех уровней её иерархии: от конкретно группового и муниципального до федерального и обще государственного. Необходимое позитивное отношение человека к работе обуславливается не только множеством личностных и производственных факторов, но и всей целостной системой конкретно общественных и широко социальных взаимодействий и отношений человека как субъекта, гражданина и работника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. М.: МИЭП, 2008.
2. Зинченко В.П., Мунипов В.М. Эргономика. Ориентированное на человека проектирование. М. Логос, 1995.
3. Сосновский Б.А. Теоретические контуры психологии труда [электронный ресурс] // «e-FORUM», 2019 №3 (8) URL: <http://eforum-journal.ru/ru/component/content/article?id=210> (дата обращения: 22.01.2020)
4. Вересов Н.Н. Психология управления. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001.
5. Андреева Г.М. Социальная психология. М: Аспект Пресс, 2001
6. Лебедева Е.А. Некоторые психологические аспекты управленческой деятельности// Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2 (82). С. 38-42.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
8. Сосновский Б.А. Мотив и смысл. М.: Прометей, 1993
9. Сосновский Б. А. Экопсихологические издержки реформирования отечественного обра-

зования [электронный ресурс] // Год экологии в России: педагогика и психология в интересах устойчивого развития: сборник материалов научно-практической конференции (Москва, 2017). URL: https://www.pirao.ru/upload/iblock/1bc/god_ekologii.pdf (дата обращения: 22.01.2020)

10. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. V. М.: Прогресс, 1975

11. Дышловой И. Н. Анализ современных подходов мотивации персонала, зарубежный опыт // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: Материалы II Всероссийской с

международным участием научно-практической конференции, г. Бахчисарай, 25–26 апреля 2019. С. 137–142.

12. Пономаренко В. А. Психология духовности профессионала. М.: ГНИИ МО РФ, 1997.

13. Психология нравственности. М: Издательство «Институт психологии РАН», 2010

14. Высочина М. В. Факторы, влияющие на состояние кадрового потенциала организаций в Российской Федерации // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 1 (46). С. 114–123.

NEED-SEMANTIC FACTORS OF A PERSON'S ATTITUDE TO WORK

B.A. Sosnovsky

Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

The introduction of applied psychology into a broad industrial and social practice is reasonably required, since any effective work with people, especially management, is impossible independently of certain psychological facts, patterns and mechanisms. Homo ergaster is not just a participant, but also a crucial component of any production process. The modern management doctrine of "human relations" assumes, in particular, a systematic study and consideration of the subjective attitude of a person to the work, which is one of the most important components of the entire mental image of the employee. This experienced, meaningful attitude is formed under the influence of an integral system of factors (objective and subjective, social and technological) and largely determines the success and reliability of the employee, the viability and stability of any organization or enterprise as a whole. Because of an empirical psychological study of a group of mid-level executives (350 people), reliable links were established between a person's subjective attitude to work and their leading sociogenic needs: achievement, cognition, dominance, and affiliation. The higher and more diverse the individual's need potential, the more positive his attitude to work is. Significant correlations of the attitude to work with the subjective assessment of its organization, with the possibility of promotion, and with overall life satisfaction were identified. Qualitative differences of subjective meanings of attitude to work, dominance and other psychological parameters in the minds of respondents – executives: men and women are indicated. "Female" psychology seems more plastic and protected. The special, socially aggravated significance of morals as professionally necessary psychological features of the executive of any level is emphasized.

KEYWORDS: needs, satisfaction of needs, motives, meanings, consciousness, personality, attitude to work, management.

AUTHORS' INFORMATION:

Boris A. Sosnovsky, Dr. Sci. (Economical), Professor, Ural State University of Economics,
62, 8 marta st., Yekaterinburg, 620144, Russia, sosnovsk@list.ru

FOR CITATION: Sosnovsky B.A. Need-semantic factors of a person's attitude to work // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 158–168.

REFERENCES

1. Taylor F. W. Principles of scientific management. Moscow: MIEP, 2008. [Tejlor F.U. Principy nauchnogo menedzhmenta. M.: MIEP, 2008.] – (In Rus.).
2. Zinchenko V. P., Munipov V. M. Ergonomics. Human-oriented design. M. Logos, 1995. [Zinchenko V.P., Munipov V.M. Ergonomika. Orientirovannoe na cheloveka proektirovanie. M. Logos, 1995.] – (In Rus.).
3. Sosnovsky B. A. Theoretical contours of labor psychology [electronic resource] // “e-FORUM”. 2019. No. 3 (8). URL: <http://eforum-journal.ru/ru/component/content/article?id=210> (date of reference 22.01.2020) [Sosnovskij B.A. Teoreticheskie kontury psichologii truda [elektronnyj resurs] // «e-FORUM», 2019 №3 (8) URL: <http://eforum-journal.ru/ru/component/content/article?id=210> (data obrashcheniya: 22.01.2020)] – (In Rus.).
4. Veresov N. N. Psychology of management. Moscow: IPSI publishing House; Voronezh: MODEK, 2001 [Veresov N.N. Psihologiya upravleniya. M.: Izd-vo MPSI; Voronezh: MODEK, 2001] – (In Rus.).
5. Andreeva G. M. Social psychology. M: Aspect Press, 2001 [Andreeva G.M. Social'naya psichologiya. M: Aspekt Press, 2001] – (In Rus.).
6. Lebedeva E. A. Some psychological aspects of managerial activity // News of Altai State University. 2014. No. 2 (82). P. 38-42 [Lebedeva E.A. Nekotorye psichologicheskie aspekty upravlencheskoj deyatel'nosti // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. №2 (82). S. 38-42] – (In Rus.).
7. Leontiev A. N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat, 1975 [Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975] – (In Rus.).
8. Sosnovsky, B. A. Motive and meaning. Moscow: Prometheus, 1993 [Sosnovskij B.A. Motiv i smysl. M.: Prometej, 1993] – (In Rus.).
9. Sosnovsky B. A. Ecopsychological costs of reforming domestic education [electronic resource] // Year of ecology in Russia: pedagogy and psychology in the interests of sustainable development: sourcebook of the research-to-practice conference (Moscow, 2017). URL: https://www.pirao.ru/upload/iblock/1bc/god_ekologii.pdf (accessed 22.01.2020) [Sosnovskij B.A. Ekopsichologicheskie izderzhki reformirovaniya otechestvennogo obrazovaniya [elektronnyj resurs] // God ekologii v Rossii: pedagogika i psichologiya v interesah ustojchivogo razvitiya: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 2017). URL: https://www.pirao.ru/upload/iblock/1bc/god_ekologii.pdf (data obrashcheniya: 22.01.2020)] – (In Rus.).
10. Fress P., Piaget J. Experimental psychology. Vol. V. M.: Progress, 1975 [Fress P., Piazhe ZH. Eksperimental'naya psichologiya. Vyp. V. M.: Progress, 1975] – (In Rus.).
11. Dyshlovoy I. N. Analysis of modern approaches to personnel motivation, foreign experience // Priority directions and problems of development of domestic and international tourism in Russia: Sourcebook of the II all-Russian research-to-practice conference with international participation, Bakhchisaray, April 25-26 2019, P. 137-142. [Dyshlovoy I. N. Analiz sovremennyh podhodov motivacii personala, zarubezhnyj opyt // Prioritetnye napravleniya i problemy razvitiya vnutrennego i mezhdunarodnogo turizma v Rossii : Materialy II Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Bahchisaraj, 25–26 aprelya 2019 g. S. 137–142.] – (In Rus.).
12. Ponomarenko V. A. Psychology of professional spirituality. M.: National Research Institute Ministry of Defence of the Russian Federation, 1997. [Ponomarenko V. A. Psihologiya duhovnosti professionala. M.: GNII MO RF, 1997.] – (In Rus.).
13. Psychology of morality. M: Publishing House “Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences”, 2010 [Psihologiya nravstvennosti. M: Izdatel'stvo «Institut psichologii RAN», 2010] – (In Rus.).
14. Vysochina M. V. Factors affecting the state of human resources of organizations in the Russian Federation // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. 2019. No. 1 (46). P. 114-123. [Vysochina M. V. Faktory, vliyayushchie na sostoyanie kadrovogo potenciala organizacij v Rossijskoj Federacii // Nauchnyj vestnik : finansy, banki, investicii. – 2019. № 1 (46). S. 114–123.] – (In Rus.).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР

УДК: 342.55
ББК: 67.400.532.22
DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-170-180

ГРНТИ: 04.51.35
Код ВАК: 22.00.08

В.Е. Степанов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
Москва, Россия
AuthorID: 966570

АННОТАЦИЯ:

Проблема статьи обусловлена отсутствием научных разработок о роли и значении представительств субъектов Российской Федерации в системе государственных представительских структур. В статье уделяется внимание институтам федерального и регионального представительства. Цель статьи – определение роли и значения представительств субъектов Российской Федерации в системе государственных представительских структур, исследование основных видов представительств субъектов Российской Федерации в системе государственного управления, выявление основных функций представительств, определение субъектов представления институтов представительств, а также особенностей их «принадлежности» к институтам власти и определенным территориям. В рамках исследования видов представительств в статье проводится анализ подсистем системы представительств субъектов Российской Федерации: «регион-муниципальное образование», «регион-законодательная власть»; «регион-регион», «регион-федеральный центр», «регион-федеральные округа», «регион-зарубежное государство» и роли представительств субъектов Российской Федерации в городе Москве. Отмечено, что представительства субъектов Российской Федерации в городе Москве зачастую выполняют организационно-технические функции, вместо представительских. Научная новизна: исследована система государственных представительских структур, детерминированы субъекты представления институтов представительств, определены основные виды представительств субъектов Российской Федерации в городе Москве и их политико-территориальные принадлежности, а также отмечена необходимость статусно-функциональной модернизации представительств субъектов Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: представительства субъектов Российской Федерации, региональное представительство, система, представительские структуры, функции, представление интересов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Вадим Евгеньевич Степанов, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119606, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84, vstepanov777@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Степанов В.Е. Представительства субъектов Российской Федерации в системе государственных представительских структур // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 170–180.

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием научных исследований, посвященных роли и значению представительств субъектов Российской Федерации в системе государственных представительских структур. Несмотря на двадцатилетнее существование представительств субъектов Российской Федерации в современной системе госуправления, их научная разработанность остаётся на невысоком уровне. Так, анализ представительств субъектов РФ был проведен такими учеными, как Г.В. Дондокова [1], Р.Х. Губейдуллин [2;3], Р.З. Бикбов [4], Н.П. Дамбаева [5], Р.А. Сахиева [6;7]. Работы указанных ученых в основном были посвящены социологическим и юридическим аспектам деятельности представительств, однако роль и место представительств субъектов Российской Федерации в системе государственных представительских структур рассмотрены ранее, в том числе в работах приведенных ученых, не были. Таким образом, целью настоящей статьи является определение роли и места представительств в системе государственных представительских структур, исследование основных видов представительств субъектов Российской Федерации в системе государственного управления, выявление основных функций представительств, определение субъектов представления институтов представительств, а также особенностей их «принадлежности» к институтам власти и определенным территориям.

Рассматривая механизмы взаимодействия в современном государственном управлении России, нельзя не проанализировать комплекс взаимосвязанных представительских структур в Российской Федерации, которые играют важнейшую роль в коммуникации между уровнями и ветвями власти.

Система федерального представительства представлена корпусом полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах; полномочными представителями Президента в Государственной Думе и Совете Федерации; полномочным представителем Президента в Конституционном Суде; специальными представителями Президента Российской Федерации по вопросам климата и природоохранной деятель-

ности, экологии и транспорта [8]. Представители Президента России представляют интересы главы государства и способствуют реализации его конституционных полномочий.

Система представительства региональных интересов определена в Конституции России [9] и реализуется в Федеральном Собрании Российской Федерации, состоящем из Совета Федерации и Государственной Думы.

«Верхняя палата» – Совет Федерации обеспечивает представительство регионов России и формируется из двух представителей от каждого субъекта Российской Федерации, один представитель от исполнительной власти региона, второй – от законодательной власти региона.

«Нижняя палата» – Государственная Дума обеспечивает представительство населения и формируется из депутатского корпуса, всего 450 депутатов, 225 из которых избираются по одномандатным избирательным округам, а остальные 225 депутатов избираются по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов избирателей, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной Думы [10, ст. 3].

Кроме того, представительство региональных интересов на федеральном уровне реализуется в Государственном совете Российской Федерации, совещательном органе, содействующем реализации полномочий Президента России по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти [11]. В состав Государственного совета входят наряду с Председателями палат Федерального Собрания, Полномочными представителями Президента в федеральных округах и руководителями парламентских фракций Государственной Думы, также высшие должностные лица субъектов Российской Федерации, которые реализуют представительскую функцию на высшем уровне.

Вместе с тем в соответствии с темой нашей работы, подробнее рассмотрим систему представительства субъектов Российской Федерации. Данная система в отличие от предыдущей формально не закреплена в Конституции России, но реализуется в соответствии с ее нормами [9, ст. 72, ст. 5], из которых следует, что:

1. Принципы организации системы органов государственной власти и местного самоуправления находятся в совместном ведении Федерации и ее субъектов.

2. Все субъекты Российской Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти равноправны.

Данная система реализуется как во внутренних связях, так и во внешних связях региона, образуя подсистемы.

Говоря о реализации представительства внутри региона-соответствующего субъекта Российской Федерации, мы имеем ввиду институт представительства региональной власти в:

- *муниципальном образовании региона (подсистема «регион – муниципальное образование»)*

Так, например, в структуре аппарата Правительства Ставропольского края существует должность Представителя Губернатора Ставропольского края в муниципальном образовании Ставропольского края. Его основными задачами являются:

- представление интересов главы региона на курируемой территории;
- информирование главы региона о складывающейся социально-экономической и общественно-политической ситуации на данной территории;
- содействие развитию местного самоуправления на курируемой территории.
- контроль исполнения поручений главы региона на соответствующей территории [12].

Вместе с тем существуют Представители Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа в муниципальных образованиях [13], которые обладают схожими функциями с аналогичными представителями в Ставропольском крае.

В структуре аппарата Правительства Московской области в 2014 году существовала должность спецпредставителя Губернатора Московской области в городе Королёв в ранге советника Губернатора Московской области [14].

- *региональном законодательном органе (подсистема «регион – законодательная власть»)*

К примеру, Полномочный представитель Мэра Москвы в Московской городской Думе [15]; Постоянный представитель Губернатора Московской области в Московской областной Думе [16]; Представитель Губернатора и Правительства Алтайского края в Алтайском краевом Законодательном Собрании [17] и другие.

По данным должностям предусматривается ведение следующих вопросов:

1) взаимодействие высшего должностного лица региона и исполнительной власти с законодательной властью;

2) реализация контроля за соблюдением порядка рассмотрений в региональных исполнительных органах депутатских обращений и запросов;

3) подготовка и реализация планов законопроектных работ региональной исполнительной власти, контроль за их исполнением;

4) анализ и подготовка заключений по адресованным главе региона и исполнительной власти обращениям законодательного органа, а также отдельных депутатов, фракций, комиссий, а также подготовка проектов поручений главы региона по указанным вопросам и другие.

В практике регионального управления встречаются также специфические формы представительских институтов, например, Представитель Губернатора Архангельской области по развитию Арктики [18]. К сожалению, его функциональные задачи в открытых источниках информации отсутствуют.

Вместе с тем анализ сети представительств в регионах России позволяет нам сделать вывод о наличии еще одной, но уже *внешней подсистемы представительств – «регион – регион»*. На этом уровне представительства выступают активными субъектами межрегионального взаимодействия, как правило, в части тиражирования и применения успешных практик во разных сферах жизнедеятельности региона, привлечения инвестиций и т.д. При этом регионы представляют свои интересы не только в Москве, но и на территории других субъектов РФ. Например, Представительства в других субъектах Российской Федерации имеют Республики Башкортостан [19], Дагестан [20], Ингуше-

тия [21], Татарстан [22], Ямало-Ненецкий автономный округ [23] и другие субъекты Федерации. Отметим, что Республика Татарстан имеет наибольшее количество представительских институтов в субъектах РФ.

Менее известной является *подсистема представительства интересов субъектов РФ – «регион – федеральные округа»*. Представительства в федеральных округах имеют Республика Ингушетия и Республика Северная Осетия-Алания [24], а Республика Коми имеет представительство в Северо-Западном регионе Российской Федерации [25]. Часть представительств данной подсистемы функционирует на общественных началах, а часть как органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, структурные подразделения указанных органов, а также как отдельные должности в аппаратах региональных органов власти.

Существует и еще одна *подсистема – «регион – иностранное государство»*, в которой представительства выступают связующими звеньями между органами власти субъекта Федерации и зарубежными странами. Лидером по присутствию в зарубежных странах является также Республика Татарстан, которая имеет 5 полномочных и постоянных, а также более десяти торгово-экономических представительств в таких государствах, как Казахстан, Франция, Турция, Азербайджан, Беларусь, Объединенных Арабских Эмиратах, Узбекистан, Куба, Финляндия, Чехия, Швейцария, Украина, а также при Торговых представительствах Российской Федерации в Соединённых Штатах Америки и Туркменистане [26]. Активно функционирует Представительство Краснодарского края в Италии и других странах [27]. Сферами взаимодействия выступают, как правило, экономическая, культурно-образовательная, социальная, духовная и другие.

Следующей и наиболее многочисленной подсистемой регионального представительства является *«регион – центр»* – представительства субъектов Российской Федерации в городе Москве. Запрос на такие представительства обусловлен необходимостью постоянной вовлеченности субъектов РФ в актуальную федеральную повестку. Кроме то-

го, представительства реализуют ряд важнейших функций – представительские, организационные, координирующие, информационные, аналитические, контрольные.

Представительские функции – представление, продвижение и отстаивание интересов субъектов РФ на федеральном уровне. По сути, речь идет о региональном лоббировании интересов регионов. Определяя содержание лоббирования, мы опирались на исследования авторитетных ученых, в частности, на работы Л.Е. Ильичевой, определяющей лоббизм как специфический автономный механизм давления, нацеленный на принятие соответствующего государственного решения [28].

В настоящее время лишь некоторые представительства субъектов РФ де-факто частично выполняют функцию лоббистов интересов региона, представляют, в рамках возложенных задач, высшее должностное лицо, региональную исполнительную и законодательную власть в отношениях с Российской Федерацией, иными субъектами РФ, бизнес-субъектами, некоммерческими и общественными организациями и иными субъектами. Несомненно, что основной задачей в данном случае является продвижение региональных интересов в целях эффективного социально-экономического развития и улучшения имиджа регионов. Представительства, в определенной мере, способствуют формированию брендов регионов, если рассматривать бренды не просто как визуализацию образа региона, а как продвижение его ценности и привлекательности [29].

Однако большая часть представительств выполняет лишь организационно-обеспечительные функции, часть которых теряет свою актуальность в условиях динамически развивающихся ИТ-ресурсов и транспорта. Совершенно точно, что текущие возможности оперативной мобильной и видеосвязи, воздушного и скоростного железнодорожного транспорта позволяют представителям регионов быть намного мобильнее и самостоятельно, без представительств, представлять интересы региона и решать задачи взаимодействия с федеральным центром.

Организационные функции заключаются в осуществлении взаимодействия региональ-

ных органов власти с федеральным центром, другими регионами, иностранными государствами и иными хозяйствующими субъектами. Организационным функциям можно также отнести решение вопросов по включению в федеральные программы; организацию деловых и официальных встреч; оказание содействия командированным в Москву региональным должностным лицам и другое. В то же время объем работы по обеспечению деятельности региональных должностных лиц в городе Москве занимает значимую часть «функционала» представительств.

Координирующие функции представительств выражаются в координации деятельности по:

- исполнению соглашений, договоров субъектами Российской Федерации, федеральной властью, иностранными государствами и иными субъектами;

- исполнению полномочий органов власти субъектов Федерации во взаимоотношениях с Российской Федерацией.

Кроме того, в документах, регламентирующих деятельность некоторых представительств, встречается более широкое толкование координирующей функции, выражающейся в привлечении в регион специалистов востребованных профессий, а также привлечении национальных и зарубежных инвестиций в региональную экономику и др.

Информационные функции представительств представляют собой сбор, аккумуляцию и транслирование данных, необходимых для принятия управленческих решений руководством региона; информирование федерального центра о комплексной ситуации в регионе; деятельность по включению региональных новостей в информационную повестку федеральных медиа.

Аналитические функции выражаются в формировании аналитических материалов о различных социально-экономических процессах, представляющих интерес для органов власти субъектов Федерации. Данные группы функций обусловлены, в том числе, необходимостью анализа проведенных мероприятий, конференций, форумов для дальнейшей передачи актуальных данных профильных органам власти региона. Стоит отметить, что

аналитические функции зафиксированы не во всех нормативных актах о представительствах, однако они представляют собой, на наш взгляд, «логическое продолжение» организационных, координирующих и информационных функций.

Контрольные функции представляют собой мониторинг исполнения соглашений между субъектами Федерации, субъектами Федерации и федеральным центром, субъектами Федерации и бизнес-субъектами, общественными организациями и иными субъектами. Контрольные функции представительств в данном контексте, на наш взгляд, имеют преимущественно координирующий характер. К контрольным функциям представительств в некоторых случаях относят участие в антикоррупционных мероприятиях и мониторинге. Не думаем, что представительства могут быть эффективны в части решения такой актуальной задачи, как противодействие нарушениям коррупционного характера, так как представительства встроены в систему власти и являются одновременно и субъектом, и объектом борьбы с коррупцией. Вывод о неэффективности борьбы с коррупцией при совпадении объекта и субъекта такой борьбы был сделан ученым-исследователем Комлевой В.В. по результатам анализа антикоррупционных программ, мероприятий по их реализации и опыта по борьбе с коррупцией: органы власти сами вносят изменения в планы по противодействию коррупции, сами направляют статистику об эффективности реализации антикоррупционных программ и планов [30].

Таким образом, изучив функции представительств субъектов РФ отметим следующее:

- функции представительств специфичны в зависимости от приоритетных задач их учредителя – регионального органа исполнительной власти.

- функции представительств схожи, но имеются различия в части их роли и значения для лоббирования интересов региона.

Что касается нормативного правового регулирования функций и полномочий представительств, то оно реализуется по-разному: полномочия представительств республик регулируются региональным законодательством, а полномочия представительств кра-

ев и областей – федеральным законодательством [31].

Обобщив статусно-ролевые позиции представительств субъектов РФ в городе Москве, мы пришли к следующим выводам:

– *институт представительства позиционируются как представительство непосредственно:*

- 1) субъекта РФ;
- 2) руководителя субъекта РФ;
- 3) высшего органа исполнительной власти субъекта РФ;
- 4) руководителя субъекта и высшего органа исполнительной власти субъекта РФ.

– *определены политико-территориальные принадлежности представительств:*

- 1) при Президенте Российской Федерации;
- 2) при Правительстве Российской Федерации;
- 3) при Президенте Российской Федерации и Правительстве Российской Федерации;
- 4) в городе Москве;
- 5) при Правительстве Российской Федерации в городе Москве;
- 6) в Российской Федерации;
- 7) при федеральных органах государственной власти Российской Федерации;
- 8) при Правительстве Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации;
- 9) в органах государственной власти Российской Федерации.

– *определены виды представительств:*

- 1) Постоянное представительство;
- 2) Полномочное представительство;
- 3) Представительство;
- 4) Управление — представительство;
- 5) Представитель.

Таким образом, мы определили, что система федерального и регионального представительства представлена целым комплексом институтов, закрепленных в федеральном законодательстве: Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Рос-

сийской Федерации, Государственный совет Российской Федерации, полномочные представители Президента Российской Федерации.

Вместе с тем рассматривая детально систему регионального представительства, мы определили, что система представительств субъектов Российской Федерации не ограничивается одним уровнем. Регионы образуют институты представительства для взаимодействия с муниципальными образованияами, региональной законодательной властью, иностранными государствами, федеральным центром, федеральными округами и с другими регионами. Поэтому мы можем говорить, как минимум, о шести подсистемах системы представительств субъектов РФ (внутренние: «регион-муниципальное образование», «регион-законодательная власть»; внешние: «регион-регион», «регион-федеральный центр», «регион-федеральные округа», «регион-зарубежное государство»), позволяющих им в рамках законодательства и полномочий обеспечивать реализацию своих интересов.

Таким образом, роль и значение представительств субъектов Российской Федерации в системе государственных представительских структур трудно переоценить, так как их значимость как полноценных представительских структур в процессах государственного взаимодействия ослабевает ввиду развития современных возможностей высокоскоростного транспорта, ресурсов связи, IT-ресурсов. Совокупность указанных факторов позволяет в определенных случаях учредителям – региональным властям быть мобильнее и без участия представительств представлять интересы региона на той или иной территории. В связи с этим институт представительств субъектов Российской Федерации на данном этапе нуждается в детальном анализе с точки зрения статусно-функциональной составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дондокова Г. В. Институт представительства субъектов Российской Федерации, как форма взаимодействия с федеральным центром: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Москва, 2000.
2. Губейдуллин Р. Х. Место представительств субъектов РФ в системе договорных отношений. // Вопросы российского и международного права. 2016. №3. С. 161–168.
3. Губейдуллин Р. Х. Представительства субъектов РФ в механизме реализации договорных отношений: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2016.
4. Бикбов Р. З. Представительства субъекта РФ – новый институт региональной политики // Экономика региона. 2007. № 2. С. 271–275.
5. Дамбаева Н. П. Представительство Республики Бурятия за рубежом: нормативно-правовые основы // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 9 (26). С. 149–155.
6. Сахиева Р. А. Представительства субъектов в федеральном центре, других субъектах РФ, их роль в реализации договорных отношений. // Вопросы российского и международного права. 2016. № 5. С. 12–19.
7. Сахиева Р. А. Понятие, порядок организации и функции представительств субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 3. С. 116–122.
8. Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/administration/members> (дата обращения: 10.01.2020).
9. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2020).
10. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 22 февраля 2014 года N 20-ФЗ (ред. от 29.05.2019) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2020).
11. О Государственном совете Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 сентября 2000 года N 1602 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2020).
12. Об утверждении положения о представителе Губернатора Ставропольского края в муниципальном образовании Ставропольского края: Постановление Губернатора Ставропольского края от 10 февраля 2014 года № 39 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2020).
13. Официальный сайт Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://www.yanao.ru/activity/1074/> (дата обращения: 02.12.2019).
14. Архивная версия сайта Правительства Московской области. URL: <http://web2.mosreg.ru/gubernator/press-releasy/spetspredstavitel-gubernatora-v-gorode-korolyeve-v-range-sovetnika-gubernatora/> (дата обращения: 02.12.2019).
15. О распределении обязанностей между Мэром Москвы и заместителями Мэра Москвы в Правительстве Москвы: Распоряжение Мэра Москвы от 27 июля 2012 № 620-РМ [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2020).
16. О постоянном представителе Губернатора Московской области в Московской областной Думе: Постановление Губернатора Московской области от 28 ноября 2018 года № 589-ПГ [электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Московской области. URL: www.mosreg.ru (дата обращения: 10.01.2020).
17. Об утверждении Положения о Представителе Губернатора и Правительства Алтайского края в Алтайском краевом Законодательном Собрании: Указ Губернатора Алтайского края от 19 декабря 2018 года № 222 [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2020).
18. Официальный сайт Администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области. URL: <https://dvinaland.ru/gov/adm/> (дата обращения: 02.12.2019).
19. Официальный сайт постоянного представительства Республики Башкортостан в Челябинской области. URL: <http://pprb-chel.ru/> (дата обращения: 03.12.2019).
20. Официальный сайт представительства Республики Дагестан в Ставропольском крае. URL: <http://dagstav.ru/> (дата обращения: 03.12.2019).
21. Официальный сайт постоянного представительства Республики Ингушетия при Прези-

денте Российской Федерации. URL: <http://postpredstvo.ru/rabota-s-regionami/> (дата обращения: 03.12.2019).

22. Официальный сайт постоянного представительства Республики Татарстан в республике Крым и городе Севастополе. URL: <http://postpredrk.tatarstan.ru/> (дата обращения: 04.12.2019).

23. Официальный сайт представительства Ямало-Ненецкого автономного округа в городе Санкт-Петербурге. URL: <https://spb.yanao.ru/about/> (дата обращения: 04.12.2019).

24. Официальный сайт постоянного представительства Республики Северная Осетия-Алания при Президенте Российской Федерации. URL: <http://pp.alania.gov.ru/about/region/> (дата обращения: 04.12.2019).

25. Официальный сайт представительства Республики Коми в Северо-Западном регионе Российской Федерации. URL: <http://spb.rkomi.ru> (дата обращения: 04.12.2019).

26. Официальный сайт полномочного представительства Республики Татарстан в Российской Федерации. URL: <http://tatmsk.tatarstan.ru/rus/predstavitelstva-rt.htm> (дата обращения: 05.12.2019).

27. Официальный сайт постоянного представительства администрации Краснодарского края при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://www.kubanrep.ru/krkr73.html> (дата обращения: 05.12.2019).

28. Ильичева Л. Е. Провокация в системе политических технологий в лоббистской деятельности // Провокация: экспертное измерение. — М. : Новый хронограф. 2017. С. 56-69.

29. Комлева В. В. Бренды регионов в России как способ продвижения в среде инвесторов // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. №4(2). С. 162-166.

30. Комлева В. В. Совпадение субъекта и объекта борьбы с коррупцией в России // Государственная служба. 2015. № 2 (94). С. 81-83.

31. О представительствах администраций краев и областей при Правительстве Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02 апреля 1992 № 323 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2020).

REPRESENTATIVE OFFICES OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS IN THE SYSTEM OF STATE REPRESENTATIVE STRUCTURES

V.E. Stepanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

ABSTRACT:

The problem of the article is established by the lack of scientific research on the role and significance of representative offices of the Russian Federation in the system of state representative structures. The article focuses on the institutions of Federal and regional representation. The purpose of the article is to determine the role and significance of representative offices of the Russian Federation in the system of state representative structures, to study the main types of representative offices of the Russian Federation in the system of public administration, to identify the main functions of representative offices, to determine the subjects and institutions of representative offices, as well as the features of their "belonging" to government institutions and certain territories. As part of the study of types of representative offices, the article analyzes the subsystems of the system of representative offices of the Russian Federation: "region-municipal entity", "region-legislative power"; "region-region", "region-Federal center", "region-Federal districts", "region-foreign state" and the role of representative offices of the Russian Federation in Moscow. It is noted that representative offices of the Russian Federation subjects in Moscow often perform organizational and technical functions instead of representative ones. Scientific novelty: the system of state representative structures is studied, the

subjects representing the institutions missions are determined, principal offices of constituent entities of the Russian Federation in Moscow and their political and territorial jurisdictions are identified, the weak role of the representative offices of constituent entities of the Russian Federation as a full-fledged representative structures in the processes of state interaction is revealed and the need for status and functional upgrading of representative offices of constituent entities in the Russian Federation are also noted.

KEYWORDS: representative offices of the subjects of the Russian Federation, regional representation, system, representative structures, functions, representation of interests.

AUTHORS' INFORMATION:

Vadim E. Stepanov, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
84, Vernadskogo ave., Moscow, 119606, Russia, vstepanov777@yandex.ru

FOR CITATION: Stepanov V.E. Representative offices of the Russian Federation subjects in the system of state representative structures // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 170–180.

REFERENCES

1. Dondokova G. V. Institute of representation of the subjects of the Russian Federation as a form of interaction with the Federal Center: thesis for the candidate's degree of Sociological science. Moscow, 2000. [Dondokova G. V. Institut predstavitel'stva sub'ektov Rossiyskoy Federatsii, kak forma vzaimodeystviya s federal'nym tsentrom: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk. Moskva, 2000.] – (In Rus.)
2. Gubaidullin R. H. Place of representative offices of the subjects of the Russian Federation in the system of contractual relations. // Issues of the Russian and international law. 2016. №. 3. P. 161–168. [Gubeydullin R. Kh. Mesto predstavitel'stv sub'ektov RF v sisteme dogovornykh otnosheniy. // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2016. № 3. S. 161–168.] – (In Rus.)
3. Gubaidullin R. H. Representation of the Russian Federation's subjects in the mechanism of implementation of contractual relations: thesis for the candidate's degree of Legal science. Kazan, 2016. [Gubeydullin R. Kh. Predstavitel'stva sub'ektov RF v mekhanizme realizatsii dogovornykh otnosheniy: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. Kazan', 2016.] – (In Rus.)
4. Bikbov R. Z. Representations of the subject of the Russian Federation – a new Institute of regional policy // Economy of the region. 2007. №. 2. P. 271–275. [Bikbov R. Z. Predstavitel'stva sub'ekta RF – novyy institut regional'noy politiki // Ekonomika regiona. 2007. № 2. S. 271–275.] – (In Rus.)
5. Dambayeva N. P. Representation of the Republic of Buryatia abroad: rules and regulations // Modern scientific research and development. 2018. №. 9 (26). P. 149–155. [Dambaeva N. P. Predstavitel'stvo Respubliki Buryatiya za rubezhom: normativno-pravovye osnovy // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. № 9 (26). S. 149–155.] – (In Rus.)
6. Sakhieva R. A. Representation of the subjects in the Federal center, other subjects of the Russian Federation, their role in the implementation of contractual relations. // Issues of the Russian and international law. 2016. №. 5. P. 12–19. [Sakhieva R. A. Predstavitel'stva sub'ektov v federal'nom tsentre, drugikh sub'ektakh RF, ikh rol' v realizatsii dogovornykh otnosheniy. // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2016. № 5. S. 12–19.] – (In Rus.)
7. Sakhieva R. A. Concept, order of organization and functions of representative offices of the subjects of the Russian Federation // Topical issues of economics and law. 2016. T. 10. №. 3. P. 116–122. [Sakhieva R. A. Ponyatie, poryadok organizatsii i funktsii predstavitel'stv sub'ektov Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2016. T. 10. № 3. S. 116–122.] – (In Rus.)
8. Official website of the Presidential Administration of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/administration/members> (date of reference 10.01.2020). [Ofitsial'nyy sayt Administratsii Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/administratiion/members> (data obrashcheniya: 10.01.2020).] – (In Rus.)
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote on December 12, 1993) [Electronic resource] // RLS Consultant-Plus. URL: <http://www.consultant.ru/> (date

of reference: 10.01.2020). [Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 g.) [elektronnyy resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. URL: [http://www.consultant.ru/\(data obrashcheniya: 10.01.2020\).](http://www.consultant.ru/(data obrashcheniya: 10.01.2020).)] – (In Rus.)

10. On elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Federal law of February 22, 2014 N 20-FL (ed. from 29.05.2019) [Electronic resource] // RLS ConsultantPlus. URL: [http://www.consultant.ru/\(date of reference: 10.01.2020\).](http://www.consultant.ru/(date of reference: 10.01.2020).) [O vyborah deputatov Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 22 fevralya 2014 goda N 20-FZ (red. ot 29.05.2019) [elektronnyy resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. URL: [http://www.consultant.ru/\(data obrashcheniya: 10.01.2020\).](http://www.consultant.ru/(data obrashcheniya: 10.01.2020).)] – (In Rus.)

11. On the State Council of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated September 1, 2000 N 1602 [Electronic resource] // RLS ConsultantPlus. URL: [http://www.consultant.ru/\(date of reference: 10.01.2020\).](http://www.consultant.ru/(date of reference: 10.01.2020).) [O Gosudarstvennom sovete Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 1 sentyabrya 2000 goda N 1602 [elektronnyy resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. URL: [http://www.consultant.ru/\(data obrashcheniya: 10.01.2020\).](http://www.consultant.ru/(data obrashcheniya: 10.01.2020).)] – (In Rus.)

12. On the approval of the regulations on the representative of the Governor of Stavropol territory in the municipal entity of Stavropol territory: Resolution of the Governor of Stavropol territory of February 10, 2014 No. 39 [Electronic resource] // RLS ConsultantPlus. URL: [http://www.consultant.ru/\(date of reference: 10.01.2020\).](http://www.consultant.ru/(date of reference: 10.01.2020).) [Ob utverzhdenii polozheniya o predstavitele Gubernatora Stavropol'skogo kraya v munitsipal'nom obrazovanii Stavropol'skogo kraya: Postanovlenie Gubernatora Stavropol'skogo kraya ot 10 fevralya 2014 goda № 39 [elektronnyy resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. URL: [http://www.consultant.ru/\(data obrashcheniya: 10.01.2020\).](http://www.consultant.ru/(data obrashcheniya: 10.01.2020).)] – (In Rus.)

13. Official website of the government of the Yamalo-Nenets Autonomous district. URL: <https://www.yanao.ru/activity/1074/> (date of reference 02.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt Pravitel'stva Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. URL: <https://www.yanao.ru/activity/1074/> (data obrashcheniya: 02.12.2019).] – (In Rus.)

14. Archived version of the website of the government of the Moscow region. URL: <http://web2.mosreg.df.ru/gubernator/press-releasy/spetspredstavitel-gubernatora-v-gorode-korolyeve-v-range-sovetnika-gubernatora/> (date of reference 02.12.2019).

[Arkhivnaya versiya sayta Pravitel'stva Moskovskoy oblasti. URL: [http://web2.mosreg.df.ru/gubernator/press-releasy/spetspredstavitel-gubernatora-v-gorode-korolyeve-v-range-sovetnika-gubernatora/\(data obrashcheniya: 02.12.2019\).](http://web2.mosreg.df.ru/gubernator/press-releasy/spetspredstavitel-gubernatora-v-gorode-korolyeve-v-range-sovetnika-gubernatora/(data obrashcheniya: 02.12.2019).)] – (In Rus.)

15. On the distribution of responsibilities between the Mayor of Moscow and the Deputy Mayor of Moscow in the Government of Moscow: Order of the Mayor of Moscow dated July 27, 2012 No. 620-RM [electronic resource] // RLS ConsultantPlus. URL: [http://www.consultant.ru/\(date of reference: 10.01.2020\).](http://www.consultant.ru/(date of reference: 10.01.2020).) [O raspredelenii obyazannostey mezhdru Merom Moskvy i zamestitelyami Mera Moskvy v Pravitel'stve Moskvy: Rasporyazhenie Mera Moskvy ot 27 iyulya 2012 № 620-RM [elektronnyy resurs] // SPS Konsul'tantPlyus. URL: [http://www.consultant.ru/\(data obrashcheniya: 10.01.2020\).](http://www.consultant.ru/(data obrashcheniya: 10.01.2020).)] – (In Rus.)

16. On the permanent representative of the Governor of the Moscow region in the Moscow regional Duma: Resolution of the Governor of the Moscow region of November 28, 2018 No. 589-PG [Electronic resource] // Official website of the government of the Moscow region. URL: www.mosreg.ru (date of reference: 10.01.2020). [O postoyannom predstavitele Gubernatora Moskovskoy oblasti v Moskovskoy oblastnoy Dume: Postanovlenie Gubernatora Moskovskoy oblasti ot 28 noyabrya 2018 goda № 589-PG [elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt Pravitel'stva Moskovskoy oblasti. URL: www.mosreg.ru (data obrashcheniya: 10.01.2020).] – (In Rus.)

17. On the approval of the Regulations on the Representative of the Governor and the Government of the Altai territory in the Altai regional Legislative Assembly: Decree of the Governor of the Altai territory of December 19, 2018 No. 222 [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of reference 10.01.2020). [Ob utverzhdenii Polozheniya o Predstavitele Gubernatora i Pravitel'stva Altayskogo kraya v Altayskom kraevom Zakonodatel'nom Sobranii: Ukaz Gubernatora Altayskogo kraya ot 19 dekabrya 2018 goda № 222 [elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 10.01.2020).] – (In Rus.)

18. Official website of the administration of the Governor of the Arkhangelsk region and the government of the Arkhangelsk region. URL: <http://dvinaland.ru/gov/adm/> (date of reference 02.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt Administratsii Gubernatora Arkhangel'skoy oblasti i Pravitel'stva

Arkhangel'skoy oblasti. URL: <https://dvinaland.ru/gov/adm/> (data obrashcheniya: 02.12.2019).] – (In Rus.)

19. Official website of the permanent mission of the Republic of Bashkortostan in the Chelyabinsk region. URL: <http://pprb-chel.ru> (date of reference: 03.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt postoyannogo predstavitel'stva Respubliki Bashkortostan v Chelyabinskoy oblasti. URL: <http://pprb-chel.ru/> (data obrashcheniya: 03.12.2019).] – (In Rus.)

20. Official website of the representative office of the Republic of Dagestan in the Stavropol territory. URL: www.dagstav.ru (date of reference 03.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt predstavitel'stva Respubliki Dagestan v Stavropol'skom krae. URL: www.dagstav.ru (data obrashcheniya: 03.12.2019).] – (In Rus.)

21. Official website of the permanent mission of the Republic of Ingushetia to the President of the Russian Federation. URL: postpredstvo.ru/rabota-s-regionami/ (date of reference 03.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt postoyannogo predstavitel'stva Respubliki Ingushetiya pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. URL: postpredstvo.ru/rabota-s-regionami/ (data obrashcheniya: 03.12.2019).] – (In Rus.)

22. Official website of the permanent mission of the Republic of Tatarstan in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol. URL: <http://postpredrk.tatarstan.ru> (date of reference: 04.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt postoyannogo predstavitel'stva Respubliki Tatarstan v respublike Krym i gorode Sevastopole. URL: <http://postpredrk.tatarstan.ru/> (data obrashcheniya: 04.12.2019).] – (In Rus.)

23. Official website of the representative office of the Yamalo-Nenets Autonomous district in Saint Petersburg. URL: spb.yanao.ru/about (date of reference: 04.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt predstavitel'stva Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v gorode Sankt-Peterburge. URL: spb.yanao.ru/about/ (data obrashcheniya: 04.12.2019).] – (In Rus.)

24. Official website of the permanent mission of the Republic of North Ossetia-Alania to the President of the Russian Federation. URL: <http://pp.alania.gov.ru/about/region> (date of reference: 04.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt postoyannogo predstavitel'stva Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://pp.alania.gov.ru/about/region/> (data obrashcheniya: 04.12.2019).] – (In Rus.)

25. Official website of the representative office of the Republic of Komi in the North-Western region of the Russian Federation. URL: <http://spb.rkomi.ru> (date of reference: 04.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt predstavitel'stva Respubliki Komi

v Severo-Zapadnom regione Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://spb.rkomi.ru/> (data obrashcheniya: 04.12.2019).] – (In Rus.)

26. Official website of the authorized representative office of the Republic of Tatarstan in the Russian Federation. URL: <http://tatmsk.tatarstan.ru/rus/predstavitelstva-rt.htm> (date of reference 05.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt polnomochnogo predstavitel'stva Respubliki Tatarstan v Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://tatmsk.tatarstan.ru/rus/predstavitelstva-rt.htm> (data obrashcheniya: 05.12.2019).] – (In Rus.)

27. Official website of the permanent representative office of the Krasnodar territory administration under the Government of the Russian Federation. URL: <http://www.kubanrep.ru/krkr73.html> (date of reference: 05.12.2019). [Ofitsial'nyy sayt postoyannogo predstavitel'stva administratsii Krasnodarskogo kraja pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://www.kubanrep.ru/krkr73.html> (data obrashcheniya: 05.12.2019).] – (In Rus.)

28. Ilicheva L. E. Provocation in the system of political technologies in lobbying activities // Provocation: expert measurement. – M.: New chronograph. 2017. Pp. 56-69. [Il'icheva L. E. Provokatsiya v sisteme politicheskikh tekhnologiy v lobbistской deyatel'nosti // Provokatsiya: ekspertnoe izmerenie. — M. : Novyy khronograf. 2017. C. 56-69.] – (In Rus.)

29. Komleva V. V. Brands of regions in Russia as a way of promotion among investors // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2012. No. 4 (2). Pp. 162-166. [Komleva V. V. Brendy regionov v Rossii kak sposob prodvizheniya v srede investorov // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. 2012. №4(2). S. 162-166.] – (In Rus.)

30. Komleva V. V. Coincidence of the subject and object of the fight against corruption in Russia // State service. 2015. Case No. 2 (94). Pp. 81-83. [Komleva V. V. Sovpadenie sub'ekta i ob'ekta bor'by s korruptsией v Rossii // Gosudarstvennaya sluzhba. 2015. № 2 (94). S. 81-83.] – (In Rus.)

31. On representations of administrations of territories and regions under the Government of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of April 02, 1992 No. 323 [Electronic resource] // RLS ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of reference: 10.01.2020). [O predstavitel'stvakh administratsiy kraev i oblastey pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02 aprelya 1992 № 323 [elektronnyy resurs] // SPS KonsultantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 10.01.2020).] – (In Rus.)

ПРОАКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРА ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

УДК: 316.354:351

ББК: 60.561.322

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-181-191

ГРНТИ: 82.13.27, 82.13.11

Код ВАК: 23.00.02

С.Н. Большаков

Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия
AuthorID: 277851

Ю.М. Большакова

Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия
AuthorID: 875873

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования обуславливается необходимостью анализа оценки общественным мнением кадрового состава органов государственного управления и оценки обществом выбора приоритетных направлений стратегического социально-экономического развития. В статье анализируются общественные оценки стратегического развития страны, доверия выбранным направлениям и субъективизм достижений государственным аппаратом и правительством выбранных направлений. Делается вывод о неудовлетворительности темпов выполнения поставленных задач, невыполнения поручений Президента. Анализ демонстрирует неутешительные результаты срыва ряда положений стратегического плана развития экономики страны – «Стратегия – 2020», насаждения новых стратегических инициатив без должной программной, плановой проработки стратегических направлений.

Целью исследования является анализ и оценка имитации исполнения стратегических планов и проектов социально-экономического развития страны, демонстрация позиций института общественного мнения по отношению к состоянию государственного аппарата и практики реализации стратегических управленческих решений.

Методами исследования является структурно-функциональный анализ, контент-анализ, вторичный анализ социологических данных.

Научная новизна заключается в раскрытии результатов реформирования государственного аппарата, вертикализации принципов исполнения управленческих решений, отрицательной оценки усилий по реализации стратегических приоритетов как базы для последующего стратегического социально-экономического планирования и проектирования.

Анализ и оценка невыполнения «Стратегии – 2020» следует отнести практически не выполненные мероприятия раздела «Новая модель экономического роста», который содержал принципиальные положения реализации институциональных мероприятий стратегического планирования, без исполнения которых невозможно достичь показателей прочих разделов стратегии. Институционально «Стратегия – 2020» была наиболее детализированным документом, раскрывающим комплекс взаимосвязанных приоритетов, целей, задач, проектов и процессов реализации реформ государственной социально-экономической политики, содержащим элементы дорожных карт, альтернатив, сценариев реализации мероприятий. Сама стратегия не была официально принята, она являлась элементом новой экономической идеологии, смены формата организации работы государственного аппарата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственное управление, кадры государственного управления, стратегические приоритеты, социально-экономическое развитие.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Сергей Николаевич Большаков, доктор политических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10, snbolshakov@mail.ru

Юлия Михайловна Большакова, PhD, кандидат политических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, academy.prof.com@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Большаков С.Н., Большакова Ю.М. Проактивность государственного аппарата управления и результаты выбора приоритетных направлений стратегического развития России // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 181–191.

Актуальность исследования

Многогранность и сложность проблем кадрового обеспечения государственной и муниципальной службы регулярно и широко обсуждается как учеными исследователями, так и специалистами-служащими формирующими кадровый аппарат управления.

Важной составляющей системы государственного управления является качество и профессионализм кадрового корпуса государственной и муниципальной службы. Единство государственной кадровой политики обеспечивается требованиями федерального законодательства, Указов Президента РФ и Постановлений Правительства РФ. В настоящий момент в РФ приняты и развернуты на всей территории ряд приоритетных направлений работы с кадрами органов государственного управления: реестр государственных должностей федеральных государственных служащих, четко регламентирован порядок замещения отдельных должностей, сформированы управленческие подразделения рекрутирующие кадры в аппараты Президента РФ и Правительства РФ, функционирует портал государственной службы позволяющий в режиме он-лайн вести мониторинг резерва должностей, вакансий, поступления и прохождения должностей и пр.

Государственная кадровая политика призвана отражать объективные закономерности формирования аппарата управления, реальность формирования кадровых процессов влияющих на качество функционирования органов государственной власти.

По своему содержанию, формам, механизму реализации государственная кадровая политика весьма субъективна, т.к. зачастую подвержена влиянию и действиям лидеров, руководителей отдельных государственных структур [1].

При оценке потенциала государственных и муниципальных органов управления любого региона РФ необходимо исходить из факторов оказывающих влияние на данные процессы: состав и структура населения региона, демографическая динамика, потенциал экономического и инновационно-промышленного развития, существующая организация системы органов публичной власти, сеть учебных заведений, повышения квалификации государственных служащих.

Многие справедливо пишут, что реализация стратегического курса развития России, принятого политическим руководством исходя из критериев текущей политической целесообразности, нуждается в апробированной экономической методологии проектирования федеральных и региональных стратегий [2]. Мау В. и Кузьминов в своем исследовании достаточно подробно и конкретно исследуют параметры новой модели экономического роста, стратегию улучшения делового климата, структурные характеристики базовой модели макроэкономики, оценивают стратегическую роль развития человеческого капитала, роли новой школы и профессионального образования в новой модели экономического роста [3].

Более 10 лет в России реализуется проект «Кадровый резерв – профессиональная ко-

манда страны» нацеленный на поиск высоко-профессиональных специалистов в различных отраслях и направлениях деятельности. Проект инициированный в свое время в 2009 году партией «Единая Россия» был нацелен на ликвидацию кадрового дефицита по наиболее актуальным управленческим должностям в социальной, общественной сферах, государственных и муниципальных органах, отраслях экономики. На основе наработок и опыта сопровождения проекта реализуется востребованный проект «Россия – страна возможностей» целью которого является интеграция лучших региональных кадровых и коммуникационных практики регионов, позволяющих сформировать «кадровый лифт», возможность самореализации целеустремленной молодежи. В данном проекте на 2019 год приняло участие 2 650 000 чел., было поддержано более 1000 институциональных партнеров инициативы «Россия – страна возможностей».

Важным, для молодых и целеустремленных кадров в реализации возможностей механизма государственной службы, видится не только построение карьеры (что при здоровых амбициях в общем-то видится вполне здравым), а отсутствие профессионального опыта, поверхностное понимание политического механизма функционирования органов публичной власти, отсутствие компетенций социальной эффективности и социальных эффектов от принимаемых управленческих решений. Принимаемые решения зачастую оказывают долгосрочный эффект на состояние всей социальной системы.

Основная цель исследования выявить проблемы восприятия общественным мнением стратегии работы органов государственного управления. **Задачи исследования** состоят в анализе общественных оценок процессов формирования кадрового состава органов государственной власти, выявить и обобщить направления модернизации практик принятия управленческих решений в системе государственного управления при переходе на бимодальную технологию управления.

Методология исследования

Социологические методы исследования позволяют восполнить недостаточные сведения статистики и получить данные относи-

тельно структуры государственного аппарата, демографических позиций структуры аппарата управления, отличительные особенностей социально-профессиональных групп государственных гражданских служащих, позиционирования служащих относительно качества подготовки и исполнения функций стратегического планирования в деятельности государственного аппарата. Научная ценность такого рода данных состоит в том, что они открывают возможность для анализа реальных тенденций, характеризующих состояние и развитие государственной деятельности институтов публичной службы, ее открытости и публичности для различных социальных и профессиональных групп общества. Очевидно и практическое значение социологической информации об управленческих кадрах, без нее не создать научной основы для дальнейшей реформы государственного аппарата управления, совершенствования его деятельности в части, касающейся воздействий на процесс кадрового состава, а также систему оценки эффективности деятельности органов государственного управления.

В арсенале социологических методов имеется способ анализа больших массивов текстовых материалов который также применяется в этих целях, имеется ввиду – контент анализ. Данный технический прием используется в тех случаях, когда налицо большой объем документов и имеет место их известная однородность, т.е. возможность выделить во всех или большинстве текстов близкие по смыслу элементы содержания и перевести полученную информацию в количественные показатели. Стратегические документы формализованы в очень высокой степени это обеспечивает достаточную частоту появления отдельных элементов содержания (индикаторы, сроки исполнения, перечень мероприятий и пр.).

Методами исследования также является вторичный анализ данных (в том числе исследования ФОМ, ВЦИОМ).

Результаты исследований

Социологические исследования показывают объективную востребованность поиска национальными лидерами тех или иных карьерных лифтов для целеустремленной и амбициозной молодежи, но настораживает факт иг-

норирования (а порой принципиального политического решения) в части нивелирования правовых норм подбора и отбора кадров на государственную службу. Данный аспект сводит на нет большую часть работы проведенной в последние 20 лет по формированию институциональных основ государственной кадровой политики.

Результаты крупнейшего за последние годы федерального проекта Фонда общественного мнения отражают следующие результаты [4].

36 % респондентов считают, что сегодня среди государственных служащих слишком много представителей пожилых, 29 % опрошенных придерживаются позиции об отсутствии возрастных перекосов, и 18,6 % респондентов отметили, что сегодня среди государственных служащих слишком много молодежи (рис. 1).

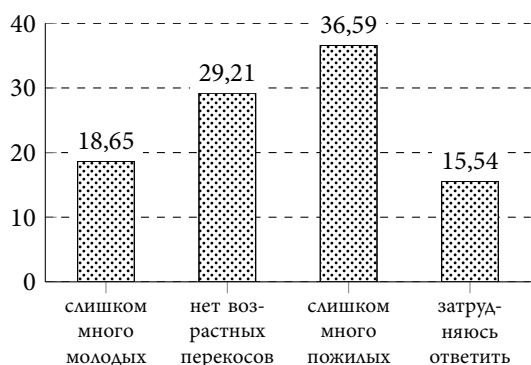

Рисунок 1 – Результаты опроса¹ «Одни считают, что сегодня среди государственных служащих слишком много молодых людей. Другие полагают, что слишком много пожилых. Какая позиция Вам ближе – первая или вторая?»

Анализируя позиции респондентов относительно возрастных ограничений верхних позиций иерархии государственного аппарата позиции респондентов следующие: более трети опрошенных (34,3 %) считают что нет возрастных перекосов, 32 % респондентов считают что слишком много представителей пожилого возраста в верхней страте управленческой пирамиды (уровня министра, замминистра, советника президента), каждый пятый респондент (21,7 %) затруднился с ответом (рис. 2).

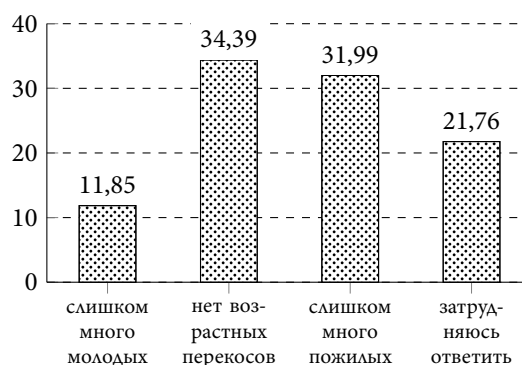

Рисунок 2 – Результаты опроса «Теперь поговорим о высоких государственных постах – уровня министра, замминистра, советника президента. Одни считают, что сегодня там слишком много молодых людей. Другие полагают, что слишком много пожилых. А Вы как думаете?»

Результаты исследования в части конкретизации возраста показывают здоровый социальный баланс в части требований к возрасту для работы на верхних позиций иерархии государственного аппарата: министра, замминистра, советника президента – более половины респондентов 55 % считают оптимальных возраст 41-50 лет, каждый пятый респондент – 24 % считает лучшим возраст от 31 до 40 лет, лучший возраст для данных позиций – до 30 лет придерживаются только 0,9 % опрошенных, от 51 до 60 лет считают 14 % респондентов (рис. 3).

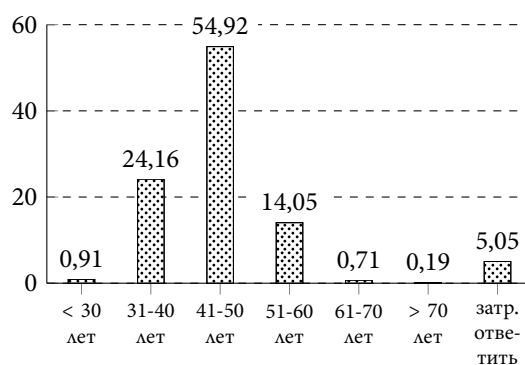

Рисунок 3 – Результаты опроса «А какой возраст, на Ваш взгляд, является наиболее подходящим для работы на высоких государственных постах: министра, замминистра, советника президента?»

Представления респондентов относительно возраста государственных служащих представляют собой достаточно искаженную картину, как показывают статистические данные Росстата (на 07.03.2017 г.) средний воз-

¹Источник данных (здесь и далее): Общероссийский репрезентативный опрос по месту жительства «ФОМнибус», декабрь 2016, 207 населенных пункта, 73 субъекта РФ, 1500 респондентов [4]

раст всех работников, замещающих государственные должности и должности гражданской службы в органах государственной власти РФ составляет 39 лет, в органах законодательной власти 45 лет, судебной власти и прокуратуры 37 лет. В субъектах РФ возрастные позиции кадров государственного аппарата выглядят следующим образом: работники, замещающие государственные должности и должности гражданской службы субъектов РФ – 41 год, средний возраст служащих в органах законодательной власти регионов 44 года, в органах исполнительной власти – 41 год. Также молодым выглядит и кадровый состав муниципальной службы РФ, средний возраст работников, замещающих муниципальные должности и должности муниципальной службы – 42 года [5].

Относительно изменений возраста служащих верхних позиций государственного аппарата результаты позволяют акцентировать внимание на доминировании позиций – не меняется 40 % респондентов; 20,8 % – снижается; 16,3 % придерживаются позиции «растет» средний возраст кадров верхней страты государственного аппарата (рис. 4).

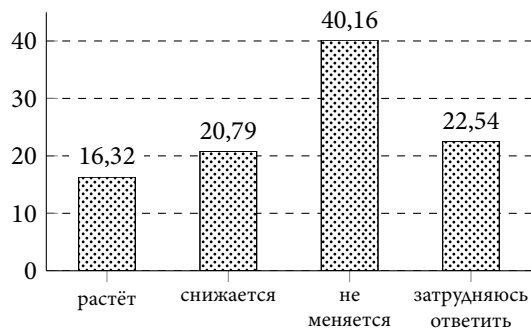

Рисунок 4 – Результаты опроса «Как Вам кажется, в последнее время средний возраст людей, занимающих высокие государственные посты, растет, снижается или в целом не меняется?»

Также в контексте исследования возраста государственного аппарата важным представляется отметить отношение населения к наличию/отсутствию плана стратегического развития страны. Результаты исследования позволяют ответить на вопрос низких показателей достижения в регионах национальных проектов, которые по сути являются если не планом, но приоритетами национального развития, вектором выбора стратегического планирования.

Данный аспект важен в контексте модернизации практик принятия управленческих решений в системе государственного управления, перехода на бимодальную технологию управления – интеграции консервативных структур (столь присущих государственному аппарату) и креативных подходов концентрирующих поток модернизаций государственного управления.

Две трети опрошенных отмечают наличие у России плана стратегического развития – 59 %, каждый пятый респондент – 20,45 % – отметил отсутствие подобного плана (рис. 5).

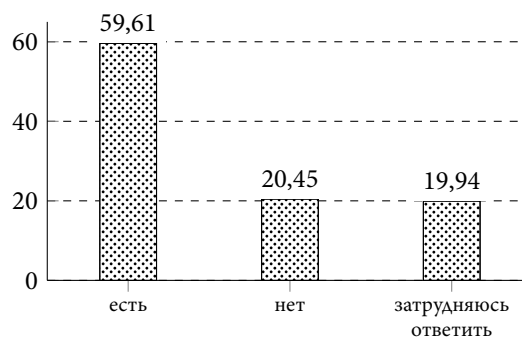

Рисунок 5 – Результаты опроса «А сегодня, на Ваш взгляд, у России есть план стратегического развития, или такого плана нет?»

Исследование в части механизма принятия стратегических решений на государственном уровне, механизме администрирования и организационного контроля исполнения поручений Президента РФ касался вопрос о Совете по стратегическому развитию и приоритетным проектам при президенте Российской Федерации, 63 % респондентов слышат об этом совете впервые, 26 % опрошенных «что-то слышали», 7,23 % респондентов знают о Совете по стратегическому развитию и приоритетным проектам [6] (рис. 6).

Исследование направлений стратегического развития России, по мнению респондентов, позволяет выделить следующие приоритеты: здравоохранение – 68 %, жилищно-коммунальное хозяйство и окружающая среда – 53,9 %, образование – 41,6 %, безопасные и качественные дороги – 37,6 %, ипотека и арендное жилье – 19 % (рис. 7). Подобные приоритеты стратегического развития вполне ожидаемы, в 2019 году все органы государственной власти значительное внимание в информационное повестке уделяли

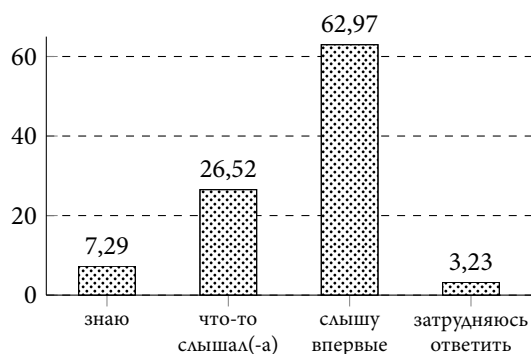

Рисунок 6 – Результаты опроса «Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас впервые о Совете по стратегическому развитию и приоритетным проектам при президенте Российской Федерации?»

необходимости реформ здравоохранения, снижению показателей достижения национального проекта «Демография», ЖКХ в части утилизации твердых бытовых отходов и т.п. [7]

Исследование демонстрирует разрыв в оценках респондентов относительно позиций приоритизации направлений стратегического развития России и направлений где удалось добиться успехов, границы ответов респондентов достаточно размыты: уверенно положительно выглядит направление экология – 26 %; жилищно-коммунальное хозяйство и окружающая среда – безопасные и качественные дороги по 22 % соответственно; реформа контрольно-надзорной деятельности – 20,5 %; производительность труда и ипотека и аренда-

ное жилье по 18 %; здравоохранение – 17 %; образование и моногорода по 12 %.

Таким образом, можно с уверенностью сказать что респонденты затрудняются с оценками результативности достижения тех или иных поставленных направлений стратегического развития России, налицо сложность подобного многовекторного, одновременного достижения целей в столь разных и жизненно-важных для граждан областях. А значит стоит вопрос о механизме реализации направлений стратегического развития России, дефицита компетенций государственного аппарата в рамках проектного подхода к реализации национальных задач/проектов.

В данном контексте следует отметить, что проработка новых подходов к внедрению технологий бимодального управления, как раз способно «тренировать» систему традиционно линейно-функционального аппарата управления к систематической оценке уникальности методов и приемов воздействия на объект управления для достижения поставленных целей, преодоления организационного сопротивления аппарата [8].

Здесь необходимо подчеркнуть значение исследования Центра стратегических разработок, подробно проанализировавшего результаты реализации Стратегии социально-экономического развития России до 2020 года, «майских» указов Президента России (указы

Рисунок 7 – Совет наметил 11 основных направлений стратегического развития России. По ним готовятся специальные проекты и программы действий. Выберите три направления, которые, по Вашему мнению, наиболее важны сейчас для развития страны». (Три ответа)

Рисунок 8 – А теперь выберите три направления, где изменений к лучшему добиться труднее всего, в которых, на Ваш взгляд, серьезные успехи в скором будущем невозможны. (Три ответа)

от 7 мая 2012 года), а также приоритетных национальных проектов («Здоровье», «Образование», «Жилье», «Развитие АПК»). Исследование показало очень средние оценки достигнутых показателей, по мнению экспертов только 29,5 % положений «Стратегии – 2020» была выполнена на треть, полностью реализованы в той ли иной мере институциональные (технические) реформы государственного аппарата управления, механизма его функционирования – удельный вес которых составляет – 6,8 % в «Стратегии – 2020».

В большей части эксперты [9, с. 44] отметили имитацию реформ и формализм при исполнении поручений Президента РФ. Структурно ряд положений «Стратегии – 2020» были исполнены по оценкам экспертов крайне неравномерно: «Новая школа» – 59 %, «Развитие экономической и социальной интеграции на постсоветском пространстве» – 45,6 %, «Развитие финансового и банковского сектора» – 42,3 %, «Реформа пенсионной системы» – 40,4 %, «Бюджетная и денежная политика, макроэкономические параметры и развитие российской экономики» – 40,3 %, «Профессиональное образование» – 36 %, «Снятие ограничений на развитие тепло- и электроэнергетики» – 34,8 %, «Повышение эффективности государственных инвестиций и государственных закупок» – 34,4 %, «Политика охраны здоровья» – 33,7 %, «Налоговая поли-

тика» – 32,6 %, «Оптимизация присутствия государства» – 31,8 % и т.п.

Эксперты признают, что большая часть разделов (16 из 25 глав) Стратегии-2020 выполнена более чем на 25 %, но менее чем на 50 %.

Наименьшее достижение показателей оценивается по следующим направлениям: «Реформа бюджетного сектора в экономике» – 24,1 %, «Сокращение неравенства и преодоление бедности» – 18,8 %, «Государственная жилищная политика» – 17,5 %, «Новая модель экономического роста. Обеспечение макроэкономической и социальной стабильности» – 16,6 %, «Развитие общественных институтов» – 11,9 %.

К принципиальным замечаниям эксперты справедливо относят практически не выполненные мероприятия раздела «Новая модель экономического роста», который содержал принципиальные положения реализации институциональных мероприятий стратегического планирования, без исполнения которых невозможно достичь показателей прочих разделов стратегии.

«Стратегия-2020» была наиболее детализированным документом, раскрывающим комплекс взаимосвязанных приоритетов, целей, задач, проектов и процессов реализации реформ государственной социально-экономической политики, содержащим элементы дорожных карт, альтернатив, сценари-

ев реализации мероприятий. Хотя сама стратегия не была официально принята, она являлась элементом идеологии, смены формата организации работы государственного аппарата управления.

В заключении хочется отметить, что удовлетворительные показатели исполнительской дисциплины государственного аппарата подчеркивают необходимость не только функционального аудита, но и полновесной оценки эффективности структур государственного аппарата, оценки профессионализма государственных служащих. Перестройка государственного аппарата, оценка усилий по реализации стратегических задач, демонстрирует определенную усталость государственного аппарата от постоянно обновляемых реформ, наличия короткого горизонта функций «стратегического» планирования, сложностей межведомственного взаимодействия федеральных министерств и ведомств. Также представляется важным отметить, что акту-

альным представляется необходимость перспективных исследований не только в направлении функционального анализа природы взаимодействия института Президента и органов исполнительной власти [10], но и исследования перехода органов власти на цифровые платформы, эффективности цифрового управления [11]. Актуальным направлением дальнейших исследований становится не только построение системы стратегирования и планирования на государственном уровне, но оценка эффективности перехода государства на систему цифрового управления. Перспективные исследования [12] также касаются решений в области перехода государственных органов на систему проектного управления. В статье резюмируется необходимость не просто перехода к проектному управлению на основе сформулированных Президентом РФ национальных проектов, а задач повышения исполнительской дисциплины государственного аппарата управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество// Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8-25.
2. Белановский С. А. Дмитриев М. Э., Комаров В. М., Комин М.О., Коцюбинский В.А., Никольская А. В. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. СПб.: ЦСР-РАНХИГС. 2016.
3. Мау В.А., Кузьминов Я.И. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. М.: Издательский дом «Дело». 2013.
4. Результаты проекта Фомограф – 2016. Фонд общественного мнения[электронный ресурс] // <https://fomograph.fom.ru/mainreload.php?regime=data1&type=a&question=5206&answer=1&kodsurvey=122&start=0&scroll=216> (дата обращения 30.12.2019).
5. Численность и состав работников, замещающих должности государственной гражданской и муниципальной службы. Справочник. [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/11191> (дата обращения 30.12.2019).
6. О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам: Указ Президента Российской Федерации № 306 от 30 июня 2016 года [электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/52297> (дата обращения 30.12.2019).
7. Ильичева Л.Е., Лапин А.В., Ножечкин И.В. Ключевые проблемы региона: методы определения общественного присутствия дня // Власть. 2019. Том. 27. № 6. С. 41-57.
8. Кириллов Л.Г. Бимодальное управление и технологии принятия государственных управленческих решений// Вопросы управления. №6(43). 2016. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2016/06/> (дата обращения 30.12.2019).
9. Белановский С. А. Дмитриев М. Э., Комаров В. М., Комин М. О., Коцюбинский В.А., Никольская А. В. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. СПб. ЦСР-РАНХИГС. 2016.
10. Прокофьев В.Н. Конституционно-правовая природа взаимодействия Президента РФ с Правительством РФ и органами исполнительной власти // Государство и право. 2018. № 4. С. 100-104.
11. Сидоренко Э.А., Барциц И.Н., Хисамова З.И. Эффективность цифрового государ-

ственного управления: теоретические и прикладные аспекты. Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. №2. С. 93-114.

12. Горькая О.О. Реформа управления: от модели по поручениям к проектному подходу // Социология. 2019. № 1. С. 202-209.

PROACTIVITY OF THE GOVERNMENT MACHINERY AND THE RESULTS OF SELECTING PRIORITY AREAS FOR RUSSIA'S STRATEGIC DEVELOPMENT

S.N. Bolshakov

Leningrad State University
named after A.S. Pushkin,
Saint Petersburg, Russia

Yu.M. Bolshakova

Leningrad State University
named after A.S. Pushkin,
Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT:

The research urgency is caused by necessity of evaluating public opinion of public executives, assessment by the society for the selection of priority areas of strategic socio-economic development. The article analyzes public assessments of the country's strategic development, trust in the chosen direction, and subjectivity of achievements by the government machinery and the government in the chosen directions. The conclusion is made about unsatisfactory pace of implementation of the tasks set, non-fulfillment of the President's instructions. The analysis shows disappointing results of the failure of a number of provisions of the strategic plan for the development of the country's economy - "Strategy – 2020", layering of new strategic initiatives without a proper program, planned development of strategic directions.

The aim of the study is the analysis and evaluation of simulating the execution of strategic plans and projects for socio-economic development of the country, demonstration of the positions of the Institute of public opinion against the government machinery and the practice of strategic management decisions.

The research methods are structural and functional analysis, content analysis, and secondary analysis of sociological data.

The scientific novelty consists in revealing the results of reforming the government machinery, vertical adjustment of the principles of execution of management decisions, negative assessment of efforts to implement strategic priorities as a basis for subsequent strategic socio-economic planning and design.

Analysis and evaluation of non-implementation of the "Strategy-2020" should include practically not completed activities of the section "New model of economic growth", which contained the principal provisions for the implementation of institutional measures of strategic planning, without which it is impossible to achieve the indicators of other sections of the strategy. Institutionally, "Strategy 2020" was the most detailed document that revealed a set of interrelated priorities, goals, tasks, projects and processes for implementing national socio-economic policy reforms, containing elements of road maps, alternatives, and scenarios for implementing measures. The strategy itself was not officially adopted; it was an element of a new economic ideology, a change in the format of organizing the work of the government machinery.

KEYWORDS: public administration, public administration personnel, strategic priorities, socio-economic development.

AUTHORS' INFORMATION:

Sergey N. Bolshakov, Dr. Sci. (Political), Professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 10, Peterburgskoe highway, Saint Petersburg, 196605, Russia, 9826999327@mail.ru

Yulia M. Bolshakova, PhD, Cand. Sci. (Political), Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 10, Peterburgskoe highway, Saint Petersburg, 196605, Russia, academy.prof.com@gmail.com

FOR CITATION: Bolshakov S.N., Bolshakova Yu.M. Proactivity of the government machinery and the results of selecting priority areas for Russia's strategic development // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 181–191.

REFERENCES

1. Soloviyov A.I. Political agenda of the government, or why the state needs society // Polis. Political research. 2019. No 4. P. 8-25. [Solov'ev A.I. Politicheskaya povestka pravitel'stva, ili zachem gosudarstvu obshchestvo // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 8-25.] – (in Rus.)
2. Belanovsky S. A. Dmitriyev M. E., Komarov V. M., Komin M. O., Kotsyubinsky V. A., Nikolskaya A. V. Analysis of factors for implementing top-level strategic planning documents. SPb. CSR-RANEPa. 2016. [Belanovskij S. A. Dmitriyev M. Je., Komarov V. M., Komin M. O., Kocjubinskij V. A., Nikol'skaja A. V. Analiz faktorov realizacii dokumentov strategicheskogo planirovaniya verhnego urovnja. SPb. CSR-RANHIGS. 2016.] – (in Rus.)
3. Mau V. A., Kuzminov Ya. I. Strategy-2020: New growth model – a new social policy. Moscow: Publishing house "Business". 2013. [Mau V.A., Kuz'minov Ja.I. Strategija-2020: Novaja model' rosta – novaja social'naja politika. M.: Izdatel'skij dom «Delo». 2013.] – (in Rus.)
4. The results of the project Fomograph-2016. Public opinion foundation [electronic resource] // <https://fomograph.fom.ru/mainreload.php?regime=data1&type=a&question=5206&answer=1&kodsurvey=122&start=0&scroll=216> (date of reference: 30.12.2019) [Rezul'taty proekta Fomograf – 2016. Fond obshchestvennogo mnenija [jelektronnyj resurs] // <https://fomograph.fom.ru/mainreload.php?regime=data1&type=a&question=5206&answer=1&kodsurvey=122&start=0&scroll=216> (data obrashhenija 30.12.2019)] – (in Rus.)
5. The number and composition of employees who held positions in the public civil and municipal service. Guide [electronic resource] // Federal State Statistics Service. URL: <https://www.gks.ru/folder/11191> (date of reference: 12.30.2019) [Chislennost' i sostav rabotnikov, zameshchavshih dolzhnosti gosudarstvennoj grazhdanskoj i municipal'noj sluzhby. Spravochnik [jelektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://www.gks.ru/folder/11191> (data obrashhenija 30.12.2019)] – (in Rus.)
6. On the Council under the President of the Russian Federation for strategic development and priority projects: Decree of the President of the Russian Federation No. 306 dated June 30, 2016 [electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/event/s/councils/by-council/1029/52297> (date of reference: 30.12.2019) [O Sovete pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i prioritnym proektam: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 306 ot 30 ijunja 2016 goda [jelektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/52297> (data obrashhenija 30.12.2019)] – (in Rus.)
7. Ilyicheva L.E., Lapin A.V., Nozhechkin I.V. Key problems of the region: methods for determining the public presence of the day // Power. 2019. Vol. 27. No. 6. P. 41-57. [Il'icheva L.E., Lapin A.V., Nozhechkin I.V. Ključevye problemy regiona: metody opredelenija obshchestvennogo prisutstviya dnja // Vlast'. 2019. T. 27. № 6. S. 41-57.] – (in Rus.)
8. Kirillov L.G. Bimodal management and state management decision-making technologies // Management Issues. No. 6 (43). 2016. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2016/06/> (date of reference: 30.12.2019) [Kirillov L.G. Bimodal'noe upravlenie i tehnologii prinjatija gosudarstvennyh upravlencheskih reshenij // Voprosy upravlenija. № 6 (43). 2016. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2016/06/> (data obrashhenija 30.12.2019)] – (in Rus.)
9. Belanovsky S. A. Dmitriyev M. E., Komarov V. M., Komin M. O., Kotsyubinsky V. A., Nikolskaya A. V. Analysis of factors for implementing top-level strategic planning documents. SPb. CSR-RANEPa. 2016. [Belanovskij S. A. Dmitriyev M. Je., Komarov V. M., Komin M. O., Kocjubinskij V. A., Nikol'skaja A. V. «Analiz faktorov realizacii dokumentov strategicheskogo planirovaniya verhnego urovnja». SPb. CSR-RANHIGS. 2016.] – (in Rus.)
10. Prokofiev V.N. Constitutional and legal nature of interaction of the President of the Russian Federation with the Government of the Russian Federation and Executive authorities // State and law. 2018. No. 4. P. 100-104. [Prokof'ev V.N. Konstitucionno-pravovaya priroda vzaimodejstviya Prezidenta RF s Pravi-

tel'stvom RF i organami ispolnitel'noj vlasti // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 4. S. 100-104] – (in Rus.)

11. Sidorenko E.L., Bartsits I.N., Khisamova Z.I. Effectiveness of digital public administration: theoretical and applied aspects. Issues of public and municipal management. 2019. № 2. P. 93-114. [Sidorenko E.L., Barcic I.N., Hisamova Z.I. Effektivnost' cifrovogo gosudarstvennogo upravleniya: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Voprosy gosu-

darstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2019. № 2. S. 93-114] – (in Rus.)

12. Gorkaya O. O. Management reform: from the model on instructions to the project approach // Sociology. 2019. № 1. Pp. 202-209. [Gor'kaya O.O. Reforma upravleniya: ot modeli po porucheniyam k proektnomu podhodu// Sociologiya. 2019. № 1. S. 202-209] – (in Rus.)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

УДК: 338.46:621.31

ББК: 65.305.142

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-192-211

ГРНТИ: 82.13

Код ВАК: 08.00.05

Е.Н. ФединаСаратовская
государственная
юридическая академия,
Балаково, Россия
AuthorID: 459886**Г.Н. Утенков**Саратовская
государственная
юридическая академия,
Балаково, Россия
AuthorID: 458656**Е.А. Горшков**Российская Академия
Народного Хозяйства и
Государственной Службы
при Президенте Российской
Федерации,
Балаково, Россия
AuthorID: 674095

АННОТАЦИЯ:

В статье проводится исследование факторов, оказывающих существенное влияние на энергетическую безопасность России, рассматривается современное состояние топливно-энергетического комплекса (ТЭК), выделяются его основные проблемы, рассматривается роль и место российского ТЭК в мировом энергобалансе, проводится анализ внешних и внутренних угроз и методов государственного управления обеспечением энергобезопасности в условиях экономического кризиса.

В статье подчеркивается, что «энергетическая безопасность» становится социально-идеологическим, политическим и экономическим измерением, оказывающим доминирующее влияние на развитие производственных, социальных и экономических процессов. В данном контексте мировая энергетическая безопасность рассматривается как защищенность экономики стран и регионов мира от угроз дефицита энергоресурсов. Факторы, оказывающие существенное влияние на конкурентоспособность экономики государства, состоят не только в масштабах энергопотребления, но и современного состояния технологий и научных достижений в данной области.

В статье акцентируется, что важным шагом укрепления энергетической безопасности России стало принятие стратегии развития нефтегазохимической отрасли Российской Федерации до 2025 года, а также принятие советом директоров «Газпром нефти» 23 ноября 2018 года стратегии развития компании до 2030 года. В рамках реализации первой Стратегии предполагается: активное инвестирование, расширение инфраструктуры, смягчение налоговой и таможенной политики на 15 лет для организаций, реализующих крупные проекты отрасли. Эти мероприятия позволят внести «четкие правила игры» в отрасль и в перспективе позволит получить положительный эффект для всего народного хозяйства страны.

Цель. Исследование динамики развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК), роль и место российского ТЭК в мировом энергобалансе, проводится анализ внешних и внутренних угроз и методов государственного управления обеспечением энергобезопасности в условиях экономического кризиса.

Методы. Рассматривается и анализируется динамика и перспективы развития ТЭК России в период с 2000 по 2030. Оценивается роль государственного управления в данный период. Подробно изучается положение отрасли в период финансово-экономического кризиса и методы государственного регулирования в данный период.

Результаты. На основе проведенного исследования делается вывод о необходимости системного государственного подхода к развитию ТЭК с принятием долгосрочных стратегических программ развития отрасли.

Научная новизна. В данной статье впервые дается обобщенный политико-технологический анализ и оценка проблем, шагов и перспектив развития ТЭК в новейшей истории России и инструментов его регулирования со стороны государственной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: энергетическая безопасность, топливно-энергетический комплекс, нефтесервис, топливно-энергетические ресурсы, буровая установка, дизель 6ЧН21/21, Волжский дизель им. Маминых, Уралмаш, финансово-экономический кризис, энергетика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Елена Николаевна Федина, кандидат социологических наук, Балаковский филиал, Саратовская государственная юридическая академия,

413813, Россия, г. Балаково, ул. Красная звезда, 8/1, Bf_sgap@list.ru

Геннадий Николаевич Утенков, кандидат политических наук, Балаковский филиал, Саратовская государственная юридическая академия,

413813, Россия, г. Балаково, ул. Красная звезда, 8/1, ugn64@mail.ru

Евгений Александрович Горшков, кандидат технических наук, Балаковский филиал, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации,

413865, Россия, г. Балаково, ул. Чапаева, 107, evgenij-gorshkov@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федина Е.Н., Утенков Г.Н., Горшков Е.А. Обеспечение энергетической безопасности России: политико-управленческие и технологические аспекты в условиях финансово-экономического кризиса // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 192–211.

Проблемы энергетической безопасности в XXI веке приобретают особую актуальность. Это связано с истощением разведанных источников ископаемых ресурсов и энергоносителей, а также с все возрастающим уровнем их потребления во всех регионах мира. История человечества, по существу, представляет собой историю добычи и освоения новых источников энергии. В современных условиях, тот, кто владеет энергией, владеет миром. В настоящее время важным показателем современной глобальной экономики является зависимость от первичной энергии, являющейся важнейшей составляющей экономики не только развивающихся стран, но и цивилизованного общества в целом [1].

Однако потребление энергоресурсов в глобальном масштабе связано не только с экономическим ростом, например, в Китае, где

в 2018 году энергопотребление возросло вдвое по сравнению с 2016 годом, но и с политическими условиями ряда стран, среди которых Россия, где до сих пор наблюдается спад производства, связанный с экономическим кризисом 2014-2015 года. Российская Федерация до настоящего времени находится в состоянии экономических и политических санкций, причем наблюдается устойчивый тренд к расширению списка российских компаний, подверженных санкциям и, соответственно «сворачивающих» производство в нашей стране [2].

Вместе с тем, Россия – как один из крупнейших игроков на бирже энергоносителей, формируя данный рынок, становится финансово зависимой от его состояния, так как топливно-энергетический комплекс (ТЭК) составляет бюджетобразующую отрасль нашей страны [3]. В то же время становится ясным,

что зависимость от импорта энергоносителей для таких стран, как Россия, будет постоянно возрастать. С другой стороны для выполнения долгосрочных поставок основные импортеры энергоносителей будут переориентировать поставки из различных мировых стран для укрепления их собственной энергетической, а также экономической безопасности, в том числе и за счет внутренних резервов.

В связи с этим понятие – «энергетическая безопасность» становится социально-идеологическим, политическим и экономическим измерением, оказывающим доминирующее влияние на развитие производственных, социальных и экономических процессов.

Мировая энергетическая безопасность сочетает комплекс интересов в ее обеспечении стран и отдельных регионов в глобальном масштабе. Само определение «энергетическая безопасность», а именно «уверенность в том, что энергия будет иметься в распоряжении в том количестве и того качества, которые требуются при данных экономических условиях» [4] формируется в 70-е годы прошлого века как реакция на топливный кризис. С учетом [4], мировую энергетическую безопасность следует рассматривать как защищенность экономики стран и регионов мира от угроз дефицита энергоресурсов. Возникновение таких угроз в глобальном масштабе может привести к дестабилизации экономики и политической ситуации стран, и как следствие замедление темпов роста экономики и социального прогресса. На сегодняшний день, по мнению ученых, наблюдается и растет такой дефицит. В ближайшие 20-30 лет для обеспечения мировой энергетической безопасности с учетом данного тренда потребуется вложить в развитие мирового ТЭК сумму, превышающую 17 триллионов долларов [5, 79].

Уже в 1985 году в докладе Международного энергетического агентства (МЭА) «Энергетическая политика в области технологий» понятие «энергетическая безопасность» трактовалось – «адекватные поставки энергии по разумной цене». В настоящее время энергетическая безопасность формулируется – «доступ к достаточной (по объему), надежной и доступной (по цене) энергии» [6, с. 160]. Рассматривая данное определение в широ-

ком смысле, можно сказать, что это возможность доступа к необходимым для прогресса государства энергетическим ресурсам. С другой стороны в США «энергетическая безопасность» ассоциируется с понятием «энергетическая независимость» [7, 9].

На современном этапе понятие «энергетическая безопасность» трактуется как:

- энергетическая безопасность государства;
- характеристики топливно-энергетического комплекса страны;
- защищенность граждан страны от дефицита энергии;
- способность общества и экономики поддерживать необходимый уровень энергопотребления;
- эффективность средств экономического и политического воздействия на уровень энергетической безопасности;
- состояние, при котором отсутствуют потенциальные и реальные угрозы энергетическим интересам государства и т.д.

Все эти факторы оказывают существенное влияние на конкурентоспособность экономики государства, состоящую теперь не только в масштабах энергопотребления, но и современного состояния технологий и научных достижений в данной области.

Энергетика как локомотив научно-технического развития современной экономики России

По мнению экспертов за последние 20-30 лет уровень потребления первичных энергоресурсов возрос в 2,5 раза и составил 90 % мирового энергетического баланса. Только за период времени с 2000 по 2009 годы потребление первичных топливно-энергетических продуктов возросло на 21 %, где выработка первичной электроэнергии составила прирост только в 14 %. Эта тенденция наблюдается до сих пор и связана, в первую очередь с обеспечением безопасности выработки атомной энергии, а также хранения и утилизации ядерных отходов. В связи с этим увеличивается нагрузка на отрасль добычи ископаемых энергетических ресурсов [1]. По прогнозам специалистов к 2020 году уровень мирового потребления энергоресурсов возрастет более, чем в 2 раза по сравнению с 1985 годом. Причем

происходить это будет на фоне существенно-го снижения доли нефтедобычи с 43 % в 1980 году до 23 % в 2020 [8].

Суммарная выработка и потребление ископаемых энергетических ресурсов, включая нефть в период с 1986 по 2020 годы, составит по предварительным оценкам от 510 до 580 млрд т. к 2020 году, что исчерпает мировые запасы нефти до половины, а это свыше 12 триллионов тонн. Таким образом, должный уровень научно-технического развития в данной области позволит обеспечить мировую энергетическую безопасность в обозримом будущем. На основании прогноза ООН к 2025 году численность населения Земли составит почти 7 миллиардов человек, к 2050 превысит 9,5 миллиардов, соответственно увеличится мировая потребность энергоресурсах [9]. Например, в 20 веке с увеличением численности населения планеты в 3,6 раза привело к росту энергопотребления в 10 раз.

Так, по данным Мирового энергетического агентства [10] к 2030 году потребление первичных энергоресурсов составит до 25 миллиардов тонн, в том числе около 9 миллиардов тонн будет приходиться на такие развивающиеся страны как Латинская Америка, Африка. На долю Среднего Востока прогнозируется до 5 миллиардов тонн. В то же время на страны бывшего СНГ, Европу и Северную Америку будет приходиться свыше 10 миллиардов тонн энергоресурсов.

По данным Министерства энергетики Российской Федерации объем добычи и выработки первичных топливно-энергетических ресурсов на долю нашей страны к 2020 году будет приходиться 1747 млн т. условного топлива. В то же время объем потребления энергоресурсов на душу населения составит 1043 млн т. условного топлива. По прогнозам экспертов в рамках реализации «Энергетической стратегии России на период до 2030 года» [11] наметится тенденция к снижению зависимости экономики нашей страны от сектора энергетики. Предполагается, что к посткризисному 2020-2022 году за счет ускорения темпов развития данного сектора, Россия выйдет на необходимый в рамках Стратегии уровень социально-экономического развития. Данный сценарий будет реализовываться за счет при-

менения новых малоэнергоёмких и энергосберегающих производств и секторов экономики страны. Согласно стратегии к 2030 году наметится существенное (по сравнению с 2005 годом) сокращение доли ТЭК в ВВП, доли экспорта топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) в ВВП свыше, чем в 3 раза, а также более чем в 1,7 раза доли ТЭР на экспорт. Кроме того снизится доля капиталовложений в ТЭК к ВВП более, чем в 1,4 раза, а в общем объеме – свыше, чем в 2 раза.

Тем не менее, в процессе реализации данной Стратегии топливно-энергетический комплекс нашей страны сохранит свое определяющее и стратегическое место в развитии экономики России и наметится его качественное изменение. Ключевым таким изменением станет развитие энергетической инфраструктуры, которая ускорит социально-экономический рост Дальнего востока, в также Восточной Сибири. При дальнейшей реализации Стратегии топливно-энергетический комплекс позволит образовать территориально-производственные объединения и наладить региональные производственные связи, обеспечивая тем самым смежные отрасли промышленности, такие, как, например, легкое и тяжелое машиностроение, химическое и металлургическое производства, а также различные отрасли экономики, например, строительство и транспорт. Таким образом, качественное развитие ТЭК внесет существенный вклад в развитие экономики России в целом, а также обеспечит укрепление энергетической безопасности страны.

На основании Федерального закона Российской Федерации «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ термин «энергетическая безопасность» характеризуется как «состояние защищенности жизненно важных энергетических интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [12]. К внутренним угрозам относят риски инфраструктуры ТЭК и отрасли в целом. К таким угрозам можно отнести, например, неэффективную составляющую геологоразведочных работ, ухудшение качества запасов ископаемых ресурсов, существенный износ производственного парка ТЭК и замедленные темпы его обновления. Данная кар-

тина усугубляется недостаточным финансированием отрасли, неэластичностью ценовой политики, налоговым обременением и соответственно приводит к повышению цен на энергоресурсы для потребителей [4].

Что касается внешних факторов, то это, прежде всего угрозы геополитического и экономического плана. Причем, как отмечалось выше, существует тесная взаимосвязь между внешними и внутренними рисками, совокупность которых может существенно повлиять на политическую и экономическую стабильность страны. К ним относятся: недостаточное расширение ассортимента экспортных поставок топливно-энергетических ресурсов, недостаточный географический охват международных рынков сбыта, связанный, прежде всего, с высокой степенью зависимости данной отрасли от мировой политической обстановки. Это, прежде всего, дискриминационные действия отдельных стран в торговых отношениях с российскими экспортёрами ТЭР, выражающиеся в ограничении транзита энергоресурсов через отдельные страны, нарушение конвенции о свободе судоходства в каналах и проливах и т.п. Помимо этого на эффективность экспорта оказывает существенное влияние современный мировой тренд энергетических и финансовых рынков и отсутствие стабильности политической и военной обстановки на территориях добычи ТЭР, выражающиеся в недопущении российских предприятий к геологоразведке, приобретению или строительстве объектов ТЭК за границей России [4].

Таким образом, все вышеперечисленные факторы оказывают существенное негативное влияние на энергетическую безопасность страны и требуют государственного регулирования энергобезопасности в совокупности с качественным технологическим перевооружением, внедрением энергосберегающих и энергоэффективных технологий [13].

Борьба за энергетические ресурсы планеты

На глобальных энергетических рынках в последние годы помимо традиционных игроков, таких как Европейские страны, Соединенные Штаты Америки, Транснациональная корпорация и т.п., возникают новые участники.

В числе таких конкурентов, помимо стран Латинской Америки, Центральной Азии, Закавказья присутствует и Российская Федерация. Отношение между традиционными и новыми «игроками» на рынке энергоресурсов становятся все более «натянутыми», приобретая нелицеприятные формы, причем в ход идет и военное вмешательство. [14, 17]. На обострение текущей обстановки на мировых рынках энергоресурсов влияет крайне неравномерное энергопотребление, например, в России, Евросоюзе, Канаде и США данный показатель составляет около 75 % всей электроэнергии, хотя количество потребителей составляет только 20 % от всех жителей планеты [15, 131-132]. На долю стран Евросоюза приходится лишь 1,4 % нефтяных и, соответственно, 3,2 % газовых энергоресурсов планеты [16]. Причем в дальнейшей перспективе данная ситуация будет только усугубляться. По выводам специалистов тенденция к увеличению доли потребления углеводородов как в развитых, так и в развивающихся странах мира по отношению к их выработке будет только расти. Причем данный процесс будет происходить на фоне все возрастающего дефицита ТЭР, что приведет к ожесточению борьбы между «игроками» на рынке энергоресурсов [17; 18].

Эти прогнозы согласуются с данными Европейской Комиссии. В «Зеленой книге безопасности энергосбережения» за 2000 год указывается перспектива возрастания потребности Европейского Союза от импорта ТЭР. На тот период ни одна из пятнадцати стран-участников Евросоюза не обходится без ввоза углеводородов, импорт которых восполнял почти 50 % потребляемой энергии. В период 2010-2020 годы обеспечивают необходимый уровень спроса на нефть лишь несколько стран, таких как Дания и Норвегия, на природный газ только Нидерланды, Норвегия, а также Дания, внутренние резервы угля имеются только у Польши, Украины, Греции, Чехии и частично Германии. Согласно статистике Европейской Комиссии, Евросоюз ввозит до 53 % энергоносителей на сумму в 400 млрд евро, причем на долю России приходится 27 % от потребляемого в европейских странах природного газа [19], а на долю Эстонии, Латвии и Литвы до 100 % импорта ТЭР из России [20, 300].

Таблица 1 – Увеличение мировых потребностей в ТЭР и сценарии в связи с долей энергоносителей в мировом энергобалансе (2030)

Увеличение мировых потребностей в ТЭР, %	Основное	Высокая потребность	Налог на карбонаты	Альтернативная энергия	Предложение слабой нефти
Уголь	4,9	5,7	2,2	2,5	5,4
Нефть	1,6	1,8	1,6	1,4	0,2
Газ	1,3	1,8	1	-0,2	1,3
Общее	3	3,5	1,7	1,6	2,9
Доля энергоносителей в мировом энергобалансе, %					
Уголь	53,9	57,2	37,7	42,3	63,1
Нефть	33,5	30,5	46,2	45,6	23,8
Газ	12,5	12,3	16,1	12,1	13

Уровень добычи ископаемых углеводородов Великобритании составлял лишь 70 %. По приводимым прогнозам такая зависимость в целом составит 70 %, а по структуре к 2030 году импорт газа может возрасти с 40 % до 70 %, нефти с 76 % до 90 %, угля с 50 % до 70 % [21, 24]. Более подробно данный сценарий рассмотрен в таблице 1 [22, 87].

Среди крупных «игроков» на рынке ТЭР США ведут наиболее ожесточенную борьбу за энергоресурсы планеты. По выводам нескольких администраций США в сферу ее национальных интересов входит обеспечение энергетической безопасности Европы. Уже в середине девяностых годов прошлого века по проекту «Евразийского транспортного коридора» США развивало строительство газонефтепроводов из каспийского региона на Запад. Кроме того США на политическом уровне достаточно активно участвовала в создании нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровода Баку-Тбилиси-Эрзерум, чтобы заместить объемы газа, поступающими из России. В настоящее время на фоне крымского кризиса США продолжает диверсификацию поставок энергоносителей в Европу.

Одним из инструментов давления на Россию должен был стать Европейский энергетический союз, в поддержку которого выступал председатель Европейского совета Дональд Туск [23], как ответ на кризис в Украине. И хотя данная инициатива так и осталась нереализованной, председатель ЕС в отношении России предлагает действовать на фоне украинского кризиса решительно, однако разумно [24], а также продолжать сдерживание России с помощью санкций, как, например, в 2014 году. В своем обращении на саммите НА-

ТО президент США критикует политику европейских стран по поддержке проекта «Северный поток-2», предлагая союзникам увеличить вместо этого отчисления до 4 % отчислений в бюджет НАТО [25]. Причем бывший вице-президент США – Джо Байден отметил, что в плане обеспечения энергетической безопасности Европа может опираться исключительно на Россию [26].

С учетом географической близости нашей страны к странам Европейского Союза (ЕС), а также налаженными транзитными энергетическими магистралями страны ЕС в совокупности своей заинтересованы в развитии энергетического сотрудничества. Однако по структуре не все Европейские страны придерживаются общей политики в области ТЭР. К таким странам относится, прежде всего, Польша и страны Прибалтики [27]. Необходимость уменьшения зависимости от России как от одного поставщика в целях обеспечения энергетической безопасности Латвии указывается в Ежегодном докладе министра иностранных дел Латвии в 2016 году. В данном направлении рассматривался проект реализации строительства Клайпедского терминала сжиженного природного газа, а также Польско-Литовского газопровода и укреплению политических связей с США как стратегическим партнером в области обеспечения энергетической безопасности [28]. Действительно Соединенные Штаты становятся влиятельным игроком на рынке сжиженного природного газа [18, 226]. Польша также выступает за энергетическую независимость от Российской Федерации и интеграцию с ЕС и Североатлантическим альянсом. В настоящее время в политическое противоборство Рос-

сии в области энергетики вовлекаются новые участники. Это связано с тем, что именно наша страна является барьером для расширения все возрастающего экономического, политического и зачастую военного влияния США.

Политическое и энергетическое равновесие между Россией и Украиной было нарушено в ходе газовых кризисов 2006 и 2009 годов. Данный процесс поставил под серьезную угрозу объемы поставок энергоносителей в ЕС и стал поводом для их диверсификации и реализации в 2011 году первой очереди «Северного потока» [29, 21]. Вторая очередь была введена в эксплуатацию в 2012 году [30]. Очередную напряженность для стран «Старой» и «Новой» Европы внес проект «Северный поток-2», реализация которого началась в 2016 году. Так, например, Германия выступает за строительство газопровода, а страны Восточной Европы, а особенно Польша – против. Это, прежде всего, объясняется тем, что некоторые страны предполагают усиление доли «Газпрома» и ее монополию в поставках природного газа. По мнению ряда премьер-министров прибалтийских стран проект «Северный поток 2» является не столько экономическим, сколько политическим [31]. В своем обращении премьер-министр Польши Беата Шидло призвала Еврокомиссию и Германию обеспечить европейскую энергетическую безопасность в связи со строительством данного газопровода, учитывая, что Польша после реализации «Северного потока-2» перестает быть транзитером газа [31]. Несмотря на политические и экономические препятствия со стороны Европейских стран, а также с тем, что Российская Федерация не планирует продлевать транзитный договор газа через Украину, действующий до декабря 2019 года, датой окончания строительства первой очереди «Северного потока-2» будет ноябрь, второй – декабрь 2019 года [32].

Причем данный процесс происходит на фоне того, что в дальнейшей перспективе Россия останется крупным поставщиком ископаемого сырья в страны ЕС. Так по итогам 2013 года доля поставок газа в Европу составила 30 % от доли потребления [33]. В 2016 году эти показатели увеличились до 33,1 %. В 2017 году доля поставок «Газпрома» выросла до 34,7 %.

По мнению заместителя председателя правления «Газпрома» Александра Медведева, за 2018 год Россия продаст на экспорт рекордный объем газа по цене \$248 за 1 тыс. кубометров [34].

Одним из направлений развития является метод добычи ископаемых ресурсов из сланцевых пород, запасы которых составляют около 34 млрд т. Развитие данной технологии, например компанией Genie позволит увеличить объемы добычи такой нефти в США и Израиль, а также в страны Европейского Союза [35, с. 133]. По мнению ведущего ученого В. К. Фальцмана, в отношении нашей страны впервые наложены санкции в ущерб международных соглашений на товары и ресурсы, необходимые для нефтегазовой отрасли. Это повлекло остановку проекта по добыче углеводородов на бедных месторождениях из сланцевых пород на шельфе Ледовитого океана [36].

Становится очевидным, что наши партнеры в сфере энергоресурсов в очередной раз ищут возможности давления на Россию и отступления нашей страны от основополагающих принципов обеспечения энергетической безопасности. Причем реализация данного сценария может привести в перспективе к дестабилизации работы ТЭК России, спаду экономического развития страны и социальные проблемы в обществе.

Основой смягчения противоречий на глобальных энергетических рынках эксперты предлагают принципы международной согласованности производства ТЭР и потребления. Политика смягчения норм международного права в данной области станет основой укрепления международного сотрудничества и как следствие экономического и социального развития страны в области энергетики.

Технологическое отставание ТЭК России как фактор риска

В настоящее время, несмотря на определенные политические решения, направленные на стабилизацию и развитие ТЭК, до сих пор наблюдается серьезное технологическое отставание в области добычи и переработки нефти и нефтепродуктов, а также ослабление экономико-производственных связей в отрасли.

На основании анализа средне- и долгосрочных перспектив в данном секторе экономики на период первого, второго и третьего десятилетия текущего века эксперты приходят к выводу, что основную угрозу энергетической безопасности России в долгосрочной перспективе составит вероятность длительного дефицита физиически и экономически доступных тепло-энергоресурсов. Как следствие это приведет к снижению скорости экономического роста, а также темпов социального развития.

В связи с этим обозначилась стратегическая составляющая энергетической безопасности страны. Важнейшие из стратегических угроз заключаются в глубоком физическом и моральном износе основных фондов ТЭК. Кроме того такими составляющими можно назвать замедление процессов освоения новых месторождений газа и нефти; глубоком кризисе системы теплоснабжения; проблематичности масштабного наращивания объемов использования угля, электроэнергии атомной и возобновляемой в общем объеме первичных энергоресурсов. К числу основных причин возникновения данных угроз, прежде всего, стоит отнести проблемы инвестирования ТЭК, а также систем энергосбережения, а также вопросы неэффективного управления [38].

В связи с многолетним недофинансированием отрасли в России с каждым годом усугубляется проблема морального и физического износа оборудования ТЭК. В первую очередь это устаревший парк буровых установок и верхних приводов. Как следствие – простой или недогрузка технологических мощностей, снижение качества выпускаемых нефтепродуктов при увеличении стоимости их выработки, выражающееся в увеличении энергозатрат на нефтепереработку. С другой стороны повышаются требования и спрос на буровые установки со стороны подрядчиков. В перспективе до 2030 года данный спрос может составить до 1396 ед., причем более половины составит доля установок грузоподъемностью свыше 300 тонн.

Согласно аналитике RPI в период 2007-2017 годы количество буровых установок возросло на 36 %, а это 1389 единиц. Данная динамика связана с освоением новых скважин. Однако за тот же период процент реально эксплуа-

тируемых буровых упал с 93 до 79 процентов, то есть увеличение фактически действующего парка составило всего 15 % [39].

Основными причинами являются: увеличение доли станков старше 20 лет, которые не используются по причине дороговизны транспортировки; повышением эффективности бурения за счет применения блочного исполнения, современных долот; увеличение скорости проходки и активного применения телеметрии; строительство более дешевых скважин в Волго-Уральском регионе [39].

В связи с этим за период 2007-2017 года объемы бурения увеличились в расчете на 1 буровую, при этом износ составил 40 % парка бурового оборудования, а дальнейшее увеличение объемов бурения – 10 % в 2016 году и 12 % в 2017 году, усугубляет данную ситуацию.

По данным Холдинга «РУ-Энерджи Групп», на период до 2015 года уровень износа буровых установок, выпущенных в период с 1987 по 1992 года, составил 80 %. Причем в России существуют только два предприятия, способных произвести техническое перевооружение отрасли [40, 1]. Одним из них является завод «Уралмаш». На долю данного предприятия приходится свыше 50 % всех буровых установок, представленных на рынке бурового оборудования России. В комплектацию ранее входили силовые агрегаты СА-10 с дизелями 6ЧН21/21 210Д предприятия «Волжский дизель им. Маминых» [41]. Позже стали использоваться агрегаты следующих моделей: СА-20, СА-25, СА-30 с 6ЧН21/21 210Д, 218Д, 222Д, 225Д. В настоящее время используются новые дизель-генераторы и способы бурения электроприводом, позволяющим увеличить срок службы бурового инструмента и дизелей по сравнению с СА-10, где наработка на отказ составляла 20000-25000 моточасов. Кроме того, такой способ бурения позволяет достичь больших глубин и производить эффективную работу в вечной мерзлоте [42, 65-71].

Однако затяжной экономический кризис и повышение курсов европейских валют поставили под угрозу динамику развития внутреннего производства бурового оборудования. Так предприятие «Волжский дизель им. Маминых» находится в состоянии банкротства, возможной причиной которого, помимо

слабоэффективного руководства, явилось малое количество заказов на буровые установки и поддержка государственными заказами. Усугубляет ситуацию ожесточенная конкуренция в данной отрасли. С начала 2000 годов 45 % буровых установок составляют китайские компании, в основном Sichuan Honghua Petroleum Equipment и RG Petro-Machinery. С 2009 начался активный ввоз буровых установок от китайских производителей Yantai Jereh Oilfield Services Group и Honghua International и данная тенденция продолжает расти [43, 1]. Сдерживающим фактором активного насыщения отечественного рынка китайскими буровыми является ненадежность их эксплуатации в холодных климатических зонах нашей страны. Отечественные же буровые установки и дизеля приспособлены к суровым климатическим зонам, легче в обслуживании и ремонтнопригодны. Западные производители IDM, Drill-mes также импортируют свою продукцию в Россию, тем самым увеличивая зависимость российских производителей ТЭР от курса европейских валют, цен на импортные запчасти.

По данным RPI с 2010 года доля российских буровых установок составила 41 % от всего рынка нефтесервисного оборудования. Такой прирост связан с организацией «Уралмаш Нефтегазовое Оборудование Холдинг» на базе завода «Уралмаш», который способен выпускать не только большой ассортимент буровых установок, но и снабжать их системами верхнего привода. Являясь дорогим оборудованием, импортные системы верхнего привода были недоступны для многих предприятий данной отрасли. В настоящее время отечественные системы эксплуатируются нефтесервисными предприятиями в объеме более 400 единиц. В 2017 г. рынок систем верхнего привода составил 75 единиц на сумму 6 млрд руб., что в 2,7 раза больше приобретенных в 2007 году, причем 70 % систем в сборе с буровой установкой. В настоящее время доля Холдинга составляет 55 % отечественного рынка [39]. В связи с этим становится очевидным развитие политики импортозамещения в данной отрасли и в частности выпуска буровых установок завода «Уралмаш» и входящими в состав силовых агрегатов с дизелями производства завода «Волжский дизель им. Маминих» [18].

Ключевым в этом направлении политическим шагом явилось в 2012 году субсидирование российских производителей нефтесервисного оборудования введением пошлины на импорт буровых установок [39]. В дальнейшей перспективе с улучшением политики цен на системы верхних приводов к 2022 году прогнозируется увеличение и фиксация на уровне 100 единиц количества отечественных систем верхнего привода. А к 2030 году объемы выпуска приводов будут превышать объемы выпуска буровых установок, за счет того, что предприятия будут обновлять только приводы на имеющихся установках.

Другим политическим шагом, направленным на стабилизацию ситуации в нефтедобывающей отрасли, стал договор, заключенный в конце 2016 года, между Россией и ОПЕК об ограничении нефтедобычи. Несмотря на пролонгированное еще на 2 года соглашение и предполагаемое в связи с этим уменьшение объемов нефтедобычи, объемы бурения за 2018 года возросли на 11 %. Данный процесс, прежде всего, связан с истощением старых скважин в Волго-Уральском регионе и в районе Западной Сибири, когда объемы бурения превышают объемы добычи нефти. В дальнейшей перспективе этот процесс станет локомотивом увеличения всего нефтяного рынка России [44].

Еще одной стратегической составляющей обеспечения энергетической безопасности страны является политика энергосбережения, угрозой которой состоит в чрезвычайной энергетической расточительности ведения народного хозяйства. С одной стороны она связана с высокой степенью изношенности энергетической инфраструктуры России. По данным [45], в Северном море из-за трещин в трубопроводах процент утечки сырой нефти составляет 0,001 %, а в Сибири достигает до 2 %. С другой стороны с нежеланием крупных концернов России развивать нефтеперерабатывающую промышленность, а экспортировать сырую нефть за границу вообще и в Республику Беларусь на дальнейшую переработку в частности. По мнению руководителя одной из крупных компаний ТЭК строительство нефтеперерабатывающего комплекса в нашей стране нецелесообразно из-за отсут-

ствия потребителя. Гораздо выгоднее приобретать зарубежные активы для нефтепереработки и возвращать прибыль в Россию [46]. С точки зрения обеспечения энергетических, экономических и социальных интересов страны это ... нонсенс, учитывая, что только из 159 литров нефти (1 баррель) можно получить 85 литров бензина или других нефтепродуктов, при примерно одинаковой стоимости нефти и бензина в розницу.

Казалось бы, перевод экономики страны на производственные рельсы с сырьевых более предпочтителен. Строительство нефтеперерабатывающих заводов позволит создать новые рабочие места, а учитывая, что данная отрасль выпускает широкий спектр сопутствующих продуктов, применяемых в других отраслях народного хозяйства, это в перспективе должно улучшить социально-экономические и производственные показатели этих отраслей. Эта тема активно обсуждалась на уровне Правительства РФ и даже были проекты введения в эксплуатацию нового нефтеперерабатывающего завода в Чечне [47], причем завод уже три года как должен работать. В рамках этих решений еще в 2007 году ОАО «Омскнефтехимпроект» подготовил проект декларации с предварительного строительства нефтехимического комплекса в оконечной точке нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан. Он уже 7 лет назад должен был стать одним из крупнейших нефтеперерабатывающих предприятий России. Все это осталось на уровне проектов. Вместе с тем продолжается политика сворачивания производства малых нефтеперерабатывающих заводов (а таких 250) с глубиной нефтепереработки 40 %, тогда как в США она составляет 60 %, создавая дефицит топлива на внутреннем рынке страны. Одной из причин тому стала политика налоговых льгот для нефтяной отрасли, следствием чего глубокая переработка нефти стала экономически невыгодной. Кроме того, по мнению заместителя генерального директора Института национальной энергетики Александра Фролова: «в случае с Европой нельзя забывать про то, что наши европейские партнеры заинтересованы в том, чтобы загружать свои производства, а не заводы в России. Соответственно, внешний спрос на российские товары ограничен» [48].

В результате российские компании не вкладываются в строительство нефтеперерабатывающих заводов, а активно покупают солидную долю зарубежных нефтеперерабатывающих комплексов Румынии, Италии, Болгарии, Германии и т.д. Такая политика естественно не работает в пользу России и требует создать «четкие правила» для «ключевых игроков» данной отрасли.

Перспективные направления укрепления энергетической безопасности России

Важным шагом укрепления энергетической безопасности России стало принятие стратегии развития нефтегазохимической отрасли Российской Федерации до 2025 года, а также принятие советом директоров «Газпром нефти» 23 ноября 2018 года стратегии развития компании до 2030 года [49]. В рамках реализации первой Стратегии предполагается: активное инвестирование, расширение инфраструктуры, смягчение налоговой и таможенной политики на 15 лет для организаций, реализующих крупные проекты отрасли. Эти мероприятия позволят внести «четкие правила игры» в отрасль и в перспективе позволит получить положительный эффект для всего народного хозяйства страны [48]. В рамках второй – трансформация системы управления активами компании «Газпром нефть», введение новых активов, повышение эффективности геологоразведки, расширения зон добычи ископаемых ресурсов, развития проектов добычи нетрадиционными способами, такими как, добыча в море на шельфе, а также залежей по разрезу палеозойский, доманиковых отложений, месторождений баженовской свиты. В рамках Стратегии до 2030 года «Газпром нефть» предполагает за счет применения новых технологий минимизировать стоимость выработки 1 барреля нефти, занять до 70 % отрасли нефтепереработки и стать одной из ведущих десяти мировых авиатопливных компаний отрасли [49].

Реализация данных стратегий в совокупности подпадает под ограничения экспорта ОПЕК+, поэтому в дальнейшем политика РФ должна быть направлена на смягчение данных ограничений. В перспективе проводимая РФ комплексная политика по модернизации предприятий ТЭК, применение современных

отечественных буровых установок с системами верхнего привода, позволит наладить производство продукции с высокими конкурентными свойствами и улучшить энергоэффективность производства, позволить обеспечить энергетическую безопасность страны.

В поддержку направления укрепления государственной и международной энергетической безопасности наша страна ведет политику синхронизации энергетических систем стран СНГ и ЕС [50]. Одной из основных проблем процесса консолидации между странами ЕС стал вопрос создания единого газового рынка стран участниц, а также газовая политика с Россией. С одной стороны Германия, Италия как крупные импортеры газа заинтересованы в развитии сотрудничества с Россией и поддерживают такие крупные проекты, как «Северный поток-2», «Южный/Турецкий поток». Запуск «Северного потока-2» позволит Германии получать газ из России без посредников и, в свою очередь стать крупным газораспределительным узлом для стран ЕС. Италия также станет крупным транзитером российского газа. Несмотря на противоположную позицию стран Балтии, а также Польши Россия движется в направлении газового развития отрасли.

Открытие 20 марта 2019 Харасавэйского месторождения стало важным событием для отрасли. По словам Президента России В.В. Путина: «Для потребления нашего экспортного потенциала, для дальнейшей газификации самой России. В целом для роста национальной экономики. Запасы месторождения огромные – 2 триллиона кубических метров. Вместе с Бованенково – почти 7 триллионов. Это огромные запасы – этого хватит для того, чтобы добывать здесь газ до 2131 года»; «Это просто общепланетарные запасы. Для сравнения – только на Харасавэйском месторождении больше проектной мощности

одной нитки Северного потока» [51], – сообщил президент. Он подчеркнул, что такие колоссальные объемы гарантируют на годы вперед безопасность и надежность поставок энергоресурсов потребителям. «Внутри страны и нашим партнерам за рубежом», – отметил В.В. Путин. По словам Президента к 2030 году на Ямале добыча газа составит 310-360 млрд кубических метров, как для внутреннего потребления, так и для экспорта по «Северному потоку-1» и «Северному потоку-2» [51].

В дальнейшей перспективе зависимость промышленно развитых государств от импорта энергоносителей будет только возрастать. Для обеспечения долгосрочных торговых отношений на рынке энергоресурсов от импортеров потребуются диверсификация поставок и ужесточения правил мировой торговли для обеспечения собственной экономической и энергетической безопасности [52]. Причем следует крайне осторожно следовать этим правилам, теоретически и практически трудновыполнимым в специфике России. К ним, в частности относятся такие, как отсутствие дефицита бюджета и таможенных ограничений на импорт, передача ключевых отраслевых фондов государства частному сектору и т.п. [53]. В связи с этим в дальнейшей перспективе следует ожидать усиление политического давления на Россию для ослабления позиций на глобальном рынке энергоресурсов и ослабления ее энергетической безопасности. При этом основной задачей государственной политики и бизнеса является введение эффективных мер нивелирования воздействия данных факторов [54].

Таким образом, ближайшим ориентиром укрепления энергетической безопасности России и улучшения экономического климата становится политика структурно-технологического и политико-управленческого обновления экономики страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воропай Н.И., Сендеров С.М. Энергетическая безопасность мира и России: предпосылки, возможности, проблемы [электронный ресурс] // ИСЭМ СО РАН. URL: <http://isem.irk.r>

u/symp2010/papers/RUS/P1-03r.pdf (дата обращения 16.12.2019)

2. Статистический Ежегодник мировой энергетики 2018 [электронный ресурс] // Ежегодник Enerdata. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/total->

energy/world-consumption-statistics.html (дата обращения 16.12.2019)

3. Основные тенденции мирового потребления первичных энергоносителей [электронный ресурс] // Интернет-проект «Корпоративный менеджмент», 1998–2018. URL: <https://www.cfin.ru/press/practical/2004-02/03.shtml> (дата обращения 16.12.2019)

4. Сендеров С.М. Стратегия обеспечения энергетической безопасности России [электронный ресурс] // Информационное агентство «ПРОАТОМ». URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=4532> – 2013. (дата обращения 16.12.2019)

5. World Energy Outlook, Paris, International Energy Agency, 2005.

6. IEA. World Energy outlook, 2007.

7. Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy // Washington; Baltimore: Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins University Press, 2005

8. Мировое потребление энергоресурсов. Энергетический аудит [электронный ресурс] // studwood.ru – учебные материалы онлайн. URL: https://studwood.ru/1238135/geografiya/mirovoe_potreblenie_energoresursov_energeticheskij_audit (дата обращения 16.12.2019)

9. Организация Объединенных Наций E/CN.9/2011/1. Distr.: General 21 January 2011 Russian. Original: English. Экономический и Социальный Совет Комиссия по народонаселению и развитию Сорок четвертая сессия 11–15 апреля 2011 года [электронный ресурс] // tvernedra.ru. URL: <http://tvernedra.ru/Mirovdemogrtenden.pdf> (дата обращения 16.12.2019)

10. World Energy Outlook 2008 [электронный ресурс] // Международное энергетическое агентство. URL: <http://bookfi.net/book/1252914> (дата обращения 16.12.2019)

11. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [электронный ресурс] // Министерство энергетики. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения 16.12.2019)

12. О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 16.12.2019)

13. Григорьев Л. М., Курдин А. А. Экономический рост и спрос на энергию // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 17, № 3. С. 390–406.

14. Валиахметова Г.Н. Проблемы энергетиче-

ской безопасности в Азии// Проблемы востоковедения. 2015. № 4 (70) С. 16–21.

15. Stutz P. Frederick, World Economy: resources, location, trade and development / Frederick P. Stutz, Barney Warf. – Pearson Prentice Hall, 2015. – 543 p.

16. Key world energy statistics – 2016 [electronic resource] // International energy agency. URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/key-world-energystatistics.html> (date of reference: 16.12.2019)

17. BP Energy Outlook to 2035 [electronic resource] // www.bp.com. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2014.pdf> (date of reference: 16.12.2019)

18. Встреча с главой компании «Роснефть» Игорем Сечиным [электронный ресурс] // kremlin.ru Администрация Президента РФ. – 2015. 4 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47626> (дата обращения 16.12.2019)

19. ЕС сделает ставку на энергопартнерство с Баку и Ашхабадом для снижения роли РФ – FT [электронный ресурс] // interfax.com.ua. Информационное агентство «Интерфакс Украина». – 2015. 25 февраля. URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/252352.html> (дата обращения 16.12.2019)

20. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. European Energy Security Strategy. Brussels [electronic resource] // eur-lex.europa.eu. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52014DC0330> (date of reference: 16.12.2019)

21. Богучарский М.Е. Энергетическая дипломатия Европейского Союза // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, 2005.

22. Global Economic Prospects, Commodities at the Crossroads// World development report, The World Bank, Washington, DC, 2009.

23. Айзятупова И., Мереминская А.. Европейская уния против России. – 2014. 23 апреля [электронный ресурс] // Газета.Ru. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/04/22/6002829.shtml> (дата обращения 16.12.2019)

24. Интервью — Дональд Туск, избранный председатель Европейского совета [электронный ресурс] // Wikimedia Foundation URL: https://foundation.wikimedia.org/wiki/Terms_of_Use/ru (дата обращения 16.12.2019)

25. Трамп предостерег Европу от выплаты

России «трубопроводных долларов» [электронный ресурс] // Спецводсервис. URL: <https://aspr.ru/news-company/tramp-predostereg-evropu-ot-vyplaty-rossii-truboprovodnyh-dollarov/> (дата обращения 16.12.2019)

26. Ромашенко С. США призвали ЕС снизить зависимость от России в сфере энергоносителей [электронный ресурс] // dw.de: DeutscheWelle. – 2014. 22 октября. URL: <http://www.dw.de/сша-призвали-ес-снизить-зависимость-от-россии-в-сфере-энергоносителей/a-18080501> (дата обращения 16.12.2019)

27. Энергетическая безопасность Европы: противоборство США и России [электронный ресурс] // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-bezopasnost-evropy-protivoborstvo-ssha-i-rossii> (дата обращения 16.12.2019)

28. Ежегодный доклад министра иностранных дел о достигнутых результатах и предстоящей работе в сфере внешней политики страны и по вопросам Европейского Союза. Рига [электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Латвийской Республики. URL: https://www.mfa.gov.lv/images/ministrija/Arpolitikas_zinojums_2017_rus.pdf (дата обращения 16.12.2019)

29. Симония Н.А., Торкунов А.В. Энергобезопасность ЕС и Россия // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4 (43). С.18-26.

30. Северный поток [электронный ресурс] // ПАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/projects/nord-stream/> (дата обращения 16.12.2019)

31. Виноградов Ю. Прибалтийские премьеры вместе с польским назвали политическим проект «Северный поток-2» [электронный ресурс] // «Парламентская газета». URL: <https://www.pnp.ru/in-world/pribaltiyskie-premery-vmeste-s-polskim-nazvali-politicheskim-proekt-severnyy-potok-2.html> (дата обращения 16.12.2019)

32. Строительство первой нитки «Северного потока — 2» завершат в ноябре // RuBaltic.Ru. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.rubaltic.ru%2Fnews%2F29012019-stroitelstvo-pervoy-nitki-severnogo-potoka-2-zavershat-v-noyabre%2F> (дата обращения 16.12.2019)

33. Грибачев В. Барак Обама жмет на газ [электронный ресурс] // «РИА Новости» – информационное агентство. – 2014. 13 мая. URL: <https://ria.ru/20140513/1007611499.html> (дата обращения 16.12.2019)

34. «Газпром» поставит в Европу рекордный объем газа по цене \$248 за 1 тыс. кубометров [электронный ресурс] // Рамблер. URL: <https://finance.rambler.ru/business/41124867-gazprom-postavit-v-evropu-rekordnyy-obem-gaza/> (дата обращения 16.12.2019)

35. Хайтун А.Д. Россия-Евросоюз: энергетическая безопасность // Топливо-энергетический комплекс России: актуальные проблемы и стратегия развития. 2014. С. 105-111.

36. Фальцман В.К. Импортзамещение в ТЭК и ОПК [электронный ресурс] // Экономический портал – Institutiones.Com URL: <http://institutiones.com/general/2534-importozamezhenie-tek-opk.html> (дата обращения 16.12.2019)

37. Bradbrook A.J. and Wahnschafft R.D. The contribution of international law to achieving global sustainable energy production and consumption // Energy Law and Sustainable Development. IUCN, Gland, Switzerland and Cambridge, 2003.

38. Воропай Н.И., Сендеров С.М. Энергетическая безопасность: сущность, основные проблемы, методы и результаты исследований // Институт народного прогнозирования. М.: ИНП РАН, 2011.

39. RPI оценила российский рынок буровых установок [электронный ресурс] // Интернет-проект «Нефтянка»/ URL: <http://neftianka.ru/rpi-ocenila-rossijskij-rynok-burovux-ustanovok/> (дата обращения 16.12.2019)

40. Буровой кризис, или заводы по производству буровых установок нуждаются в господдержке. – 2014. 18 сентября [электронный ресурс] // neftegaz.ru. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/130080> (дата обращения 16.12.2019)

41. Горшков Е.А. Совершенствование технологии изготовления подшипников скольжения на основе комплексного применения дифференцированного гидродробеструйного упрочнения и композиционных материалов: диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. Саратов, 2008.

42. Горшков Е.А., Утенков Г.Н. Политические и технологические аспекты обеспечения энергетической безопасности России в условиях финансово-экономического кризиса // Вопросы управления. 2015. № 4 (35). С. 65-71.

43. Альков И. На российском нефтесервисном рынке укрепляется тенденция консолидации. // OIL&GAS JOURNAL RUSSIA. 2014. № 6 (83). С. 52-58.

44. RPI: Динамика рынка бурения в 2017 году внушает оптимизм [электронный ресурс] // Rogtecmagazine.com. URL: https://rogtectmagazine.com/wp-content/uploads/2018/04/01_RPI-

2017-Drilling-Market-Brings-Optimism.pdf (дата обращения 16.12.2019)

45. Экологические риски при добыче и транспортировке углеводородного сырья [электронный ресурс] // Bellona.ru. URL: https://bellona.no/content/uploads/sites/4/fil_Bellona-Glava3.pdf (дата обращения 16.12.2019)

46. Белорусский детектив: почему нам невыгодно слезать с «нефтяной иглы» [электронный ресурс] // «Новые Известия», 2018. URL: <https://newizv.ru/article/general/09-01-2019/beloruskiy-detektiv-pochemu-nam-ne-vygodno-slezat-s-neftyanoj-igly> (дата обращения 16.12.2019)

47. «Роснефть» намерена возродить нефтеперерабатывающую отрасль в Чечне [электронный ресурс] // «Кавказский Узел». URL: <https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/163156/> (дата обращения 16.12.2019)

48. Правительство делает ставку на переработку нефти в России // ФБА «Экономика сегодня». URL: <https://rueconomics.ru/382060-pravitelstvo-delaet-stavku-na-pererabotku-nefti-v-rossii> (дата обращения 16.12.2019)

49. Совет директоров «газпром нефти» утвердил стратегию развития компании до 2030 года [электронный ресурс] // ПАО «Газпром нефть». URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/2060088/> (дата обращения 16.12.2019)

50. Энергетическая безопасность ЕС: в по-

иске баланса между политикой и экономикой [электронный ресурс] // «Российский совет по международным делам». URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/energeticheskaya-bezopasnost-es-v-poisk-balansa-mezhdu-politikoj-i-ekonomikoj/> (дата обращения 16.12.2019)

51. Глава Чувашии в Ямало-Ненецком автономном округе посещает Бованенковское месторождение [электронный ресурс] // АУ «Редакция порецкой районной газеты «порецкие вести» Мининформполитики ЧР. URL: <http://gazeta-vesti.cap.ru/Info.aspx?type=news&id=4052377> (дата обращения 16.12.2019)

52. Мировые рынки энергоресурсов – проблемы и перспективы [электронный ресурс] // Интернет-проект «Корпоративный менеджмент», 1998–2019. URL: <https://www.cfin.ru/press/practical/2004-02/03.shtml> (дата обращения 16.12.2019)

53. Глазьев С.Ю. Новый курс: стратегия прорыва // Экономические стратегии. 2014. № 1 (117). С. 7-8.

54. Макаров А., Галкина А., Грушевенко Е., Грушевенко Д., Кулагин В., Митрова Т., Сорокин С. Перспективы мировой энергетики до 2040 года // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С. 3-20.

ENSURING RUSSIA'S ENERGY SECURITY: POLITICAL, MANAGERIAL AND TECHNOLOGICAL ASPECTS IN THE CONTEXT OF THE FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS

E.N. Fedina

Saratov State Law Academy,
Balakovo, Russia

G.N. Utionkov

Saratov State Law Academy,
Balakovo, Russia

E.A. Gorshkov

Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration,
Balakovo, Russia

ABSTRACT:

The article examines the factors that have a significant impact on the energy security of Russia, examines the current state of the fuel and energy complex (FEC), highlights its main problems, examines the role and place of the Russian fuel and energy complex in the global energy balance, analyzes external and internal threats and methods of state management to ensure energy security in the economic crisis. The article emphasizes that "energy security" becomes a socio-ideological, political and economic dimension that has a dominant influence on the development of production, social and economic processes. In this context,

world energy security is considered as the protection of the economy of countries and regions of the world from threats of energy scarcity. Factors that have a significant impact on the competitiveness of the state's economy are not only the scale of energy consumption, but also the current state of technology and scientific achievements in this area. The article emphasizes that an important step in strengthening Russia's energy security was the adoption of the strategy for the development of the petrochemical industry of the Russian Federation until 2025, as well as the adoption by the Board of Directors of GPN on November 23, 2018 of the company's development strategy until 2030. As part of the implementation of the first Strategy, it is planned to actively invest, expand infrastructure, and ease tax and customs policies for 15 years for organizations implementing major projects in the industry. These measures will make it possible to introduce "clear rules of the game" in the industry and will allow you to get a positive effect for the entire national economy of the country in the future.

Purpose. The study of the dynamics of the fuel and energy complex (FEC), the role and place of the Russian fuel and energy complex in the global energy balance, the analysis of external and internal threats and methods of public administration of energy security in the economic crisis.

Methods. The article considers and analyzes the dynamics and prospects for the development of the Russian fuel and energy sector in the period from 2000 to 2030. The role of public administration in this period is evaluated. The situation of the industry during the financial and economic crisis and methods of public administration in this period are studied in detail.

Results. Based on the research, the author concludes that there is a need for a systematic national approach to the development of the fuel and energy sector adopting long-term strategic programs for the development of the industry.

Scientific novelty. This article provided the first generalized political and technological analysis and evaluation of problems, the steps and prospects of development of energy in Russia's recent history and instruments of its regulation by public authorities.

KEYWORDS: energy security, fuel and energy complex, oil service, fuel and energy resources, drilling rig, diesel 6CHN21/21, Volga diesel named after Mamins, Uralmash, the economic and financial crisis, energy.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena N. Fedina, Cand. Sci. (Sociological), Balakovo branch, Saratov State Law Academy, 8/1, Krasnaya Zvezda, str., Balakovo, 413813, Russia, Bf_sgap@list.ru

Gennady N. Utionkov, Cand. Sci. (Political), Balakovo branch, Saratov State Law Academy, 8/1, Krasnaya Zvezda, str., Balakovo, 413813, Russia, ugn64@list.ru

Evgeny A. Gorshkov, Cand. Sci. (Technical), Balakovo Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 107, Chapaeva str., Balakovo, 413865, Russia, evgenij-gorshkov@mail.ru

FOR CITATION: Fedina E.N., Utionkov G.N., Gorshkov E.A. Ensuring Russia's energy security: political, managerial and technological aspects in the context of the financial and economic crisis // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 192–211.

REFERENCES

1. Voropay N.I., Senderov S.M. Energy security of the world and Russia: prerequisites, opportunities, problems [electronic resource] // ISEM SB RAS. URL: <http://isem.irk.ru/symp2010/papers/RUS/P1-03r.pdf> (date of reference: 16.12.2019) [Voropaj N.I., Senderov S.M. Energeticheskaya bezopasnost' mira i Rossii: predposylki, vozmozhnosti, problemy [elektronnyj resurs] // ISEM SO RAN. URL: <http://isem.irk.ru/symp2010/papers/RUS/P1-03r.pdf> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).
2. Statistical Yearbook of world energy 2018 [electronic resource] // Yearbook Enerdata. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/total-energy/world-consumption-statistics.html> (date of reference: 16.12.2019) [Statisticheskij Ezhegodnik mirovoj energetiki 2018 [elektronnyj resurs] // Ezhegodnik En-

erdata. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/total-energy/world-consumption-statistics.html> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

3. Main trends in global primary energy consumption [electronic resource] // Internet project “Corporate management”, 1998–2018. URL: <https://www.cfin.ru/press/practical/2004-02/03.shtml> (date of reference: 16.12.2019) [Osnovnye tendencii mirovogo potrebleniya pervichnyh energonositelej [elektronnyj resurs] // Internet-proekt «Korporativnyj menedzhment», 1998–2018. URL: <https://www.cfin.ru/press/practical/2004-02/03.shtml> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

4. Senderov S.M. Strategy of ensuring energy security of Russia [electronic resource] // PROAtom News Agency. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=4532> – 2013. (date of reference: 16.12.2019) [Senderov S.M. Strategiya obespecheniya energeticheskoy bezopasnosti Rossii [elektronnyj resurs] // Informacionnoe agentstvo «PROAtom». URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=4532> – 2013. (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

5. World Energy Outlook, Paris, International Energy Agency, 2005.

6. IEA. World Energy outlook, 2007.

7. Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy // Washington; Baltimore: Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins University Press, 2005

8. Global energy consumption. Energy auditing [electronic resource] // studwood.ru – online training materials. URL: https://studwood.ru/1238135/geografiya/mirovoe_potreblenie_energoresursov_energeticheskij_audit (date of reference: 16.12.2019) [Mirovoe potreblenie energoresursov. Energeticheskij audit [elektronnyj resurs] // studwood.ru – uchebnye materialy onlajn. URL: https://studwood.ru/1238135/geografiya/mirovoe_potreblenie_energoresursov_energeticheskij_audit (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

9. United Nations E/CN.9/2011/1. Distr.: General 21 January 2011 Russian. Original: English. English Economic and Social Council Commission on population and development Forty-fourth session 11–15 April 2011 [electronic resource] // tvernedra.ru. URL: <http://tvernedra.ru/Mirovdemogrtenden.pdf> (date of reference: 16.12.2019) [Organizaciya Ob”edinennyh Nacij E/CN.9/2011/1. Distr.: General 21 January 2011 Russian Original: English Ekonomicheskij i Social’nyj Sovet Komissiya po narodonaseleniyu i razvitiyu Sorok chetver-

taya sessiya 11–15 aprelya 2011 goda [elektronnyj resurs] // tvernedra.ru. URL: <http://tvernedra.ru/Mirovdemogrtenden.pdf> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

10. World Energy Outlook 2008 [electronic resource] // Международное энергетическое агентство. URL: <http://bookfi.net/book/1252914> (date of reference: 16.12.2019)

11. Energy strategy of Russia for the period up to 2030 [electronic resource] // Ministry of Energy. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (date of reference: 16.12.2019) [Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 goda [elektronnyj resurs] // Ministerstvo energetiki. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

12. On security: Federal law No. 390-FL dated December 28, 2010 [electronic resource] // RLS Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru> (date of reference: 16.12.2019) [O bezopasnosti: Federal’nyj zakon ot 28 dekabrya 2010 goda № 390-FZ [elektronnyj resurs] // SPS Konsul’tantPlyus. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

13. Grigoriev L. M., Kurdin A. A. Economic growth and demand for energy // Economic Journal of the Higher School of Economics. 2013. Vol. 17, No. 3. Pp. 390–406. [Grigor’ev L. M., Kurdin A. A. Ekonomicheskij rost i spros na energiyu // Ekonomicheskij zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2013. T. 17, № 3. S. 390–406.] – (In Rus.).

14. Valiaxmetova G.N. Problems of energy security in Asia // Problems of Oriental Studies. 2015. No. 4 (70) S. 16–21. [Valiaxmetova G.N. Problemy energeticheskoy bezopasnosti v Azii // Problemy vostokovedeniya. 2015. № 4 (70) S. 16–21.] – (In Rus.).

15. Stutz P. Frederick, World Economy: resources, location, trade and development/ Frederick P. Stutz, Barney Warf. – Pearson Prentice Hall, 2015. – 543 p.

16. Key world energy statistics – 2016 [electronic resource] // International energy agency. URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/key-world-energystatistics.html> (date of reference: 16.12.2019)

17. BP Energy Outlook to 2035 [electronic resource] // www.bp.com. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2014.pdf> (date of reference: 16.12.2019)

18. Meeting with the head of Rosneft Igor Sechin [electronic resource] // kremlin.ru Administration of

the President of the Russian Federation. – 2015. February 4. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47626> (date of reference: 16.12.2019) [Vstrecha s glavoy kompanii «Rosneft» Igorem Sechinym [elektronnyj resurs] // kremlin.ru Administraciya Prezidenta RF. – 2015. 4 fevralya. URL: www.kremlin.ru/news/47626 (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

19. EU will bet on energy partnership with Baku and Ashgabat to reduce the role of the Russian Federation-FT [electronic resource] // interfax.com.ua. Information Agency “Interfax Ukraine”. – 2015. February 25. URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/252352.html> (date of reference: 16.12.2019) [ES sdelaet stavku na energopartnerstvo s Baku i Ashkhabadom dlya snizheniya roli RF – FT [elektronnyj resurs] // interfax.com.ua. Informacionnoe agentstvo «Interfaks Ukraina». – 2015. 25 fevralya. URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/252352.html> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

20. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. European Energy Security Strategy. Brussels [electronic resource] // eur-lex.europa.eu. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52014DC0330> (date of reference: 16.12.2019)

21. Bogucharsky M.E. Energy diplomacy of the European Union // Abstract of the thesis for the candidate's degree of political science. Moscow, 2005. [Bogucharskiy M.E. Energeticheskaya diplomatiya Evropejskogo Soyuza // avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk. Moskva, 2005.] – (In Rus.).

22. Global Economic Prospects, Commodities at the Crossroads // World development report, The World Bank, Washington, DC, 2009.

23. Aizyatulova I., Mereminskaya A. European Union against Russia. – 2014. April 23 [electronic resource] // Newspaper.Ru. URL: www.gazeta.ru/business/2014/04/22/6002829.shtml (date of reference: 16.12.2019) [Ajzyatulova I., Mereminskaya A. Evropejskaya uniya protiv Rossii. – 2014. 23 aprelya [elektronnyj resurs] // Gazeta.Ru. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/04/22/6002829.shtml> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

24. Interview – Donald Tusk, the Chairman-elect of the European Council [electronic resource] // Wikimedia Foundation URL: https://foundation.wikimedia.org/wiki/Terms_of_Use/ru (date of reference: 16.12.2019) [Interv'yū – Donal'd Tusk, izbrannyj predsedatel' Evropejskogo soveta [elektronnyj resurs] // Wikimedia Foundation URL: https://foundation.wikimedia.org/wiki/Terms_of_Use/ru (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

foundation.wikimedia.org/wiki/Terms_of_Use/ru (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

25. Trump warned Europe against paying Russia “pipe dollars” [electronic resource] // Spetsvod-servis. URL: <https://as-p.ru/news-company/tramp-predostereg-evropu-ot-vyplaty-rossii-truboprovodnyh-dollarov/> (date of reference: 16.12.2019) [Tramp predostereg Evropu ot vyplaty Rossii «truboprovodnyh dollarov» [elektronnyj resurs] // Specvodservis. URL: <https://as-p.ru/news-company/tramp-predostereg-evropu-ot-vyplaty-rossii-truboprovodnyh-dollarov/> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

26. Romashenko S. USA called on the EU to reduce its dependence on Russia in the energy sector [electronic resource] // dw.de: DeutscheWelle. – 2014. October 22. URL: <http://www.dw.de/us-called-for-to-reduce-dependence-from-russia-in-the-energy-sector/a-18080501> (date of reference: 16.12.2019) [Romashenko S. SSHA prizvali ES snizit' zavisimost' ot Rossii v sfere energonositelej [elektronnyj resurs] // dw.de: DeutscheWelle. – 2014. 22 oktyabrya. URL: <http://www.dw.de/ssha-prizvali-es-snizit'-zavisimost'-ot-rossii-v-sfere-energonositelej/a-18080501> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

27. Energy security in Europe: the confrontation between the United States and Russia [electronic resource] // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-bezopasnost-evropy-protivoborstvo-ssha-i-rossii> (date of reference: 16.12.2019) [Energeticheskaya bezopasnost' Evropy: protivoborstvo SSHA i Rossii [elektronnyj resurs] // Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-bezopasnost-evropy-protivoborstvo-ssha-i-rossii> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

28. Annual report of the Minister of Foreign Affairs on the results achieved and upcoming work in the field of foreign policy of the country and on European Union issues. Riga [electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. URL: https://www.mfa.gov.lv/images/ministrija/Arpolitikas_zinojums_2017_rus.pdf (date of reference: 16.12.2019) [Ezhagodnyj doklad ministra inostrannyh del o dostignutyh rezul'tatah i predstoyashchej rabote v sfere vneshnej politiki strany i po voprosam Evropejskogo Soyuza. Riga [elektronnyj resurs] // Ministerstvo inostrannyh del Latvijas Republikas. URL: https://www.mfa.gov.lv/images/ministrija/Arpolitikas_zinojums_2017_rus.pdf (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

29. Simonia N.A., Torkunov A.V. Energy security

of the EU and Russia // Bulletin of MGIMO University. 2015. No. 4 (43). Pp. 18-26. [Simoniya N.A., Torkunov A.V. Energobezопасnost' ES i Rossiya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2015. № 4 (43). S. 18-26.] – (In Rus.).

30. Nord Stream [electronic resource] // PJSC Gazprom. URL: <http://www.gazprom.ru/project/s/nord-stream/> (date of reference: 16.12.2019) [Severnyy potok [elektronnyj resurs] // PAO «Gazprom». URL: <http://www.gazprom.ru/projects/nord-stream/> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

31. Vinogradov Yu. Baltic premiers together with the Polish called the political project “Nord Stream-2” [electronic resource] // “Parliamentary newspaper”. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/pribaltiyskie-premery-vmeste-s-polskim-nazvali-politicheskim-proekt-severnyy-potok-2.html> (date of reference: 16.12.2019) [Vinogradov YU. Pribaltiyskie prem'ery vmeste s pol'skim nazvali politicheskim proekt «Severnyy potok-2» [elektronnyj resurs] // «Parlamentskaya gazeta». URL: <https://www.pnp.ru/in-world/pribaltiyskie-premery-vmeste-s-polskim-nazvali-politicheskim-proekt-severnyy-potok-2.html> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

32. TConstruction of the first line of Nord stream-2 will be completed in November // RuBaltic.Ru. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.rubaltic.ru%2Fnews%2F29012019-stroitelstvo-pervoy-nitki-severnogo-potoka-2-zavershat-v-noyabre%2F> (date of reference: 16.12.2019) [Stroitel'stvo pervoy nitki «Severnogo potoka — 2» zavershat v noyabre // RuBaltic.Ru. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.rubaltic.ru%2Fnews%2F29012019-stroitelstvo-pervoy-nitki-severnogo-potoka-2-zavershat-v-noyabre%2F> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

33. Gribachev V. Barack Obama presses the gas [electronic resource] // “RIA Novosti” – News Agency. – 2014. May 13. URL: <https://ria.ru/20140513/1007611499.html> (date of reference: 16.12.2019) [Gribachev V. Barak Obama zhmet na gaz [elektronnyj resurs] // «RIA Novosti» – informacionnoe agentstvo. – 2014. 13 maya. URL: <https://ria.ru/20140513/1007611499.html> data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

34. Gazprom will deliver a record volume of gas to Europe at the price of \$248 per 1 thousand cubic meters [electronic resource] // Rambler. URL: <https://finance.rambler.ru/business/41124867-gazprom-postavit-v-evropu-rekordnyy-obem-gaza/> (date of reference: 16.12.2019) [«Gazprom» postavit v Evropu rekordnyj ob'em gaza po cene \$248 za 1 tys.

kubometrov [elektronnyj resurs] // Rambler. URL: [https://finance.rambler.ru/business/41124867-gazprom-postavit-v-evropu-rekordnyy-obem-gaza/\(data-obrashcheniya-16.12.2019\)](https://finance.rambler.ru/business/41124867-gazprom-postavit-v-evropu-rekordnyy-obem-gaza/(data-obrashcheniya-16.12.2019))] – (In Rus.).

35. Haitun A.D. Russia-EU: energy security // Fuel and energy complex of Russia: topical issues and development strategy. 2014. P. 105-111. [Hajtun A.D. Rossiya-Evrosoyuz: energeticheskaya bezопасnost' // Toplivno-energeticheskij kompleks Rossii: aktual'nye problemy i strategiya razvitiya. 2014. S. 105-111.] – (In Rus.).

36. Faltsman V.K. Import substitution in the fuel and energy sector [electronic resource] // Economic Portal – Institutiones.Com URL: <http://institutiones.com/general/2534-importozamezhenie-tek-opk.html> (date of reference: 16.12.2019) [Fal'sman V.K. Importozameshchenie v TEK i OPK [elektronnyj resurs] // Ekonomicheskij portal – Institutiones.Com URL: <http://institutiones.com/general/2534-importozamezhenie-tek-opk.html> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

37. Bradbrook A.J., Wahnschafft R.D. The contribution of international law to achieving global sustainable energy production and consumption // Energy Law and Sustainable Development. IUCN, Gland, Switzerland and Cambridge, 2003.

38. Voropay N.I., Senderov S.M. Energy security: essence, main problems, methods and results of research // Institute of national forecasting. M.: INP RAS, 2011. [Voropaj N.I., Senderov S.M. Energeticheskaya bezопасnost': sushchnost', osnovnye problemy, metody i rezul'taty issledovaniy // Institut narodnogo prognozirovaniya. M.: INP RAN, 2011.] – (In Rus.).

39. RPI evaluated the Russian market of drilling rigs [electronic resource] // Neftyanika Internet project / URL: <http://neftianika.ru/rpi-ocenila-rossijskij-rynok-burovyx-ustanovok/> (date of reference: 16.12.2019) [RPI ocenila rossijskij rynek burovyh ustanovok [elektronnyj resurs] // Internet-proekt «Neftyanika» / URL: <http://neftianika.ru/rpi-ocenila-rossijskij-rynok-burovyx-ustanovok/> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

40. Drilling crisis, or factories for the production of drilling rigs in need of state support. – 2014. September 18 [electronic resource] // neftegaz.ru. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/130080> (date of reference: 16.12.2019) [Burovoj krizis, ili zavody po proizvodstvu burovyh ustanovok nuzhdayutsya v gospodderzhke. – 2014. 18 sentyabrya [elektronnyj resurs] // neftegaz.ru. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/130080> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

41. Gorshkov E.A. Improving the manufacturing technology of sliding bearings based on the integrated application of differentiated hydrojet hardening and composite materials: dissertation for the degree of candidate of technical Sciences. Saratov, 2008. [Gorshkov E.A. Sovershenstvovanie tekhnologii izgotovleniya podshipnikov skol'zheniya na osnove kompleksnogo primeneniya differencirovannogo gidrodobestrujnogo uprochneniya i kompozicionnyh materialov: disertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata tekhnicheskikh nauk. Saratov, 2008.] – (In Rus.).

42. Gorshkov E.A., Utenkov G.N. Political and technological aspects of ensuring energy security of Russia in the conditions of financial and economic crisis // Management Issues. 2015. No. 4 (35). S. 65-71. [Gorshkov E.A., Utenkov G.N. Politicheskie i tekhnologicheskie aspekty obespecheniya energeticheskoy bezopasnosti Rossii v usloviyah finansovo-ekonomicheskogo krizisa // Voprosy upravleniya. 2015. № 4 (35). S. 65-71.] – (In Rus.).

43. I. Alkov. In the Russian oilfield services market, the trend of consolidation is strengthening. // OIL & GAS JOURNAL RUSSIA. 2014. No. 6 (83). S. 52-58. [Al'kov I. Na rossijskom nefteservisnom rynke ukreplyaetsya tendentsiya konsolidatsii. // OIL&GAS JOURNAL RUSSIA. 2014. № 6 (83). S. 52-58.] – (In Rus.).

44. RPI: Dynamics of the drilling market in 2017 inspires optimism [electronic resource] // Rogtec magazine.com. URL: https://rogtecmagazine.com/wp-content/uploads/2018/04/01_RPI-2017-Drilling-Market-Brings-Optimism.pdf (date of reference: 16.12.2019) [RPI: Dinamika rynka bureniya v 2017 godu vnushaet optimizm [elektronnyj resurs] // Rogtecmagazine.com. URL: https://rogtecmagazine.com/wp-content/uploads/2018/04/01_RPI-2017-Drilling-Market-Brings-Optimism.pdf (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

45. Environmental risks in the production and transportation of hydrocarbons [electronic resource] // Bellona.ru. URL: https://bellona.no/content/uploads/sites/4/fil_Bellona-Glava3.pdf (date of reference: 16.12.2019) [Ekologicheskie riski pri dobyche i transportirovke uglevodorodnogo syr'ya [elektronnyj resurs] // Bellona.ru. URL: https://bellona.no/content/uploads/sites/4/fil_Bellona-Glava3.pdf (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

46. Belarusian detective: why it is not profitable for us to get off the "oil needle" [electronic resource] // Novye Izvestia, 2018. URL: [https://newizv.ru/article/general/09-01-2019/beloruskiy-detektiv-pochemu-nam-ne-vygodno-slezat-s-neftyanoy-](https://newizv.ru/article/general/09-01-2019/beloruskiy-detektiv-pochemu-nam-ne-vygodno-slezat-s-neftyanoy-igly)

[igly](https://newizv.ru/article/general/09-01-2019/beloruskiy-detektiv-pochemu-nam-ne-vygodno-slezat-s-neftyanoy-igly) (date of reference: 16.12.2019) [Belorusskij detektiv: pochemu nam nevygodno slezat's «neftyanoy igly» [elektronnyj resurs] // «Novye Izvestiya», 2018. URL: <https://newizv.ru/article/general/09-01-2019/beloruskiy-detektiv-pochemu-nam-ne-vygodno-slezat-s-neftyanoy-igly> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

47. Rosneft intends to revive the oil refining industry in Chechnya [electronic resource] // Caucasian Knot. URL: <https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/163156/> (date of reference: 16.12.2019) [«Rosneft» namerena vozrodit' neftepererabatyvayushchuyu otrasl' v CHEchne [elektronnyj resurs] // «Kavkazskij Uzel». URL: <https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/163156/> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

48. The government is betting on oil refining in Russia // FBA "Economy Today". URL: <https://rueconomics.ru/382060-pravitelstvo-delaet-stavku-na-pererabotku-nefti-v-rossii> (date of reference: 16.12.2019) [Pravitel'stvo delaet stavku na pererabotku nefti v Rossii // FBA «Ekonomika segodnya». URL: <https://rueconomics.ru/382060-pravitelstvo-delaet-stavku-na-pererabotku-nefti-v-rossii> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

49. The Board of Directors of GPN approved the company's development strategy until 2030 [electronic resource] // PJSC Gazprom Neft. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/2060088/> (date of reference: 16.12.2019) [Sovet direktorov «gazprom nefti» utverdil strategiyu razvitiya kompanii do 2030 goda [elektronnyj resurs] // PAO «Gazprom nef't». URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/2060088/> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

50. Energy security of the EU: in search of a balance between politics and Economy [electronic resource] // Russian Council for International Affairs. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/energeticheskaya-bezopasnost-es-v-poiske-balansa-mezhdu-politikoy-i-ekonomikoy/> (address of 16.12.2019) [Energeticheskaya bezopasnost' ES: v poiske balansa mezhdu politikoy i ekonomikoy [elektronnyj resurs] // «Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam». URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/energeticheskaya-bezopasnost-es-v-poiske-balansa-mezhdu-politikoy-i-ekonomikoy/> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

51. The head of Chuvashia in the Yamalo-Nenets Autonomous district visits the Bovanenkovskoye field [electronic resource] // Autonomous Okrug Editorial Office of the Poretsky district newspaper

Poretskie Vesti of the Ministry of Information Policy of the Czech Republic. URL: <http://gazeta-vesti.cap.ru/Info.aspx?type=news&id=4052377> (date of reference: 16.12.2019) [Glava CHuvashii v YAmalo-Neneckom avtonomnom okruge poseshchaet Bovenkovskoe mestorozhdenie [elektronnyj resurs] // AU «Redakciya poreckoj rajonnoj gazety «poreckie vesti» Mininformpolitiki CHR. URL: <http://gazeta-vesti.cap.ru/Info.aspx?type=news&id=4052377> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

52. World energy markets – problems and prospects [electronic resource] // Internet project “Corporate Management”, 1998–2019. URL: <https://www.cfin.ru/press/practical/2004-02/03.shtml> (date of reference: 16.12.2019) [Mirovye rynki energoresursov – problemy i perspektivy [elektronnyj resurs] // Internet-proekt «Korporativnyj menedzh-

ment», 1998–2019. URL: <https://www.cfin.ru/press/practical/2004-02/03.shtml> (data obrashcheniya 16.12.2019)] – (In Rus.).

53. Glazyev S.Yu. New course: strategy of a breakthrough // Economic strategies. 2014. No 1 (117). Pp. 7-8. [Glaz'ev S.YU. Novyj kurs: strategiya proryva // Ekonomicheskie strategii. 2014. № 1 (117). S. 7-8.] – (In Rus.).

54. Makarov A., Galkina A., Grushevenko E., Grushevenko D., Kulagin V., Mitrova T., Sorokin S. Prospects of world energy up to 2040 // World Economy and International Relations. 2014. No 1. S. 3-20. [Makarov A., Galkina A., Grushevenko E., Grushevenko D., Kulagin V., Mitrova T., Sorokin S. Perspektivy mirovoj energetiki do 2040 goda // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 1. S. 3-20.] – (In Rus.).

ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И МУНИЦИПАЛЬНЫМИ СЛУЖАЩИМИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

УДК: [331:35.08]-053.88

ББК: 65.247+67.401.02

DOI: 10.22394/2304-3369-2020-1-212-220

ГРНТИ: 82.13.27

Код ВАК: 22.00.08

В.И. Шарин

Уральский государственный экономический университет,

Екатеринбург, Россия

AuthorID: 912139

АННОТАЦИЯ:

Цель данного исследования – на основе анализа возможных проблем прохождения службы государственными и муниципальными служащими в пожилом возрасте обосновать необходимость формирования особых условий прохождения службы с учетом индивидуальных особенностей работоспособности, а также предложить комплекс мер, направленных на повышение эффективности их труда.

Методы. Исследование проведено на основе комплекса общенаучных методов, таких как системный анализ, обобщение и систематизация теоретических и практических данных, содержащихся в научных трудах различных авторов, а также сравнения, системно-функционального и комплексного подходов. Использован анализ официальной статистики и нормативных правовых актов Российской Федерации.

Результаты. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что в нем дана исследовательская оценка проблем прохождения государственной гражданской службы и муниципальной службы чиновниками пожилого возраста. Исследование показывает общую закономерность снижения работоспособности пожилых чиновников при индивидуальных особенностях динамики этого процесса, что требует дополнительного государственного регулирования прохождения службы данной категорией. Предложен комплекс мер, направленных на повышение эффективности деятельности чиновников пожилого возраста.

Научная новизна. На основе авторского анализа выявленных проблем прохождения службы чиновниками пожилого возраста обоснована необходимость формирования особой среды прохождения государственной и муниципальной службы, применения индивидуального подхода к представителям данной категории, а также предложен комплекс мер, направленных на повышение эффективности использования трудовых ресурсов чиновников пожилого возраста, среди которых: нормативно-правовое регулирование статуса пожилых служащих; применение «ресурсосберегающих» технологий занятости, связанных со снижением интенсивности труда на основе индивидуальных особенностей; непрерывное профессиональное обучение и другие.

Статья может быть полезна руководителям и специалистам органов государственной власти, муниципальных образований, специалистам по управлению персоналом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственные гражданские служащие, муниципальные служащие пожилого возраста, интенсивность труда, остаточная работоспособность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Валерий Иванович Шарин, доктор экономических наук, Уральский государственный экономический университет,
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, Sharin_vi@usue.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шарин В.И. Возможные проблемы прохождения службы государственными и муниципальными служащими в пожилом возрасте // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 212–220.

Введение

В 2016 году началась пенсионная реформа в государственной гражданской и муниципальной службах. Были приняты изменения в федеральные законы «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан» (Федеральный закон от 23.05.2016 № 143-ФЗ), «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ) и в «О страховых пенсиях» (Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ), которыми был установлен новый возраст, по достижению которого назначается страховая пенсия по старости на гражданской службе, а также изменился стаж государственной и муниципальной службы для назначения пенсии за выслугу лет.

Данными нормативно-правовыми актами установлено поэтапное повышение пенсионного возраста гражданских служащих: для мужчин – до 65 лет, женщин – до 63 лет, посредством его ежегодного увеличения на полгода, начиная с 2017 года. Кроме того, увеличивается с 15 до 20 лет минимальный стаж гражданской службы, дающий право на установление пенсии за выслугу лет и определение ее размера, также путем ежегодного увеличения на полгода, начиная с 2017 года. Планируется, что действие данного закона уже в первый год его применения снизит бюджетные расходы, более чем на 600 миллиардов рублей, за счет которых будет происходить общее увеличение пенсионных пособий [1].

Таким образом, через несколько лет государственные служащие пожилого возраста станут не исключительным явлением, как сейчас, а вполне массовым, между тем, на государственной и муниципальной службе отсутствуют какие-либо механизмы работы с дан-

ной категорией чиновников, что требует принятия адекватных мер. Увеличение количества чиновников пожилого возраста на фоне отсутствия адекватных механизмов работы с данной категорией в системе управления персоналом представляет проблему в сфере эффективности деятельности органов власти.

Актуальность темы предопределила главную исследовательскую задачу работы – на основе анализа особенностей работников пожилого возраста, в том числе проходящих государственную и муниципальную службу, обосновать необходимость формирования особой среды прохождения службы, применения индивидуального подхода, а также предложить комплекс мер, направленных на повышение эффективности их труда. Для реализации главной задачи необходимо решение задач второго уровня: исследование психолого-физических особенностей лиц пожилого возраста, формирования среды прохождения государственной службы пожилыми чиновниками.

***Психолого-физические особенности лиц
пожилого возраста***

К лицам пожилого возраста, согласно классификации Европейского регионального бюро ВОЗ (WHO), относятся мужчины 60–74 лет и женщины 55–74 лет. С учетом повышения пенсионного возраста до 63 лет для женщин и 65 – для мужчин, чиновники данного возраста должны относиться к категории «пожилые».

Исследователями отмечается, что пожилым людям в возрасте 60–65 лет порой уже сложно выполнять трудовую деятельность, осваивать новые технологии, они имеют проблемы со здоровьем. Авторами отмечается, что до 75 % людей старше 60 лет имеют проблемы с памятью [2], артериальной гипертензией страдает более половины лиц старше 60 лет [3], пожилому возрасту присущи замедление работы большинства функциональных систем, как

правило, наличие нескольких хронических заболеваний, а также внешние проявления старения [4; 5].

Пожилой возраст отражает определенный этап старения человеческого организма. Крутько В.Н. дает следующее определение старения: «Старение — это снижение с возрастом упорядоченности структур организма и увеличение степени их износа, выражающееся в уменьшении жизнеспособности организма — в снижении функциональных возможностей и способностей к адаптации, а также в повышении вероятности заболеваний и смерти от различных причин» [6, с. 57].

Результаты исследований показывают, что у пожилых сотрудников повышается уровень конфликтности. По мнению Маликова А.Н., Смирновой Т.В., в пожилом возрасте характер людей несколько меняется, при этом перестают нивелироваться многие отрицательные черты характера, так как пожилой человек уже не хочет скрывать их от коллектива [7].

По мнению ряда авторов, жизненный и профессиональный опыт пожилых сотрудников не всегда воспринимается как полезный, так как был получен в иных социальных условиях, а оставшиеся на гражданской службе лица пожилого возраста уже не работают в полную силу, однако и не выходят на пенсию, чем снижают эффективность работы органа власти [8]. Шванова И.С. выявила границу в возрасте 60–65 лет, после которой чиновники старших возрастов начинают восприниматься не как ценный ресурс организации, а как препятствие, тормозящее ее развитие, как «балласт». При этом отношение к ним начинает меняться уже по достижении возраста 56–60 лет [9].

Согласно проведенным в 10 регионах Центром изучения пенсионных реформ исследованиям, в настоящее время работают 35 % опрошенных пенсионеров.

По данным Государственного комитета статистики уровень занятости населения в возрасте старше трудоспособного (мужчины 60–72 года, женщины 55–72 года) в 2016 году составил 29,8 %. Причем, среднее число лет продолжительности трудовой деятельности (трудового стажа) после назначения пенсии со-

ставляло¹ 6,5 лет. Можно сделать вывод, что существующий в Российской Федерации возраст выхода на пенсию, в основном, соответствует состоянию трудовых ресурсов в пожилом возрасте, а количественный состав сохранивших трудоспособность в пожилом возрасте граждан свидетельствует о том, что по факту только треть пожилых сохраняет соответствующую требованиям работодателей трудоспособность, еще столько же могли работать при «щадящих» формах занятости.

До момента увеличения пенсионного возраста лишь немногие пожилые чиновники продолжали службу после достижения пенсионного возраста и получения права выхода в отставку. Так, численность работников, замещающих государственные должности и должности гражданской службы пенсионного возраста (на 1 октября 2016 года) по данным Государственного комитета статистики¹, составила 7,3 % (в том числе мужчин – 1,2 %, женщин – 6,1 %) от общей численности работников, замещающих государственные должности и должности гражданской службы. Данные показатели отражают объективный уровень мотивации работников к продолжению службы и уровень физической способности к ее несению.

Таким образом, после повышения пенсионного возраста подавляющее количество пожилых чиновников будут вынуждены продолжать службу без учета уровня остаточной работоспособности, биологического возраста, а также отсутствия мотивации к продолжению службы.

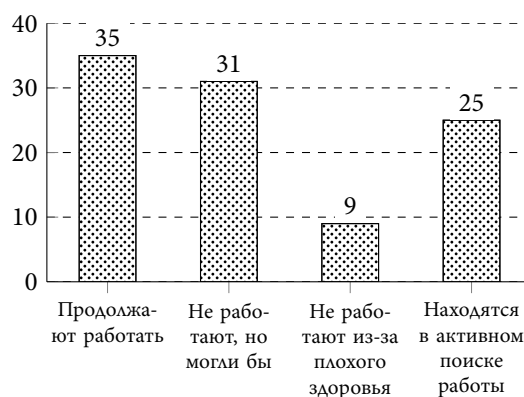

Рисунок 1 – Отношение пенсионеров к занятости (составлено автором по [10])

¹Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-trud4-1.htm

***Проблемы формирования среды
прохождения государственной службы
пожилыми чиновниками***

Зарубежная практика использования труда пожилых работников имеет многолетнюю историю [11]. Общие подходы содержит международное законодательство, которое выделяет пожилых работников в отдельную категорию занятого населения, нуждающуюся в особых условиях труда. Рекомендации работодателям сформулированы в пункте 13 Рекомендации Международной организацией труда № 162 «О пожилых трудящихся» (утв. 23.06.1980). Они направлены на необходимость изменения форм организации труда с целью избежания чрезмерных нагрузок пожилых работников, организацию рабочего места в соответствии с возможностями работника, чтобы сохранить его здоровье и работоспособность, обеспечение безопасности труда пожилых работников [12]. В некоторых странах, например в Финляндии, принята государственная программа, направленная на повышение благополучия пожилых трудящихся, сохранение их трудоспособности, в США — закон ADEA, который способствует трудоустройству с учетом возможностей, а не возраста [13, с. 263].

Работники пожилого возраста не утрачивают наработанную квалификацию и компетенции, однако они, как правило, нуждаются в сокращении объема работ, в изменении производственного ритма. Не случайно при трудоустройстве пенсионеры отдают предпочтение тем видам трудовой деятельности, которые не требуют единого ритма и темпа работ, а наоборот, допускают индивидуальное моделирование режима труда и отдыха и выполнения рабочего задания по количеству и качеству соответственно собственным возможностям. Поэтому условия труда, в частности режим рабочего времени и время отдыха, должны соответствовать трудоспособности конкретного пожилого человека [14]. По мнению некоторых исследователей, например, Потемкина В.К., забота о работниках старшего поколения должна включать гибкий рабочий график, неполный рабочий день, дополнительные отпуска, возможность работать на дому, совмещать работу [15].

Исследователями отмечается неравномерность старения людей, что обусловлено множеством причин субъективного характера. Существуют причины и объективного характера, связанные с уровнем социально-экономического развития места проживания, что формирует качество жизни. В значительной мере неравномерность старения людей отражает уровень средней продолжительности жизни. Для Российской Федерации характерны высокие диспропорции данных показателей в зависимости от региона. Так ожидаемая продолжительность жизни российских мужчин, по данным Государственного комитета статистики² составила в 2017 году в Москве 74,3 года, а в Амурской, Иркутской, Кемеровской областях 63 года, в Республике Тыва – 61 год. Поэтому аргументация в защиту повышения пенсионного возраста в части роста продолжительности жизни населения к моменту выхода на пенсию будет приемлема лишь для определенных регионов страны с высоким качеством жизни. Для жителей регионов со слабым социально-экономическим развитием, в частности мужчин, дожитие до выхода на пенсию может и не состояться.

Мелехин А. И. цитирует Дж. Хекхаузена и Р. Шульца, которые отмечали, что сохранение жизненной активности и работоспособности зависит от того, как человек следит за здоровьем и своевременно компенсирует дискомфортные последствия старения [16, с. 186]. Поэтому, в части трудоспособности категория пожилые государственные служащие (от 55 до 65 лет) будет сильно неоднородна, что потребует индивидуальный подход кадровых служб к пожилым чиновникам, исходя из их состояния работоспособности.

В связи с естественным процессом старения пожилых гражданских служащих необходима регулярная диагностика «остаточной работоспособности» для выявления проблем со здоровьем, определения биологического возраста организма в целом и отдельных его систем, что даст возможность выявить тип старения и выбрать индивидуальную схему профилактики с учетом хронических заболеваний, финансовых возможностей и других особенностей клиента [17]. Эти меры позволят сдер-

²Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-trud4-1.htm

живать старение, сохранить высокий уровень физической и психической активности в целях обеспечения эффективной деятельности пожилых чиновников и самого органа власти.

В зоне особого внимания должны находиться государственные и муниципальные служащие, работающие и проживающие в регионах с низесредними показателями продолжительности жизни: Сибирский, Уральский, Дальневосточный федеральные округа.

Учитывая возможное существенное снижение работоспособности государственных и муниципальных служащих пожилого возраста по состоянию здоровья, необходимо законодательно установить возможность досрочного выхода на пенсию с назначением пенсии за выслугу лет при условии достижения минимальной выслуги лет (20 лет).

Наиболее важным мотивом государственных и муниципальных служащих, согласно проведенным опросам, является карьерный рост и связанная с ним материальная стимуляция чиновников. Однако карьерный рост как мотив перестает действовать в пожилом возрасте, так как служащий уже не рассчитывает на карьеру, в связи с чем возникают серьезные проблемы в подборе мотиваций. Как правило, положительный результат могут дать мотивации нематериального характера, направленные на обеспечение эффективной деятельности данной категории служащих [18].

Таким образом, пожилые государственные гражданские и муниципальные служащие требуют особого внимания государства, принятия адекватных механизмов работы с данной категорией, содержащих индивидуальный подход, так как возрастные особенности, связанные со снижением работоспособности могут существенно повлиять на эффективность их функционирования, а также деятельность органов власти. Данное направление должно носить комплексный подход и реализовываться посредством мероприятий нормативного, организационного, методологического, исследовательского характера.

Заключение

В результате исследования нами сделан вывод о вероятных проблемах прохождения службы государственными и муниципальными служащими в пожилом возрасте, связан-

ных с объективными и закономерными процессами снижения работоспособности в пожилом возрасте, что может оказать влияние на работу органов власти, а также необходимости мер государственного регулирования, направленных на предупреждение снижения эффективности деятельности органов власти.

Нами предлагается комплекс мер, реализация которого будет способствовать эффективному применению трудового потенциала, человеческого капитала гражданских государственных и муниципальных служащих пожилого возраста, а также достижению баланса интересов государства как работодателя и работающих лиц старшего поколения. Это:

- формирование на государственном уровне нормативно-правовой базы прохождения гражданской службы чиновниками пожилого возраста;
- обеспечение нормативного, организационного и методологического регулирования деятельности кадровых служб по работе с пожилыми служащими;
- переориентирование кадровых служб государственных и муниципальных органов власти с кадрового делопроизводства на применение технологий управления персоналом, обеспечивающих индивидуальный подход к прохождению службы в старшем возрасте и планированию профессионального развития;
- внедрение специальных технологий занятости, связанных со снижением продолжительности и интенсивности нагрузок (включая неполный рабочий день, рабочую неделю, гибкий график работы, увеличенную продолжительность отпуска и другие);
- обеспечение медицинского обслуживания, направленного на сохранение работоспособности пожилых служащих;
- непрерывное профессиональное обучение, позволяющее продлить трудовую активность пожилых чиновников. Обеспечение их участия в образовательных программах, программах повышения квалификации, которые позволили бы продлить трудовую активность, усилить мотивацию к труду [19, 20];
- подбор мотиваций к труду, обеспечивающий индивидуальный подход с учетом остаточной работоспособности и характера труда;

– обеспечение проведения кадровой политики в отношении служащих пожилого возраста методологической основой с учетом научных исследований в области геронтологии, медицины, психологии, экономики труда и управления персоналом.

Итак, увеличение количества людей старшего возраста на государственной гражданской и муниципальной службе обусловит, по нашему мнению, появление проблем прохождения службы, связанных со снижением ра-

ботоспособности чиновников, что отразится на эффективности деятельности органов власти. Данный факт потребует новых подходов в части характера и условий труда, мотиваций, профессиональной подготовки и иных аспектов, с учетом индивидуальных особенностей, а также потребует научных исследований, сопровождающих процесс трудовой занятости пожилых государственных и муниципальных служащих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева А.Я., Дубовик В.С. Литвиненко Г.Н. Проблема повышения пенсионного возраста в России. Ближайшее будущее // Современные научные исследования и разработки: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции [электронный ресурс]. Прага. 2017. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28982136>.
2. Захаров В. Нарушение памяти и внимания в пожилом возрасте // Вестник эстетической медицины. 2009. Т. 8. № 1. С. 37–44.
3. Горшунова Н.К., Терёшина Е.В., Украинцева Д.Н. Артериальная гипертензия в пожилом возрасте: некоторые особенности патогенеза // Успехи геронтологии. 2010. Т. 23. № 4. С. 45–61.
4. Buckley N.J., Denton, F.T., Robb, A.L. Healthy aging at older ages: Are income and education important? // Canadian journal on aging – Revue canadienne du vieillissement. 2004. Vol. 23. P. 155–169.
5. Siegrist, J.; Wahrendorf, M. Participation in socially productive activities and quality of life in early old age: findings from SHARE // Journal of European Social Policy. 2009. Vol. 19. No. 4. P. 317–326.
6. Славин М.Б., Крутько В.Н. Предмет, история и метод математической геронтологии // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2005. Т. 13. С. 57–68.
7. Маликов А.Н., Смирнова Т.В. Профессиональные ресурсы в возрастной динамике // Поволжский торгово-экономический журнал. 2011. № 1. С. 123–139.
8. Шаховой В.А. Формирование кадрового потенциала государственной службы // Управление мегаполисом. 2010. № 1. С. 34–45.
9. Шванова И., Шебураков И. Управление карьерным развитием государственных служащих старшей возрастной группы // Интерактивная наука. 2016. № 5. С. 78–96.
10. Кулькова И.А. Занятость и проблемы трудоустройства лиц старшего возраста // Human Progress. 2017. Том 3. № 1 [электронный ресурс]. URL: http://progresshuman.com/images/2017/to m3_1/Koulkova.pdf.
11. Breeze, E.; Fletcher, A.E.; Leon, D.A. Do socioeconomic disadvantages persist into old age? Self-reported morbidity in a 29-year follow-up of the Whitehall Study // American Journal of Public Health. 2001. Vol. 91. No. 2. P. 277–283.
12. Бурлака Н.П. Проблемы организации занятости лиц пенсионного возраста // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-2. С. 45–57.
13. Роик В.Д. Превратить старость в радость. Основы жизнедеятельности населения в пожилом возрасте. М.: МИК, 2008.
14. Щанина Е.В. Пожилой человек в современном обществе // Университетское образование: Сб. ст. IX Междунар. науч.-метод. конф. Пенза. 2005.
15. Потемкин В.К. Управление персоналом: Учебник для вузов. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ. 2009.
16. Мелехин А. И., Сергиенко Е. А. Предикторы субъективного возраста в пожилом и старческом возрасте // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 185–201. DOI: 10.17759/exppsy.2015080316.
17. Крутько В.И. Системный анализ и информатика здоровья и долголетия // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2005. Т. 13. С. 9–24.
18. Шарин В.И. Проблемы формирования мотивации в системе государственной граждан-

ской службы Российской Федерации // Известия УрГЭУ. 2014. № 3 (53). С. 121–134.

19. Синявская О.В. Как повышать пенсионный возраст в России? // Отеч. зап. 2005. № 3. С. 197–212.

20. Никонова Э.И. Занятость населения стар-

ших возрастных групп в современном российском обществе: проблемы и перспективы // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151, кн. 5, ч. 2. Гуманитарные науки. 2009.

POTENTIAL PROBLEMS OF SERVICE CAREER FOR PUBLIC AND MUNICIPAL EXECUTIVES LATE IN LIFE

V.I. Sharin

Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

The purpose of this study is to analyze potential problems of service career for public and municipal executives late in life to justify the need to create specific environment for service, taking into account individual characteristics of performance, as well as to propose a set of measures aimed at improving the efficiency of their work.

Methods. The research is based on a set of general scientific methods, such as system analysis, generalization and systematization of theoretical and practical data contained in the research papers of various authors, as well as comparison, system-functional and complex approaches. The analysis of official statistics and laws and regulations of the Russian Federation was used.

Results. The theoretical and practical significance of the research is that it provides a research assessment of the problems of service career for public and municipal executives late in life. The study shows a general pattern of decline in the performance of elderly officials with individual characteristics of the dynamics of this process, which requires additional public regulation of service in this category. A set of measures aimed at improving the efficiency of elderly officials is proposed.

Scientific novelty. Based on the author's analysis of the identified problems of service by elderly officials, the author substantiates the need to create a special environment for public and municipal service, apply an individual approach to representatives of this category, and also suggests a set of measures aimed at improving the efficiency of the use of labor resources of elderly officials, including: legal regulation of the status of elderly employees; application of "resource-saving" employment technologies related to reducing the intensity of work based on individual characteristics; continuous professional training and others.

This article may be useful for managers and specialists of state authorities, municipalities, and personnel management specialists.

KEYWORDS: public executives, elderly municipal employees, labor intensity, residual working capacity.

AUTHORS' INFORMATION:

Valery I. Sharin, Dr. Sci. (Economic), Ural State University of Economy,
62, 8 Marta St., Yekaterinburg, 620144, Russia, Sharin_vi@usue.ru

FOR CITATION: Sharin V.I. Potential problems of service career for public and municipal executives late in life // Management issues. 2020. № 1 (62). P. 212–220.

REFERENCES

1. Dmitrieva A.Y., Dubovik V.S., Litvinenko G.N. Problem of raising the retirement age in Russia. The nearest future // Modern scientific research and development: sourcebook of the International (correspondence) research-to-practice conference [electronic resource]. Prague. 2017. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28982136>. [Dmitrieva A.Y., Dubovik V.S., Litvinenko G.N. Problema povysheniya pensionnogo vozrasta v Rossii. Blizhajshee budushchee // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. Materialy Mezhdunarodnoj (zaочноj) nauchno-prakticheskoj konferencii [elektronnyj resurs]. Prague. 2017. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28982136>]. – (In Rus.).
2. Zakharov V. Disturbance of memory and attention in old age // Bulletin of aesthetic medicine. 2009. Vol. 8. No. 1. P. 37–44. [Zaharov V. Narushenie pamyati i vnimaniya v pozhilom vozraste // Vestnik esteticheskoy mediciny. 2009. T. 8. № 1. S. 37–44]. – (In Rus.).
3. Gorshunova N.K., Teryoshina E.V., Ukrainceva D.N. Arterial hypertension in old age: some features of pathogenesis // Advances in gerontology. 2010. Vol. 23. No. 4. P. 45–61. [Gorshunova N.K., Teryoshina E.V., Ukrainceva D.N. Arterial'naya gipertenziya v pozhilom vozraste: nekotorye osobennosti patogeneza // Uspekhi gerontologii. 2010. T. 23. № 4. S. 45–61]. – (In Rus.).
4. Buckley, N.J.; Denton, F.T.; Robb, A.L. Healthy aging at older ages: Are income and education important? // Canadian journal on aging – Revue canadienne du vieillissement. 2004. Vol. 23. P. 155–169.
5. Siegrist, J.; Wahrendorf, M. Participation in socially productive activities and quality of life in early old age: findings from SHARE // Journal of European Social Policy. 2009. Vol. 19. No. 4. P. 317–326.
6. Slavin V.N., Zhestko'ko V.N. Subject, history and method of mathematical gerontology // Proceedings of the Institute of system analysis of the Russian Academy of Sciences. 2005. Vol. 13. P. 57–68. [Slavin V.N., Krut'ko V.N. Predmet, istoriya i metod matematicheskoy gerontologii // Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk. 2005. T. 13. S. 57–68]. – (In Rus.).
7. Malikov A.N., Smirnova T.V. Professional resources in age dynamics // Volga trade and economic journal. 2011. No. 1. P. 123–139. [Malikov A.N., Smirnova T.V. Professional'nye resursy v vozrastnoj dinamike // Povolzhskij torgovo-ekonomicheskij zhurnal. 2011. № 1. S. 123–139]. – (In Rus.).
8. Shakhova, V.A. Development of personnel potential of public service // Management of the metropolitan city. 2010. No. 1. P. 34–45. [Shakhova V.A. Formirovanie kadrovogo potenciala gosudarstvennoj sluzhby // Upravlenie megapolisom. 2010. № 1. S. 34–45]. – (In Rus.).
9. Shvanova I., Sheburakov I. Management of career development of public executives of the senior age group // Interactive science. 2016. No. 5. P. 78–96. [Shvanova I., Sheburakov I. Upravlenie kar'ernym razvitiem gosudarstvennyh sluzhashchih starshej vozrastnoj gruppy // Interaktivnaya nauka. 2016. № 5. S. 78–96]. – (In Rus.).
10. Kulyakova I.A. Employment and problems of employment of older persons // Human Progress. 2017. Vol. 3. No. 1 [electronic resource]. URL: http://progresshuman.com/images/2017/tom3_1/Koulkova.pdf. [Kul'kova I.A. Zanyatost' i problemy trudoustrojstva lic starshego vozrasta // Human Progress. 2017. Tom 3. № 1 [elektronnyj resurs] URL: http://progresshuman.com/images/2017/tom3_1/Koulkova.pdf]. – (In Rus.).
11. Breeze, E.; Fletcher, A.E.; Leon, D.A. Do socioeconomic disadvantages persist into old age? Self-reported morbidity in a 29-year follow-up of the Whitehall Study // American Journal of Public Health. 2001. Vol. 91. No. 2. P. 277–283.
12. Burlaka N.P. Problems of employment organization of persons of retirement age // Topical issues of humanities and natural sciences. 2016. No. 5-2. P. 45–57. [Burlaka N.P. Problemy organizacii zanyatosti lic pensionnogo vozrasta // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 5-2. S. 45–57]. – (In Rus.).
13. Roik V.D. To turn old age into a joy. Fundamentals of the population's life activity late in life. – Moscow: MICK. 2008. [Roik V.D. Prevratit' starost' v radost'. Osnovy zhiznedejatel'nosti naseleniya v pozhilom vozraste. — M.: MIK. 2008]. – (In Rus.).
14. Shchanina E.V. An elderly person in modern society // University education: Sourcebook of the IX International research-to-methods conference. Penza. 2005. [Shchanina E. V. Pozhiloy chelovek v sovremennom obshchestve // Universitetskoe obrazovanie: Sb. st. IX Mezhdunar. nauch.-metod. konf. Penza. 2005]. – (In Rus.).
15. Potemkin V.K. Personnel management: Textbook for universities. SPb.: SpbGUEF Publishing house. 2009. [Potemkin V.K. Upravlenie personalom: Uchebnik dlya vuzov. SPb.: Izd-vo SpbGUEF. 2009]. – (In Rus.).
16. Melekhin A.Y., Sergienko E.A. Predictors of subjective age in the elderly and senile age // Experimental psychology. 2015. Vol. 8. No. 3. P. 185–201. DOI: 10.17759/exppsy.2015080316. [Melekhin A.I., Sergienko E.A. Prediktory sub'ektivnogo vozrasta

v pozhilom i starcheskom vozraste // Eksperimental'naya psihologiya. 2015. T. 8. № 3. S. 185–201. DOI: 10.17759/exppsy.2015080316]. – (In Rus.).

17. Krutko V.I. System analysis and informatics of health and longevity // Proceedings of the Institute of system analysis of the Russian Academy of Sciences. 2005. Vol. 13. P. 9–24. [Krut'ko V.I. Sistemnyj analiz i informatika zdorov'ya i dolgoletiya // Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk. 2005. T. 13. S. 9–24]. – (In Rus.).

18. Sharin V. I. Problems of motivation development in the system of public service of the Russian Federation // News USEU. 2014. No. 3 (53). P. 121–134. [Sharin V.I. Problemy formirovaniya motivacii v sisteme gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby Rossijskoj Federacii // Izvestiya UrGEU. 2014. № 3 (53). S. 121–134]. – (In Rus.).

19. Sinyavskaya O.V. How to raise the retirement age in Russia? // Local writings. 2005. No. 3. P. 197–212. [Sinyavskaya O.V. Kak povyshat' pensionnyj vozrast v Rossii? // Otech. zap. 2005. № 3. S. 197–212]. – (In Rus.).

20. Nikonova, E.Y. Employment of the population of older age groups in modern Russian society: problems and prospects // Scientific notes of the Kazan State University. Volume 151, book 5, part 2. Humanities. 2009. [Nikonova E.I. Zanyatost' naseleniya starshih vozrastnyh grupp v sovremennom rossijskom obshchestve: problemy i perspektivy // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Tom 151, kn. 5, ch. 2 Gumanitarnye nauki. 2009]. – (In Rus.).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов.

Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции nvestnik@ui.ranepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков).

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Электронный вариант каждой таблицы и рисунка предоставляется в отдельном файле.

Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Как правило, список литературы должен содержать не менее 10-15 источников.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы.

Оформление библиографического списка должно соответствовать требованиям библиографического описания ISBD (International Standard Bibliographic Description).

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации!

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список **как с переводом на английский язык, так и транслитерацией**. Для автоматической транслитерации рекомендуем использовать программу на сайте <http://www.translit.ru> (вариант BGN – Board of Geographic Names). Например:

Loginov M.P., Markov O.A. Maturity assessment of project management // Management Issues. 2018. № 3 (33). P. 133-141. [Markov O.A., Loginov M.P. Otsenka zrelosti proektnogo upravleniya // Voprosy upravleniya. 2018. № 3 (33). S. 133-141.] – (In Rus.)

г) сведения об авторе в следующей последовательности:

- ФИО (полностью),
- идентификационный номер ID РИНЦ и ORCID (при наличии),
- место работы (учебы),
- занимаемая должность, ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом.),
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

Адрес редакции:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: nvestnik@ui.ranepa.ru
<http://www.ui.ranepa.ru/>

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет 09.04.2020. Формат 60 × 84 1/8.

Гарнитура Minion. Усл.-печ. л. 25,34. Тираж 999.

Цена свободная.

Отпечатано в РИО Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № 246.